

Институт стратегических оценок и анализа

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ГЕОПОЛИТИКА И
ЭКОНОМИКА РЕГИОНА**

Москва - 2010

Содержание

<i>А.Свечников, С.Чаплинский. Введение</i>	3
Глава I	11
Центральная Азия в современном мире	11
1. <i>Р.Агаев. ЦАР: проблемы эволюции политических систем</i>	11
2. <i>В.Гусейнов, А.Гончаренко. Энергический потенциал региона</i>	28
3. <i>В.Гусейнов, А.Гончаренко. Водные ресурсы ЦАР</i>	61
4. <i>А.Свечников, С.Чаплинский. Транзитный потенциал региона</i>	80
Глава II	99
Фактор Центральной Азии в международной политике иностранных государств	99
1. <i>А.Целикин. Взаимоотношения государств Центральной Азии. Конфликтный потенциал региона</i>	99
2. <i>В.Гусейнов, Н.Савкин. Россия и государства ЦАР</i>	121
3. <i>В.Гусейнов, Н.Савкин. Запад и государства ЦАР</i>	137
4. <i>С.Демиденко. КНР и государства ЦАР</i>	143
5. <i>В.Гусейнов, С.Демиденко. Проблемы религиозного радикализма</i>	161
Глава III	178
Тенденции развития ЦАР	178
1. <i>А.Целикин. Динамика изменения расстановки внутренних сил</i>	178
2. <i>П.Холоден. Динамика изменения внешних устремлений в отношении региона</i>	183
3. <i>П.Холоден. Общие региональные интересы центральноазиатских государств</i>	200
4. <i>О.Поклоннов. Перспективы ЦАР в контексте общемировых тенденций</i>	217
5. <i>О.Поклоннов. Участие государств ЦАР в устранении угроз в сфере безопасности</i>	222
Приложение	238
Добавление к Приложению. Региональная стратегия поддержки Европейским Союзом на 2007-2013 годы	253

А.Свечников, С.Чаплинский. Введение

Пять независимых государств: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан - образовались в Центральной Азии после распада СССР. Их границы совпадают с границами бывших союзных республик, установленными в 20-е годы прошлого столетия. Ни одно из них никогда прежде не существовало в современной государственной форме.

За 1993-1995 гг. все пять государств создали собственные финансовые системы, ввели в обращение собственные национальные валюты, сформировали золотовалютные резервы. В тот же период они стали членами основных международных организаций, включая ООН.

К началу XXI в. население государств Центральной Азии составляло 55,3 млн. человек (менее 1% от общемирового показателя), ВВП – 32,3 млрд. (по текущим обменным курсам и паритету покупательной способности национальных валют – соответственно 0,15% и 0,4%) долларов, экспорт 16,2 млрд. долларов (0,2%). В самом крупном государстве региона, Узбекистане, проживало 25 млн. человек, в Казахстане – 15 млн., в Таджикистане, Киргизии (Кыргызстане) и Туркмении – от 4 до 6 млн. человек. Крупнейшим региональным экспортером является Казахстан, у него же самый большой ВВП. За ним следует Узбекистан, показатели Туркмении, Киргизии и Таджикистана существенно ниже.

Удельный вес центральноазиатского региона (ЦАР) в совокупных мировых показателях крайне мал. Заметно отстают его страны и от сопредельных государств. Китай превосходит ЦАР по населению в 23 раза, валовому внутреннему продукту - в 25 раз, экспорту - в 17,9 раз. Население региона составляет 86% от соответствующего показателя Ирана, 84% - Турции, 40% - Пакистана, 37% - России. В 1999 г. совокупный региональный ВВП был меньше российского в десять раз, турецкого - в пять раз, иранского - почти в три раза, пакистанского - в полтора раза.

Экономическая неразвитость стран региона вызывает к ним интерес мирового рынка прежде всего как к поставщикам природных ресурсов. В перспективе важной статьей доходов от экспорта для центральноазиатских стран может стать уран. Все они, за исключением Туркмении, обладают запасами уранового сырья и технологиями по его получению. Однако разведаны относительные крупные урановые запасы только в Казахстане и Узбекистане. Пока же важнейшее торгово-экономическое значение для региона имеют нефть и газ, наибольшими запасами которых обладают Туркмения и Казахстан.

Скромность экономических показателей является к тому же и свидетельством стремительного дрейфа региона к устойчивой слаборазвитости. Для всех пяти стран ЦАР характерны деурбанизация, приводящая к снижению

удельного веса городского населения, и реаграризация, проявляющаяся в повышении относительного вклада аграрного сектора в обеспечение занятости.¹

Нет благополучия и в социальной сфере стран ЦАР. Все пять государств претерпели резкое социальное расслоение, везде процветает коррупция, высок уровень безработицы, ухудшается здоровье населения и качество образования. По оценкам ООН, 70-80 процентов жителей Таджикистана и Киргизии оказались, за чертой бедности, постоянно приходится бороться за выживание и большей части населения Туркмении.

Вместе с тем, как бы ни были остры социально-экономические проблемы ЦАР, став современной геополитической единицей, он оказался в зоне устойчивого внимания не только ведущих мировых игроков: России, США, Евросоюза, Китая, - но и таких государств, как Турция, Иран, Афганистан, Индия, Пакистан, Япония. Во многом это связано с потенциально богатой сырьевой базой Центральной Азии, а также с выгодным стратегическим положением региона, оказавшегося в самом переплетении борьбы глобальных и региональных сил.

Для Российской Федерации ЦАР является зоной естественных геополитических интересов. От стабильности в этом регионе в немалой степени зависит ее национальная безопасность. Так, Россия не может оставить без внимания наркотрафик, идущий через Центральную Азию из Афганистана, активность враждебных сил, направленную на превращение региона в базу для подготовки террористических группировок на Северном Кавказе. Вместе с тем еще со времен СССР между государствами ЦАР и Россией установились тесные хозяйственные связи, позволяющие в новых условиях реализовывать совместные экономические проекты, в первую очередь, в области энергетики. Народы пяти центральноазиатских государств сохраняют преимущественно доброжелательное отношение к России, а наследие русскоязычной культуры, как и в советские времена, влияет на жизнь обществ и взгляды политиков этих стран.

США еще задолго до вторжения в Ирак и Афганистан объявили страны Центральной Азии зоной своих стратегических интересов, а в 1997 г. заявили о готовности направить в регион свои войска. В последнее время главные усилия США направлены на внедрение в экономику государств ЦАР либеральных идей и подходов. Но в достижении этих целей удача от американцев отвернулась, о чем свидетельствует, в частности, положение Киргизии, которая, следуя рекомендациям МВФ и Всемирного банка, едва не вверглась в омут гражданской войны. Попытки навязывания свободного рынка и приватизации либерального толка вызвали серьезные проблемы социального характера также в Таджикистане и Казахстане. США, тем не менее, продолжают навязывать государствам ЦАР свои формы политического, экономического и культурного устройства, нисколько не считаясь с их возможностями жить и развиваться по предлагаемой модели, игнорируя культурный, исторический и научно-

¹ См.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001, с. 13-15.

технический аспекты их развития. По оценке эксперта, «такие аспекты внешнеполитической деятельности США дестабилизируют обстановку в регионе и перевешивают положительные результаты осуществляемой американцами антитеррористической операции в соседнем Афганистане. Они ведут к радикализации в регионе религиозных и националистических движений, обострению межклановых противоречий».¹

Китай, оставаясь верным древней традиции внешней политики Поднебесной, официально избегает афишировать свои стратегические интересы в Центральной Азии. Судя по китайским источникам, однако, устремления КНР в регионе сводятся к следующему:

- борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- обеспечение безопасности в приграничных районах;
- поддержание стабильности во всем регионе;
- содействие региональному экономическому развитию;
- недопущение монопольного контроля над ЦАР со стороны государств, враждебных Китаю, а также образования в регионе военных союзов, имеющих антикитайскую направленность;

- создание условий для доступа к энергетическим ресурсам региона.²

Действовать в Центральной Азии все более активно Китай побуждает начавшееся в первой половине 1990-х гг. ослабление в регионе влияния России и реальная угроза заполнения этого пространства силами США и НАТО. Этому также способствует уверенность китайского руководства в том, что США укрепляется в Афганистане и Центральной Азии с целью более жесткого противостояния Китаю, выходящему на лидерские позиции в мире.

За последние десять лет Китай предпринял значительные усилия для расширения своего влияния в регионе: во всех центральноазиатских странах созданы торговые представительства, вложены крупные средства в инфраструктурные и энергетические проекты, способные связать нуждающийся в поставках нефти и газа континентальный Китай с Центральной Азией.

Особенно активно развивает Китай сотрудничество с Казахстаном. Одним из успешных совместных проектов стал трубопровод, соединяющий западноказахстанские нефтепромыслы в Атасу с терминалом на китайско-казахстанской границе в Алашанькоу. На Узбекистан в КНР возлагают большие надежды как на поставщика ценного сырья и страну-транзитера при осуществлении трубопроводных проектов. Соглашение между китайскими и узбекскими нефтегазовыми компаниями предполагает совместную разведку газовых месторождений в Наманганской области. Отношения с Туркменией развиваются в русле туркмено-китайской Совместной декларации и Генерального соглашения о реализации проекта газопровода Туркменистан – Китай и продаже природного газа из Туркмении в КНР.

¹ Ниязи А. Игра на выдавливание. Центральная Азия как объект противостояния России и США// Азия и Африка сегодня. 2008, №3, с. 35.

² См., например: Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества// Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2005, №5, с. 50.

Большое внимание в отношениях с Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном Китай уделяет вопросам международной безопасности. Например, в 2004 г. между руководителями КНР и Узбекистана было подписано «Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», которое важно не столько для Узбекистана, сколько для Китая, озабоченного проблемой уйгурского национализма. В Узбекистане, где проживает значительное число уйгуров, после подписания соглашения был введен запрет на создание уйгурских организаций, выступающих за независимость Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР).¹

Значительно более слабая, чем Китай, в экономическом отношении Турция является для стран ЦАР примером успешного тюркоязычного государства с элементами демократии западного типа. После распада СССР Турция пыталась стать лидером в процессе сближения тюркоязычных государств, параллельно стремясь занять лидирующее положение на местных рынках, что не устроило правящие круги стран региона. Позднее Турция вновь обратилась к идее создания Содружества тюркоязычных государств и нашла поддержку у Н. Назарбаева, который предложил создать Межпарламентскую ассамблею тюркоязычных государств и Совет аксакалов.

К более тесным отношениям с Турцией стремится Туркмения. Первый президент Туркмении С. Ниязов с 1993 г. стал именовать себя Туркменбаши, «отцом всех туркмен», – следуя примеру «отца всех турок» Мустафы Кемалю. На средства, привлеченные из Турции, туркменский алфавит был переведен на латиницу в ее турецком варианте. В последние годы турецкий бизнес в Туркмении существенно расширился, а в Ашхабаде работают около 20 турецких школ.

Стратегия Ирана в Центральной Азии в первую очередь рассчитана на усиление собственного влияния и ослабление позиций США. Особое внимание при этом Иран уделяет Туркмении, которая, как и он, входит в первую пятерку стран мира по запасам природного газа. Важной целью Ирана является организация транспортировки туркменского газа для бесперебойного снабжения им своих северных районов.

Иран проявляет интерес к Таджикистану как к родственному по языку государству. В 2007 г. в Душанбе с официальным визитом побывал президент Ирана, тогда же президент Таджикистана посетил Тегеран. По объему инвестиций в экономику Таджикистана Иран уступает только России и Китаю.

Афганистану в американских планах Большой Центральной Азии отведена роль связующего звена в интеграции Центральной и Южной Азии. Фактически же он должен облегчить проникновение Запада к природным ресурсам ЦАР. Однако, судя по положению дел, Афганистан едва ли сможет приступить к решению возложенной на него задачи даже в среднесрочной перспективе.

¹ Мальшева Д. Центральная Азия в фокусе региональной политики.// Мировая экономика и международные отношения. 2007, №12, с. 55

Индия, реализуя стратегию укрепления своего влияния в Центральной Азии, установила торговые и культурные связи со всеми странами региона. Предполагается, что в будущем она сможет принять участие в создании системы энергетической безопасности региона, есть перспектива успешного завершения переговоров с экспортерами нефти и газа ЦАР о поставке этих энергоносителей в Индостан. Политика Индии в регионе вызывает неоднозначную реакцию в Пакистане, где ее расценили как попытку «окружить Пакистан недружественным кольцом».

Япония в Центральной Азии ищет, среди прочего, возможности диверсифицировать свой энергетический комплекс с акцентом на ядерную составляющую. Решая эту задачу, она в 2006-2007 гг. активизировала двухстороннее сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном в сфере ядерных разработок и поставок урана в Японию. На дальнейшее сближение с регионом нацелен и осуществляемый с 2004 г. проект «Диалог Япония – Центральная Азия» (ДЯЦА), предусматривающий проведение ежегодных встреч на уровне министров иностранных дел и другие мероприятия.

Значение ЦАР для мирового сообщества не исчерпывается экономическими и политическими аспектами. В определенных условиях ситуация в Центральной Азии способна оказать самое серьезно воздействие на состояние международной безопасности, сказаться на эффективности противодействия терроризму. Тут важно учитывать, что экономические трудности и неблагополучие социальной сферы явились важными факторами обострения в ЦАР проблемы радикального ислама. Опасности, связанные с этим, особенно наглядно продемонстрировало вторжение боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в киргизско-узбекско-таджикское приграничье (в 1999-2000 гг.).¹

Мировой финансово-экономический кризис последних лет внес заметные коррективы в положение центральноазиатских стран. В настоящее время практически все они сформировали дефицитные государственные бюджеты, повсюду отмечаются высокие темпы инфляции, кризисные явления в банковской сфере, усиление стагнации в промышленном секторе, спад темпов роста ВВП.

Наиболее серьезно пострадал от финансового кризиса Казахстан. Достаточно развитая и интегрированная в мировой финансовый рынок казахстанская банковская система активно использовала современные формы ипотечного кредитования, инвестировала в ценные бумаги, развивала фондовый рынок. В результате к настоящему времени у Казахстана возникли серьезные трудности из-за неплатежеспособности заемщиков по ипотечным кредитам, их массовых банкротств, из-за снижения доходности банков, обесценения капитала, размещенного на рынке ценных бумаг. Кризис банковской ликвидности отрицательно повлиял на сектор реальной экономики. Так, значительно пострадала строительная отрасль, серьезные потери понес

¹ См.: Грозин А. Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы// Центральная Азия и Кавказ. 2007, №5, с. 55

малый и средний бизнес, заметно выросли цены на продукцию сельскохозяйственной промышленности.

Мировой финансовый кризис, как представляется, не окажет заметного негативного влияния на экономику Туркмении, которая слабо интегрирована в мировую хозяйственную деятельность и финансовый сектор которой значительно менее развит, чем в других государствах на постсоветском пространстве. Во многом помогают Туркмении избегать серьезных кризисных трудностей и высокие цены на газ. Основные финансово-экономические проблемы этой страны с установлением с начала 2008 г. нового курса национальной валюты, маната (к моменту регулирования неофициальный обменный курс составлял \$1:24.000, тогда как официальный \$1:5.000). Валютная реформа вызвала резкое подорожание продуктов питания и товаров первой необходимости, выросли цены на бензин. Власти страны думают о пересмотре тарифной политики в сфере ЖКХ: следует напомнить, что в течение многих лет до этого значительная часть услуг ЖКХ для жителей Туркменистана была бесплатной.

Узбекистану в значительной степени удалось избежать заметных негативных последствий, вызванных финансовым кризисом, поскольку закрытая экономика страны практически не интегрирована в мировую финансовую систему и основана на реальном секторе при слабо развитой банковской системе. Однако на экономике Узбекистана заметно сказываются последствия кризиса в России, поскольку от 10 до 20% ВВП страны составляют денежные переводы, поступающие от мигрантов, работающих в России и Казахстане. Очевидно, что уже в ближайшей перспективе Узбекистан может столкнуться с необходимостью решения проблем бедности и безработицы, которые существовали и ранее, но значительно усугубились в связи с кризисными явлениями в России.

На экономику Таджикистана и Киргизии мировой экономический кризис также не оказывает непосредственного воздействия ввиду неразвитости их финансовых систем. Вместе с тем оба государства переживают системный кризис, связанный с глубоким спадом во всех отраслях экономики. В 2008 г. они имели наихудшие среди государств СНГ макропоказатели в экономике: рост ВВП около 6%, а инфляция в среднем – 26,6%. При этом рост ВВП проходил за счет увеличения цен и прироста темпов развития торгового и посреднического секторов экономики, а не за счет развития производства. Промышленность этих стран не способна выдержать конкуренцию с иностранными компаниями, в первую очередь - по качеству изделий. В связи с этим на рынках расширяется присутствие импортеров, сокращается местное производство. В Киргизии негативные экономические тенденции усугубляются в связи с членством страны в ВТО. Условия ее вступления в ВТО открыли широкий доступ иностранным товарам на местный рынок, практически полностью устранив с него национального производителя. Так же, как и Узбекистан, Киргизия и Таджикистан испытывают дефицит финансов в связи с

сокращением перевода денег из России от рабочих-мигрантов. В Таджикистане эти средства составляли 30% ВВП, а в Киргизии – около 50%.¹

Российская наука, занимающаяся развитием регионов, традиционно уделяет большое внимание Центральной Азии. Во многом это связано с тем, что происходящие в странах региона социальные и экономические процессы в той или иной степени способны влиять на векторы внешней политики Российской Федерации, на выбор путей решения проблем национальной безопасности.

Российскими учеными подробно рассмотрены проблемы укрепления государственности стран Центральной Азии, определения их места и роли в социально-экономических структурах современного мира. Особое внимание исследователи уделили процессу развития двусторонних отношений Российской Федерацией со всеми государствами ЦАР.

Такой подход был весьма плодотворен в условиях становления региона как самостоятельной геополитической единицы. Но в настоящее время данный процесс, в основном, завершен и особую актуальность приобретают проблемы иного порядка, в первую очередь, связанные с выявлением особенностей геополитического значения региона в современном мире. Об этом и идет речь в предлагаемой монографии.

Работая над монографией, авторы подробно рассмотрели основные социально-экономические характеристики центральноазиатских стран, предприняли попытку спрогнозировать развитие политической ситуации в отдельных государствах. Учитывая, что Центральная Азия для международного сообщества представляет интерес прежде всего как регион, располагающий значительными запасами полезных ископаемых, в книге подробно освещены вопросы, связанные с энергетическим потенциалом региона, его сырьевой базой.

Пристальное внимание уделено также фактору Центральной Азии в международной политике иностранных государств. Здесь основные усилия авторов сосредоточивались на выявлении особенностей взаимоотношений России, Запада и Китая с государствами Центральной Азии, на анализе планов западных государств и Китая по расширению собственного присутствия в ЦАР, а также сделанные ими конкретные шаги в этом направлении. Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и Таджикистан, укрепляя собственную государственность, стали членами межгосударственных объединений и союзов, поэтому в монографии исследуется влияние последних на политику пяти государств, содержится попытка определить их роль в процессе региональной консолидации.

Авторы сочли целесообразным уделить особое внимание всплескам радикально-исламистской активности в Центральной Азии. Не ограничиваясь констатацией фактов, они, в частности, выявили специфику деятельности основных исламистских организаций в регионе.

¹ Файзуллаев Д.А. Центральная Азия: особенности национального финансового кризиса. Азия и Африка сегодня. 2009, №2, с. 14-17

Одна из основных изначальных задач исследования – определить главные тенденции развития ЦАР. Решая ее, авторы монографии уделили самое пристальное внимание ряду ключевых проблем. Так, подробно рассмотрена динамика изменения расстановки внутренних сил, а также устремлений внешних сил в отношении региона; предпринята попытка определить общие региональные интересы центральноазиатских государств, перспективы региона в контексте общемировых тенденций развития, возможности стран Центральной Азии в решении мировых проблем.

Глава I

Центральная Азия в современном мире

1. Р.Агаев. ЦАР: проблемы эволюции политических систем

Центральноазиатский регион как геополитическое пространство, зажатое между гигантским евразийским треугольником: с севера Россией, с юго-востока Китаем и с юга исламским ирано-афгано-пакистанским массивом, - второй раз в течение исторически короткого времени (менее столетия) претерпевает радикальные общественные преобразования. Пять новообразовавшихся независимых государств преследуют одну и ту же амбициозную цель: модернизируя все сферы социально-экономического и государственного устройства, обеспечить динамичное развитие, высокий уровень жизни и культурное процветание своих народов. Этнически все они близки: все, за исключением персоязычных таджиков, тюркского происхождения, исповедуют ислам. Население ЦАР с советских времен стабильно растет и, согласно прогнозу ООН, к 2015 г. превысит 65 млн. человек.

Первый опыт модернизации этих стран связан с советским периодом развития: именно в составе СССР были впервые четко определены их государственные границы, созданы структурированные политические и хозяйственно- государственные системы управления, достигнут значительный экономический рост, совершен культурно-образовательный прорыв, обеспечено благосостояние всех слоев населения. Особое значение для этих народов имел относительно длительный период безопасности, мира и внутренней стабильности.

Казахстан, Узбекистан, Туркмения обладают значительными сырьевыми ресурсами (Таджикистан и Киргизии в этом плане более ограничены): нефтью, газом, золотом и другими минералами. Все страны располагают сравнительно развитой инфраструктурой, трудовыми ресурсами, каждая обладает потенциалом для реализации намеченных социальных проектов. Мировая конъюнктура в отношении минерального сырья, и прежде всего энергоресурсов, также благоприятствует планам национальных сил, вставших во главе независимых государств и обязавшихся следовать курсом создания рыночных экономик, правового государства. (Конституции всех стран региона определяют свои системы, как суверенные демократические республики, ставящие целью построение гражданского общества, обеспечение равных возможностей для всех групп населения).

Нынешний процесс преобразований в странах ЦАР условно можно разделить на два этапа. Начальный период (1991-1994 гг.), определивший основной вектор общественно-государственного развития и, в соответствии с этим, реформирования существовавшей политико-государственной системы.

Второй, начавшийся во второй половине 1990-х гг., этап – формирование новых институтов власти, установление нового типа властных отношений в обществе, определение своего места в складывающейся системе международного сообщества.

Как показывает опыт (и не только постсоветских стран), объективные предпосылки для проведения прогрессивных общественных преобразований отнюдь не гарантируют их реализацию. Важна способность национальных элит сформировать эффективную политическую модель управления, обеспечивающую безопасность страны, стабильность развития и необратимость начатых реформ. В условиях глобализации направленность реформ, темпы и качество их реализации, своевременный приход во властные структуры тех или иных политических сил и фигур подвержена существенному влиянию внешних факторов. Тем не менее, решающее значение имеют уровень политической зрелости общества, государственнические традиции народов, приобщающихся к новым политическим и социально-экономическим ценностям. Важнейшим критерием их самодостаточности является социокультурная адекватность складывающимся мировым реалиям, способность встроиться в общий интеграционный поток, увидеть перспективу с качественно нового, более высокого уровня самостоятельного развития.

Своеобразие политических систем, создаваемых на постсоветском геополитическом пространстве (и ЦАР в этом не исключение), всевозможные торможения, зигзаги, отклонения, а то и попятные движения в общественном развитии связаны прежде всего с историко-культурной самобытностью народов. Этот генетический пласт, выражающийся в способе мышления, особенностях социальной психологии, политическом сознании и культуре широких социальных слоев и, главное, представляющих эти слои элит, есть своеобразный показатель готовности общества осуществить декларируемые цели.

Политические системы, утверждающиеся в ЦАР, служат убедительной иллюстрацией давно отмеченной политической философией закономерности: «образ правления» государства зависит от его пространственно-географических характеристик. Этногеографическая близость населения обширного пространства, раскинувшегося от Каспийского моря до Большого Хингана, от сибирской тайги до Гималайских гор и далее от Персидского залива до западных границ Китая и от Индийского океана до отрогов Южного Урала, позволяет, по мнению некоторых ученых, рассматривать Центральную Азию как отдельный макрорегиона, как современную геополитическую единицу.

Создание устойчивых форм государственного устройства в советский период, опыт федеративной государственности с ограниченным суверенитетом (Советская Социалистическая Республика в составе Союза) создали в ЦАР - при всех издержках «социалистического проекта» - ряд существенных предпосылок для мягкого, максимально безболезненного перехода к новым моделям «биогеографического организма»¹. В наследство от СССР центрально-

¹ Ф.Ратцель. Геополитика-безопасность-терроризм. Сб. ст., Бишкек, 2006.

азиатские страны получили сравнительно развитые экономики, многочисленные промышленные и сельскохозяйственные производства, обеспеченные достаточным числом специалистов и управленцев, развитую систему госструктур, выступающую в единстве с хорошо отлаженной идеологической скрепой – первичными организациями правящей партии, КПСС. В условиях единого советского общественного устройства осуществлялся достаточно динамичный процесс создания современных государственных подсистем, национальной бюрократии как важнейшего элемента политической культуры и менеджмента. Особое значение для поддержания жизнедеятельности социально-экономического организма в жестких условиях переходного периода приобретала исторически сложившаяся общность региона с Россией, что, разумеется, в условиях независимого развития и новых геополитических реалий требовало известной корректировки. Между тем, формирование национальной бюрократии, технократии и управленческих кадров повсеместно обострило конкуренцию с русскоязычным элементом, составлявшим значительную часть городского населения и занимавшего ведущие позиции в промышленности и сфере управления. Суверенизация и независимость обратили эту конкуренцию в радикальную национализацию, что очень скоро привело к стремительному оттоку из ЦАР русскоязычного населения. Этот процесс - в основе своей социокультурный - имел глубокие и принципиальные политические последствия. Он заложил основу будущих этнократических государств Центральной Азии.

Тут необходимо обратить внимание на особенности общественного сознания народов ЦАР, имеющие ярко выраженные традиционалистские и патерналистские черты. Появление индустриальных центров коренным образом сказалось на формировании наций и их важнейшего элемента, урбанизированного социума. И все же, по социально-историческим меркам, процесс этот находился в начальной стадии. (Ныне в целом сельское население преобладает в демографически прогрессирующих странах региона. По прогнозам, к 2025 г. в Узбекистане, например, жить на селе будут 22 миллиона из 33-миллионного населения. В остальных странах, за исключением, пожалуй, Казахстана, «сельский крен» обещает быть еще более резким). Реально городской уклад не мог не сохранять «родимых пятен» традиционной крестьянской ментальности с ее приверженностью к земляческим, родовым, семейным формам группирования и общественной самоорганизации, в процессе чего выкристаллизовывались клановые образования, Большие Семьи, выдвигались харизматические лидеры. Процессы эти, легшие в основу развития политических систем в Центральной Азии, начались задолго до реформирования СССР и к началу первого этапа преобразований уже дали свои результаты (в первую очередь в Казахстане, Узбекистане, Туркмении, в меньшей степени – в Киргизии и Таджикистане).

Одновременно с закреплением традиций государственности в ЦАР шел процесс ретрадиционализации обществ, находившихся все время (скрыто и явно) под воздействием ислама. Первые шаги по пути независимого развития подтвердили неофициально существовавшее мнение о том, что, несмотря на

укоренившиеся элементы светского государства, ислам в регионе не только сохранил своё значение, но и существенно усиливает влияние как на процессы строительства национальных государств, так и особенности национального сознания и национальной идентичности. (Казахстан и Киргизия в меньшей степени подвержены этому, так как особенности этногенеза народов, этногеографического положения, демографического состава населения делали мусульманский образ жизни менее определяющим, нежели советский. Что касается Туркмении, то там ислам не пустил глубоких корней: первые мечети появились фактически на этапе независимого развития. Иное дело - Узбекистан и Таджикистан, где ислам и его догматика имеют прочные традиции.)

Это находит свое выражение, в частности, в стремительном росте национализма при излишней идеологизации процессов укрепления национального самосознания и пробуждения государственного самосознания, на которые накладывают отпечаток мифологемы нового прочтения истории. В Туркменистане на стенах вновь построенных мечетей выбиты цитаты из «Рухнаме», литературного сочинения покойного Туркменбаши, расцениваемого как эпическое повествование об истории становления туркменского народа и его государства. К известным центрам мировой цивилизации: Месопотамии, Индии, Китаю и Египту - в Ашхабаде добавляют древнюю цивилизацию страны Маргуш. Появление в центре Ташкента конной статуи средневекового завоевателя Тимура на месте памятника К. Марксу как бы завершает начавшийся еще в советские годы процесс канонизации Тимура как ключевой фигуры узбекской истории. В Центральной Азии подтекст пересмотра истории тот же, что явственно просматривается в армянских, грузинских и украинских изысканиях: сделать в сознании народов более древними представления об истоках как собственной государственности, так и национального величия.

В пылу дискуссий порой утверждается, что «ни одна из республик Советского Союза не была естественным продуктом самостоятельного исторического развития в таких основополагающих государственных категориях, как территория, нация, государство. Практически все субъекты социалистической федерации никогда бы не имели нынешних территорий и границ, а некоторые вообще бы утратили свое национальное существование, если б странствовали по мировой истории самостоятельно»¹. Возможно, в бывших союзных республиках не согласятся со столько категоричным суждением, но в данном случае тезис ученого фиксирует очевидные исторические факты, забвение которых вряд ли служит целям общественного развития: исторически на территории ЦАР отсутствие национальной государственности в современном ее понимании по времени многократно превышает сроки существования различных ханств, эмиратов и иных национально-государственных образований. Нелишне напомнить свидетельства историков об условности границ, пределов обитания народов и этносов региона, которые со временем стали линиями их размежевания, но никогда не

¹ Из выступления в «Литературной газете» от 24 февраля 2005 г. Н. Нарочницкой, доктора исторических наук, заместителя председателя Комитета Госдумы по международным делам, члена Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам РФ.

отменяли их взаимопроникновения. Так, дореволюционный историк А.И. Левшин свидетельствует: «Границы никогда не лимитировались, и были довольно относительным явлением. Зачастую границами служили природно-ландшафтные барьеры – реки, горные хребты, пустыни. Там, где границы пролегли по линии земледельческого передового рубежа – линии соприкосновения оазисов с кочевой степью, они образовывали как бы буферную территорию со стабильно высокой конфликтностью, постоянными набегами и войнами. Такое положение на протяжении тысячелетий занимали Хорезм, пограничные ферганские города, районы вдоль Пянджа, присырдарьинские города. Например, за право обладания последними постоянно происходили войны между узбеками и казахами»¹. Приобщение к ценностям цивилизации, равно как и социальный прогресс в жизни народов ЦАР непосредственно связаны с их пребыванием в составе Российской империи, а затем Советского Союза.

Процесс обретения странами Центральной Азии политической самостоятельности имеет свои особенности, как и другие составляющие их общественного устройства.

Идеологическим движителем формирования новой независимой государственности для народов этого, как, впрочем, и других регионов бывшего СССР, явился национализм, который в свое время профессор права Николай Алексеев отождествлял с «национальными духами», вызванными самой советской системой. Причем, он исходил из того, что значительная часть таких народов сама по себе «едва ли будет способна к самостоятельному государственному бытию», в результате чего ослабление связей с бывшей империей, Россией, может привести к переходу отдельных геополитических регионов под контроль иных, третьих мировых сил². Позитивный потенциал национализма действует до тех пор, пока он направлен против колониального закабаления, агрессии. Он вообще по своей природе более направлен во вне, чем и отличается от того, что принято считать патриотизмом, идеологически не предполагающим агрессии против иных наций.

Национальные демократии преимущественно радикального толка (в ЦАР - с местным исламским компонентом), возникшие на постсоветском пространстве, поставили знак равенства не только между Россией и СССР, но и между Советским Союзом и существовавшими ранее империями, что явилось упрощенной, точнее, искаженной трактовкой и самих понятий, и хода истории. На таком ложном фундаменте строятся исторические мифологемы, вроде существования якобы самобытных национальных государств и даже целых цивилизаций, не понятых и отброшенных социализмом.

В политической практике конкретные обстоятельства распада СССР «национальные духи» претворяются в идейно-политическую силу антироссийского толка, влияние которой на массовое сознание тем сильнее, чем ощутимей ослабление России, которая, справедливости ради следует

¹ См.: Вестник аналитики, 2008, №2.

² См.: Литературная газета, 2006, 27-31 дек.

отметить, и сама дает немало поводов для подозрений и сомнений в отношении своей центральноазиатской политики. Казахстану, как представляется, вовсе не случайно удалось без серьезных общественных потрясений осуществить программы создания новой модели государственного устройства.

В средние века территория обитания казахстанских кочевий входила в состав Монгольской империи. Казахское ханство, первое государственное образование казахов, возникло в начале XVII в., казахстанская нация стала складываться к концу XIX в., первый учебник по истории Казахстана появился в 1945 г. Казахские ученые не склонны приукрашивать поворотные события далекого прошлого, так же как не отрицают они того факта, что именно в советский период осуществлялась консолидация казахстанской нации, сформировались начальные формы ее государственности. Такой объективный подход к историческому прошлому во многом служит решению проблем национального развития, укреплению общественно-политической стабильности.

Сыграли свою роль и особенности этой страны, среди которых особо весомы такие: сохранение полиэтничности казахстанского общества, этногеографическая и социально-экономическая «встроенность» страны в российскую Евразию, плавная трансформация компартии из жестко идеологизированной правящей политической силы в важнейший инструмент формирования институтов власти переходного периода. Последнее обстоятельство оказалось востребованным в той или иной форме и в политической практике других стран региона. Причем, там, где партийное руководство предпочло путь сдачи позиций и откровенного заигрывания с радикальными оппозиционными группировками (Таджикистан) удержать власть и укрепить ее удавалось в результате кровавой гражданской борьбы. В Туркмении и Узбекистане структуры компартий безо всяких реформ напрямую были подчинены задачам идейно-политического обслуживания президентской власти. В Казахстане эти функции взяла на себя пропрезидентская партия «Отан» («Нур Отан»), возникшая как бы на новой основе, но (так же как и аналогичные организации в Узбекистане и Киргизии) структурно и методологически осуществлявшая связь верховной власти с нижними этажами общества на местах, обходясь, разумеется, без былой идеологической догматики. Позже, по мере укрепления позиций президентов, стала внедряться технология многопартийности (Казахстан, Узбекистан, Киргизия при А.Акаеве). Эти попытки, впрочем, не имели глубоких последствий, скорее они преследовали имитационную цель. (В 2007 г. президент Казахстана Н.Назарбаев ратовал за создания двухпартийной системы, намекая на американский опыт. Тем не менее, по итогам прошедших вскоре внеочередных выборов в мажилис ни одна из политических партий, кроме возглавляемой президентом «Нур Отан», не смогла преодолеть установленный законом 7-процентный барьер. В результате нижняя палата парламента состоит из 98 представителей президентской партии и 9 представителей Ассамблеи народа Казахстана, тоже формируемой президентом).

Существовавшие структуры компартий помогли странам ЦАР сохранить состояние относительной стабильности в ходе обретения независимости. Кланово структурированная партноменклатура сумела приспособиться к уходу России, выдержать натиск радикальных национал-демократов и вызовы внешних сил (попытки афганизации) и, в конечном счете, удержать молодые независимые государства от войн и распада. Закрепившиеся по всей вертикали властной пирамиды представители правящих кланов придали начавшимся преобразованиям центральноазиатских обществ различные темпы, сохраняя при этом общее политическое содержание и черты. Таковыми являются неизбежность авторитарных тенденций в ходе государственного строительства, различная степень персонификации власти, трансформация регионально-областного местничества в правящий класс. Стихийно найденные технологии преобразования коммунистических партий в правящие массово демократические - во многом результат борьбы с нарождающейся радикальной национал-демократией. В конечном счете, преобразование компартий в национал-демократические образования стало одним из главных рычагов укрепления власти, внешне максимально приближенной к современным государственным формам, но функционально преследующей стратегию создания новой национальной государственности, реанимирующей традиции авторитарных систем восточного типа.

Исход общественно-политического противостояния в странах Центральной Азии подтвердил старую истину о том, что на переломных этапах истории консерватизм элит часто предпочтительнее слепого порыва революционных масс.

Одни называют такое прижившееся на постсоветском пространстве явление: органичное сочетание общепринятых стандартов современной государственности с авторитарными способами правления - естественным продолжением советского опыта государственного строительства в новой идеологической оболочке, эдакой смесью демократических деклараций и атрибутики. Другие склонны считать его сознательной имитацией демократического устройства (Д.Фурман). Правомерен вопрос: а был ли вообще возможен в ЦАР (как и в других регионах) плавный переход к «чистой демократии», да еще и в исторически сжатые сроки, как то представлялось и представляется поныне многим политикам и исследователям?

Неоднократно озвученные центральноазиатскими политическими лидерами утверждения о неготовности их стран к полноценной демократии находили понимание не только в правящих кругах, но и в обществе в целом. Такого рода выводы, думается, есть не только проявление политического лукавства при оправдании собственного авторитаризма.

В свое время после долгих дискуссий коммунистическим теоретикам пришлось согласиться с тем, что Советская Россия фактически втянула бывшие азиатские окраины Российской империи, не располагавшие к тому времени объективными предпосылками перехода к социализму, в процесс создания качественно нового общественного строя. Корень болезненных проблем возникших в результате рывка от полуфеодалных отношений к

социалистическим, в том, между прочим, и состоял. На рубеже XX - XXI вв. страны ЦАР волей исторических обстоятельств оказались перед схожим выбором. Демократический вектор развития, как когда-то социалистический, не имел достаточных исторически и политико-культурных основ. Определенная база для перехода к демократическим реформам, несомненно, имелась, выше об этом уже говорилось. Задействовать же ее в полной мере оказалось сложно ввиду одномоментного крушения единого социально-экономического и государственного организма и форсированного перевода участников советской федерации на курс унитарного независимого развития. Имевшиеся материальные и общественные предпосылки реформ в совокупности составляли базу для переходного периода, длительность которого зависела от множества иных факторов – внешних и внутренних. В условиях системного кризиса, как правило, востребованными оказываются наиболее организованные, политически опытные силы. В реальности это на авансцену политической борьбы могли выйти или организованные криминальные группировки, или бывшие коммунистические функционеры, фактически возглавлявшие семейно-земляческие кланы с их широкими материальными и людскими ресурсами. В странах, где бывшим коммунистическим лидерам удалось удержать контроль над процессом создания управляемых политических сил, обновление осуществлялось сравнительно безболезненно (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения), развал партийных структур в Таджикистане создал почву для широкого проникновения в «политику» криминального элемента (С.Сафаров). Активно здесь прокладывали дорогу к власти и радикальные исламские группировки. Вспышки гражданской войны опять же расчистили дорогу к власти для крупных фигур из бывшей партноменклатуры. Определение направленности общественного развития в соответствии с общемировой тенденцией, по существу, означало признание его в качестве стратегической линии и цели. Официально провозглашенный курс на построение демократической общественно-политической системы разъяснялся властями как перспектива, к которой надо стремиться, но с учётом «местных особенностей». Власти не делали секрета из того, что восприятие мусульманским населением демократии в ее западной интерпретации отягощается многими причинами мировоззренческого свойства.

Логика событий сама вывела на передовые рубежи общественной жизни те силы, которые вызрели в условиях эволюционных процессов в СССР. Авторитаризм, присущий советской политической системе, продолжал сосуществовать с ростками демократии, но то была уже эволюция, управлявшаяся сверху.

В условиях реальной независимости сфера и степень воздействия авторитарных элементов в странах ЦАР усиливается: сказываются традиции и тот факт, что как верхи, так и низы внутренне воспринимают утверждение у власти недавних партийных функционеров и методы их правления как естественную форму преемственности власти, необходимую при переходе от одних общественных отношений к другим. (На референдуме 1991 г. наибольший процент ратовавших за сохранение СССР пришелся на республики

Советской Средней Азии. Чуть позже (1998 г.) в Казахстане в ходе опроса на вопрос, какая общественная система могла бы решить проблемы страны, большинство респондентов (56,9%) ответили: «любая, лишь бы был порядок». Если к ним прибавить тех, кто высказался прямо за коммунизм (4,4%) и социализм (7,3%), то получится почти столько же, сколько за семь лет до этого высказалось за сохранение Советского Союза)¹.

В Казахстане наиболее сильно проявилась общая для среднеазиатских республик черта: нежелание расстаться с советской интеграционной системой, укоренившимися эгалитарными принципами, неприятие радикальных реформ, за которыми лидеры и местные элиты разглядели опасность союзному единству, а следовательно, и краха политической стабильности у себя в республиках. То, что в условиях всеобщего увлечения радикальными демократическими преобразованиями виделось проявлением тоталитарных привычек, авторитарного мышления, в действительности породилось обостренным ощущением угроз и вызовов безопасности, обусловленных и глобальными, и региональными проблемами (экспорт исламской революционности и наркотрафик из Афганистана). Играли роль также внутри- и межгосударственные противоречия (водная проблема, вопросы границ), опасность которых делалась реальной ввиду обозначившегося отказа от традиционных констант общей для СССР политики. Специфика положения Казахстана (географическая близость к России), особенности демографии (примерно равное количество казахов и русскоговорящих в составе населения) прежде всего и обусловили причудливое сочетание национальной идентификации и принадлежности к евразийской общности. Избежав участия в беловежском сговоре, Н.Назарбаев инициировал курс на создание евразийского союза государств, в котором, возможно, ему и его единомышленникам виделся плавный переход от инертного членства в СНГ без четко обозначенной цели к более действенным, перспективным формам сохранения устоявшихся форм сосуществования народов и государств в рамках Евразийского континента.

Н.Назарбаеву, преемнику сильного, авторитарного тяжеловеса брежневской поры Д.Кунаева, без труда удалось сохранить контроль над Казахстаном: вместе с рычагами государственной власти к нему перешли и бразды правления правящим кланом.

Казахстанский лидер и его окружение счастливо избежали характерного для бывших советских республик жесткого соперничества за обладание властью: ядро правящего клана составили члены семьи, а партийный, хозяйственно-государственный и общественный истеблишмент воспринял это как естественную смену руководящей команды. Так что Казахстан, сравнительно мягко преодолев период жарких дебатов о путях реформации, бывших, по сути, идеологическим прикрытием борьбы за власть, фактически сплоченно приступил к переходу от советской системы политического и социально-экономического устройства к новым формам государственного

¹ Фурман Д.Е. Эволюция политических систем стран СНГ./ Сб. Средиземноморье-Черноморье-Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. М., 2006, с. 131.

управления, предполагавшим заимствование демократических институтов. Начало реформированию политической и государственной системы в Казахстане положило принятие «Декларации о государственном суверенитете» (октябрь 1990 г.) - в общем потоке «парада суверенитетов». Закон же «О государственной независимости Республики Казахстан» Верховный Совет утвердил 16 декабря 1991 г. - сразу вслед за беловежскими соглашениями. Таким образом, законодательно окончательный выбор независимого пути был оформлен уже после роспуска СССР де-юре, тем самым Казахстан отмежевался от курса на развал Советского Союза, дав историкам возможность отметить наличие в его поведении не только государственной лояльности, но и политической чистоплотности. Аналогичный законодательный путь проделали и другие страны ЦАР, окончательно избрав курс на независимость и построение демократического правового государства. При этом правящие в них партии усилили социальную компоненту проводимых реформ, что должно было убедить общество в их стремлении сохранить преемственность курса на обеспечение широким массам достойного уровня жизни.

Бывшие компартии, взявшие под контроль ситуацию в центральноазиатских странах, дополнили свои программы лозунгами о приоритетности политики социальной справедливости. В Казахстане, Киргизии, Туркмении это с самого начала было воспринято в качестве важнейшей константы новой государственности и в последующем закрепились как в конституционных положениях, так и в политико-теоретических документах ведущих политических сил. Социально ориентированное государство ими трактуется как конституционно-правовой статус, предполагающий гарантирование Основным законом экономических и социальных прав и свобод. Это означает, что государство берет на себя обеспечение определенного уровня жизни своих граждан, удовлетворения их материальных и духовных потребностей. Безусловное признание верховенства принципа социальной справедливости, как и разработка принципа социального государства, продиктованы не только желанием соответствовать современным международным требованиям политики социального прогресса (в послании Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна от 20 февраля 2009 г., например, стремление к социальной справедливости трактуется как центральная задача глобальной миссии по поощрению прогресса и уважения человеческого достоинства), но и с учетом исламского подтекста политической культуры, сложившихся веками уравнилельских представлений о равенстве, популярных не только у элит, но и среди широких народных масс. В общественном сознании такие представления закрепила советская практика предоставления социальных гарантий и льгот. В Туркмении это получило развитие в политике низких цен на электроэнергию, бензин, продукты первой необходимости, что имело решающее значение для укрепления единоличной и безальтернативной власти Туркменбаши. Вовсе не является случайным общее для всех центральноазиатских государств убеждение в перспективности соединения социалистической идеи с рыночной экономикой - наподобие китайской модели.

Второй период реформ в странах Центральной Азии начался с принятием конституций, закрепивших президентскую форму правления.

Именно этот период характерен наибольшей остротой гражданских противостояний, непримиримой борьбой между различными властными группировками. Всем было ясно: президентство предполагает качественно иную власть, неизмеримо большую, чем в советские годы у руководителя местной компартии, подчиненного множеством уз непосредственно Москве, - и это приобретало особо важное значение в связи с предстоявшим переделом социалистической (общенародной) собственности. Первые конституции, утвердившие президентскую форму правления в странах ЦАР, были приняты в 1992-1994 гг. В последующем все они подверглись серьезным поправкам, завершившимся принятием основных законов в новой редакции.

Конституция Туркменистана претерпевала изменения в 1995, 1999, 2003 и 2005 гг. После смерти С.Ниязова начался новый этап внесения изменений в Основной закон, призванных подвести идейно-политическую черту под 16-летнее правление Туркменбаши.

Принятая в 1994 г. Конституция Республики Таджикистан менялась в 1999 и 2003 гг.

Наиболее демократически продвинутой считалась киргизская конституция (1993 г.). Но и в нее, считавшуюся «одной из самых демократических и прогрессивных» в Центральной Азии, носились серьезные поправки в 1994, 1996 и 1998 гг., а в 2003 г., ещё при президентстве Аскара Акаева, была принята новая редакция конституции. При президентстве К.Бакиева, в ноябре 2006 г., вступила в силу принятая под давлением оппозиции новая редакция Основного закона, по которой парламент наделялся более широкими полномочиями. Но уже год спустя на референдуме была принята ныне действующая редакция конституции, с опорой на которую президент вернул себе отданные полномочия.

В период между 1993-1998 гг. в Республике Казахстан трижды принимались новые редакции Основного закона. И каждый раз существо поправок сводилось к расширению полномочий президента, позволивших действующему главе государства добиться снятия возрастных ограничений и продления сроков его полномочий.

В конечном счете, составителям этих важнейших документов, определявших стратегию преобразований, удалось максимально приблизить их тексты к требуемым стандартам. И все же есть основания считать, что новые конституции не обязательно приведут к созданию полноценной рыночной экономики и демократизации государства. Например, в последней конституции Республики Туркменистан нет четкого разделения полномочий между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. То, что с трудом пробивает себе дорогу в документе, пусть даже и в формальном виде, еще меньше шансов на реализацию имеет в политической практике.

А для нее в странах ЦАР решающее значение имел элемент единоначалия. Жесткая борьба, развернувшаяся вокруг конституций, убедила всех ее участников, что утверждение президентской формы правления

невозможно без безусловного подчинения главе государства всех возникших в ходе провозглашения независимости общественных и государственных институтов, сохранявших элементы демократичности. В условиях суверенного развития единственное, что способно удерживать президентство в рамках правового поля, это становление гражданского общества, реального гаранта разделения ветвей власти и самостоятельности их органов. В ЦАР президентская власть первоначально формировалась как атрибут советской формы правления и, следовательно, создание системы сдержек и противовесов де-факто превращалось в прерогативу президента. Подлинное разделение ветвей власти достигается реальным правом, которое может быть только продуктом практики, опыта и традиций. Парламентское «инакомыслие» в той или иной степени отмечено во всех странах Центральной Азии, кроме Туркмении. Наиболее ярко проявилось оно в Казахстане и Киргизии. В обеих странах президентам пришлось прибегать к роспуску парламентов (Н.Назарбаев это делал дважды в 1993 и 1994 гг.) и проводить неконституционный референдум (1995 г.). В Узбекистане контроль над парламентом осуществлялся иначе, при помощи закона об отзыве депутатов. Подчинение законодательных органов президентской власти многократно облегчило дальнейшее расширение зоны авторитарной и безальтернативной власти глав новых независимых государств. Формирование исполнительной и судебной ветвей власти, осуществляемое в недрах президентских администраций, фактически стало личной прерогативой главы государства. Таким образом, вместо сдержек и противовесов была сконструирована система тотального контроля над всеми структурами власти, устойчивость которой должно было придать проведение приватизации общенародной собственности. Целью ее - в условиях сосредоточения власти в руках правящих кланов - было не создание правовой среды и иных основ рыночной экономики, а превращение общенародной собственности в собственность клановую. В противном случае реальным становилось появление класса независимых собственников, что означало бы потерю контроля над экономикой и сужение политического поля власти президента и его клана.

Замечание К.Маркса, что государство есть частная собственность бюрократии, с теми или иными поправками относимо ко всем системам, в том числе и демократическим. Этнократические бюрократии, сменившие в центральноазиатских государствах бюрократию партийно-советскую, наиболее полно «приватизировали» государство. Концентрация и монополизация власти в едином мощном центре, каковым является президентская власть, предполагает взятие под контроль всей экономики, распределение ее ресурсов и прибылей, полученных средствами рынка, между членами класса бюрократов и прежде всего - правящего клана. Происходит сращивание бюрократии и бизнеса, рождающее при своеобразном консенсусе элит тотальные коррупционные системы.

Практически монопольное владение общенародной собственностью ускорило процесс формирования нового правящего класса. Допуск к собственности стал условием лояльности к власти, тогда как отлучение от

собственности сделалось орудием консолидации клана, нейтрализации возможных независимых сил и личностей. В основе практически всех случаев противостояний внутри власти лежали расхождения не столько идейно-политического порядка, сколько угроза появления альтернатив существующей власти. Возможности появления реальной многопартийности, независимых СМИ, независимых общественных организаций, стимулирующих развитие гражданского общества, оказались резко ограничены экономическими реалиями первых лет переходного периода. Единственным сдерживающим фактором являются Призывы Запада следовать общепринятым принципам демократии оказывали сдерживающее влияние на автократическое всевластие, однако, как показало время, настойчивость и последовательность США (в меньшей степени ЕС) в этом плане во многом зависели от внешнеполитической ориентации конкретной страны, ее геостратегического значения и наличия в ней сырьевых ресурсов, прежде всего углеводородных.

Как бы то ни было, эволюция политических систем в Центральной Азии привела к формированию президентской власти, где центральной, ключевой фигурой является глава государства, высшее должностное лицо, провозглашаемое символом и гарантом единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Существо вопроса заключается не в точном перечне полномочий президента, а в реальных возможностях президентской власти, сконструированной под одну конкретную личность и при самом непосредственном участии этой личности. Президент стоит на вершине безотказно действующей пирамиды государственной власти: парламент республики (высший представительный орган, в ведении которого законодательные функции), Кабинет министров (осуществляет исполнительную власть), Конституционный совет (обеспечивает верховенство Конституции на всей территории), Верховный суд (высший орган судебной власти) и т.д.

Не обращаясь к опыту пожизненного осуществления президентских полномочий, президенты стран ЦАР (кроме Туркмении) предпочли легитимный способ продления их на основе формальной безальтернативности. В 1995-1998 гг. были сняты ограничения на право занимать пост президента одним и тем же лицом. В Таджикистане сначала продлили срок пребывания на посту главы государства с 5 до 7 лет, затем внесли поправку, позволившую президенту править два семилетних срока. В Казахстане в 1995 г. полномочия президента были продлены на пять лет – до 2000 г., для чего понадобилось провести референдум, а в октябре 1998 г. уже парламент инициировал проведение досрочных президентских выборов с одновременным продлением президентского срока до 7 лет. Нормы об импичменте в конституциях Узбекистана и Туркмении нет, а там, где она установлена (Казахстан), практическое исполнение исключается многочисленными оговорками и крайне сложными процедурными условиями. Таким образом, нынешние президенты Казахстана, Узбекистана, Таджикистана правят бессменно. В Туркмении смена власти произошла после кончины Туркменбаши, в Киргизии - вследствие взрыва народного недовольства, названного «тюльпановой революцией». Тот

факт, что смена первых лиц мало повлияла на сложившуюся систему правления и методы руководства страной, только подтверждает вывод об адекватности исторически сложившейся системы власти этнополитическим представлениям о качестве государственного управления. В данном случае это качество обеспечивает административный рычаг в виде верховного правителя, который в национальной государственности предстает как некий универсальный заменитель принципа разделения власти, не предполагающей ни выборов, ни судов. Сменяемость руководства государственных органов происходит не в результате отставок нерадивых или неумелых и не с учетом общественного мнения, а вызывается факторами субъективного порядка, когда огромную роль играет учет не только (порой и не столько) деловых и профессиональных качеств, но и лояльность, принадлежность или близость к правящему классу.

Как бы ни протекал процесс прихода к власти президентов стран ЦАР, какие бы социальные группы они ни представляли, ни один из них не состоялся бы как глава государства, если б не воспринимался значительной частью населения в качестве сильной личности, что является отличительной чертой исламского общественного сознания. Главы Казахстана и Узбекистана, Н.Назарбаев и К.Каримов, предстают политическими долгожителями постсоветского пространства, пережившими не только Брежнева, Горбачева, Ельцина, с которыми им довелось вместе работать или сотрудничать, но и благополучно миновать рифы революционных общественных перемен. При этом они сохраняют харизматический образ сильных, многоопытных и авторитетных государственных деятелей, умеющих балансировать между мировыми державами, налаживать многовекторную внешнюю политику. Щепетильный в отношении к проявлениям авторитаризма историк Р.Медведев полагает, что Казахстан, управляемый бессменным президентом, «устремлен в будущее», и подчеркивает, что Казахстан «единственное государство в СНГ, где уже сегодня есть скрупулезно разработанная стратегия развития страны до 2030 года»¹.

При всей схожести общественно-политического устройства государств Центральной Азии, имеются и определенные различия, нередко принципиального характера. В туркменском Меджлисе (парламент) все места принадлежат членам правящей Демократической партии. Таким образом, фактически установлена однопартийная система. В парламенте Казахстана представлено несколько партий, среди киргизских парламентариев есть даже исламисты, но 85% депутатов состоят в президентской партии «Ак Жол». Разумеется, было бы большим преувеличением относить такого рода нюансы к проявлению политического плюрализма в том или ином центральноазиатском государстве. Скорее, речь идет о ее первичных формах, своеобразной модификации управляемой демократии в ее восточно-исламской редакции. Эта система государственного управления сформировалась не без учета российского опыта, ввиду инерционной предрасположенности к такого рода взаимодействию.

¹ См.: Россия в глобальной политике. 2006, №4.

С самого начала независимой истории центральноазиатских государств особую окраску политическим устремлениям их элит придавали богатейшие природные ресурсы. Широкие представления о финансово-экономических возможностях и грядущем процветании связывались с возможностями, которые, как считалось, таятся в самом факте перехода под национальный контроль нефтегазовой промышленности (Казахстан, Туркменистан), добычи золота и газа (Узбекистан, Киргизия). Но, хотя некоторые социальные группы этих стран приобщаются к новым финансовым потокам, уровень и качество жизни в Центральной Азии в целом пока еще далеки от европейских стандартов. Исследование Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) "Кризис в России и странах бывшего СССР" подтвердило, что материальным положением своей семьи довольны 51% опрошенных киргизов, 44% узбеков и 34% таджиков¹. Зато правящие элиты очень скоро уловили важную политическую составляющую сырьевых богатств: интерес, проявляемый мировыми силами к региону, превращал сокровища недр, и прежде всего углеводородные, в едва ли не важнейшее средство укрепления власти. Не столь уж и трудно понять, насколько зыбка реальная власть, лишенная иностранных инвестиций и технологий, этим инструментом создания политических групп влияния и воздействия на формирование внутри- и внешнеполитического курса страны. Именно под таким углом зрения расценило узбекское политическое руководство андижанские события.

Политика балансирования между двумя (или тремя) мировыми силами рассматривается центральноазиатскими правящими классами как своего рода эликсир политического долголетия. Растущие финансовые возможности, нефтедолларовый фактор действуют в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане точно так же, как в Ираке или Иране времен баасистских реформ и «белой революции». Они расширяют социальную зону поддержки правящих классов, позволяют манипулировать общественным мнением, пользуясь монополией на средства массовой информации, и нейтрализовать оппозиционные движения.

Своеобразие ситуации, в котором оказался центральноазиатский регион, состоит в том, что США и Россию здесь по-прежнему рассматривают как державы, с мощью которых нельзя не считаться, финансами и технологиями которых можно воспользоваться, но при этом они не воспринимаются более местными элитами и мусульманскими массами в качестве моральных лидеров, несущих миру идеи подлинного гуманизма или демократии. Россия, в свою очередь, политически поддерживает сильную власть, если та проявляет готовность так или иначе признать геостратегическую роль РФ и поддерживать ее геополитические инициативы.

Особого рода своеобразие в реализацию планов устойчивого развития стран ЦАР вносит и его близость к одному из трех крупнейших мировых центров производства наркотиков, так называемому «золотому полумесяцу»

¹ "Gazeta.kz", 06 авг. 2009, Казахстан.

(Афганистан, Пакистан). Угроза, таящаяся в этом факторе для России, равно как и реальность инфильтрации талибанской редакции исламской революции, создают серьезные предпосылки для нового российского продвижения в просторы центральноазиатского региона.

Есть примеры непредвзятого понимания исторических судеб ЦАР и в самом регионе. Экс-президент Киргизии Аскар Акаев (и не он один) не раз подчеркивал, что присоединение региона к Российской империи положило конец «300-летнему хаосу в Центральной Азии». «Россия дана нам Богом и историей», - утверждал он¹. Несмотря на некоторую выпренность и дипломатическую заданность мысли, она, думается, отражает геостратегический контекст политических пристрастий региона, становящегося ареной масштабного политического соперничества ведущих мировых держав. В то же время, как считает директор Центра стратегических исследований (ЦИ) при президенте Республики Таджикистан Сухроб Шарипов, вся политическая система и политические элиты центральноазиатских государств постепенно отходят от России как от интегрирующего центра². По его мнению, инерционный период, связанный с идеей восстановления СССР, к которому многие политические элиты в Центральной Азии были готовы, оказался иллюзорным в связи с неготовностью России взять на себя миссию такого центра. Сам ученый не считает это позитивным явлением, но факт есть факт: в странах региона пророссийские силы серьезно ослаблены. Одновременно усилился интеграционный процесс между государствами Центральной Азии и их политическими элитами. Институциональным выражением этого процесса стало создание Центральноазиатского экономического сообщества (ЦАЭС) и Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Летом 2009 г. «малый» саммит президентов Таджикистана, России, Афганистана и Пакистана в Душанбе рассмотрел важнейшие для региона проблемы координации борьбы с экстремистами и наркотрафиком, а также совместные проекты в энергетике, что говорит о больших возможностях политики расширения связей государств макрорегиона.

Государственное и политическое преобразование изменило облик странах Центральной Азии. Насколько же четко проявляются в нем (если вообще) демократические черты? С одной стороны, конституционно в регионе закреплен новый вектор развития политических систем в перспективном демократическом направлении. С другой, демократия в них пока активно не работает. Впрочем, страны ЦАР находятся в самом начале процесса демократизации. Было бы большой наивностью ждать от них более совершенных практических результатов в строительстве новой государственности.

Концепция создания «открытого общества», воспринятая центральноазиатскими политическими элитами (но не массами), копирует

¹ Геополитика-безопасность-терроризм. Сб. ст. Бишкек, 2006.

² Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии, [ИА "Азия-Плюс"](#) , 01.02.2009.

механизмы и институты, созданные на историческом опыте западных стран. Подчинение их своеволию местных кланов только подчеркивает несоответствие западных демократических ценностей преобладающим здесь формам сознания и политической культуры. В этом первопричина болезненности переходного периода, противоречивости становления новых политических систем. Социальное расслоение общества, всемогущество правящего класса, нищета и бессилие широких масс не могут не вызвать разочарования в обществе. Итогом такого положения вещей является системный тупик, обход которого кое-кому из местных интеллектуалов видится в «национальном конституционном государстве с местным азиатским колоритом».

Такими на данный момент представляются общие контуры преобразования политических систем Центральной Азии, которое на определенном этапе может привести к конструированию оптимальных форм национально-демократического устройства.

Некоторые эксперты, в том числе и западные (например, профессор социологии К. Оффе, руководитель Отделения политических наук берлинского Университета Гумбольдта), полагают, что рекомендации по «фронтальному наступлению» на все области политической, экономической и социальной жизни обществ Центральной Азии внедрены вполне удовлетворительно, и их можно воспринять как инструмент трансформационной стратегии для региона. Приоритетными его звеньями являлись «революционное установление класса предпринимателей», стремительная приватизация бывшей государственной или коллективной собственности, введение инструментов рыночной экономики. Ответ на вопрос, насколько все это приблизило народы ЦАР к обещанной властями социальной справедливости, демократии и лучшему будущему, следует искать в практических результатах самого революционного реформирования.

Ныне регион вступил в критическую фазу, ему угрожает длительная стагнация, а в некоторых случаях и регресс, деградация политических систем. В ближайшие годы можно ожидать усиления авторитарных тенденций с параллельным сужением свободы СМИ и неправительственного сектора. Как показывает история реформ, это может сопровождаться очередными реформаторскими инициативами правящих лидеров.

Президент Киргизии Курманбек Бакиев летом 2009 г. уже объявил о начале масштабных реформ. Планируется оптимизировать систему государственного управления, создать новую военную доктрину, облегчить жизнь предпринимателям, создать национальную идеологию, наладить диалог властей и общества, повысить уровень жизни.

Направленность развития, способность эволюции к национально-демократическому устройству во многом будут зависеть от того, как правящим классам стран региона удастся преодолеть главную проблему, вызванную естественным старением их лидеров. Речь идет о необходимости найти максимально безболезненный вариант преемственности во избежание очередной революционной встряски, которую неокрепшие государственные образования могут просто не выдержать. Сохранение стабильности, столь

необходимой на данном этапе, видится в наследовании, что подтверждается возникновением ряда неформальных центров власти (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан). Не исключено, что правящие партии используют некоторые аспекты опыта Индийского национального конгресса или, скорее, более свежий пример Азербайджана, кстати, благосклонно воспринятый и Россией, и Западом. Нельзя исключать, с учетом возрастающего значения личностного фактора, и попытки реализации государственных проектов, предполагающих обновление сложившихся политических структур на основе консолидации всех национальных сил, включая исламские элементы. Ислам, берущий общественную силу от большинства населения и влияющий на характер социальных отношений, может выступить в качестве консолидирующего фактора в формировании национально-демократического государства. Необходимо учесть, что эволюция международного исламского движения начинает оказывать все возрастающее влияние на умонастроения политических элит, в том числе и правящих. В этом смысле в странах ЦАР при определенных обстоятельствах перспективным видится обращение к политической практике и опыту умеренного, секуляризованного ислама (Турция). На этой основе может возникнуть движение, способное аккумулировать столь недостающие центральноазиатской политической среде принципы политической демократии и патриотизма. Наряду с этим вполне возможны и спонтанные образования патриотических движений, усиление патриотического элемента в реформаторском курсе.

Свою энергетику имеет и некая геополитическая предопределенность исторических судеб региона: российская экспансия и внутренняя тяга к великой азиатской империи Турану, которая просматривается в нынешних реалиях как скрытый и явный дрейф в сторону Китая.

Планы США по созданию «санитарных кордонов» вокруг России и Ирана, а также сдерживания Китая, а также - как ответная мера – поиски блоковых форм противодействия американской политике - только начало большой игры, разворачивающейся в регионе. Ее исход во многом предопределит эволюцию общественного развития, складывающихся политических систем.

2. В.Гусейнов, А.Гончаренко. Энергический потенциал региона

Центральная Азия в мировой энергетической политике

Центральная Азия имеет неоспоримую ценность как богатая кладовая минеральных запасов глобального значения. Прежде всего это касается запасов нефти и газа. Согласно данным компании BP¹, установленные нефтяные запасы Казахстана составляют 5,3 млрд. тонн (39,8 млрд. баррелей), это 3,2% мировых запасов. Запасы газа Казахстана исчисляются 1,82 триллиона куб. м (1% мировых), Узбекистана – 1,58 трлн. куб. м (0,9% мировых), Туркмении - 7,94 трлн. куб. м (4,3% мировых).

¹ «Статистический обзор мировой энергетики 2009 г.» (www.bp.com/statisticalreview)

Во-вторых, велика стратегическая ценность ЦАР как важного узла транспортных коммуникаций. Энергетические ресурсы Прикаспия оказались в центре сложного переплетения интересов многих стран. При этом для Казахстана и Туркмении залежи нефти и газа едва ли не единственный реальный источник средств для выживания, преодоления социально-экономических проблем. Не имея достаточных возможностей для освоения месторождений собственными силами, они после распада СССР взяли курс на сотрудничество с западными компаниями, которые не прочь закрепиться в перспективной зоне. Россия, со своей стороны, добивается, чтобы осуществление нефтяных и газовых проектов в регионе находилось под ее контролем. Это придало особую важность вопросу о транспортировке каспийских нефти и газа. Государства ЦАР рассматривают создание альтернативных трубопроводов как принципиальное условие обеспечения реальной независимости. Через территорию Казахстана проходит один из основных газопроводов Средняя Азия – Центр (САЦ), позволяющий поставлять узбекский и туркменский газ в Россию, на Украину, в страны Закавказья. Узбекистан – транзитная страна для туркменского газа, а Казахстан – для узбекского.

Данные обстоятельства определяют стратегически важную роль региона в условиях ужесточающейся конкуренции на мировых энергетических рынках, нового этапа обострения борьбы за энергоресурсы. Многолетний рост цен на углеводороды (вплоть до середины 2008 г.) заставил страны-потребители еще активнее искать доступ к новым источникам поставок, а владельцев ресурсов использовать ситуацию для получения дополнительных политических и экономических преференций. Обвал цен на нефть, последовавший наряду с глобальным финансово-экономическим кризисом, не сильно видоизменил ключевые тенденции на рынке углеводородов. Коррекция спроса на нефть и газ не отменила стратегической значимости для энергозависимых стран доступа к запасам и обеспечения безопасности транспортировки. Напротив, снижение цен на углеводородные энергоносители наряду с ухудшением экономической ситуации серьезно затормозили развитие дорогостоящих проектов разработки альтернативных энергоресурсов.

Центральная Азия становится местом, где в наибольшей степени проявляется соперничество и борьба за влияние основных глобальных центров силы: США, ЕС, России, Китая и других. Причем интересы игроков подчас диаметрально противоположны.

Россия намерена закрепить свое исторически сложившееся монопольное положение на энергетических рынках стран СНГ. И дело здесь не только в геополитическом противостоянии. Газ Центральной Азии играет важнейшую роль в энергобалансе России. В настоящее время он необходим «Газпрому», чтобы полностью обеспечить имеющиеся контракты по поставкам топлива в Европу. И российский холдинг год от года наращивает объем импорта газа из Центральной Азии, несмотря на его удорожание. Не обладая выбором в использовании политических рычагов воздействия на страны региона, Россия ставит их в зависимость прежде всего от своих транспортных мощностей.

Если Россия пытается сохранить интересы в ЦАР, то сами государства региона, обладая значительным углеводородным потенциалом, стремятся максимально дистанцироваться от российского влияния и стремятся к диверсификации поставок. Их усилия подогревает заинтересованность ЕС и Китая в получении нефти и газа из Центральной Азии. При этом стремление ЕС наладить канал закупок углеводородов из региона в обход России поддерживают США, которые, стремясь взять регион под свой экономический и политический протекторат, ведут политику максимального «выдавливания» России из энергетических проектов.

За достаточно короткое время США и их западноевропейские союзники разработали и предложили ряд маршрутов по доставке каспийской нефти и газа на мировые рынки в обход России. Некоторых успехов на этом направлении ЕС уже удалось добиться. Введен в эксплуатацию нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан. Начал функционировать газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум, по которому «голубое топливо», добываемое на азербайджанском месторождении Шах Дениз на шельфе Каспия, стало поступать с июля 2007 г. в газовую систему Турции. Этот газопровод должен стать звеном трубопроводной системы, по которому газ Центральной Азии может поступать через Турцию в Европу. Диверсификация источников энергии и способов их доставки - своеобразная «идея фикс» ЕС, ее реализация означает прокладку новых трубопроводных маршрутов транспортировки нефти и природного газа в обход России. На саммите глав государств и правительств ЕС в 2007 г. была утверждена стратегия сотрудничества Европейского Союза с Центральной Азией, что в очередной раз подтвердило заинтересованность западноевропейцев в укреплении своих геополитических позиций в регионе, входящем в сферу жизненных интересов России.

В подтверждение своих намерений в ноябре 2008 г. Еврокомиссия представила стратегический пакет мер по энергетической безопасности ЕС до 2050 г. Среди первоочередных мер в нем значится создание Каспийской корпорации развития (Caspian Development Corporation) для закупки и транспортировки природного газа из Центральной Азии через Каспийское море в обход России. Корпорация должна вложить средства в инфраструктуру Туркмении и Казахстана по добыче газа и в создание Транскаспийского газопровода. Конечной целью проекта является создание для ЕС Южного газового коридора (с подключением к газопроводу «Набукко») и снижение энергетической зависимости от России.

Ключевую роль в реализации трубопроводных проектов по экспорту газа в Европу играет Туркмения. Она второй после России производитель и экспортер газа на постсоветском пространстве. После прихода к власти нового президента Г.Бердымухаммедова основные мировые игроки начали новый раунд соперничества за влияние на Туркмению.

Борьба за регион еще более обострилась с включением в конкуренцию на углеводородном рынке ЦАР Китая. У КНР не только растет заинтересованность в сырьевых ресурсах и емких рынках региона, но и явно претендует на политико-экономическое влияние в нем. Ключевым

стратегическим партнером Китая в каспийском регионе является Иран. Китайские компании выступают операторами в добывающих проектах в Азербайджане и Казахстане. Казахстан считается в Китае особенно перспективным в качестве поставщика нефти и газа. В последнее время Китай активно действует в Туркмении, с руководством которой достигнута договоренность о строительстве газопровода в КНР.

Нефтегазовый потенциал стран Каспийского региона и транспортные проекты

Объем уже выявленных и подтвержденных запасов нефти и газа в Казахстане, Туркмении и Узбекистане позволяет с уверенностью говорить о том, что центральноазиатские государства относятся к числу наиболее значимых и перспективных производителей и экспортеров углеводородов в мире.

Главным приоритетом экономической политики наиболее богатых нефтью и газом стран региона является наращивание экспорта углеводородов на внешние рынки, причем экспорт этот имеет ярко выраженную тенденцию к увеличению. Межрегиональная торговля углеводородами представлена, в основном, поставками небольших количеств узбекского газа в Казахстан, Киргизию и Таджикистан.

Весьма показательно, что ныне объемы добычи и экспорта углеводородов (на рынке вне региона) выше, чем в советское время. Если в 1990 г. в Казахстане, Туркмении и Узбекистане было добыто 27 млн. т нефти и 140 млрд. куб. м газа, то в 2007 г. объемы добычи составили 83 млн. т нефти и 154 млрд. куб. м газа¹. В 1990 г. тогдашние советские республики экспортировали (в том числе внутри СССР) 14,8 млн. т нефти (только из Казахстана) и 82 млрд. куб. м природного газа (из Туркмении и Узбекистана), а в 2007 г. объемы экспорта составили 68 млн. т нефти и 80 млрд. куб. м газа².

Пути транспортировки центральноазиатского газа во многом обусловлены созданной во времена СССР системой централизованных поставок топлива. Четыре нитки магистрального газопровода Средняя Азия – Центр (САЦ) следуют из Туркмении через Узбекистан (и далее в Казахстан), еще одна нитка – вдоль побережья Каспийского моря через Казахстан. Существуют и дополнительные ответвления САЦ, среди которых особо выделяются два: между Туркменией и Казахстаном и между Казахстаном и российским Кавказом. В свою очередь, две нитки газопровода Бухара – Урал начинаются на территории Узбекистана в районе города Газли (Бухарская область), пересекают Каракалпакскую автономную республику (Узбекистан) и следуют через Казахстан на Южный Урал. Кроме того, по территории Казахстана проходят два других газопровода (Оренбург – Новопсков и Союз), которые транспортируют газ сибирских месторождений в европейском направлении.

¹ В.В. Парамонов и А.В.Строков. Экспорт нефти и природного газа из стран Центральной Азии (<http://www.asiastrategy.ru>)

² Там же.

Если региональная газотранспортная инфраструктура создавалась в советское время и поэтому ориентирована на поставки газа в российском направлении, то в отношении поставок нефти ситуация несколько иная. В советские времена разведанные запасы нефти в регионе практически не разрабатывались, и определять направления нефтяных потоков пришлось в жесткой конкурентной борьбе, развернувшейся в 1990-х гг. Пока России удается ориентировать основные направления транспортировки нефти на себя. Однако серьезными конкурентами выступают Китай и страны ЕС. Последние, впрочем, нацелены прежде всего на газовый экспорт из Туркмении, борьба вокруг которого в последние годы серьезно обострилась.

Казахстан

Казахстан входит в десятку ведущих стран в мире по запасам углеводородов. Государственным балансом полезных ископаемых учтено 233 месторождения углеводородного сырья. Общие прогнозные извлекаемые ресурсы нефти и газа в Казахстане оцениваются в пределах 17 млрд. т, из них более 8 млрд. т приходится на казахстанский сектор Каспийского моря. Утвержденные извлекаемые запасы нефти составляют около 5,3 млрд. т, газа - порядка 3,7 трлн. куб. м (данные Казахстана¹, тогда как по данным ВР – 1,82 трлн. куб. м), конденсата - более 300 млн. т. Исходя из текущих показателей добычи, нефтью Казахстан обеспечен более чем на 70 лет, газом - на 70-75 лет².

Нефтегазоносные районы республики, на которых расположено 172 нефтяных и конденсатных месторождения углеводородов (разрабатываются более 80), занимают площадь около 1,7 млн. кв. км (примерно 62% территории страны). Основные запасы нефти в Казахстане (более 90%) сконцентрированы в 15 крупнейших месторождениях - Тенгиз, Кашаган, Карачаганак, Узень, Жетыбай, Жанажол, Каламкас, Кенкияк. Каражанбас, Кумколь. Бузачи Северные, Алибекмола. Прорва Центральная и Восточная, Кенбай, Королевское³.

Основу нефтегазовой промышленности Казахстана составляют месторождения Тенгизское и Карачаганак.

Тенгизское месторождение, открытое в 1979 г., является одним из самых глубоких и крупнейших нефтяных месторождений в мире. Согласно последним оценкам, его извлекаемые запасы нефти составляют около 1,3 млрд. т. Месторождение разрабатывается СП ТОО «Тенгизшевройл» (основные акционеры – казахстанский «КазМунайГаз», американская компания ChevronTexaco – 50%, американская ExxonMobil – 25%, российско-американское СП «LUKARCO» -5%), которое с момента создания в 1993 г. добыла на Тенгизе около 140 млн. тонн нефти.

Нефтегазоконденсатное месторождение Карачаганак в северной части Прикаспийского бассейна было открыто в 1979 г. Извлекаемые запасы нефти

¹ Аскар Баталов, Булат Ужкенов. Ресурсный потенциал роста добычи. Нефтегазовая вертикаль №17/ 2008.

² ВР «Статистический обзор мировой энергетики 2009»

³ Ресурсный потенциал роста добычи. Нефтегазовая вертикаль №17/ 2008

месторождения составляют более 200 млн. т, газа - более 870 млрд. куб. м, конденсата - более 220 млн. т. Промышленная разработка месторождения началась в 1984 г. Месторождение разрабатывает компания Karachaganak Petroleum Operating B.V. (основные акционеры - British Gas -32,5%, Eni-Agip – 32,5%, ChevronTexaco – 20%, «ЛУКОЙЛ» - 15%). К настоящему времени в рамках реализации проекта построены Карачаганакский перерабатывающий комплекс, установки комплексной переработки газа, введен в эксплуатацию экспортный трубопровод Каспийского трубопроводного консорциума (КТК).

За последнее десятилетие добыча нефти в Казахстане выросла почти в три раза, до рекордных 72 млн. тонн по итогам 2008 г. В течение следующего десятилетия Казахстан рассчитывает удвоить объемы годовой добычи нефти и конденсата и войти в десятку крупнейших экспортеров углеводородов. Ожидается, что к 2015 г. прогнозируемая добыча нефти в стране составит 130 млн. т, при внутренней потребности, не превышающей 15 млн. т. Ожидается, что добыча сырого газа к 2015 г. возрастет до 80 млрд. куб. м¹.

Основные приросты добычи будут получены за счет разработки месторождений казахстанского сектора Каспийского моря и прежде всего Кашагана. Нефтяное месторождение Кашаган, открытое в 2000 г., является базовым Северо-Каспийского проекта, который осуществляет международный консорциум Agip КСО (акционеры - итальянская ENI, французская Total, американская ExxonMobil и британо-нидерландская Royal Dutch/Shell, «КазМунайГаз», которые имеют по 16,81% долевого участия, ConocoPhillips – 8,4% и Inpex 7,56%). Извлекаемые запасы нефти Кашагана составляют как минимум 2 млрд. т. А общие геологические запасы нефти месторождения оцениваются в 4,8 млрд. тонн. Теоретически на Кашагане возможна добыча 30 тыс. баррелей нефти в день².

Ключевую роль в республиканской нефтедобыче играют 10 компаний, которые добывают более 91% казахстанской нефти. Безусловное первенство принадлежит СП «Тенгизшевройл», которое добывает нефти больше, чем две другие компании, также входящие в тройку лидеров казахстанской нефтедобычи: Karachaganak Petroleum Operating B.V. (КРО) - более чем в 1,3 раза и АО «КазМунайГаз» - в 1,44 раза.

В рамках межгосударственных договоренностей в Казахстане работают три российские нефтегазовые компании: «ЛУКОЙЛ», «Роснефть» и «Газпром». Кроме того, в разведке и добыче нефти на Бегайдарском участке в Атырауской области участвует НК «Альянс». На стадии промышленной добычи находятся только три проекта с участием российских компаний: Кумколь, Тенгиз и Карачаганак на суше, - в которых присутствует «ЛУКОЙЛ».

Исходя из ограниченной емкости внутреннего рынка углеводородов, Казахстан особое внимание уделяет экспортным маршрутам. Экспорт (главным образом нефть, природный газ пока в незначительно и только в Россию) осуществляется, в основном, в Россию, Китай и ряд стран ЕС.

¹ Нефть и газ Казахстана. Нефтегазовая вертикаль №17/ 2008 г.

² Там же.

Нефть и нефтепродукты на внутренний и внешний рынки Казахстан поставляет по трубопроводам (85% всех поставок), железной дороге, а также морским и речным транспортом.

Нефтепроводная инфраструктура соединяет месторождения с нефтеперерабатывающими заводами (НПЗ) страны и трубопроводами Российской Федерации. Основная часть экспорта казахстанской нефти приходится на российское направление: нефтепровод Атырау-Самара, а также нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума, который соединяет казахстанское нефтяное месторождение Тенгиз и российский черноморский порт Новороссийск.

Нефтепровод Атырау-Самара является одним из основных экспортных нефтепроводов для поставки казахстанской нефти через систему нефтепроводов России и стран СНГ: на терминалы Черного моря (Одесса, Новороссийск, Южный), Балтийского моря (Приморск, Гданьск) и в европейские страны (Польша, Германия, Венгрия, Словакия, Чешская Республика и др.). В соответствии с российско-казахстанским межправительственным долгосрочным соглашением от 7 июня 2002 г., казахстанской стороне гарантирована возможность транспортировки углеводородов в направлении Атырау-Самара в объеме не менее 15 млн. т в год. Проект расширения нефтепровода Атырау - Самара предусматривает увеличение годовой мощности до 25 млн. т.

Магистральный нефтепровод Тенгиз - Новороссийск, введенный в эксплуатацию в октябре 2001 г. Каспийским трубопроводным консорциумом (акционеры: Россия - 31%, Казахстан - 20,876%; остальное — у частных компаний Chevron, Exxon, BP и др.) и имеющий протяженность 1.510 км, - один из крупнейших инвестиционных проектов с иностранным участием на территории бывшего СССР. Наиболее крупным поставщиком нефти в магистральную систему является СП «Тенгизшевройл», разрабатывающее Тенгизское месторождение. Вместе с тем транспортная система КТК принимает нефть от ряда других казахстанских и российских компаний.

Увеличение объемов добычи нефти и газа, освоение перспективных месторождений шельфа Каспия требуют динамичного развития нефтегазотранспортной инфраструктуры. Казахстан активно создает новые, расширяет и развивает существующие экспортные маршруты, строит перспективные экспортные нефтепроводы. При этом он стремится обеспечить множественность направлений экспорта углеводородного сырья и максимальную эффективность использования трубопроводных систем.

Одно из новых направлений экспорта нефти из Казахстана обеспечивает нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД). В июне 2006 г. президенты Казахстана и Азербайджана подписали соглашение о содействии транспортировке нефти из Казахстана через Каспийское море и территорию Азербайджана на международные рынки посредством системы БТД. По словам президента Назарбаева, Казахстан рассматривает этот проект как третий (после КТК и Атырау-Самара) крупный экспортный маршрут для транспортировки

нефти на внешние рынки¹. В настоящее время пропускная способность трубопровода составляет 50 млн. т нефти в год, в перспективе она может быть увеличена до 75 млн. т. По соглашению 2006 г., на начальном этапе по системе БТД будет ежегодно перекачиваться до 7,5 млн. т казахстанской нефти с последующим увеличением этого объема до 10-15 млн. т в год. Для доставки нефти в Баку предполагается использовать казахстанские порты на Каспии. В связи с этим планируется развитие порта Актау и строительство нефтяного терминала в поселке Курык.

24 января 2007 г. в Астане был подписан меморандум о взаимопонимании по проекту создания Казахской каспийской системы транспортировки нефти, предназначенной для танкерного экспорта казахстанской нефти через Каспийское море в систему БТД. Первоначальная мощность Казахской каспийской системы составит 25 млн. т нефти в год, в дальнейшем она может быть увеличена до 38 млн. т. Ввод системы в эксплуатацию планируется в 2012-2013 гг. (к этому времени должна начаться добыча нефти на Кашагане). Есть идея проложить нефтепровода Актау-Баку (в 2007 г. в рамках официального визита в Казахстан президента Азербайджана И.Алиева национальные компании «КазМунайГаз» и ГНКАР подписали Меморандум о совместном сотрудничестве по Транскаспийскому проекту), хотя этот проект вряд ли будет реализован по экологическим, технологическим и политическим причинам.

В рекордно короткие сроки идет прокладка китайско-казахстанского нефтепровода. Церемония начала его строительства состоялась в сентябре 2004 г., а в декабре 2005 г. была построена первая очередь нефтепровода Атасу-Алашанькоу (пропускная способность 10 млн. т в год). В июле 2006 г. по ней начались промышленные поставки сырья к китайско-казахстанской границе, а затем по китайскому нефтепроводу на нефтеперерабатывающий комплекс Душаньцзы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 2006 г. среднемесячный объем поставок казахстанской сырой нефти в Китай составил 300 тыс. т, в 2007 г. приблизился к 400 тыс. т, а в 2008 г. достиг 480 тыс. т. Таким образом, по данным на 9 августа 2008 года, объем импорта сырой нефти в Китай по нефтепроводу превысил 10 млн. тонн.

Летом 2007 г. CNPC подписала соглашение о расширении нефтепровода Атасу-Алашанькоу, и уже в декабре того же года было официально начато строительство второй очереди нефтепровода Казахстан-Китай, в рамках которой планируется проложить участок Кенкияк-Кумколь протяженностью 841,5 км. Казахстанско-китайский нефтепровод откроет новый путь для транспортировки не только казахстанской нефти, но и нефти других прикаспийских стран.

В связи с вводом в эксплуатацию нефтепровода Атасу-Алашанькоу и присоединением Казахстана к проекту Баку-Тбилиси-Джейхан сложившаяся экспортная структура будет меняться. При этом новые экспортные маршруты Казахстан рассматривает не в качестве альтернативы российским

¹ ИНТЕРФАКС-Казахстан 23 мая 2005 г.

транспортным проектам, а как дополнительные возможности для поставок на внешние рынки растущих объемов добытой нефти.

Есть перспективы и у южного направления, по которому нефть идет в Иран. Еще в 2004 г. Нурсултан Назарбаев в интервью газете «The Financial Times» назвал южный маршрут «наиболее привлекательным» для казахстанской нефти.¹ Пока рассматривается лишь первый этап реализации проекта, предполагающего танкерную перевозку нефти от казахстанских терминалов до иранского порта Нека. Объем своп-операций в настоящее время составляет приблизительно 80 тыс. баррелей в сутки. Впрочем, Иран активно проявляет интерес к возможному строительству нефтепровода между портами Нека и Джаск, стратегическая цель которого состоит в доставке каспийской нефти на побережье Оманского залива. Данный нефтепровод свяжет два порта, и сможет стать дополнительным источником поставок казахстанской нефти на мировой рынок.

Газотранспортная система Казахстана находится в достаточно хорошем состоянии, способна пропустить от 55 до 80 млрд. куб. м газа, с перспективой увеличения объемов прокачки до 120 млрд. куб. м в год.

При этом Казахстан придает важное значение и развитию других газопроводов, в первую очередь Магат – Северный Кавказ с расчетной пропускной способностью до 25,5 млрд. куб. м, а также проходящих по его территории Оренбург – Новопсков и Союз. Именно эти газопроводы могут обеспечить основные поставки казахстанского газа (через Россию) на внешние рынки.

Экспорт газа пока играет для Казахстана значительно меньшую роль по сравнению с экспортом нефти. Вплоть до 2007 г. страна не была экспортером газа, более того, сама импортировала газ из Узбекистана (для южных областей) и из России (для северных областей). С 2007 г. поставки узбекского газа в объеме от 3 до 4 млрд. куб. м осуществляются не напрямую: российский «Газпром» и казахстанский «КазМунайГаз» по договоренности с «Узбекнефтегазом» используют узбекский газ в своп-операциях. Кроме того, с 2007 г. поставки российского газа на север Казахстана были замещены поставками казахстанского газа (с месторождения Карачаганак).

Сведения о казахстанском потенциале газового экспорта противоречивы. Тем не менее, Казахстан проводит активную политику по диверсификации поставок газа на мировые рынки. В частности, в настоящее время строится китайско-казахстанский газопровод. В июле 2007 г. состоялась официальная церемония, посвященная началу строительства казахстанской части магистрального трубопровода Туркмения - Китай. Она будет состоять из двух параллельных трубопроводов общей протяженностью 1,3 тыс. км. Пропускная способность объекта составит 40 млрд. куб. м в год, из них 10 млрд. куб. м должен составить казахстанский газ. Реализация проекта намечена в две очереди.

¹ "The Financial Times", 27.05.2004

Маршрут первой (транзитной) очереди пройдет через Шымкент до Хоргоса и начнет работать в конце 2009 г. – начале 2010 г. Вторая очередь - Бейнеу-Бозой-Кызылорда-Шымкент - будет иметь протяженность 1.480 км; ее ресурсной базой станут нефтегазовые месторождения западных областей страны. Такая схема позволит Казахстану выполнить договоренности с Китаем и одновременно решить проблему газификации южного региона страны, испытывающего острый дефицит газа.

Туркмения

На конец 2008 г. в Туркмении было открыто 149 газовых и газоконденсатных месторождений с запасами 7,94 трлн. куб. м, в том числе 139 на суше и 10 на шельфе¹. В разработке находились 54 месторождения, подготовлено к эксплуатации 11.

Основные действующие месторождения в Туркмении – это Малай и Довлетабад (обеспечивает около 80% газового экспорта). Эти месторождения требуют серьезных инвестиций, в том числе в переработку газа, который требует тщательной очистки перед транспортировкой. Еще одно действующее месторождение, Шатлык, эксплуатируется достаточно давно и в значительной мере уже исчерпано.

Несмотря на значительные объемы поисково-разведочных работ, изученность территории Туркмении остается сравнительно невысокой. Исследованы практически только верхние слои нефтегазоносных отложений. С учетом того, что разведанные запасы и накопленная добыча составляют всего около 25% углеводородных ресурсов, продолжение геологоразведки открывает возможности для существенного увеличения промышленных категорий запасов.

Перспективы развития добычи нефти и газа в стране на ближайшие десятилетия в первую очередь связаны с активным освоением туркменского сектора Каспийского моря. С 1996 по 2005 гг. в туркменском секторе Каспийского моря пробурено 113 скважин. По заказу правительства Туркмении компания Western Geco (США) выполнила сейсморазведочные работы, охватывающие всю территорию туркменского сектора Каспия. По результатам исследований углеводородный потенциал туркменского сектора Каспийского моря оценен в 11 млрд. т нефти и 5,5 трлн. куб. м газа². Именно потенциал наращивания добычи углеводородов делает Туркмению привлекательным партнером.

Кроме шельфа, перспективными регионами для наращивания добычи газа в Туркмении являются правобережье Амударьи и Яшлар - Южно-Иолотаньская группа месторождений.

Энергетический сектор Туркмении очень привлекателен для иностранных инвесторов. Однако процесс привлечения иностранных инвестиций в разведку и особенно разработку нефтегазовых запасов затруднен.

¹ Нефть и газ Туркменистана Нефтегазовая вертикаль 04.05.2008

² Там же

Даже предоставление прежним президентом Ниязовым китайской CNPC лицензии на разработку нескольких месторождений на нефтегазоносной территории Багтыярлык было признано нынешним президентом Бердымухамедовым ошибкой¹. В 2008 г. прекращена выдача иностранным инвесторам лицензий на разработку месторождений, находящихся на суше. По мнению руководства страны, с этой задачей может справиться и государственный холдинг «Туркменгаз», привлекая зарубежные компании только для сервисных работ и поставок оборудования. Но процесс распределения лицензий на шельфе, по сути, так и не стартовал. Он тормозится отсутствием у Туркмении договоров о разграничении шельфа с соседями, прежде всего, с Ираном (который не раз намекал, что не допустит несогласованных действий), и Азербайджаном, с которым у Туркмении давний спор по поводу принадлежности месторождений Азери-Чираг-Гюнешли.

Туркменские геологи регулярно рапортуют президенту о том, что практически вся территория страны рассматривается как перспективная на нефть и газ, и приводят впечатляющие цифры. Вместе с тем ситуация с реальной оценкой запасов газа в Туркменистане, их разведанность является одной из главных интриг и тем для политических спекуляций. Особо стоит отметить значение последних громких открытий в республике: месторождений Южный Иолотань и Осман, которые, возможно, составляют единый комплекс и содержат 10 трлн. куб. м доказанных и вероятных запасов газа. Помимо газа, эти месторождения содержат и значительный нефтяной потенциал.

Одновременно было объявлено об амбициозных планах по наращиванию добычи и экспорта газа. Согласно официальным сообщениям, добыча газа в 2015 г. должна вырасти до 160 млрд. куб. м, в 2020 г. – до 170 млрд. и в 2030 г. – до 250 млрд. куб. м. Это - в перспективе. А пока из Туркмении экспорт осуществляется в Россию и в российском направлении (через территорию России на Украину), а также в Иран, и представлен преимущественно поставками природного газа.

Газовый экспорт (порядка 80% общей добычи) играет ключевую роль для экономики Туркмении. При стабильном внутреннем потреблении газа (18 млрд. куб. м в 2007 г.) объемы добычи диктуются в первую очередь экспортными обязательствами перед Россией и Ираном (в 2007 г. в Иран было отправлено 8,3 млрд. куб. м, 42,7 млрд. куб. м реализовано «Газпрому»).

Перспективные уровни добычи газа, зафиксированные в Программе развития нефтегазовой промышленности Туркмении на период до 2030 года, учитывают значительные объемы экспорта за счет роста поставок по двум действующим направлениям (в Россию и Иран) и по новым маршрутам. Самое большое достижение в этой области - начало строительства газопровода в Китай. В соответствии с достигнутым в 2007 г. между CNPC и ГК «Туркменгаз» соглашением, в течение 30 лет из Туркмении в КНР по трубопроводу будет поступать 30 млрд. куб. м природного газа в год (с

¹ Центральная Азия и Каспий: ловушка или спасение? - Фонд национальной энергетической безопасности. 2009

перспективой расширения до 40 млрд. куб. м)¹. Газопровод предполагается ввести в строй в начале 2010 года.

В декабре 2007 г. было подписано трехстороннее (Россия, Казахстан, Туркмения) соглашение по Прикаспийскому трубопроводу. Газопровод будет открыт не позднее конца 2010 г., его мощность составит 20 млрд. куб. м в год.

Существует и еще один газопроводный проект с участием Туркмении - Транскаспийский, рассчитанный на поставки туркменского газа на Запад в обход России.

Есть и четвертый газопроводный проект - Трансафганский газопровод мощностью 33 млрд. куб. м в год, по которому туркменский газ мог бы транспортироваться в Пакистан и Индию транзитом через Афганистан. Проект Трансафганского газопровода Туркмения пытается осуществить с 1993 г. Вначале реализовать идею покойного президента Ниязова взялись американские компании (в частности, Unocal, создавшая международный консорциум CentGas по строительству трубопровода), но Unocal вышла из проекта, когда в конце 1990-х гг. к власти в Афганистане пришли талибы. После свержения талибов в 2001 г. многосторонние переговоры о строительстве трубопровода возобновились. США всячески поддерживают туркменский проект, чтобы помешать прокладке альтернативного газопровода из Ирана. Между тем высокие риски строительства газопровода через территорию Афганистана и Пакистана, а также отсутствие политических гарантий сохранения иностранных инвестиций в Туркмении не позволяют говорить о реализации проекта Трансафганского газопровода в обозримом будущем.

Добыча нефти в Туркмении до середины 1980-х гг. составляла около 6-7 млн. т в год. Однако в 1990-е гг. в результате разрыва хозяйственных связей, распада СССР и исчерпания разрабатываемых месторождений произошло почти двукратное снижение производства жидких углеводородов - до 4,4 млн. т в 1996 г. В 2007 г. удалось остановить продолжавшееся с 1990-х гг. снижение добычи нефти. В то же время намеченного увеличения производства на 15%, (до 10,4 млн. т) достичь не удалось: суммарная добыча нефти, включая месторождения на каспийском шельфе, выросла за год на 9% - до 9,8 млн. т².

Роста производства нефти удалось добиться за счет ввода в эксплуатацию новых скважин, главным образом на месторождении Южный Камышлыджа (структуры Небилдже, Шатути Герчек) и возвращения в строй скважин из бездействующего фонда. Свою роль сыграла и деятельность иностранных компаний на туркменском шельфе Каспия. Перспективы значительного расширения добычи нефти в стране связаны именно с притоком зарубежных инвестиций. Кроме того, активно используется опыт иностранных компаний по внедрению современных технологий разведки и добычи углеводородов.

¹ Нефть и газ Туркменистана Нефтегазовая вертикаль 04.05.2008

² Нефть и газ Туркменистана Нефтегазовая вертикаль 04.05.2008

В настоящее время в Туркмении действуют пять иностранных компаний, работающих на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). Три из них: Dragon Oil (52% принадлежат арабской Emirates National Oil Corporation Company Ltd.), малайзийская Petronas Charigali и датская Maersk Oil - являются операторами проектов на шельфе; две: британская Burren Energy Ltd. (блок Небитдаг) и Maytro International, выступающая в качестве подрядчика оператора «Туркменнефть» в составе консорциума «Хазар», - работают на суше. Нефть на шельфе добывает только Dragon Oil.

Всего в стране в эксплуатации находятся 25 нефтяных и нефтегазовых месторождений. Большая их часть расположена на суше в западной части страны. Сухопутные месторождения в основном разрабатывают нефтегазодобывающие управления государственного концерна «Туркменнефть», на долю которых в 2008 г. пришлось около 70% всей добытой в Туркмении нефти.

Помимо «Туркменнефти», операции на суше ведет британская компания Burren Energy, которая на основе 100-процентного СРП разрабатывает месторождения на блоке Небит-Даг.

Экспорт нефти гораздо менее значим для Туркмении, чем экспорт газа. Причем, объемы добычи и экспорта нефти в течение 2003-2007 гг. оставались стабильными: ежегодно добывалось в пределах 9,3-10,8 млн. т, а экспортировалось от 7,2 до 8,4 млн. т. Внутреннее потребление нефти в Туркмении составляет от 2,1-2,4 млн. тонн.

Среди российских компаний интерес к туркменскому шельфу проявили «Газпром» и «ЛУКОЙЛ». Судьба ЗАО «Зарит», созданного в 2002 г. «Роснефтью», «Зарубежнефтью» и «Итерой», все еще неизвестна, заключение СРП на разработку трех шельфовых блоков (29-31) несколько раз откладывалось.

Узбекистан

Узбекистан занимает второе место (после Казахстана) среди стран Центральной Азии по запасам нефти и третье (после Туркмении и Казахстана) по запасам природного газа. Ежегодно в республике добывается более 60 млрд. куб. м природного газа. Подтвержденные запасы нефти в стране составляют около 82 млн. т, газа – 1,58 трлн. куб. м. При существующем уровне добычи Узбекистан обеспечен разведанными запасами природного газа на 31 год, нефти - на 21 год, конденсата - на 25 лет.¹

В пяти нефтегазоносных регионах страны (Устюртский, Бухаро-Хивинский, Гиссарский, Сурхандарьинский, Ферганский) открыты 211 месторождений углеводородного сырья, из них 108 - газовых и газоконденсатных, 103 - нефтегазовых, нефтегазоконденсатных и нефтяных.

Из открытых месторождений 48% находятся в разработке, 34% подготовлены к освоению, на остальных продолжаются разведочные работы.

¹ "Большая игра": новый раунд. Красная звезда 18.02.2009

Около 75% запасов нефти сосредоточены в Кашкадарьинской области, прежде всего, на крупнейшем в стране месторождении Кокдумалак (почти 70%)¹.

До 2010 г. планируется подготовить под глубокое поисково-разведочное бурение около 150 перспективных объектов. В соответствии со стратегической программой геологоразведочных работ на нефть и газ в период 2005-2020 гг. предусматривается прирастить запасы углеводородов в объеме 1,15 млрд. т условного топлива, в том числе более 1 трлн. куб. м газа, около 70 млн. т нефти и 66 млн. т конденсата.

Для ускорения геологоразведочных работ Узбекистан активно привлекает иностранных инвесторов. В настоящее время на его территории выделен 41 инвестиционный блок на разведку и разработку нефтегазовых месторождений.

Мощности компании «Узбекнефтегаз» позволяют обеспечивать добычу природного газа в объеме около 60 млрд. куб. м, а нефти и газового конденсата - 8 млн. т. По имеющимся геологическим оценкам, потенциальные ресурсы нефти в стране могут составлять более 5,3 млрд. т, а газового конденсата - 480 млн. т. Геологоразведочные работы ведутся интенсивно: в 2008 г. открыто 15 месторождений (в 2007 г. - 8). При этом пока в Узбекистане освоено только около 20% от общего объема углеводородных ресурсов².

С 2007 г. «Узбекнефтегаз» приступил к выполнению четырехлетней программы наращивания производства природного газа за счет собственных инвестиций³. Программа предполагает реализацию нескольких крупных инвестиционных проектов, нацеленных на увеличение доли национального сектора в производстве природного газа. Узбекский холдинг рассчитывает после 2010 г. нарастить добычу газа на 15,5 млрд. куб. м в год. Реализовав эти проекты, «Узбекнефтегаз» на следующие несколько лет сохранит за собой статус одного из основных экспортеров в ЦАР.

Общая протяженность магистральных газопроводов Узбекистана превышает 13 тыс. км. Пропускная способность газотранспортной системы страны составляет 55 млрд. куб. м в год, что позволяет обеспечить прокачку транзита из Туркмении, а также поставку узбекского газа на экспорт. На северо-западе страны проложены отдельные участки трансрегиональных газотранспортных систем Средняя Азия-Центр и Бухара-Урал. По этим газопроводам в 1980-е гг. среднеазиатский газ шел на промышленные объекты Урала и европейской части Советского Союза.

Углеводородный экспорт Узбекистана, представленный исключительно поставками природного газа, осуществляется в Россию, Казахстан (с 2007 г. – в рамках своп-операций), Киргизию и Таджикистан. В течение 2003-2008 гг. динамика увеличения объемов экспорта газа превышала динамику роста добычи. Большая часть (порядка 80%) добываемого газа идет для внутреннего потребления. Это связано как с многочисленностью населения (около 27 млн.

¹ Узбекистан: будущее за газом Нефтегазовая вертикаль 16.05.2009

² Там же

³ Особенности газовой стратегии Узбекистана. Нефтегазовая вертикаль 04.05.2008

человек), наличием в стране энергоемких производств, так и с высокой долей природного газа (до 80%) в топливно-энергетическом балансе страны.

Для России Узбекистан - важный транспортный коридор, по которому осуществляется транзит туркменского газа. В общем объеме закупок «Газпромом» центральноазиатского газа (64 млрд. куб. м в 2007 г.) на долю узбекского топлива пришлось 20%¹.

Наиболее крупные запасы нефти в Узбекистане содержит месторождение Кокдумалак, извлекаемые запасы которого составляют немногим более 50 млн. тонн нефти и 65 млн. тонн газового конденсата. Из-за ограниченности добычи нефть в Узбекистане идет на обеспечение потребностей национальных нефтеперерабатывающих заводов. Переработкой сырья заняты два НПЗ, Ферганский и Алтыарыкский, проектная мощность которых составляет соответственно 5,5 млн. т и 3,2 млн. т в год.

Добыча нефти в Узбекистане в 2008 г. по сравнению с 2007 г. сократилось на 15% и составила 2,6 млн. т². В то же время за год удалось значительно (на 19,5%) увеличить добычу газового конденсата - до 2,2 млн. т. Снижение нефтедобычи связано, главным образом, с истощением давно эксплуатируемых узбекских месторождений, большинство из которых находятся в разработке свыше 30-40, а некоторые около 90 лет.

Новые крупные запасы нефти в Узбекистане пока не открыты, и для страны актуальна проблема «дожать» по максимуму старые месторождения. С этой целью «Узбекнефтегаз» активизирует работы по реабилитации длительно разрабатываемых месторождений, используя опыт и технологии иностранных компаний - чешской Eriell Corporation, китайской CNPC, сингапурской Oil Tech E&P и др.

С каждым годом нефтепереработке Узбекистана все трудней поддерживать уровень производства из-за нехватки сырья, в 2008 г. не была обеспечена загрузка даже половины установленных мощностей НПЗ. И тенденция такова, что с каждым годом их обеспеченность узбекским сырьем снижается. Приходится наращивать импорт нефти в соседнем Казахстане. Узбекистан является импортером нефти и останется таковым, по крайней мере, до 2030 г., поскольку до этого времени динамика роста внутреннего потребления нефти будет превосходить динамику роста ее добычи.

Взаимодействие с Узбекистаном в рамках уже действующих торговых, добычных и сервисных проектов ведут российские «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Союзнефтегаз», «Стройтрансгаз». «Газпром» ведет добычу на месторождении Шахпахты в Устюртском регионе. Проект предусматривает доработку месторождения с остаточными запасами 8 млрд. куб. м газа на условиях СРП. ЛУКОЙЛ с 2007 г. в рамках реализации СРП по проекту Кандым-Хаузак-Шады-Кунград начал промышленную добычу газа на участке Хаузак в Бухарской области. В 2008 г. «ЛУКОЙЛ Оверсиз» приобрел активы группы SNG Holdings Ltd., включая компанию «Союзнефтегаз Восток Лимитед»,

¹ Нефтегазовая вертикаль 04.05.2008

² Кризис апстрима. Нефтегазовая вертикаль 16.03.2009

которая годом раньше получила лицензию на разведку и разработку на условиях СРП ряда крупных месторождений в Узбекистане.

Сегодня на долю России приходится более 40% всех иностранных инвестиций Узбекистана. Вряд ли это предел. Россия, учитывая активизацию сотрудничества двух стран в сфере ТЭК, готова к дальнейшему увеличению инвестиций в экономику Узбекистана.

Киргизия и Таджикистан

Подтвержденные запасы природного газа в Киргизии оцениваются в 6 млрд. куб. м. Освоение газовых месторождений здесь затруднено из-за геологических особенностей и недостаточно развитой инфраструктуры. Собственная добыча природного газа в стране составляет около 30 млн. куб. м в год, потребление – порядка 500-750 млн. куб. м в год.

Несмотря на отсутствие крупных газовых запасов, Киргизия и Таджикистан занимают видное место в энергетической политике России в Центральной Азии¹. Основную задачу Россия видит в том, чтобы максимально интегрироваться в энергетический сектор этих государств, чтобы еще сильнее привязать их политику к интересам России. У Киргизии и Таджикистана задачи иные: обеспечить значительные инвестиции в свои экономики, развить инфраструктуру и получить поддержку РФ в обеспечении импортным газом, который они вынуждены закупать у Узбекистана, использующего свое положение монопольного поставщика для получения наибольшей коммерческой и политической выгоды.

В мае 2007 г. «Газпром» и правительство Киргизии заключили соглашение об общих принципах проведения геологического изучения недр, в рамках которого в 2008 г. российская компания получила две лицензии на право пользования участками недр. В том же году была утверждена поэтапная программа геологического изучения недр на этих площадях на 2008-2011 годы. Одной из главных своих проектов «Газпром» называет строительство подземного хранилища газа, где концерн сможет держать на случай форс-мажора часть закупаемого в Туркменистане и Узбекистане газа. Кроме того, «Газпром» рассчитывает получить 75%-ный пакет ОАО «Кыргызгаз», как заявил в августе 2009 г. посол Киргизии в Москве Раимкул Аттакуров, вопрос об участии «Газпрома» в приватизации «Кыргызгаза» «урегулирован» и российская компания получит контрольный пакет². В то же время Киргизия старается оттянуть приватизацию, чтобы иметь возможность для маневра и получить больше обязательств со стороны покупателя. «Газпром» обещал инвестировать в Киргизию около \$300 млн., хотя в условиях финансового кризиса и в связи с необходимостью снижения затрат концерна вложения будут гораздо скромнее.

Перспективы добычи газа в Таджикистане выглядят более реальными. «Газпром» и правительство Таджикистана подписали соглашение «Об

¹ Центральная Азия и Каспий: ловушка или спасение? - Фонд национальной энергетической безопасности. 2009

² Ведомости. 06.08.09

основных принципах проведения геологического изучения недр на нефтегазоперспективных площадях Республики Таджикистан», в рамках которого ЗАО «ГазпромЗарубежнефтегаз» ведет поисково-разведочные работы. Эта компания имеет лицензии на ведение поисково-разведочных работ на четырех нефтегазоперспективных площадях Таджикистана (. В декабре 2006 года компания получила первые лицензии на площади (Саргазон, Ренган, Сарикамыш и Западный Шохамбары).

По предварительным данным, прогнозные запасы газа на указанных площадях могут составлять в совокупности до 70-80 млрд. куб. м природного газа. В Таджикистане надеются, что это позволит полностью обеспечить внутренние потребности и вывести страну из топливной зависимости. Правда, по оценкам «Газпрома», запасы (даже если они будут подтверждены) трудны для извлечения, для их разработки потребуются не только большие инвестиции, но и принципиально новые технологии.

Энергетическая политика стран Центральной Азии

Диверсификация как основной элемент энергетической политики Казахстана.

Казахстанские власти проводят сугубо прагматичную политику в отношении маршрутов транспортировки углеводородного сырья, придерживаясь принципа многовекторности маршрутов экспорта и максимальной эффективности использования трубопроводной системы. Последнее подразумевает создание новых и расширение существующих экспортных систем. Имеется в виду и перспективность восточного направления с подключением гигантского рынка Китая и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Политику Казахстана, главное экспортное «оружие» которого – нефть, имеет смысл рассматривать в контексте общей конкурентной среды, складывающейся на трубопроводном рынке нефти Каспийского и центральноазиатского регионов.

Страны Запада сосредоточили усилия на реализации основного экспортного маршрута «большой» каспийской нефти – Баку-Тбилиси-Джейхан. Проектная мощность БТД составляет 50 млн. т нефти в год, срок службы трубопровода определен в 40 лет. Следовательно, при полной загрузке нефтепровода трубе БТД суммарно необходимы 2 млрд. т нефти. Фактически же единственный в Азербайджане источник нефти для БТД - блок месторождений Азери-Чираг-Гюнешли (АЧГ). Даже по официальным прогнозам BP Azerbaijan, добычу максимальных 50 млн. т нефти в год проект АЧГ сможет обеспечить лишь в период 2010 - 2016 гг. Затем добыча на месторождении начнет снижаться, а к 2025 г. запасы нефти на блоке закончатся.

Основные надежды на дополнительные объемы нефти участники проекта возлагали на Казахстан. Переговоры о присоединении Казахстана к проекту БТД Баку и Астана велись несколько лет и завершились в 2006 г., когда президенты Азербайджана и Казахстана подписали совместный договор

«По поддержке и содействию в транспортировке нефти из Казахстана через Каспийское море и территорию Азербайджана на мировые рынки посредством системы Баку-Тбилиси-Джейхан»¹.

Для выполнения подписанного договора Казахстану предстоит решить две основные задачи. Во-первых, реализовать свои планы по значительному увеличению добычи нефти. Планы эти весьма амбициозны: если сейчас в Казахстане при участии иностранных компаний добывается около 60 млн. т, то в 2010 г. намечено добыть уже 100 млн. т, а к 2015 году - 110 млн. т². Во-вторых, создать систему Актау-Баку по перевозке казахстанской нефти через Каспийское море для ее дальнейшей транспортировки по нефтепроводу до Джейхана.

Успех БТД может стать важным фактором в региональном раскладе сил. В частности, Казахстан превращается в одного из ключевых игроков в регионе. Это видно как по интересу, проявляемому основными игроками – Россией, США, ЕС и Китаем – к разработке и транспортировке энергоресурсов Казахстана, так и по все более заметным попыткам Назарбаева укрепиться в качестве одного из лидеров в региональной политике. Не случайно он после подписания документов по транспортировке нефти в западном направлении презентовал свой интеграционный проект создания «Унистана», или Союза центральноазиатских государств, годом позже снова призвал руководителей Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии объединиться в экономический союз для создания «самодостаточного рынка» в регионе, «который может полностью обеспечить себя продовольствием и энергетикой»³.

Попытки расширить участие Казахстана в прозападных инфраструктурных проектах продолжаются. В докладе, составленном в 2006 г. председателем сенатского комитета по иностранным делам Ричардом Лугаром, который посетил Казахстан, Азербайджан, Грузию, отмечалось, что экспорт энергоресурсов из Казахстана в обход Ближнего Востока и России - это «стратегический приоритет» США. «Даже если идет поиск вариантов расширения существующих путей экспорта через Россию, - писал Р. Лугар, - для США стратегическим приоритетом является работа с правительством и частной индустрией Казахстана для открытия идущих на Запад экспортных путей через Каспийское море и по земле через Азербайджан, Грузию и Турцию в обход территорий, подверженных контролю со стороны России или Ирана»⁴.

Столь прямолинейные заявления в целом отражают нарастание противоречий между Россией и Западом в контексте ряда инициатив России, идущих вразрез с трубопроводной политикой США в Каспийском регионе. Добившись поставок казахстанской нефти в БТД танкерами, Запад продолжает давление на Казахстан с целью реализации трубопроводных проектов по дну Каспия. В свою очередь США и ЕС обещают взять на себя финансирование

¹ Казахстан присоединился к Баку - Джейхан. // Эхо (Баку), 16.06.2006

² Каспийский вектор Казахстана. // Красная звезда, 20.06.2006

³ Н. Асадова, Астана столица Унистана. // Коммерсант-Власть, 27.05.2007

⁴ РИА "Новости", 11.09.2006

транспортных проектов, а НАТО готово оказать помощь Казахстану в военной области¹.

Казахстан, который придерживается принципа многовекторности в своей энергетической политике, не заинтересован в перенаправлении основных объемов углеводородов только на западное направление. Поэтому не стоит ожидать быстрого положительного казахстанского ответа на требования Запада. Однако можно предположить, что по мере приближения к дате начала добычи «большой казахстанской нефти» с месторождения Кашаган давление на Назарбаева со стороны США и ЕС будет возрастать.

В целом реализация проекта БТД и подключение к нему Казахстана зафиксировало поражение России в «войне маршрутов». Азербайджанскую нефть и частично западноказахстанские нефть и газ решено было транспортировать по трубопроводу через Турцию. Это не может не тревожить Россию, которая отнюдь не собирается терять (даже частично) традиционные рынки и доходы от транспортировки нефти и газа.

В российской трубопроводной политике на южном направлении весьма значимой была задача обретения контроля над Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК). Помимо прочего, контроль понадобился еще для того, чтобы не допустить возможной переориентации нефтяных потоков Казахстана в западном направлении. Впрочем, само по себе установление контроля над КТК и расширение трубопровода не снимает угроз для России. И для нее куда более важно договориться с Казахстаном о транзите казахстанской нефти. Фактически именно решение Казахстана, через какой трубопровод экспортировать свою нефть: через БТД или через КТК - является решающим для России.

Казахстан, осознавая свою мощь как экспортера энергоресурсов, намерен жестко торговаться с Россией, стремясь закрепить на рынке энергоносителей. Тем не менее, пока преувеличивать проблемы расширения КТК не стоит: Казахстан не намерен рисковать стратегическим партнерством с Россией. Судя по всему, Назарбаев понимает, что России придется идти на уступки, чтобы не увеличить конкурентоспособность БТД и сохранить благоприятный фундамент для реализации стратегически важных проектов в газовой сфере.

Еще одним приоритетным направлением развития казахстанского ТЭКа является ориентация на КНР. Оно, по сути, альтернатива как западному (подключение к БТД), так и северному (через Россию) маршрутам экспорта углеводородов.

Сегодня в Казахстане работает более 20 крупных китайских компаний и около 100 совместных предприятий. Коммерческие интересы КНР лежат преимущественно в энергетической и транспортной сферах. При этом транспортное сотрудничество рассматривается в КНР как неизбежное

¹ Заявление спецпредставителя НАТО по странам Центральной Азии и Кавказу Роберта Симмонса. См.: «Эксперт Казахстан» №21 (47)/10 октября 2005

сопровождение главных совместных проектов в области энергетики. Остальные проекты – всего лишь способ расширить китайское влияние в Казахстане.

Доля китайских компаний в общем объеме добычи нефти в Казахстане почти сравнялась с долей национальной компании «КазМунайГаз». Ранее CNPC выкупила крупнейшую в Актюбинской области компанию «Актобемунайгаз» (85,32% акций). В 2006 г. CNPC приобрела акции казахстанской «Каражанбасмунай», которая ведет добычу нефти на месторождении Каражанбас (месторождение тяжелой нефти на полуострове Бузачи в 230 км от Актау). В последнее время еще две китайские нефтяные компании: Sinorec и CNOOC - заинтересовались освоением казахстанской части каспийского шельфа.

По итогам визита президента Казахстана Н.Назарбаева в Пекин (2009 г.) была подписана пакетная сделка, гарантирующая КНР поставки казахстанской нефти и долю в крупной нефтедобывающей компании «Мангистаумунайгаз», на которую ранее претендовала «Газпром нефть». Согласно договоренностям, «КазМунайГаз» в партнерстве с китайской CNPC выкупит 100% акций «Мангистаумунайгаза» у Central Asia Petroleum¹. Около 49% акций «Мангистаумунайгаза» получит китайская компания, тогда как контрольный пакет останется под контролем государственного «КазМунайГаза». Деньги на приобретение выделит Экспортно-импортный банк Китая, общий объем кредита - около 5 млрд. долл. Часть кредита должна быть направлена на проект строительства трубопровода Бейнеу-Бозой-Акбулак, по которому казахстанская нефть должна пойти в Китай.

Для Казахстана Китай - очень выгодный партнер. Во-первых, выход на Китай, зависимость которого от внешних энергетических источников постоянно растет, отвечает интересам развивающегося казахстанского нефтегазового сектора. Во-вторых, закрепление на нефтяном рынке КНР открывает перспективы доступа на другие рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (Южная Корея, Япония и т.д.). В-третьих, появляется возможность реально диверсифицировать экспортные маршруты казахстанского углеводородного сырья, которые в настоящий момент сильно зависят от России и европейского направления. В-четвертых, формирование казахстанско-китайской нефтегазотранспортной системы позволит Казахстану стать связующим звеном между центрами добычи Каспийского региона, Россией и Китаем. В-пятых, благодаря данному проекту окажутся связанными между собой нефтегазоносные регионы республики (месторождения Актюбинской, Атырауской и Кзыл-Ординской областей), а также нефтеперерабатывающие центры (Чимкент, Павлодар, Атырау).

Реализация проекта Западный Казахстан - Китай в значительной степени изменит географию основных направлений транспортировки нефти как из Казахстана, так и из Каспийского региона в целом. Ведь в настоящий момент основной объем экспорта углеводородного сырья из Казахстана, в том числе с

¹ Время новостей: N68, 21 апреля 2009

месторождений, владельцами которых являются китайские компании, сконцентрирован на трубопроводах Атырау-Самара и КТК.

Для руководства Казахстана необходимо продуманно распределять добываемую нефть между европейским направлением, пропускной потенциал которого также будет иметь тенденцию к расширению, и восточным. Резкий перенос приоритетности на восток при параллельном увеличении транспортных мощностей европейского направления может сделать трубопроводы КТК и Атырау - Самара фактически нерентабельными. Данное обстоятельство объективно невыгодно ни Казахстану, ни России.

Вокруг газовых потоков Казахстана тоже формируется достаточно жесткая конкурентная среда. На данном этапе весь казахстанский газ отправляется на внешние рынки через территорию России, и такое положение вещей Казахстан не устраивает. Он стремится к диверсификации экспортных маршрутов, а Россия, в свою очередь, старается привязать как можно большие объемы казахстанского газа к своим магистралям.

В ходе визита в Казахстан (май 2009 г.) российский президент Д.Медведев заявил, что партнерство в топливно-энергетическом секторе остается приоритетным в отношениях двух стран. Это заявление дает основания утверждать, что ключевая цель визита состояла в форсировании российской «газовой» дипломатии в условиях угрозы диверсификации Казахстаном рынков сбыта энергоресурсов. В частности, по итогам переговоров было подписано соглашение о сотрудничестве двух стран в строительстве Прикаспийского газопровода и о расширении мощностей трубопровода «Средняя Азия-Центр».

Однако, действуя максимально дипломатично в отношении с Россией, Казахстан, похоже, пытается построить с газом ту же модель, что и с нефтью, планируя дополнительно создать как минимум два экспортных маршрута: на восток и на запад.

В этой связи обращают на себя внимание газовые инициативы КНР в Каспийском регионе. В середине марта 2006 г. «КазМунайГаз» и CNPC приступили к совместной разработке обоснования инвестиций в строительство газопровода из Казахстана в Китай. Газопровод Казахстан — Китай является частью проекта трубопровода Центральная Азия — Китай, который позволит транспортировать природный газ из Туркмении через Узбекистан и Казахстан в КНР. Туркмения начала строить свой участок (188 км) в феврале этого года, Узбекистан (530 км) и Казахстан — летом 2008 г. В рамках этого проекта Казахстан намерен в июле 2010 года завершить строительство собственного газопровода, который позволит подключить к трубе казахстанские месторождения, сосредоточенные на западе страны. Для Казахстана трубопровод в Китай — первый экспортный канал, который позволит ему выйти на внешние газовые рынки в обход России.

Таким образом, в целом можно заключить, что Казахстан проводит взвешенную политику, направленную на повышение своего влияния в регионе и сохранение баланса между основными центрами силы. «Сейчас интересы больших государств: США, Европы, России, Китая - сошлись на Казахстане, -

заявил еще в 2007 г. президент Назарбаев. И подчеркнул: - Работая с США, мы никогда не работали против интересов России, а работая с Россией и Китаем, мы не работаем против интересов США или Европы»¹.

В период, когда, по прогнозам казахстанских аналитиков, темп увеличения пропускной способности экспортных нефтепроводов будет отставать от темпов роста добычи, возможна активизация своп-поставок казахстанской нефти в Иран, который является естественным рынком для казахстанской нефти на южном направлении. Тегеран, в свою очередь, стремится развивать систему своих трубопроводов для того, чтобы принимаемую в порту Нека казахстанскую нефть направлять на собственные НПЗ на севере, а равные объемы отгружать на экспорт с терминалов о. Харг на юге («метод замещения»). В настоящее время реально используется только одна треть общей мощности этой системы, рассчитанной на 150 тыс. баррелей нефти в сутки (в 2005 г. Казахстан направлял сюда только 32 тыс. баррелей в сутки). Иран намерен увеличить мощности нефтепереработки на севере страны, что позволит принимать до 500 тыс. баррелей в сутки на каспийском побережье, а также загрузить недавно реконструированный (до 350 тыс. баррелей в сутки) трубопровод Тегеран - Нека с целью поставок нефти на тегеранский НПЗ. Как представляется, сотрудничество с Ираном ограничится такими обменами, поскольку транзит в значительных объемах означал бы конкуренцию казахстанской нефти с иранской.

Разнообразие маршрутов укладывается в казахстанскую стратегию по диверсификации поставок нефти за рубеж и поиску новых маршрутов с учетом планов роста нефтедобычи. Между тем ни один из выбранных Казахстаном маршрутов пока не обустроен полностью. Так, по-прежнему нет твердого решения относительно увеличения пропускной способности нефтепровода Атырау-Самара. В подвешенном состоянии находится и вопрос о расширении мощности трубопровода Каспийского трубопроводного консорциума. Наконец, для организации транспорта нефти через Баку-Джейхан Казахстану необходимо провести расширение своих портовых мощностей в Актау и форсировать работы по вводу в эксплуатацию терминала в поселке Курык.

Таким образом, схема маршрутов экспорта казахстанской нефти еще окончательно не определена, и пропорции в ее поставках будут определяться под влиянием целого комплекса геополитических и экономических соображений. Пока Казахстан не вышел на промышленный уровень добычи, который гарантировал бы ему статус ведущей энергетической каспийской державы. Таким образом, он расширяет экспортную трубопроводную инфраструктуру «на вырост», причем по многим направлениям.

Энергетическая стратегия Туркмении.

Основные производственные газодобывающие мощности Туркмении были заложены еще в 1970-е гг., и к моменту распада СССР производственная и транспортная инфраструктура уже находилась на достаточно низком уровне.

¹ "Казахстан Сегодня" 09.04.07

С начала 1990-х гг. общая добыча газа неуклонно падала из-за хронической нехватки финансовых средств, приводившей к износу оборудования и истощению ключевых месторождений. Инвестиционный климат в стране был крайне неблагоприятным, в том числе из-за коррупционных схем торговли газом и распределения полученной прибыли. К тому же иностранных инвесторов настораживала сложная политическая обстановка в регионе и низкий уровень кооперации Туркмении с соседними странами.

Сильным ударом по состоянию активов отрасли стал отказ России - в силу экономических и политических причин - закупать и переправлять туркменский газ потребителям в других странах СНГ. Уровень добычи снизился до минимального за весь период независимого развития Туркмении и в 1998 г. составил всего 13,2 млрд. куб. м, что практически соответствовало уровню внутреннего потребления (11,4 млрд. куб. м)¹.

В настоящее время туркменская газовая отрасль работает на «советском запасе прочности», практически не вводя новые объекты (ни в добыче, ни в транспортировке газа), что обостряет проблему и без того высокой степени выработки ведущих месторождений. Из 25 месторождений, находящихся в ведении государственного концерна «Туркменгаз», обеспечивающего свыше 90% всей добычи газа (менее 10% приходится на другой государственный концерн – «Туркменнефть»), 17 выработаны на 40-95%. Степень изношенности магистральных трубопроводов Туркменистана составляет от 72 до 87%. В 2002-2003 гг. Россия возобновила закупки газа, и в последние годы добыча газа в Туркмении растет, однако не столь высокими темпами, как прогнозировалось. За 5 лет она выросла примерно на 15 млрд. куб. м, а экспорт примерно на 7-8 млрд. куб. м. Остальное идет на увеличение социальных поставок внутри страны.

Решающую роль в развитии газовой отрасли Туркмении сыграло заключение большой энергетической сделки с Россией. В апреле 2003 г. президенты России и Туркмении подписали в Москве Соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой сфере на 25 лет. Туркмения обязалась продавать, а «Газпром» закупать весь свободный объем туркменского газа. Также декларировалось, что после 2009 г. объемы поставок «Газпрому» выйдут на верхний уровень 80-90 млрд. куб. м. Однако с ростом конкуренции среди зарубежных потребителей центральноазиатских углеводородов Туркмения постепенно отходила от договоренностей с Россией. В частности, выполнение 25-летнее газовое соглашение было изрядно скорректировано в сторону снижения: контрактный объем снижен до 50 млрд. куб. м.

В конце 2006 г. тогдашний президент Туркмении С.Ниязов объявил о гигантских (7 трлн. куб. м) запасах газа на месторождении Южный Иолотань, назвав их «новым очагом крупнейшего в мире месторождения». Сведения о столь крупных залежах долго не подтверждались, но это не умаляло перспектив Туркмении стать серьезным игроком мирового уровня. И Запад, и Восток

¹ Центральная Азия и Каспий: ловушка или спасение? - Фонд национальной энергетической безопасности. 2009

крайне заинтересованы во взаимодействии с Туркменией как с потенциальным поставщиком газа. Неопределенность в отношении запасов и добычи углеводородов оставалась и, в частности США, указывая на инвестиционные риски, призывали Туркмению к большей «прозрачности» в оценке резервов¹. Руководство Туркмении вынуждено было «раскрыть карты», объявив о некоторых результатах международного аудита запасов. В октябре 2008 г. британский аудитор, компания Gaffney, Cline & Associates (GCA) объявила результаты оценки запасов туркменского месторождения Южного Иолотаня-Османа. Средняя (оптимальная) его оценка составляет 6 трлн. куб. м газа. Запасы делают это месторождение четвертым-пятым в мире. Даже если ориентироваться на нижнюю оценку запасов, газа будет достаточно и для «Газпрома», и для Китая, и для других претендентов на туркменский газ.

В ежегодном «Статистическом обзоре мировой энергетики-2009» компании BP подтвержденные запасы газа в Туркмении увеличены с 2,43 трлн. куб. м (2007 г.) до 7,94 трлн. куб. м². Таким образом, Туркмения официально стала одним из лидеров газового рынка, заняв четвертое место в мире по запасам газа после России (43,3 трлн. куб. м), Ирана (29,61 трлн. куб. м) и Катара (25,46 трлн. куб. м).

Очевидно, что в экспортной политике Туркмении все большую роль играет поиск новых маршрутов экспорта газа, поскольку отсутствие путей транспортировки газа, альтернативных российскому, не позволяет ей жестко диктовать цены. Туркменское руководство утверждает, что страна имеет способна экспортировать более 100 млрд. куб. м газа и что эти возможности ограничены лишь техническим состоянием транспортной инфраструктуры транзитных стран и отсутствием новых маршрутов для доставки топлива потребителям.

В 2002 г. Туркмения выступила инициатором возрождения проекта строительства Трансафганского газопровода протяженностью 1.680 км от туркменского месторождения Даулетабад до индийского населенного пункта Фазилка на границе Пакистана и Индии с пропускной способностью 33 млрд. куб. м в год. В 2005 г. Азиатский банк развития представил министрам нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркмении, Афганистана, Пакистана и Индии вариант ТЭО строительства газопровода. Ныне проект выходит на этап практических решений.

Не скрывает Туркмения и планов диверсифицировать рынки сбыта за счет Китая. Контакты с КНР интенсифицировались еще в середине 2005 г., когда китайской CNPC было предложено провести геологическую разведку на правом побережье Амударьи. Курс на энергетическое партнерство был закреплен подписанием генерального соглашения, по которому Китай сможет получать туркменский газ в течение 30 лет. Существует еще один аспект туркмено-китайских соглашений. До марта 2006 г. у КНР были договоренности о поставках газа только из Казахстана. Затем Китай подписал рамочное

¹ См.: Ашхабад ищет деньги. Ведомости 16 ноября 2007

² «Статистический обзор мировой энергетики» (www.bp.com/statisticalreview)

соглашение о поставках с «Газпромом», а в апреле договорился о поставках газа еще и с Туркменией и таким образом получил возможность выторговать у каждого из трех поставщиков наиболее выгодные для себя условия.

В 2007 г. состоялся визит Г.Бердымухаммедова в Китай, по итогам которого были подписаны два газовых соглашения. Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) и Госагентство по управлению и использованию углеводородных ресурсов при президенте Туркмении подписали договор о разделе продукции на газовом месторождении Багтыярлык на правом берегу Амударьи, а государственный концерн «Туркменгаз» заключил с CNPC 30-летний контракт на поставку 30 куб. м газа в год (начиная с 2009 г.).

Эти соглашения стали базой для строительства газопровода из Туркмении в Китай, соединяющего две страны через Узбекистан и Казахстан, договор о строительстве которого был подписан президентом Ниязовым в Пекине в апреле 2006 г. В конце августа 2008 г. в Ашхабаде было подписано соглашение об увеличении пропускной способности трубопровода в Китай с 30 до 40 млрд. куб. м газа в год. По плану, первый газ по строящемуся трубопроводу пойдет в конце 2009 - начале 2010 г.

Причем, КНР рассчитывает активно участвовать и в добыче газа в Туркмении. В 2007 г. президент Туркмении впервые предоставил право добывать газ на суше (на территории Багтыярлык в Лебапской области) зарубежной компании - китайской CNPC. А в 2009 г. стало известно, что Китай предоставит Туркмении кредит в \$3 млрд на разработку крупнейшего в стране газового месторождения Южный Иолотань.

Нынешний президент, Г.Бердымухаммедов, постоянно подчеркивает, что Туркмения, основная газодобывающая страна в ЦАР, стремится к многовекторности экспортных газопроводов. Стратегическими направлениями транспортировки газа для нее являются: транскаспийское (через Каспий, Азербайджан и Грузию в Турцию и далее в Европу), трансиранское (Иран - Турция - Европа), транскаспийское (через Афганистан в Пакистан и Индию) и трансазиатское (в Китай и Японию). Однако реализовать все эти маршруты довольно непросто: в борьбу втянуты влиятельные геополитические игроки. Пока практически единственным реальным путем транспортировки газа (помимо сравнительно маломощного газопровода в Иран) для Туркмении является российский маршрут. Именно через него туркменский газ поступает в страны СНГ и на другие рынки.

Туркмении отведена особая роль в намерениях западноевропейцев диверсифицировать поставки энергоносителей и тем снизить свою энергетическую зависимость от России. Еще в начале 2007 г. ЕС причислил к приоритетным инфраструктурам Транскаспийский газопровод, который должен соединить газовые месторождения Туркмении и Казахстана с газопроводом БТЭ и дать гарантии загрузки газопровода «Набукко»¹. До середины 2006 г. в качестве основного поставщика газа для газопровода рассматривался Иран. Однако политические реалии и экономические интересы внесли свои

¹ Борьба за наследие Туркменбаши. // Время новостей, 22.03.2007

коррективы и в июне 2006 г. пять стран ЕС и представители Еврокомиссии подписали договор, по которому базовой страной-поставщиком газа для «Набукко» на первом этапе будет не Иран, а Туркмения, Азербайджан и Казахстан.

Туркменский газ - очевидная главная цель лоббистов «Набукко», что подтверждается и повышенным вниманием, которое в последнее время уделяют Туркмении официальные лица ЕС. Однако Туркмения оказалась непростым партнером, и пока стороны к каким-то определенным договоренностям не пришли. В 2007 г. Туркмения сделала выбор в пользу маршрута транспортировки своего газа через территорию России, подписав соглашение по Прикаспийскому газопроводу.

В мае 2009 г. в Праге в рамках саммита «Южный коридор - новый шелковый путь», была подписана декларация, касающаяся проекта строительства газопровода «Набукко». Подписавшие декларацию государства обязались приложить все возможные политические усилия «для преодоления коммерческих и некоммерческих препятствий» на пути строительства газопровода. Однако это не внесло ясности в вопрос о наполнении газопровода. Соглашение об увеличении поставок газа в Европу подписали ЕС, Азербайджан, Турция, Грузия и Египет. В стороне остались центральноазиатские страны, на которых делается едва ли не основная ставка в проекте. Президенты Туркмении, Казахстана и Узбекистана под различными предложениями отказались участвовать в саммите, а их посланцы подписывать документ не стали, объяснив, что он нуждается в серьезной доработке.

Впрочем, это вовсе не означает, что три центральноазиатских поставщика газа позднее не присоединятся к «Набукко». Тем более что президент Туркмении ранее «Набукко» фактически поддержал, как и другие маршруты диверсификации поставок туркменского газа. Пока у ЕС с Туркменией пока нет предметных договоренностей о поставках, более того, на ближайшие годы весь туркменский газ законтрактован Россией (что при определенных условиях не исключает пересмотра соглашений Туркменией в одностороннем порядке). К тому же политические усилия европейцев в Туркмении сдерживаются рядом технических факторов, главный из которых – отсутствие у туркменской стороны инфраструктуры для доставки сырья на побережье Каспия. Помимо этого необходимо решить еще более масштабную задачу, связанную со строительством Транскаспийского трубопровода.

Транскаспийский проект, рассчитанный на переброску газа из Туркмении в Турцию, предусматривал строительство газопровода протяженностью 2 тыс. км по дну Каспия (на глубине 200-300 метров) до Баку, далее через Азербайджан и Грузию до Эрзерума (Турция). Ежегодно по нему планировалось экспортировать 16 млрд. куб. м газа в Турцию и 14 млрд. куб. м на европейские рынки¹. В 1999 г. Туркмения, наряду с Турцией, Азербайджаном и Грузией, вошла в соглашение о строительстве Транскаспийского газопровода, завершить строительство которого

¹ С.Смирнов. Транскаспийское сумо. // Нефтегазовая вертикаль, 29.09.2006

планировалось в 2002 г. Однако стороны не сумели договориться об условиях строительства и все работы по трубопроводу были свернуты. Лишь в 2006 г. Турция и Туркмения вернулись к обсуждению идеи Транскаспийского газопровода, а в марте желание подключиться к переговорам выразил Азербайджан. Интерес к проекту проявил и Казахстан.

Для наполнения Транскаспийского газопровода природный газ намечается поставлять из Туркмении и Казахстана. Предполагается, что основным поставщиком будет Туркмения. Реально оценить потенциал туркменских поставок для газопровода очень сложно. Пока уровень добычи газа в стране (66,1 млрд. куб. м в 2005 г.) не обеспечивает даже договорных обязательств перед Россией (80 млрд. куб. м газа ежегодно) и Китаем (30 млрд. куб. м), поэтому говорить о стабильных и долгосрочных поставках газа по Транскаспийскому газопроводу можно пока только в теории.

Реанимация проекта Транскаспийского газопровода вызывает большие сомнения не только с ресурсной точки зрения. Проблемой является и финансирование проекта. Создание инфраструктуры, прокладка подводного газопровода и последующее его присоединение к трубопроводу Баку-Тбилиси-Эрзерум обойдется в сумму, не менее \$5 млрд. (10 лет назад проект оценивался вдвое дешевле). Американские Эксимбанк и Корпорация по частным инвестициям за рубежом (ОРИС) заявили о готовности предоставить определенные гарантии работающим в рамках этого проекта инвесторам. Однако сомнительная рентабельность проекта, наличие достаточно сильных конкурирующих проектов резко снижают привлекательность проекта для международных инвесторов. Не стоит забывать и о вероятности террористических атак в отношении транспортной инфраструктуры Транскаспийского направления. Тем более что исламистские радикальные группировки не раз заявляли о возможности развязывания экономической войны против США и их союзников. И, наконец, одним из основных препятствий прокладывания газопровода по дну Каспия является отсутствие единства государств Прикаспийского региона в отношении юридического статуса Каспийского моря. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря до сих пор не подписана, взаимоотношения между государствами региона в данном случае по-прежнему регулируются советско-иранскими договорами от 1921, 1927 и 1940 гг., в которых ни слова не сказано о возможности или невозможности строительства транскаспийских трубопроводов¹. Однако после распада СССР акватория моря де-юре является общей, и США с ЕС, подталкивая Азербайджан, Казахстан и Туркмению к реализации транскаспийских проектов, волей-неволей создают в регионе конфликтную ситуацию.

В последнее время на почве раздела углеводородных богатств Каспия обострились противоречия между Туркменией и Азербайджаном. Летом 2009 г. страны обменялись резкими заявлениями, заявив о готовности использовать все

¹ См.: В. Мишин, "Белые пятна" Транскаспия. // Нефть России, 13.11.2007

средства для отстаивания собственных позиций¹. Президент Туркмении поручил вице-премьеру и министру иностранных дел привлечь авторитетных международных экспертов для изучения правомерности претензий Азербайджана на спорные морские месторождения, а затем передать подготовленные документы на рассмотрение Международного арбитражного суда.

Состоявшийся в 2007 г. в Тегеране саммит глав пяти прикаспийских государств показал, что единой позиции по статусу Каспия все еще нет: главы прикаспийских государств фактически изложили собственное видение проблемы, не предполагающее достижения консенсуса. Условно можно говорить о формировании трех центров силы, предлагающих свой вариант разграничения сфер влияния. Первый «блок» представлен Россией, Азербайджаном и Казахстаном, которые предлагают раздел ресурсов на дне моря по методу срединной линии до географических границ, оставляя акваторию в общем пользовании. Россия при этом настаивает на недопущении использования отдельными странами дна Каспия для прокладки трубопроводных коммуникаций. Данная позиция, не совпадающая с интересами Азербайджана и Казахстана, не позволяет говорить об этом «блоке» как устойчивой структуре. Второй центр представлен Ираном, руководство которого предлагает либо оставить и дно, и акваторию в общем пользовании, либо разделить все на национальные секторы поровну – по 20%. Третьей позиции придерживается Туркмения, которая признает 12-мильную зону от прибрежной полосы Каспия своей территорией.

Скорее всего вопрос о правовом статусе Каспия не будет решен в обозримом будущем. Сохранение и обострение противоречий как минимум затормозят строительство Транскаспийского газопровода из Туркмении в Азербайджан. А как максимум – сузят ресурсную базу «Набукко» всего до двух источников, Ирака и Азербайджана

И все же на Туркмению нарастает давление (прежде всего со стороны США) с целью добиться ее согласия на транспортировку газа по этому направлению. Американский интерес понятен. Реализация Транскаспийского газопровода сделает США важным игроком на европейском газовом рынке, где американцы пока влияния не имеют. Кроме того, США рассматривают этот проект как фактор, который будет способствовать отходу Туркмении и Казахстана от России и ослаблению российских позиций на евразийском пространстве. Ясно, что США готовы сделать все возможное для ускорения работ по строительству магистрали и привлечению к нему инвестиций.

Россия же намерена расширить как собственный экспорт природного газа в Европу, так и транзит энергоносителей из стран региона через свою территорию. Создание обходящего Россию маршрута экспорта газа приведет к тому, что ей придется платить более высокую цену за центральноазиатские энергоносители. Поэтому в российских интересах не допустить перехода

¹ Независимая газета, 27 июля 2009 г.

Транскаспийского трубопровода из стадии проекта в стадию практического осуществления и самой доминировать в ЦАР.

И в России, и в Туркмении, и в Азербайджане, и в Турции, и в США прекрасно понимают, что маршруты экспорта углеводородов являются эффективными рычагами влияния в регионе. Реализация (вслед за БТД и БТЭ) Транскаспийского газового проекта не только лишит Россию дополнительных тарифных доходов, но и сведет до минимума ее возможность влиять на процессы в ЦАР и Закавказье. А это значит, что борьба за Транскаспийскую газовую трубу будет предельно жесткая.

Россия добилась от Туркмении присоединения к проекту строительства Прикаспийского газопровода, считающегося основным конкурентом Транскаспия. Предполагается, что газопровод пройдет вдоль каспийского побережья: 360 км по туркменской территории и еще около 150 км по территории Казахстана, чтобы состыковаться с существующей системой Средняя Азия - Центр (САЦ) на казахстанско-российской границе. В 2007 г. главы трех государств: России, Туркмении и Казахстана при участии Узбекистана - подписали совместную Декларацию о создании Прикаспийского газопровода, а также Декларацию о реконструкции и расширении существующей системы газопроводов САЦ. Ныне по нему прокачивается 4,2 млрд. куб. м газа в год. На первом этапе реконструкции (2009-2010 гг.) объемы ежегодной прокачки могут быть доведены до 10 млрд. куб. м. Вторая фаза реализации проекта и доведение мощности до 30 млрд. куб. м в год может занять 5-7 лет¹.

Как экономически, так и политически проект Прикаспийского газопровода неожиданно оказался в равной мере выгоден как России, так и Туркмении и Казахстану. Выгоды центральноазиатских государств состоят в получении нового рычага для экономического давления на Россию; быстром увеличении поставок газа на внешний рынок за счет ввода новых экспортных мощностей; в укреплении интеграционных процессов в ЦАР.

Вместе с тем, обращает на себя внимание отсутствие на церемонии подписания соглашения по Прикаспийскому газопроводу президента Туркмении, что, очевидно, свидетельствует о его намерении оставить себе пространство для маневра в случае более выгодных предложений западных партнеров. К тому же и Туркмения, и Казахстан, подписав соглашение, взяли на себя обязательства поставлять Прикаспийскую трубу «до 10 млрд. куб. м». Подобная обтекаемая формулировка позволяет им обеспечивать поставки газа не в полном объеме, что также говорит о намерении оставить себе пространство для маневра.

Сразу после подписания соглашения о строительстве Прикаспийского трубопровода казалось, что российские позиции в борьбе за Центральную Азию и ее энергетические ресурсы стали более предпочтительными. Тем более, что в ходе визита президента РФ Д.Медведева в Туркмению (июль 2008 г.) со стороны Г.Бердымухаммедова были даны заверения в выполнении всех ранее

¹ О. Виноградова Много шума... из чего?. // Нефтегазовая вертикаль, 30.06.2007

достигнутых обязательств по поставкам газа через российскую территорию. Подтверждая их, туркменская сторона заявила об осуществлении значительного объема работ по практической реализации Прикаспийского проекта¹. Однако, как показало время, создание энергетического союза между РФ и странами ЦАР весьма проблематично, говорить о том, что Россия надолго гарантировала себе монопольное положение в поставках центральноазиатского газа в Европу, пока преждевременно. К тому же и позиция Туркмении выглядит весьма туманной: она заинтересована в том, чтобы избавиться от транзитной зависимости от России или, по крайней мере, снизить ее, а потому отнюдь не отказывается от планов участия в диверсификации газового рынка в Европе.

Последние шаги туркменского президента Бердымухаммедова в области газотранспортных маршрутов подтверждают, что сохраняется приверженность энергетической политике его предшественника Ниязова, которая сводилась к раздаче обещаний всем заинтересованным сторонам в отношении поставок крупных объемов газа.

В 2008 г. Министерство нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркмении и Министерство нефти и природного газа Индии подписали меморандум о взаимопонимании в вопросах сотрудничества в области нефти и газа. Согласно документу, Индия будет добывать природный газ в Туркмении и транспортировать его по Трансафганскому газопроводу. Причем Индия озаботилась созданием собственной сырьевой базы в ЦАР. Так, осенью 2007 г. индийская ONGC Mittal Energy Ltd приобрела 30% в проекте освоения блока 11-12 на туркменском шельфе Каспия. А в конце апреля 2008 г. Туркмения, Афганистан, Пакистан и Индия подписали рамочное соглашение о начале строительства в 2010 г. Трансафганского газопровода. Само за себя говорит и расширение энергетического диалога Туркмении с КНР, ставшее следствием политики туркменского руководства на диверсификацию газовых поставок.

До последнего времени имелись серьезные сомнения в возможностях Туркмении развивать экспорт газа по нескольким направлениям. Долгое время руководство страны держало в тайне результаты аудита по наиболее перспективным месторождениям, одновременно поддерживая интерес основных потребителей и стран-транзитеров, делая громкие заявления о наличии в стране крупных запасов газа (по словам Г.Бердымухаммедова, Туркмения к 2030 г. увеличит добычу газа более чем втрое - до 250 млрд. куб. м, а нефти более чем в 10 раз - до 110 млн. т). Объявление об обнаружении крупных запасов газа в Туркмении привело к усилению давления со стороны официальных представителей ЕС и США на государство ЦАР с целью вовлечения их в проекты по транспортировке углеводородов на Запад.

В то же время стала ухудшаться ситуация в энергетическом диалоге России и Туркмении. В марте 2009 г. в ходе визита президента Бердымухаммедова в Москву фактически было сорвано намеченное к подписанию соглашение по строительству газопровода Восток–Запад,

¹ РИА «Новости», 14.07.2008

связывающего богатые газом северо-восточные районы Туркмении с побережьем Каспия, где проходит трубопровод САЦ, который должен бы стать основой Прикаспийского трубопровода. В апреле президент Туркмении обвинил «Газпром» в распространении ложных сведений относительно аварии на одном из туркменских газопроводов, а МИД Туркмении отметил, что российская сторона резко сократила объемы отбираемого газа, поступив «необдуманно и безответственно»¹. Президент Туркмении поручил создать межведомственную рабочую группу по энергетической дипломатии страны, а также заявил, что Туркмения намерена продолжить диверсификацию экспорта туркменского газа.

Влиятельные региональные игроки решили воспользоваться российско-туркменской размолвкой и активизировали деятельность в ЦАР. 22 апреля 2009 г. Европарламент одобрил в первом чтении торговое соглашение с Туркменией, которое не могли принять в течение 11 лет из-за острых дебатов о необходимости проведения реформы в области прав человека в Туркмении. Немецкая энергетическая компания RWE (кстати, один из участников проекта «Набукко») заключила с правительством Туркмении договор о поставках природного газа в Европу и получила право на разработку 23-го блока туркменского месторождения нефти и газа на шельфе Каспия.

Активизировались в Туркмении и США. В апреле 2009 г. там побывал помощник государственного секретаря по делам Южной и Центральной Азии Ричард Баучер, который провел ряд встреч с руководством страны, в том числе и с президентом страны. Американский дипломат заверил туркменское руководство в готовности США поддержать проект газопровода «Набукко». Побывала в Туркмении и обширная делегация представителей политического и экономического истеблишмента США, принявшая участие в конференции «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», проведенной в апреле 2009 г. правительством Туркмении под эгидой ООН. Подобное развитие событий прямо свидетельствует о высокой заинтересованности администрации Обамы в диалоге с Туркменией.

В условиях сохранения относительно высокого спроса на газ Туркмения стремится максимально широко «охватить» действующих и перспективных потребителей энергетических ресурсов. Подобная политика, с одной стороны, должна обеспечить большую политико-экономическую независимость страны от ведущих стран Евразии (прежде всего России, Китая и Ирана), так как она стремится поддерживать с ними приблизительно равный уровень политического и экономического диалога, а с другой - создать основу для расширения регионального влияния Туркмении в Центральной Азии.

Энергетическая политика Узбекистана

Энергетическая политика Узбекистана находится в прямой зависимости от изменений, происходящих внутри и вовне страны. Так, после событий в

¹ Прайм-ТАСС. 10.04.2009

Андижане в мае 2005 г., когда правительство жестоко подавило выступления оппозиции, США и ЕС резко осудили действия узбекских властей. Позиция же России, наоборот, была весьма сдержанной и в целом нейтральной. Это привело к достаточно серьезному сближению Узбекистана с РФ как в политической и военной, так и в энергетической сферах. Однако в последнее время узбекский президент Ислам Каримов вновь больше озабочен укреплением отношений с Западом.

Узбекистан вышел из Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), куда также входят Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. Не последнюю роль в этом сыграл энергетический фактор. На Западе Узбекистан рассматривается как важнейший транзитер энергоресурсов, его усиленно втягивают в проект Транскаспийского энергетического коридора, суля различные экономические выгоды, которые помогут пережить надвигающийся на страну экономический кризис.

В последнее время России удалось реализовать часть планов по развитию двусторонних экономических отношений в рамках финансово-экономической экспансии «Газпрома» и других российских компаний в Узбекистане. Активно велись переговоры о подключении Узбекистана к Прикаспийскому трубопроводу. Переговоры с Казахстаном и Туркменией по Прикаспийскому проекту продвигаются с трудом: не удается договориться ни по форме совместного предприятия, ни по вопросу, чьим в момент продажи будет считаться транспортируемый газ, ни о многом ином. В этих условиях для РФ присоединение к Прикаспийскому газопроводу Узбекистана означает сохранение динамики проекта. Президент Каримов пока не дает прямого согласия на участие в альтернативном энергетическом маршруте, в котором заинтересована Европа. Так, по окончании переговоров в Ташкенте с президентом Болгарии он заявил, что «Узбекистан продает газ только России», но затем поправился, отметив, что Москва не должна иметь монопольного права доступа к узбекскому газу. «Учитывая новые возможности страны... Узбекистан намерен реализовать другие альтернативные направления, кроме тех, которыми мы пользуемся», – заявил И.Каримов¹.

В целом у Узбекистана есть хорошие шансы по диверсификации поставок – не только на запад, но и на восток. В частности, реальным альтернативным направлением, в котором может участвовать Узбекистан, является китайское. Идет строительство газопровода Туркмения – Китай, часть которого (более 500 км) пройдет по территории Узбекистана, а еще часть – Казахстана. Предполагается, что газопровод войдет в эксплуатацию в 2009-2010 гг.

До сих пор Узбекистан поставлял основной объем газа только по одному трубопроводу - Средняя Азия – Центр. Однако теперь Узбекистан начинает играть более самостоятельную роль среди участников газового рынка Центральной Азии. Он все решительней реализует собственную стратегию развития газовой отрасли, которая обеспечит ему сильную и независимую

¹ «Независимая газета». 10.11.2008

позицию в достижении энергетической безопасности своей страны и откроет новые возможности для экспорта газа. При этом основную ставку он делает на партнерство с соседними государствами ЦАР. Акцентируя внимание на региональном сотрудничестве в газовой сфере, Узбекистан надеется не потерять позиции на традиционном направлении партнерства с Россией и вместе с тем стать сильным игроком в процессе развития восточного направления газового сотрудничества

Характерно, что новыми нефтегазовыми блоками Узбекистана активно интересуются инвесторы из Восточной Азии. Так, в 2007 г. компании Китая, Японии, Малайзии, Южной Кореи, Сингапура уже подписали с Узбекистаном несколько соглашений, предусматривающих разведку и разработку перспективных участков. Азиатским компаниям досталась и большая часть крупного блока в узбекской части Аральского моря с ресурсами в 1 трлн. нефтяного эквивалента. В консорциуме, который займется его разработкой, «ЛУКОЙЛу» принадлежит 20%, остальные 80% поделили поровну «Узбекнефтегаз», малайзийская Petronas, Корейская национальная нефтяная корпорация (KNOC) и китайская CNPC¹. В начале 2008 г. «Узбекнефтегаз» и южнокорейская Daewoo International Corp. подписали соглашение о проведении геологоразведочных работ и освоении нефтегазовых месторождений Кускудук и Ашибулок на плато Устюрт.

Причина быстрого внедрения азиатских инвесторов проста. Они готовы не только идти на мало изученные и высоко рискованные перспективные территории, но и согласны щедро инвестировать в разведку и разработку новых участков. Немаловажно и то, что азиатские компании не оспаривают большую долю участия «Узбекнефтегаза» в проектах, а также с относительной легкостью идут на создание СП с узбекской стороной. Такая тактика дает результат: в Узбекистане под контроль азиатских компаний уже переходят месторождения и перспективные участки с ресурсами свыше 1,5 трлн. куб. м.

Осознавая свое возрастающее значение в качестве основного транзитного звена в ЦАР, Узбекистан стремится использовать этот козырь с максимальной для себя выгодой.

Центральноазиатский регион с его огромными запасами углеводородов является объектом особой международной активности и интереса. В этой связи в регионе разворачивается значительное геополитическое противостояние, вызванное стремлением крупных мировых игроков: США, ЕС, Китая и России – установить контроль над ЦАР.

Реализация Западом новой энергетической стратегии в регионе направлена на создание и развитие альтернативных трубопроводов в обход России. Стратегия нацелена не только против России, но и Китая, который

¹ Узбекские перспективы России зависят от адаптации к инвестклимату. Нефтегазовая вертикаль04.05.2008

рассматривается США как главный источник потенциальной геополитической угрозы интересам Запада.

Жесткое противоборство ведется вокруг Казахстана и Туркмении, интерес к которым обоснован тем, что 90% месторождений нефти и газа, сосредоточенных в регионе, находятся на территории этих государств. Особую настойчивость ЕС и США проявляют в попытках привлечь Казахстан и Туркмению к проекту строительства Транскаспийского газопровода в обход России. При этом предлагается приступить к строительству трубопровода через Каспий уже сейчас, не дожидаясь заключения пятисторонней Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Обращает на себя внимание возрастающая роль Китая, который становится все более заметным игроком в центральноазиатском ТЭЖе. На расширение поставок нефти и газа в КНР нацелены Казахстан и Туркмения. Данное обстоятельство приводит к нарастанию конкуренции между российским, китайским и европейским направлениями экспорта углеводородов.

Россия также предпринимает разносторонние политические и дипломатические усилия в отношении Туркмении и Казахстана. Однако в целом можно констатировать, что позиции России в Центральной Азии продолжают ослабевать на фоне активизации Китая и стран Запада, по-прежнему обладающих набором экономических и политических инструментов влияния на руководство государств ЦАР.

Справедливости ради надо отметить, что такое положение дел является закономерным итогом российской политики в отношении Центральной Азии, проводившейся в 1990-е гг. Фактически «уйдя» из региона под приветственные возгласы ура-патриотов (мол, «куда они от нас денутся!») и с молчаливого согласия лиц, формировавших тогда российскую энергетическую политику, Россия многое сделала для ослабления собственных позиций, утраты для геополитического и геоэкономического влияния в регионе. США с ЕС просто подобрали то, от чего Россия сама отказалась.

Обострение противоборства за ресурсы, в том числе и энергетические, Центральной Азии ставит перед Россией задачу выработки и проведения более эффективной внешней политики в отношении этого региона.

3. В.Гусейнов, А.Гончаренко. Водные ресурсы ЦАР

Борьба за нефть и газ Центральной Азии, особенно актуальная в годы роста цен на углеводороды, как бы держит на втором плане угрозу возрастающего дефицита других природных ресурсов, в том числе и пресной воды. Между тем положение с этим жизненно важным богатством природы чревато схватками разной ожесточенности уже в среднесрочной перспективе.

Из всего количества воды на нашей планете для питья пригодны лишь 2,5%, которые распределены крайне неравномерно. В конце 2006 г. 80 стран, на территории которых проживают две пятых всего человечества, заявили, что испытывают дефицит воды. ООН оценивает дефицит пресной воды в 230 млрд.

куб. м в год, к 2025-му он увеличится до 1.300-2.000 трлн куб. м. По некоторым расчетам, через четверть века нехватку воды будут испытывать уже две трети земель.¹

В экономической деятельности народов и государств Центральной Азии водно-энергетический комплекс занимает одно из главных мест. Это хорошо видно как на примере орошаемого земледелия, с древнейших времен являющимся одним из основных направлений использования водных ресурсов, так и энергетики.

Появление орошаемого земледелия в Центральной Азии относится к VI-VII векам до н.э. С тех пор его роль постоянно повышалась, орошаемые площади увеличивались, методы совершенствовались. ЦАР расположен в такой природно-климатической зоне, где без орошения возделывать сельскохозяйственные культуры и получать устойчивые урожаи невозможно. Поэтому почти во всех государствах региона существует и преобладает ирригация, которая требует большого количества водных ресурсов. К началу XX в. в регионе орошалось около 3,5 млн. гектар. Особенно интенсивное развитие ирригации происходило в 1960-1990-е гг.

К началу 1990-х гг. общая площадь орошаемых земель в ЦАР возросла до 8,8 млн. га, в том числе:

- в Узбекистане - до 4,2 млн. га
- в Казахстане - до 2,8 млн. га
- в Кыргызстане - до 1,1 млн. га
- в Таджикистане - до 0,7 млн. га².

Так же бурно развивалась и энергетика. По сути дела, начиная с 1930-х гг., в регионе была создана совершенно новая для него, современная базовая отрасль – электроэнергетика. Общая установленная мощность электростанций в ЦАР достигла к середине 1990-х гг. 38 млн. кВт³.

К сожалению, и у этой «медали» есть своя обратная сторона: в регионе резко возросла интенсивность процессов, нарушавших экологическое равновесие. Особенно сильно (и трагично) это сказалось в зоне Аральского моря. Возросло засоление земель и их опустынивание, практически во всех источниках ухудшилось качество воды. Уже к 1970-м гг. водные ресурсы бассейна реки Сырдарья оказались почти полностью исчерпанными. Следствием чего стало серьезное экологическое неблагополучие региона, а состояние Аральского моря определяться понятием экологическая катастрофа.

Противоборство вокруг источников воды в Центральной Азии происходило и во времена СССР, однако тогда их удавалось сдерживать. После обретения республиками Центральной Азии государственного суверенитета (1991 г.) ситуация с использованием водно-энергетических ресурсов региона ещё больше осложнилась. Ныне в Центральной Азии сформировался дефицит

¹ Василий Белозеров. Перспективы водных ресурсов планеты. // "Россия в глобальной политике". № 3, Май - Июнь 2009

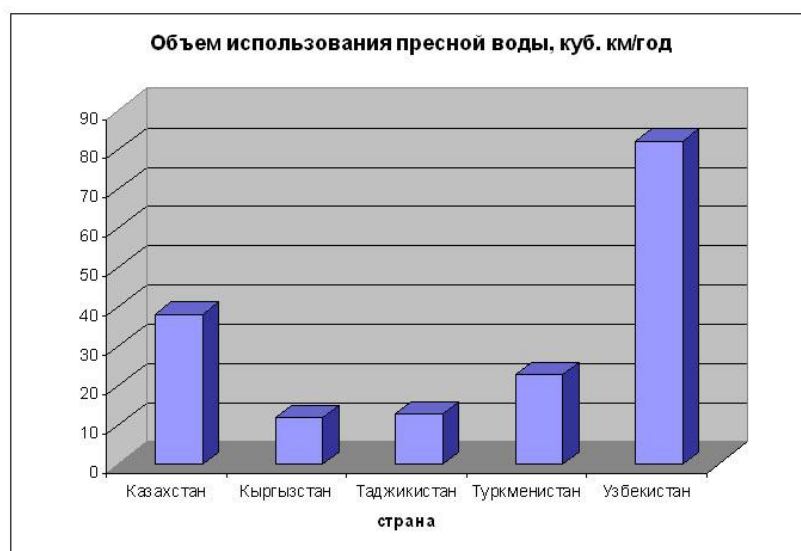
² М. Олимов, Г.Петров. Современное состояние и перспективы использования водных ресурсов в Центральной Азии (аналитический доклад). http://www.asiastrategy.ru/?press&press_id=5&PHPSESSID=f5da72f00d421c981680781da6cacf32

³ Там же.

водных ресурсов, который в будущем будет только обостряться. В условиях, когда гидроэнергетика стран верховьев рек является конкурентом орошаемого земледелия стран низовьев, эффективное совместное использование водных ресурсов возможно только путем компромисса. Обеспечить общерегиональный интерес в использовании водных ресурсов может только путем консенсусного согласования национальных интересов, всех заинтересованных стран.

В последние десятилетия положение с водными ресурсами ЦАР постоянно ухудшается в силу ряда причин. Во-первых, в регионе остро ощущается изменение климата. В Ферганской долине уже несколько лет стоит засуха, западные области Узбекистана практически полностью обезвожены. Во-вторых, усиливается антропогенная нагрузка на экосистему. Регион отличается высокими темпами роста населения, ощущается нехватка продовольствия, ввиду чего невозможно сокращение посевных площадей. Между тем полив полей до сих пор производится архаичным способом, по арыкам, в результате чего на выращивание урожая тратится влаги в несколько раз больше, чем при применении современных технологий. В-третьих, не урегулированы межгосударственные отношения касательно использования водных ресурсов¹.

Как отмечается в докладе «Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных условиях»², Центральная Азия имеет примерно 170-180 кв. км поверхностных водных ресурсов, из которых в настоящее время используется свыше 90%. Водные ресурсы между государствами региона разделены неравномерно. Более 90% источников поверхностных водных ресурсов сконцентрированы в Киргизии и Таджикистане. А главными потребителями воды в регионе являются Узбекистан и Казахстан, причем на долю Узбекистана приходится более половины региональных потребляемых водных ресурсов. В этом кроется основной, но далеко не последний источник противоречий, складывающихся вокруг вопроса о недропользовании в Центральной Азии.

¹ См.: Василий Белозеров. Перспективы водных ресурсов планеты. // "Россия в глобальной политике". № 3, май - июнь 2009

² http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html

Как и Сырдарья, другая водная артерия, Амударья, в нижнем течении теряет много воды на ирригацию. Основной сток Амударьи (74%) формируется на территории Таджикистана, 13,9% на территории Афганистана и Ирана и 8,5% на территории Узбекистана. По обеспеченности гидроресурсами Таджикистан занимает третье место в мире и второе в СНГ после России, его общие годовые потенциальные ресурсы гидроэнергии составляют около 600 млрд. кВтч. Кроме того, Таджикистан обладает значительными запасами пресной воды в ледниках (более 60% запасов Центральной Азии). Находящаяся на таджикской территории Нурекская ГЭС (мощность 3 млн. кВтч) регулирует около 40% воды, необходимой Узбекистану и частично Туркмении.

Свой вклад в копилку водных проблем в регионе вносит и Афганистан, который в настоящее время использует только около 2 млрд. куб. м воды для ирригационных систем в своей части бассейна Амударьи. В потенциале он может забирать до 10 млрд. куб. м воды, что будет иметь отрицательные последствия для Туркмении и Узбекистана. Неравномерность распределения водных ресурсов в Центральной Азии обуславливает конфликт интересов ключевых поставщиков воды (Таджикистан и Киргизия) и ее основных потребителей (Узбекистан, Казахстан и Туркмения). В частности, Таджикистан вместе с Киргизией заинтересованы использовать водные ресурсы для выработки электроэнергии для удовлетворения собственных нужд и на экспорт в третьи страны. Им противостоят Казахстан, Туркмения и Узбекистан, которые настаивают на преимущественно ирригационном характере эксплуатации как уже действующих ГЭС, так и планируемых новых станций.

Общий обзор водных ресурсов центральноазиатского региона¹.

Территория Центральной Азии, за исключением высокогорных районов, имеет недостаточное, а на большей части крайне недостаточное увлажнение: отношение среднегодового объема осадков к среднегодовому объему испаряемости меньше единицы. С этим связана значительно большая по сравнению с другими странами СНГ разреженность гидрографической сети. Густота речной сети на пустынных равнинах ЦАР составляет порядка 2 м на 1 кв. км, в то время как, например, на севере Русской равнины она достигает 300-350 м на 1 кв. км.

Климатические условия равнинной части региона (малое количество осадков при большой испаряемости) не благоприятствуют образованию речного стока. Поверхностный речной сток здесь очень незначителен и рек с постоянным течением, которые начинались бы в пустынной зоне равнинной части Центральной Азии, нет. Только в горных районах, начиная с высоты 700 м, количество осадков заметно увеличивается

Большинство рек Центральной Азии имеет ледниково-снеговое питание. Для них характерны малые колебания годового стока и сильно растянутое во времени половодье (июнь – начало августа), что, наряду с крутым падением

¹ Подготовлен на основе справки «Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных условиях». http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html

русла, делает их особенно ценными для хозяйственного использования, т.е. получения гидроэлектроэнергии и орошения.

В бассейне Аральского моря находятся две крупные реки: Сырдарья на севере и Амударья на юге. Между этими основными реками расположена река Зерафшан, бывший приток Амударьи.

Сырдарья – вторая по водности и первая по длине река Центральной Азии. От истоков Нарына ее длина составляет 3.019 км, а площадь бассейна 219 тыс. кв. км. Истоки Сырдарьи лежат в Центральном (Внутреннем) Тянь-Шане. После слияния рек Нарына и Карадарьи реку называют Сырдарьей. Питание реки ледниковое и снеговое с преобладанием последнего. Для водного режима характерно весенне-летнее половодье, которое начинается с апреля. Наибольший сток приходится на июнь. Около 75,2% стока Сырдарьи формируется на территории Киргизии. Затем Сырдарья пересекает Узбекистан и Таджикистан и впадает в Аральское море на территории Казахстана. Около 15,2% стока Сырдарьи формируется на территории Узбекистана, 6,9% – в Казахстане и 2,7% – в Таджикистане.

Амударья является крупнейшей рекой Центральной Азии. Ее длина от истоков Пянджа составляет 2.540 км, а площадь бассейна 309 тыс. кв. км. После слияния рек Пянджа и Вахша реку называют Амударьей. В среднем течении в Амударью впадают три крупных правых притока (Кафирниган, Сурхандарья и Шерабад) и один левый приток (Кундуз). Далее до Аральского моря она не получает ни одного притока. Питается река в основном талыми водами, поэтому максимальные расходы наблюдаются летом, а наименьшие – в январе-феврале. Такое внутригодовое распределение стока весьма благоприятно для использования вод реки для орошения. Протекая по равнине от города Керк до города Нукуса, Амударья теряет большую часть своего стока на испарение, инфильтрацию и орошение. По мутности воды Амударья занимает 1-е место в Центральной Азии и одно из первых мест в мире. Основной сток Амударьи формируется на территории Таджикистана (около 74%). Затем река протекает вдоль границы Афганистана с Узбекистаном, пересекает Туркмению, вновь возвращается в Узбекистан и впадает в Аральское море. Около 13,9% стока Амударьи формируется на территории Афганистана и Ирана и 8,5% на территории Узбекистана.

Общий среднегодовой сток всех рек в бассейн Аральского моря составляет 116 куб. км. Этот объем включает 79,4 куб. км стока Амударьи и 36,6 куб. км стока Сырдарьи.

Распределение водных ресурсов по странам Центральной Азии (куб км/год)¹

	Бассейн р.Амударья	Бассейн р.Сырдарья	Бассейн о.Балхаш	Бассейн о.Иссык-Куль	Всего	%
Казахстан	-	4,5	23,8	-	28,3	19,3
Киргизия	2,0	34,0	0,3	3,7	40,0	27,2

¹ Т. Дыйканбаева. Современное состояние и перспективы использования водных ресурсов в Центральной Азии
(аналитический доклад)

Таджикистан	62,9	4,1	-	-	67,0	45,6
Туркмения	2,8	-	-	-	2,8	1,9
Узбекистан	4,7	4,1	-	-	8,8	6,0
Всего	72,4	46,7	24,1	3,7	146,9	100
В % к итогу	49,3	31,8	16,4	2,5		100

В горной области и лощинах Центральной Азии расположено много озер естественного происхождения различных типов. Большинство крупных озер занимает котловины тектонического происхождения (Иссык-Куль, Четыр-Кель, Каракуль, Сарычелек). К завальным озерам относятся Сарезское и Яшинкуль на Памире. Многочисленные озера имеют ледниковое происхождение, одним из которых является крупнейшее озеро Зоркуль, расположенное на высоте 4.125 м в Восточном Памире. Есть и карстовые озера. Вода в озерах обычно пресная или солоноватая в зависимости от качества притока. Водный режим озер требует дальнейшего изучения.

Большинство низинных озер обязаны своим происхождением эрозионно-аккумулятивной деятельности рек в условиях аридного климата. Обычно они мелкие с низкими берегами, заросшими тростником и камышом, зачастую окруженные солончаками и песками. Из-за сброса дренажных вод в бессточные котловины возникло много мелких озер антропогенного происхождения. Наиболее крупными озерами такого типа являются Сарыкамышское (в нижнем течении Амударьи) и Арнасай (в среднем течении Сырдарьи).

В связи с низкой пропускной способностью русла Сырдарьи ниже Чардарьинского водохранилища (на границе между Казахстаном и Узбекистаном) в многоводные годы излишние объемы воды сбрасываются в озеро Арнасай. За последние несколько лет эта практика стала общепринятой и в зимний период (в результате энергетических сбросов с Нарын-Сырдарьинского гидроэнергетического каскада). Вода этих озер может быть наилучшим образом использована для целей рыболовства и сохранения биологического разнообразия.

В условиях климата Центральной Азии важное значение для хозяйственного использования имеют ресурсы подземных вод, которые в основном используются для искусственного орошения. Подземные воды пустынных равнин имеют большое значение для развития крупного отгонного животноводства вне орошаемых оазисных земель. Животноводство в аридных климатических условиях гораздо менее водоемко, чем поливное земледелие.

Гидрогеологические исследования в Центральной Азии показали наличие значительных запасов подземных вод в виде пресных вод артезианских бассейнов. В некоторых случаях орошение подземными водами оказывается дешевле, чем орошение поверхностными водами, однако освоение ресурсов подземных вод требует весьма существенных капитальных и текущих (энергообеспечение подъема воды на поверхность) затрат.

В странах ЦАР вода используется в сельском хозяйстве для орошения и для производства электроэнергии. Потребление воды другими отраслями – незначительно. Гидроэнергетика не является сферой производства, связанного с

водопотреблением, т.е. она не расходует воду безвозвратно, а только пропускает её через турбины ГЭС. Орошаемое земледелие забирает речной сток безвозвратно и, если и возвращает его небольшую часть в виде дренажного стока, то очень плохого качества.

Характеристика взаимоотношений стран ЦАР по водной проблеме

Водная проблема – это тема, затрагивающая интересы национальной безопасности и влияющая на весь процесс государственного строительства в странах Центральной Азии.

Водные ресурсы Центральной Азии сокращаются, что является первопричиной конфликтов. Одна из основных причин «обезвоживания» – таяние ледников, что может привести к сокращению ледового питания и общего стока рек в регионе. Объемы ледников уменьшаются вследствие глобального потепления климата, следовательно, решать данную проблему необходимо, безусловно, на международном уровне.

Сокращение водных ресурсов в регионе также обусловлено увеличением потребления воды. Пик потребления воды отмечался в 1980 г. — 120,1 куб. км¹. Кроме того, значительно выросло производство электроэнергии. Причем основная часть электроэнергии производилась с расходом воды на ГЭС. Центральноазиатские страны используют все водные ресурсы, которые формируются на территории региона. При этом существенно уменьшается объем трансграничного притока, так как значительная часть трансграничных рек, текущих в Центральной Азии, берет начало в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, где сокращение водных ресурсов и их расходование идет еще быстрее.

Рост потребления воды в регионе продолжается с 1960-х гг., в течение которых в СССР построили обширную сеть каналов и водохранилищ для увеличения производства хлопка. Энергосистемы были объединены в единую сеть так, чтобы республики в верховьях рек могли экспортировать электроэнергию в республики в низовьях рек в течение зимы и импортировать ее в течение лета, когда вода использовалась для хлопкового производства. Все построенные в те времена гидроузлы имели комплексное, в основном, ирригационное и энергетическое назначение, причем, как правило, в интересах не одной, а нескольких республик. Критерием этой советской структуры водопользования была максимальная общая выгода. При этом все республики получали необходимые компенсации, но не на основе двухсторонних соглашений, а обезличенно, из общего бюджета СССР.

В настоящее время реализация такой схемы независимыми государствами ЦАР невозможна, так как у каждого на первый план выступают национальные интересы. Общие, региональные интересы при этом могут рассматриваться только как согласование национальных интересов путем предоставления взаимных услуг и компенсаций. Неудивительно, что в этой

¹ Г.Рахматулина. Современное состояние и перспективы использования водных ресурсов в Центральной Азии (аналитический доклад)

ситуации между государствами Центральной Азии по водной проблеме стали возникать трения.

Водный поток, идущий к государствам, находящимся в низовьях рек, ослабевает, что весьма ощутимо сказывается на производстве хлопка, вынуждая снижать водные потребности летом. В то же время, государства из низовьев рек не рвутся в ответ с пониманием отнестись к возрастающему во время морозных зим спросу на газ и уголь у государств в верховьях рек. Узбекистан крайне неохотно идет на осуществление компенсаций за водорегулирование и водоснабжение странам, из которых поступает вода.

Рост потребления воды в регионе также уменьшил уровень воды в Аральском море, которое питает Сырдарья и водные системы Амударья. Хотя и была создана (1992 г.) Межгосударственная Комиссия по контролю воды, она оказалась не в состоянии эффективно управлять водным механизмом всех государств ЦАР. Учитывая другие проблемы (напряженные отношения по спорным границам, нестабильная обстановка внутри самих государств, бедность и т.д.), возникшие после распада СССР, водные споры могут стать потенциальным толчком к конфликтам в регионе.

Разделение некогда единой водной системы, а также отсутствие бюджетных средств у водных организаций всех без исключения государств ЦАР, привели к почти аварийному состоянию крупных водных объектов: водохранилищ, каналов, насосных станций. Износ технических средств по наблюдению, контролю и распределению поверхностных водных ресурсов в межгосударственных (особо крупных водных объектах) очень высок.

Отсутствует согласованная политика ведения сельского хозяйства в регионе. Каждое государство старается увеличить орошаемые площади, установить контроль над пока свободными поверхностными водными ресурсами. За последний 5 лет площадь орошаемых земель в регионе увеличилась на 7%¹. Это очень большая цифра в сравнении со свободными речными ресурсами.

Основной источник воды в регионе – реки Сырдарья и Амударья. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан (через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан, Амударья – из Таджикистана в Туркмению и Узбекистан. Поэтому Киргизия и Таджикистан фактически контролируют водные ресурсы других государств региона, формируют график расхода воды в низовьях рек. При этом они рассматривают воду как стратегический товар, поскольку сами бедны другими ресурсами и используют воду для производства собственной электроэнергии. Здесь и находится «ахиллесова пята» проблем межгосударственных отношений в Центральной Азии.

До сих пор каждое государство Центральной Азии в реализации задач по управлению водными ресурсами преследует только собственные цели, «не задумываясь» о проблеме безопасности, интеграции и устойчивого развития

¹ «Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных условиях». http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html

региона в целом. В частности, в Туркмении реализуются проекты по созданию искусственных водохранилищ в Каракумах, которые будут соединены соответствующими каналами с Амударьей. То есть практически эти водохранилища будут «питаться» из этой реки. В соответствии с Национальной стратегией развития Туркмении до 2020 г. суммарная емкость всех водохранилищ республики в перспективе составит 11 млрд. куб. м. Очевидно, что реализация этих проектов обострит проблему обеспечения водными ресурсами соседних государств, расположенных в бассейне Амударьи, и ухудшит экологическое состояние зоны Аральского моря. Как известно, именно недостаток стока Амударьи в Аральское море способствовал обострению кризисной ситуации: море потеряло более 60% своего объема, что привело к экологической катастрофе.

Можно множить примеры, свидетельствующие о несогласованности действий, предпринимаемых центральноазиатскими государствами в сфере управления водными ресурсами¹. В начале 2004 г. из-за обильных осадков значительно повысился уровень воды в основных водохранилищах региона - Токтогульском (Киргизия), Кайраккумском (Узбекистан) и Шардаринском (Казахстан). Под угрозой затопления оказались низменные районы Казахстана (Кзыл-Ординская область). Раньше такая проблема решалась путем сброса излишков воды из Шардаринского водохранилища в Арнасайскую низменность (Узбекистан). Но в 2003 г. Узбекистан резко сократил отток воды, построив дамбы, в результате чего Шардаринское водохранилище стало наполняться до критической отметки, произошел прорыв дамбы и Казахстану пришлось предпринимать оперативные меры по борьбе с наводнением.

Практически в регионе не работает механизм взаимных поставок воды и топливных ресурсов, что приводит к возникновению указанных выше проблем. Различие интересов в сфере управления водными ресурсами и несогласованность предпринимаемых государствами региона действий являются сдерживающими факторами в решении проблем рационального использования гидроэнергетического потенциала стран ЦАР.

В настоящее время существует несколько так называемых «горячих точек», возможных очагов водных конфликтов.

1) Энергетическое или ирригационное использование воды реки Нарын Токтагульского водохранилища.

В советское время вся система реки Сырдарья служила обеспечению водными ресурсами орошаемых земель Узбекистана и Казахстана. Теперь такое положение не устраивает Киргизию, на территории которой формируется 40% всех водных ресурсов региона и которая к тому же обделена минеральными и энергетическими ресурсами. В 2006 г. Киргизия стала использовать свою гидроэнергетическую систему для получения дешевой электроэнергии. Но сама система была ориентирована на ирригационные нагрузки, т.е. пик водопользования приходился на вегетационный (весенне-летний) период.

¹ Подробнее см.: Г.Рахматулина. Современное состояние и перспективы использования водных ресурсов в Центральной Азии (аналитический доклад)

Благополучие около 15 млн. населения и водообеспечение более 1,5 млн. га земель зависят от водных ресурсов этой системы, но энергетический режим требует увеличения водопользования в зимний период. В будущем эта проблема может вызвать серьезное ухудшение отношений между соседними странами. Возможно также возникновение конфликтов, связанных с распределением воды в Ферганской долине, обусловленных общностью водных систем Узбекистана, Киргизии, Таджикистана.

2) Раздел воды р. Амударья между Узбекистаном и Туркменией.

Принцип разделения здесь: 40% на 40%, - тогда как в бассейне Амударьи с узбекской стороны проживает около 14 млн. человек, а с туркменской стороны – 4 млн.¹ После обретения независимости Туркмения построила Туркменский канал по отводу своей водной доли от Туямуюнского водохранилища. Это создало серьезные проблемы для водной системы некоторых районов Хорезмской области, которые были построены для транспортировки больших объемов воды. Со стороны Таджикистана возможно требование увеличения отбора воды из реки Заравшан, которая обеспечивает Самаркандский регион Узбекистана и не имеет свободных неосвоенных водных ресурсов.

До распада СССР, когда преимущество в использовании водных ресурсов отдавалось орошаемому земледелию, действовал механизм компенсации. «Верхним» странам (Таджикистан, Киргизия), чтобы они могли накопить достаточное количество поливной воды для полного возмещения недовыработанной электроэнергии в осенне-зимний период и покрытия ежегодных ущербов от затопления и подтопления, компенсировали их потребности в электроэнергии поставками тепло- и энергоресурсов: газ из Узбекистана, уголь из Казахстана, уголь и нефтепродукты из России.

С 1990-х гг. эти поставки в Таджикистан и Киргизию резко сократились, а отсутствие собственных запасов природного газа и угля в обеих странах привело к резкому увеличению потребления электроэнергии в коммунально-бытовом секторе и промышленности. Теперь максимум выработки гидроэлектроэнергии у «верхних» соседей приходится на зимний период, при этом резко сокращаются попуски воды из водохранилищ в вегетационный период. «Нижние» государства, ссылаясь на международные цены энергоносителей, регулярно увеличивают расценки на поставляемое топливо, а в ответ на неплатежи сокращают подачу углеводородов. В качестве «ответной меры» зачастую используется «водный шантаж».

Впервые симптом конфликтности на почве водопользования проявился в киргизско-узбекских отношениях в 1993 г., когда Узбекистан, самый крупный потребитель воды в регионе, за долги оставил зимой Киргизию без газа. В ответ Киргизия, контролирующая водные потоки, зарождающиеся на ледниках Тянь-Шаня, под предлогом, что надо получить дополнительную электроэнергию и обогреть страну, сбросила воду из крупнейшего в ЦАР Токтогульского

¹ «Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных условиях». http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html

водохранилища¹. В результате водный поток сокрушил все лежащие ниже по течению рукотворные моря. Летом, когда вода понадобилась на полях, ее стало не хватать. Эта история может повториться. В частности, весной 2009 г. Узбекистан уменьшил суточные поставки газа Таджикистану почти в четыре раза², из-за чего угроза энергетического кризиса там стала как никогда реальной.

Споры ведутся и вокруг воды Нарынского каскада ГЭС Киргизии: Узбекистан ежегодно настаивает на сбросе значительных масс воды для улучшения водоснабжения аграрных районов Узбекистана. Несколько раз конфликт едва не переходил в плоскость силовых решений. В настоящий момент Узбекистан развернул рядом с Токтогульской ГЭС (в непосредственной близости от узбекско-киргизской границы) подразделение ВДВ и провел ряд учений по захвату «хорошо охраняемого объекта» с использованием бронетехники и вертолетов. Киргизия, в свою очередь, через «утечки» в СМИ указала, что в случае взрыва плотины, водный поток «сметет с лица земли Ферганскую и Зерафшанскую долины» Узбекистана.

3) Проблема водных ресурсов Таджикистана.

Гидроресурсы являются основным богатством Таджикистана. В стране сосредоточены колоссальные запасы пресной воды в ледниках (около 60% запасов региона), регулирующих водный баланс рек региона. В горном Таджикистане есть 2 уникальные плотины: вторая по величине в мире рукотворная дамба Нурекской ГЭС и крупнейший на планете 500-метровый Усойский завал, за которым находится 16 млрд. куб. м вод Сарезского озера, образовавшегося в результате оползня в 1911 году³.

Таджикское руководство уверяет, что Сарезское озеро может смыть искусственную плотину весом в 6 млрд. тонн и с высоты 3.200 метров над уровнем моря устремится в долину по Пянджу и Амударье к Аральскому морю, «смыв» по пути 5 млн. человек, или 10% населения Центральной Азии. Чтобы справиться с этой проблемой Таджикистану нужны финансовые средства, которые он планирует привлечь из-за рубежа.

Ежегодно народному хозяйству Таджикистана наносят большой ущерб стихийные бедствия, характерные для зоны формирования водных ресурсов: наводнения, селевые потоки, оползни и т.д. Разрушаются дороги, мосты, линии электропередач и связи, дамбы, административные и жилые дома, слои глины накрывают пашни и поля. Как правило, в подобных ситуациях Таджикистан остается один на один со своими проблемами.

Все это не оставляет какой-либо иной альтернативы, кроме развития гидроэнергетики в качестве стратегического направления национальной экономики. В стране, где сосредоточено почти три пятых водных ресурсов региона, более двух третей населения получают зимой электроэнергию всего несколько часов в сутки.

¹ Республикам Центральной Азии грозит голод// Общая газета, 21.12.2000

² Интерфакс. 20.05.2009

³ «Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных условиях». http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html

4) Проблемы между Таджикистаном и Киргизией.

Основными водохранилищами в бассейне реки Сырдарья являются Токтогульское в Киргизии (объемом 19 куб. км) и Кайраккумское в Таджикистане (объемом 4,16 куб. км).

До настоящего времени в заключаемых между странами Центральной Азии договорах по водным ресурсам Сырдарьи предусматривается, что ирригационный режим для Казахстана и Узбекистана обеспечивается только Токтогульским водохранилищем. Однако, согласно мировой практике для каскада из 2-х водохранилищ, компенсирующим регулирование стока, основное регулирование должно начинаться с нижнего по течению водохранилища, так как нижнее водохранилище осуществляет попуски воды для всех нижележащих потребителей. Верхнее водохранилище должно подключаться только для дополнительного регулирования стока в случае, если это не удастся нижнему водохранилищу в связи с его недостаточным объемом.

Складывается парадоксальная ситуация. Основное сезонное регулирование стока для Узбекистана и Казахстана в бассейне Сырдарьи осуществляет Таджикистан на Кайраккумском водохранилище, а все компенсации за регулирование стока от этих республик получает только Киргизия. Проблема таджикских гидроэнергоресурсов приобретает глобальный характер еще и потому, что в них заинтересованы Пакистан и Индия. Свои права на воду предъявляет и Казахстан.

Можно вспомнить и о казахстанско-киргизских противоречиях по водной проблеме. Некоторые представители в правительстве Казахстана призвали «всеми возможными силами воспрепятствовать строительству Кумбаратинской ГЭС на территории Киргизии», введение которой в строй «неминуемо нарушит хрупкий баланс в электро- и водоснабжении всего региона»¹.

Проблема обостряется и из-за высокого прироста населения в регионе. Существует опасность, что демографический рост неизбежно увеличит потребность в воде в предстоящие двадцать лет на 40%². К тому же свою долю потребуют и промышленность с агросектором, что может послужить катализатором конфликтов. Конфликтная ситуация уже проявлялась в 1998 г. в Ферганской долине, что показало лидерам региона, как нерешенность проблем распределения водных ресурсов может вызвать кризис не только в межгосударственных отношениях, но и внутри самих государств.

В Киргизии не раз высказывались мнения о невыгодности для страны сложившейся практики в области использования водных ресурсов, поскольку в настоящее время страна (как и Таджикистан) больше работает на соседей. Летняя работа водохранилищ выгодна Казахстану и Узбекистану, которые продолжают получать около 80% воды, формирующейся на территории соседних государств, практически бесплатно. К тому же острота проблемы

¹ А.Мухамедзянов: Водные ресурсы ЦентрАзии: проблемы и перспективы. <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1156136880>

² «Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных условиях». http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html

усиливается в связи с тем, что в странах Центральной Азии за последние 15 лет наблюдается тенденция сокращения естественных поверхностных вод.

Казахстан и Узбекистан пока не поддерживают принципа товарности водных ресурсов и предпочитают решать данный вопрос, используя механизм межправительственных согласований. Однако и здесь дело не может сдвинуться с мертвой точки из-за разности подходов. В частности, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан заключили рамочное соглашение об использовании гидроресурсов Нарын-Сырдарьинского бассейна рек. В нем предусматривается ежегодное принятие соответствующих четырехсторонних документов с последующим заключением двусторонних соглашений. Однако в течение ряда лет узбекская сторона уклоняется от их подписания.

5) Экологические проблемы.

Водные ресурсы Центральной Азии и Кыргызстана подвержены негативному влиянию, обусловленному как ухудшением состояния окружающей среды, так и нерациональным водопользованием. Существуют различные мнения по вопросу влияния глобального потепления климата на водные ресурсы Центральной Азии. Тем не менее, преобладающим является то, что имеется достаточно наблюдений, подтверждающих: водные ресурсы имеют тенденцию к уменьшению.

По имеющимся оценкам, в XX в. в среднем на территории Киргизии средняя годовая температура возросла на $1,6^{\circ}\text{C}$, что значительно выше глобального потепления ($0,6^{\circ}\text{C}$)¹. При этом годовые размеры осадков практически не изменились.

Интенсивное таяние ледников на какое-то время увеличит питание рек, но в конечном итоге прогнозируется сокращение как ледового питания, так и общего стока рек. По мнению профессора, член-корреспондента Академии наук Киргизии К. Боконбаева, «после пика увеличения водности рек в результате таяния ледников неизбежно наступит спад, так как запасы воды в ледниках начнут иссякать. По прогнозам ученых, к 2030 г. сток киргизских рек сократится на 25-30%, и, если не предпринять мер по сохранению и возобновлению оставшихся запасов, то к 2050 г. сток рек сократится на 30-40% и составит 16-21 куб. км/год»². По данным ООН, к 2040 г. объем годового стока по Киргизии составит 19 куб. км по сравнению с 55 куб. км в 2006 г.³

Что касается водоемов, то самым крупным из них является озеро Иссык-Куль, где в течение последних 100 лет наблюдается падение уровня воды. Существуют многочисленные гипотезы о причинах происходящего. Помимо климатических и геологических причин, существует гипотеза о сильном антропогенном влиянии, в том числе из-за непродуктивного увеличения посевных площадей в Иссык-Кульской котловине, что ведет к росту безвозвратных потерь воды вследствие орошаемого земледелия.

¹ Т. Дыйканбаева. Современное состояние и перспективы использования водных ресурсов в Центральной Азии (аналитический доклад).

² Глобальное изменение климата и водная политика в Центральной Азии: новые вызовы и угрозы. ИА «Кабар». 27.07.2007

³ Т. Дыйканбаева. Современное состояние и перспективы использования водных ресурсов в Центральной Азии (аналитический доклад)

Другая опасность, связанная с «водной проблемой» и требующая скорого решения – экологическая катастрофа высыхания Арала. За последние десятилетия акватория Аральского моря сократилась более чем в 4 раза, объем воды уменьшился в 10 раз. Во столько же возросла концентрация соли, и увеличилась площадь пустыни. Соль и песок разносятся ветрами на многие тысячи километров, оседают на снежных вершинах киргизских гор, вызывая активное таяние ледников и сокращение стока берущих от них начало рек. На значительных площадях моря обнажилось дно. Глубина Арала в настоящее время составляет 8 метров, а ежегодный выброс соли в атмосферу – 1 млн. тонн.

Высыхание Арала – планетарный кризис: ежегодный выброс в атмосферу 1 млн. т соли может стать причиной катастрофы глобального масштаба. Международный фонд спасения Арала, созданный по инициативе глав государств Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана периодически проводит заседания с участием первых лиц республик, но эффективность от подобных мероприятий очень мала. Участники встреч сходятся во мнении, что спасение Арала невозможно без реализации проекта поворота сибирских рек.

Для регулирования водного и энергетического обмена в бассейне реки Сырдарья на основе рамочного соглашения 1998-1999 гг. заключаются ежегодные соглашения о поставках водных ресурсов Таджикистаном и Киргизией странам в низовьях рек с последующими перетоками электроэнергии и других ресурсов. Полностью эти соглашения, как правило, не выполняются.

б) Проблемы межгосударственных правовых отношений.

Использование международного права для регулирования межгосударственных водных отношений в ЦАР не всегда помогает, ибо международное право не содержит никаких запретительных или ограничительных положений и водные отношения в нем регулируются через взаимные договоренности.

В Конвенции ООН 1997 г. «О праве несудоходных видов использования международных водотоков» содержится положение о том, что страна, на территории которой находится часть международного водотока, не может наносить “значительный ущерб” другим странам, и сотрудничество в его освоении должно строиться “справедливым и разумным образом”¹.

К основным документам, регулирующим водные отношения, относятся «Конвенция по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте» (1991 г.), «Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер» (1993г.), а также «Глобальная программа ООН по воде», которые определяют общие контуры подхода к данной проблеме.

¹ «Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных условиях». http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html

По вопросам использования трансграничных вод действует принятая в 1992 г. Хельсинская конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Но она отражает в основном европейские водные проблемы, а потому не может в должной мере помочь решить важные проблемы межгосударственного вододеления, водопользования и охраны окружающей среды в Центральной Азии.

В целом, международное право носит общий (рекомендательный) характер, затрагивая преимущественно экологические проблемы трансграничных водных ресурсов. Что касается проблем управления водными ресурсами и решения спорных ситуаций, то оно не содержит конкретных механизмов разрешения международных споров.

Структура управления водохозяйственным комплексом в Центральной Азии сохраняется сегодня практически в том же виде, в каком она была создана в период существования СССР. При этом такие её элементы, как Бассейновое водохозяйственное объединение (БВО), Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), Научно-информационный центр (НИЦ) МКВК, были образованы непосредственно перед ликвидацией Союза и поэтому не до конца сформированы. После 1991 года к ним добавились, по сути дела, лишь Международный фонд спасения Арала (МФСА), не участвующий непосредственно в управлении водно-энергетическим комплексом, и Электроэнергетический совет Центральной Азии с чисто исполнительскими функциями.

Такая структура управления уже не отвечает современным условиям. Прежде всего - отсутствует общий управляющий и координирующий центр на региональном уровне. Другим недостатком является то, что действующие организации, имея статус межгосударственных, не осуществляют ротацию руководящих кадров и не привлекают к работе специалистов других республик. Все они располагаются в Узбекистане, в основном в Ташкенте, и на 100% укомплектованы национальными кадрами Узбекистана.

По сути дела, к настоящему времени республикам Центральной Азии удалось подписать только два соглашения по водно-энергетическому комплексу: по совместному использованию водно-энергетических ресурсов реки Сырдарья (1998 г.) и о параллельной работе энергосистем (1999 г.).

В целом, следует отметить, что пакет документов, регламентирующих межгосударственные отношения в водохозяйственном комплексе Центральной Азии, не систематизирован, плохо согласован, а иногда и просто противоречив. На нижнем уровне национальные водохозяйственные и энергетические ведомства разрабатывают свои годовые планы изолированно друг от друга, не только не согласовывая, но даже не обсуждая их совместно. На верхнем - в составленных Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссией (МКВК) годовых графиках-режимах работы каскадов гидроузлов уже подписанные соглашения между республиками по совместному использованию водно-энергетических ресурсов не только не учитываются, но даже не упоминаются. При заключении договоров между Таджикистаном и Узбекистаном по бассейну реки Сырдарья в отношении Кайраккумского

водохранилища устанавливаются только обязательства по наполнению и пропускам из него, без каких-либо условий по его наполнению. Понятно, что в таких условиях трудно говорить не только об оптимизации, но и вообще о нормальном функционировании водно-энергетического комплекса.

Сложность всего комплекса проблем, как и то, что каждая из стран ЦАР пытается решить «водный вопрос» в свою пользу, приводит к тому, что многие решения глав государств региона остались нереализованными, хотя на это направлялись значительные средства. Так, не выполнено решение глав государств Центральной Азии и правительства РФ от 11 января 1994 г. по выработке общей стратегии вододеления, рационального водопользования и охраны водных ресурсов в бассейне Аральского моря и подготовки на ее основе проектов межгосударственных правовых и нормативных актов. Не разработаны и не введены в действие нормативы по предельному расходованию воды на производство сельскохозяйственной продукции. Эти действия становятся все более актуальными в связи с ростом населения в регионе и процессами, происходящими в Афганистане, с которым у стран Центральной Азии пока нет соглашения о межгосударственном вододелении.

7) Гидроэнергетическое использование водных ресурсов.

Общий гидроэнергетический потенциал *Таджикистана* оценивается в 527 млрд. кВтч, в том числе технически возможный к использованию составляет 202 млрд. кВтч, а экономически целесообразный к строительству — 172 млрд. кВтч. Самая крупная гидроэлектростанция Таджикистана — Нурекская ГЭС, мощностью 3 тыс. МВт. Уникальной по значимости для региона является Кайраккумская ГЭС на реке Сырдарья, мощностью 126 МВт. Существующие в стране мощности дают возможность максимальной выработки электроэнергии и продажи ее в летний период¹.

Гидроэнергетический потенциал *Киргизии* составляет 142 млрд. кВтч, технический - 73 млрд. кВтч, экономический - 48 млрд. кВтч. По двум последним показателям Киргизия уступает в СНГ лишь России и Таджикистану. Главное место в киргизской энергетике занимают ГЭС, дающие наиболее дешевую электроэнергию. Из 15 ГЭС наиболее известен так называемый «Нарынский каскад», комплекс гидроэлектростанций на реке Нарын, включающий 5 ГЭС, а также особо значимые для Киргизии ирригационные сооружения. Важнейшим элементом данного каскада является Токтогульское водохранилище и Токтогульская ГЭС, которая работает с 1976 г. Ее мощность составляет 1200 тыс. кВтч.

Политические и экономические кризисы, охватившие в 1990-е гг. практически весь ЦАР, привели к снижению уровня использования имеющихся гидроэнергетических мощностей и замораживанию строительства проектируемых каскадов ГЭС. Но и по сей день гидроэлектростанции составляют существенную долю (в среднем – около одной трети) в структуре производства электроэнергии в странах региона. Тем не менее общее

¹ Г.Рахматулина Современное состояние межгосударственных связей в сфере водных ресурсов в Центральной Азии

производство электроэнергии (в абсолютном выражении и в расчете на душу населения) в большинстве стран региона снижается.

Энергетические и водные инфраструктуры постепенно приходят в негодность, их эксплуатация в авральном режиме без серьезных инвестиций рано или поздно приводит к кризису. В целом более 70% сетей и сооружений системы водоснабжения и ирригации Киргизии нуждается в срочной реконструкции и перевооружении. Такое же положение и в Таджикистане.

Ситуацию осложняет и то обстоятельство, что значительная часть специалистов-энергетиков, обслуживающих центральноазиатские ГЭС, вынуждена была эмигрировать в другие страны, прежде всего в Россию, а попытки воспользоваться услугами турецких и малазийских специалистов не привели к ожидаемым положительным результатам. Решение указанных проблем требует привлечения значительного объема инвестиций, борьба за которые – основной барьер для успешного регионального сотрудничества. Данную проблему усугубляет отсутствие механизма реализации решений, принимаемых на межгосударственном уровне

Таджикистан, который испытывает существенный дефицит электроэнергии из-за снижения уровня воды в реках, не в состоянии самостоятельно достраивать ГЭС, заложенные еще в советское время. В начале 2000-х гг. было подписано межправительственное соглашение с Россией и Ираном о достройке Сангтудинских ГЭС-1 и ГЭС-2 и Рогунской ГЭС. Однако иранская сторона пока не стремится к активному участию в этих проектах и теоретически рассматривает лишь проект достройки небольшой Сангтудинской ГЭС-2. Российская же взялась за них весьма активно, понимая, что может получить существенную долю на рынках соседних государств. В итоге Сангтудинскую ГЭС-1 стала строить «Интер РАО ЕЭС», получив в ней 75-процентную долю (25% осталось в собственности Таджикистана)¹.

В Таджикистане возлагают особые надежды в связи с запуском Рогунской ГЭС. По соглашению 2004 г., Россия обязалась инвестировать в экономику Таджикистана \$2 млрд., в том числе в строительство Рогунской ГЭС, однако это соглашение было ликвидировано².

Руководство Таджикистана выражает надежду, что Рогунская ГЭС будет построена при участии других компаний (в частности, «Интер РАО ЕЭС»). По мнению Таджикистана, на продаже только электроэнергии от Рогунской ГЭС ежегодно можно зарабатывать около \$900 млн. Такая позиция не устраивает Узбекистан, который категорически возражает против строительства мощных ГЭС в верховьях трансграничных рек региона. По мнению узбекского президента, Рогунская ГЭС в Таджикистане и Камбаратинские ГЭС-1 и -2 в Киргизии после ввода в эксплуатацию снизят объемы поступления воды в Узбекистан. С другой стороны, неразумно оставлять Рогунскую ГЭС недостроенной. Решить экологические проблемы при строительстве и использовании электростанций, работающих на возобновляемых источниках

¹ Таджикиские неприятности//Время новостей. 21.01.2008

² Зачем Средней Азии нужен мирный атом. Еженедельник «Дело» (Санкт-Петербург) 17.11.2008

энергии, гораздо легче, чем при эксплуатации тепловых и атомных электростанций. Кроме того, гидроэнергия, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, – важнейший фактор энергетической независимости Таджикистана. Россия готова вложить средства в строительство Рогунской ГЭС, но при одном условии: контрольный пакет акций должен остаться у российской компании. Но Таджикистан в этом вопросе уступать не намерен и объявил «Рогун» национальным проектом¹.

Роль России в освоении и рациональном использовании водных ресурсов центральноазиатского региона

Для России политическая, экологическая стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие Центральной Азии имеет важнейшее стратегическое значение. Экономическая стабильность и предотвращение конфликтных ситуаций в регионе прямо связаны с водообеспечением его государств.

В настоящее время участие России в решении проблем использования и охраны водных ресурсов в ЦАР возможно по следующим направлениям:

- техническое содействие в завершении совместного строительства Вахшского каскада гидросооружений (Таджикистан);
- оказание технического содействия в восстановлении нарушенных в результате неприемлемых (с экологической точки зрения) систем орошения сельскохозяйственных земель;
- осуществление космического мониторинга состояния водных ресурсов, в том числе горных ледниковых покровов (последнее особенно важно для Таджикистана и Киргизии);
- помощь в гидрогеологических исследованиях по оценке ресурсов подземных вод;
- участие в качестве посредника в переговорных процессах (на уровне отдельных стран и в рамках СНГ) по разрешению спорных конфликтов, связанных с эксплуатацией и распределением водных ресурсов в регионе;
- участие в решении трансграничной проблемы реки Иртыш между Казахстаном и Китаем (река Иртыш имеет важное стратегическое значение для России, однако Китай делает все, чтобы к китайско-казахстанским переговорам не подключилась бы и российская сторона).

Между тем представляется, что участие России в решении водных проблем Центральной Азии могло бы быть более глубоким. Введенная в июле 2009 г. в эксплуатацию Сангтудинская ГЭС-1 едва ли не единственный пример плодотворного сотрудничества (станцию построила российская компания «Интер РАО ЕЭС»). Ряд аналогичных проектов остался нереализованным: сторонам не удалось устранить возникшие противоречия. Неуступчивость россиян, вызвала недовольство президента Таджикистана (из года в год страна оказывается в тисках жестокого энергетического кризиса), который поставил под сомнение статус стратегического партнерства двух стран.

¹ Россия может построить Рогунскую ГЭС, если она станет российской. Независимая газета. 30.07.2009

Не секрет, что для устойчивого развития гидроэнергетики и систем орошаемого земледелия в ЦАР требуются значительные капитальные вложения. Учитывая социально-экономическую ситуацию в странах региона, маловероятно, чтобы какая-либо из них в одиночку смогла распутать весь узел проблем. Необходимо активизировать международное сотрудничество в этой области, как по линии двусторонних отношений России с центральноазиатскими странами, так по линии СНГ, ШОС и между самим странами ЦАР.

Нельзя не упомянуть и периодически реанимируемую идею переброски части стока сибирских рек в Центральную Азию с целью продажи воды. Эту идею в течение многих лет последовательно поддерживает мэр Москвы Ю.Лужков, направивший еще в 2002 г. соответствующую аналитическую записку президенту РФ. Вернуться к обсуждению отвергнутого когда-то проекта призывал на саммите СНГ в Санкт-Петербурге (май 2007 г.) Н.Назарбаев. Заявления президента Казахстана, как и его коллег, на международных форумах свидетельствуют о серьезности ситуации с водой в Центральной Азии и содержат предостережение, что конфликты, связанные с водными ресурсами, способны выйти за пределы региона.

Россия может и иными способами участвовать в коммерческих проектах, связанных с водой. Предприятия оборонной промышленности располагают перспективными наработками в сфере создания уникальных опреснительных установок, которые позволяют получать дистиллированную воду из морской воды в промышленных объемах. По оценкам, мировая потребность в таких установках уже сегодня составляет \$5-7 млрд. в год.

При взвешенном и разумном подходе к использованию имеющихся гидроресурсов Россия сможет отстаивать свои национальные интересы и извлечь определенные выгоды из складывающейся, пусть и весьма непростой, ситуации.

Водные ресурсы в Центральной Азии распределены неравномерно, что объективно порождает конфликт интересов государств, обеспечивающих и потребляющих этот тип ресурсов. При этом водные ресурсы региона сокращаются, что ведет к водному дефициту, который усиливается в связи с ростом численности населения в странах Центральной Азии.

«Водная проблема» в Центральной Азии – исторический узел противоречий, прежде всего потому, что здесь не работают нормы международного права, в том числе, конвенции о международных реках, озерах и т.д. От того, когда и как они будут решаться, зависят общие перспективы экономического развития стран региона, а также весьма конкретная политическая и социальная обстановка, условия жизни населения и состояние окружающей среды.

Проблема обеспечения ресурсами стран Центральной Азии – комплексная, охватывающая водопотребление, электроэнергетику и газоснабжение. Все эти факторы провоцируют напряжение в

межгосударственных отношениях соседей, скрытые и явные конфликты в регионе. Но полноценного сотрудничества до сих пор не получается, каждая из сторон видит только свои интересы, что ведет к нарастанию политики энергетического сепаратизма.

Поскольку прежние экономические механизмы водного и энергетического обмена в новых политических и экономических условиях не срабатывают, перед главами государств Центральной Азии стоит очень сложная задача. Выходом из этого тупика может стать координация действий по водным и другим природным ресурсам и разделению ответственности между всеми участниками, которые пользуются этими ресурсами. На взгляд специалистов энергетики и сельского хозяйства, такую задачу вполне может решить создание нового единого для региона экономического механизма пользования природными ресурсами.

Водные ресурсы Центральной Азии уже становятся предметом пристального внимания других стран, включая США, ЕС, Китай, Индию, Иран. В контексте общего роста внимания к проблемам энергетики ЦАР можно предположить, что внутрорегиональные отношения по воде будут во все возрастающей степени испытывать на себе влияние (ресурсное, финансовое, технологическое, правовое) со стороны внерегиональных стран и международных организаций. Следует ожидать активизации Китая по водохозяйственным проблемам региона.

Особая ответственность в оказании содействия странам Центральной Азии в решении проблем охраны и использования водных ресурсов лежит на России – как из-за ее тесных исторических, экономических и политических связей с этими государствами, так и из-за того, что эффективное решение водохозяйственных проблем региона напрямую связано с национальными интересами России. Выработка стратегической линии России по водохозяйственным проблемам Центральной Азии должна явиться одной из важнейших составляющих российской политики в этом регионе, проводимой в жизнь как на двусторонней основе, так и в рамках ЕврАзЭС и ШОС.

4. А.Свечников, С.Чаплинский. Транзитный потенциал региона

Транзитный потенциал Центральной Азии это не просто совокупность транспортных возможностей нескольких стран. ЦАР - перекресток многочисленных интересов, политических, военных, экономических. Это регион с развитыми культурными и историческими связями, которые прошли многовековую проверку временем. Попытка создать здесь новые коммуникационные возможности сразу же затрагивает и приводит в движение множество сил, которые способны превратить транзитный потенциал региона либо в источник надежд на экономическое развитие, либо в источник опасности вражды и междоусобицы.

Ведущие субъекты мировой политики - прежде всего КНР, Российская Федерация, США и объединенная Европа – рассматривают ЦАР с позиций собственных интересов. Закономерен интерес к региону Ирана и Афганистана.

Естественно, что и сами центральноазиатские страны имеют свой взгляд на происходящее с ними, в них и вокруг них. Территория с такими большими природными ресурсами и таким военно-стратегическим положением не может оставаться за пределами уже существующих в мире «зон влияния». Борьба по вовлечению центральноазиатских государств в одну из таких зон сосредоточилась на решении проблемы транспортной доступности региона, его транзитного потенциала, который складывается из двух составляющих – региональной и трансконтинентальной.

Транспортные коммуникации ЦАР и перспективы их развития

В XIX в. строительство транспортных коммуникаций в Центральной Азии, входившей в состав Российской империи, было связано в основном со стремлением России обеспечить военное присутствие на своих границах. Этим обстоятельством объясняется архитектура транспортных коммуникаций, которая не предусматривала возможность их транзитного использования. Первые годы своего существования Закаспийская железная дорога полностью обслуживалась военными и только по прошествии значительного срока была передана гражданскому ведомству.

Однако спустя столетие ситуация изменилась кардинальным образом. Сегодня в Центральной Азии протяженность автомобильных дорог превышает 320.000 км, железных дорог – 20.000 км, нефтегазовых магистралей – 40.000 км. В странах региона более 100 аэропортов, 20 из которых считаются международными.

В Центральной Азии к главным изменениям в мировой экономике относят расширение географии межгосударственных связей, возрастание конкуренции, усиление роли государства при движении в сторону объединяющегося мира.

За последние 25 лет объем торговли между странами Азии и Европы вырос почти в шесть раз и составил, согласно данным ВТО за 2005 г., более \$550 млрд. (7% общей мировой торговли). К 2009 г., по данным ЮНКТАД, около 40% общей стоимости грузов и 20% их объема перевозилось между Азией и Европой в контейнерах. Контейнерные перевозки на пути Европа - Азия превысил 6 млн. единиц, а к 2010 г. могли бы составить более 10 млн. единиц, если бы не мировой экономический кризис.

Все это стало основой превращения транзитного потенциала Центральной Азии в ее транзитные возможности. Развитие транзита стало главным в решении региональных транспортных проблем. В роли инициатора такого подхода выступила китайская экономика - самая заинтересованная в транзите и самая быстрорастущая. Для Китая важнейший экономический интерес состоит не только в доступе к энергоресурсам ЦАР, но и в эффективном использовании кратчайшего транзитного пути в Европу, одному из важнейших рынков сбыта китайских товаров, в обеспечении страны безопасными внешними коммуникациями. Активное участие в развитии мощной транспортной инфраструктуры ЦАР стало важным коммерческим проектом КНР.

Что касается России, то ей хотелось бы и в сфере транспортно-транзитной по-прежнему оставаться страной, без которой Центральная Азия не в состоянии обойтись. Это относится как к железнодорожному транзиту, так и трубопроводному транспорту, который своей единой системой еще некоторое время будет прочно связывать республики ЦАР и Россию. В определенной степени притязания России обоснованы. Начиная с 2006 г. в рамках «Стратегического партнерства 1520», объединяющего страны с так называемой «широкой» железнодорожной колеей, действует рабочая группа из представителей железнодорожных ведомств России, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана. Задача группы – выработать концепцию развития международных транспортных коридоров, проходящих через Центральную Азию.

Курс, направленный на создание надежного, гарантированного от политических и военных рисков транзитного пути между АТР и Европой становится, таким образом, не только некой одинаково понимаемой задачей для КНР и РФ, но и обладает неким стабилизирующим эффектом, способствует нормализации обстановки в Центральной Азии и вокруг нее.

Эта особенность распространяется и на сопредельные страны, в частности, на такого важного игрока региональной экономики, как Иран, который стремится приложить максимум усилий для диверсификации своих коммуникации с внешним миром. В этих целях Иран ищет поддержку у КНР, России, у кавказских государств и, естественно, у стран ЦАР. Иран вкладывает средства в транспортные проекты центральноазиатских государств: строительство автомобильной и железнодорожной магистралей соединяющих Таджикистан, Афганистан и Иран; трубопровода Казахстан–Туркмения–Иран (Персидский залив); железной дороги в Таджикистане Мешхед–Серахс–Теджен и газопровода Корпедже–Курдкуй; предоставление иранских портов Бандар-Аббос и Чобахор на побережье Индийского океана для узбекских экспортно-импортных операций; реализация киргизского проекта стратегической автомагистрали «Бишкек–Ош».

Пример Ирана наглядно демонстрирует особенность любой стратегически важной транспортной коммуникации нести в себе еще и политическую составляющую. Это тем более применимо к ситуации в Центральной Азии, политики которой не видят иного пути обеспечения экономического роста, кроме как с помощью установления все более широких связей с остальным миром. Транзит грузов стал той областью договоренностей, в которой согласие всех сторон оказалось достижимо. Причем, не только на двусторонней основе, но и, например, в рамках ШОС.

В этой области экономических отношений элементы разногласий или недовольства между странами ЦАР связаны исключительно с проблемой доминирования или экономической конкуренцией вокруг отдельных проектов. Они не затрагивают существа вопроса – важности развития транзита и транспортных возможностей региона в целом.

Транспортные сети государств ЦАР до недавних пор не имели национальных границ, а выстраивалась как единая сеть единого государства,

СССР. В силу природно-географических особенностей: сложный рельеф местности и отсутствие выходов к морским портам – эта сеть не предусматривала выхода за пределы страны. Эту функцию обеспечивали иные возможности советского транспортного комплекса. Вот почему и спустя почти двадцать лет после распада политического, транспортный распад не состоялся и транспортные коммуникации продолжают объединять территорию ЦАР с Россией. Более того, установленные тогда транспортные связи до сего дня остаются в значительной степени безальтернативными. Так, из 11 центральноазиатских железнодорожных магистралей 9 ориентированы на Россию.

Исключение составляют две дороги: Казахстан-КНР и Туркмения-Иран. Именно они стали первыми в ряду открывающихся новых возможностей. Однако пока эти новые, еще не реализованные, открывающиеся в перспективе, возможности тесно связаны с мировой политической конъюнктурой и не могут причисляться к чисто экономическим. Очевидно, должно пройти достаточно времени, чтобы единство и согласие стали главной характеристикой региона, а перспектива создания общего евро-азиатского свободного режима передвижения товаров и услуг – реальностью.

Говоря о транспортной составляющей экономик ЦАР региона, следует подчеркнуть, что важность транзитного потенциала для региона и сопредельных стран постоянно возрастает. Эта тенденция обусловлена:

- активизацией хозяйственных связей на всем евразийском пространстве;
- ростом физических объемов грузов, перевозимых внутри региона, и транзитных грузов;
- постоянно повышающейся мобильностью населения на всем евразийском пространстве.

Вместе с тем развитию транспорта и связи на евразийском пространстве препятствует целый ряд серьезных проблем в регионе, связанных с недостаточной развитостью местных национальных транспортных систем и старением их материально-технической базы, нехваткой новых транспортных артерий и коридоров, а также современных логистических центров и терминалов, отсутствием согласованности с соседями в проведении тарифной и таможенной политики.

Принимая во внимание масштабы задач, стоящих перед государствами ЦАР на транспорте и в сфере коммуникаций, а также реально оценивая их национальные материально-технические и финансовые возможности эффективно решать эти проблемы самостоятельно, не говоря уже о сложностях географического положения, представляется очевидным, что решение этих задач «необходимо осуществлять коллективными средствами, развивая межгосударственное сотрудничество ...».¹

¹ См.: Парамонов В., Строков А. и др. Аналитический доклад «Современное состояние и перспективы развития транспорта и связи в Центральной Азии». Издание Фонда стратегического исследования центрально-азиатского региона. 2007 г.

Очевидными и главными партнерами ЦАР в развитии транзитного потенциала объективно (с учетом географического положения и характера экономических связей) выступают КНР и РФ. Что касается Японии, Индии, Ирана, то обеспечение транзита их грузов через ЦАР является важной, но все же не важнейшей задачей по развитию транспортной отрасли региона.

Возможности отдельных стран ЦАР¹

Узбекистан

Узбекистан является участником более 30 международных конвенций, соглашений и договоров по вопросам транспортных коммуникаций, принимает участие в ряде международных программ по интеграции транспортных коммуникаций, с 2000-2002 гг. данная отрасль экономики получила иностранных инвестиций в объеме \$550 млн. Практически все транспортные проекты сориентированы на увеличение транзитного потенциала страны. В настоящее время по территории Узбекистана проходят 20 международных транспортных маршрутов.

Государственная акционерная железнодорожная компания (ГАЖК) Узбекистана управляет развитой железнодорожной сетью с хорошим техническим оснащением. Эксплуатационная длина главных путей ГАЖК составляет 4.014 км. Помимо этого ГАЖК эксплуатирует 1.877 км станционных и 333 км подъездных путей. Плотность железнодорожной сети в Узбекистане составляет 0,9 км на 100 квадратных километров территории. На железной дороге идет постоянная модернизация путевого хозяйства, оно оснащается автоблокировкой, диспетчерской централизацией и поездной радиосвязью.

До обретения Узбекистаном независимости железнодорожные перевозки являлись важнейшими, на них приходилось более 90% всего грузооборота. В настоящее время доля железных дорог стремительно снижается, не превышая уже 66%, а по другим данным даже 50%. Зато все, что касается внешнеторгового оборота, остается вотчиной железнодорожных перевозчиков (более 80%).

Узбекистан располагает разветвленной сетью автомобильных дорог. Протяженность автодорог общего пользования (республиканского и международного значения) составляет около 45 тыс. км. Помимо этого в стране имеется 100 тыс. км автодорог местного значения. Свыше 80% всех дорог Узбекистана имеют твердое покрытие. Национальная концепция развития автомобильных дорог предусматривает (до 2010 г.) строительство и реконструкцию 679 км автодорог, в том числе 489 км участков, входящих в состав международных транспортных маршрутов и 190 км дорог государственного значения. Роль автотранспорта в экономике страны продолжает расти и составляет не менее 33% всего грузооборота, а по другим

¹ С разной степенью детализации к этой теме обращались многие специалисты. В том числе и авторы (Парамонов В., Строков А. и др.) уже упомянутого аналитического доклада «Современное состояние и перспективы развития транспорта и связи в Центральной Азии».

данным - более 42%. Рост значения этого вида транспорта связан в первую очередь с обеспечением пассажирских перевозок (по разным данным, от 80 до 85%).

Узбекистан высокими темпами ведет строительство новой современной скоростной автомагистрали Е-40 Андижан-Ташкент-Нукус-Кунград. Эта первая скоростная национальная автомагистраль общей протяженностью 2.294 км проляжет шестиполосной трассой на равнинной части и четырехполосной в горной местности и примет на себя основной поток транзитных международных и внутрихозяйственных перевозок, пройдя через всю страну с востока на северо-запад по кратчайшему направлению. Трансконтинентальная магистраль в перспективе через Казахстан свяжет Китай с портами Каспийского моря. Только на узбекской части автомагистрали запланировано строительство 18 крупных и более 600 средних и малых мостов, а также около 305 путепроводов и дорожных развязок. В число объектов дорожной инфраструктуры войдет 180 автозаправочных станций, 12 автокемпингов, 17 вертолетных площадок, а также два таможенных пункта на пересечении границ с Киргизией и Казахстаном.

В Узбекистане 12 действующих аэропортов. Из них аэропорты в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Ургенче и Термезе являются международными. Однако возможности местных авиакомпаний следует признать ограниченными как в качественном, так и в количественном отношении.

Казахстан

Усилия Казахстана сосредоточены на осуществлении совместных проектов в рамках ЕврАзЭС и ШОС. Естественно, особое внимание уделяется развитию транспортных коммуникаций между Казахстаном и КНР, между Казахстаном и РФ.

Абсолютный приоритет отдан железнодорожному и трубопроводному транспорту.

Важнейшими считаются проекты в области железнодорожного транспорта:

- трасса Трансказахстанской железнодорожной магистрали с бесперегрузочной технологией на всем ее протяжении (Европа – Китай - Восточная Азия);
- Новая Евразийская трансконтинентальная железнодорожная магистраль - от побережья Китая через Казахстан, Россию, Беларусь, Польшу, Германию до Роттердама. Согласно классификации ЭСКАТО, этот маршрут получил название «Северный коридор» Трансазиатской железнодорожной магистрали.

Эти проекты являются прямыми конкурентами Транссибирской магистрали и, соответственно, после реализации столкнутся с теми же проблемами, что и российский перевозчик. Главная из них – стоимость доставки грузов.

В апреле 2009 г. объявлено, что Казахстан в течении трех лет намерен радикально обновить железнодорожную инфраструктуру в западном регионе

страны. Стоимость предполагаемых работ - \$390 млн. В Мангистауской области уже начато строительство железнодорожного участка Куры–Ералиево. На подходе работы на участке Узень–туркменская граница, а затем строительство линии Мангышлак–Баутино, Бейнеу–Жезказган. Благодаря этому у России появится возможность установить сообщение с Туркменией и Ираном по восточному крылу коридора «Север – Юг».

Динамика объемов транзитных перевозок грузов железнодорожным транспортом в Казахстане характеризуется ежегодным ростом в среднем на 14%. Только в 2008 г. объем транзитных перевозок грузов составил 15 млн. т, что на 17% больше, чем в 2007 г.

Стадию организации проходит строительство на концессионной основе железнодорожного участка Коргас–Жетыген с последующим открытием второго международного железнодорожного погранперехода с Китаем. Это будет способствовать увеличению объемов перевозок между Юго-Восточной Азией и ЕС.

Казахстанская железная дорога активно использует ускоренные маршрутные контейнерные поезда. Демонстрационные контейнерные поезда прошли в 2008 г. по маршрутам Урумчи (Китай)–Гамбург (Германия), Шеньчжень (Китай)–Пардубице (Чехия), Тяньцзинь (Китай)–Кунцево (Россия). Сейчас контейнерные поставки осуществляются на регулярной основе.

По плану реализации Транспортной стратегии Республики Казахстан до 2015 г. предстоит осуществить ряд инфраструктурных проектов по строительству новых железнодорожных линий: Коргас – Жетыген, Мангышлак – Баутино, Ералиево – Курык. Огромное значение придается переоснащению и модернизации пограничной станции Достык (Дружба). С 2006 г. объемы перевозок импорта через этот погранпереход возросли более чем в 2 раза, обеспечивается постоянное увеличение пропускной и перерабатывающей способности станции Достык и участка Достык–Актогай. В эти объекты инвестировано более \$100 млн., что позволило обеспечить перевозку грузов в направлении КНР и обратно в объемах до 18 млн. тонн в год.

С завершением строительства и реконструкции участков Актогай–Достык–Алашанькоу–Урумчи и Теджен–Серахс–Мешхед сформированы две новые трансматериковые магистрали, пролегающие через Достык, используемые как транзитные коридоры. Одна - через Россию в Западную Европу, другая («Южный коридор» Трансазиатской железнодорожной магистрали) - через Иран и Турцию по маршруту «шелкового пути».

Казахстан наиболее последовательно проводит политику расширения транзитных возможностей своей трубопроводной системы в направлении России. В настоящее время реконструируется газопровод Средняя Азия-Центр; остаются возможности и для реализации проекта Прикаспийского газопровода.

Одновременно у страны имеются обширные планы в отношении развития трубопроводной сети в направлении КНР.

Таджикистан

Территория Таджикистана на 93% занята горами. Эта природная особенность и суровые климатические условия обусловили наибольшее распространение здесь автомобильного транспорта.

Сеть автомобильных дорог общего пользования Таджикистана имеет протяженность более 13.000 км. Из них более 10.000 км имеют асфальтобетонное и улучшенное покрытие. Плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием составляет 86 км на 1000 кв. км территории. Дорожная сеть в стране неравномерная (в том числе и по качеству дорог), некоторые (даже стратегически важные) трассы из-за сложных климатических условий эксплуатируются не круглый год.

Основные инвестиционные усилия властей направлены на реконструкцию и новое строительство дорог Куляб – Калаи-Хумб – Мургаб – перевал Кульма (граница с Китаем), транспортных тоннелей через перевалы Анзоб и Шахристан, а также автодороги Душанбе – Ташкент и Калак-Гарм – Джиргиталь – граница Киргизии.

Общая протяженность железных дорог в Таджикистане составляет 474 км. Дороги не электрифицированы. В 1999 г. было закончено строительство железной дороги Курган-Тюбе – Куляб. Но и при таких скромных характеристиках доля железнодорожного транспорта в общем объеме таджикских грузоперевозок превышает 60%. Особенность этого вида транспорта – исключительная дороговизна строительства новых железнодорожных магистралей в условиях высокогорья.

В мае 2009 г. Таджикистан заявил о начале строительства новой железнодорожной ветки, которая полностью снимет необходимость «захода» на территорию Узбекистана при внутритаджикском сообщении. Она соединит Душанбе с югом страны, городом Курган-Тюбе. Предстоит проложить 1.100 метров тоннеля, построить 9 мостов и два перехода. Время в пути сократится с 6 часов до 1 часа. Стоимость 46 км пути составляет примерно \$130 млн., по расчетам, вложенные средства полностью окупятся за 10 лет.

Воздушный транспорт Таджикистана развит и обеспечивает не только внутренние пассажирские перевозки, но и грузовые, причем используется не только на больших, но и на малых расстояниях.

Киргизия

Как и Таджикистан, Киргизия преимущественно горная страна. Транспортную инфраструктуру страны составляют 34.000 км автомобильных дорог, 424 км железных дорог, два международных аэропорта и 21 аэродром.

Автомобильные перевозки несут основную нагрузку по перемещению грузов и пассажиров страны. К дорогам, которые одновременно являются еще и транспортными коридорами относятся 8 маршрутов общей протяженностью 2.231 км: Бишкек–Ош (672 км); Бишкек–Алматы (16 км); Бишкек–Чалдовар (31 км); Бишкек–Нарын–Торугарт (533 км); Тараз–Талас–Суусамыр (199 км); Ош–Сарыташ–Иркештам (253 км); Ош–Исфана (385 км); Сарыташ–Карамык (142 км). Несмотря на меры по восстановлению полотна, 1.346 км этих дорог находятся в плохом состоянии. Запланирована реконструкция пяти (из восьми)

коридоров. Статус наибольшего благоприятствования получил проект реконструкции трассы Ош-Иркештам–Сарыташ, в зону обслуживания которого попадают Узбекистан, Таджикистан, и Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.

Общая протяженность киргизских железных дорог составляет 428 км. Железнодорожного сообщения между югом и севером страны нет.

Авиационный транспорт располагает двумя международными аэропортами (Бишкек и Ош), двумя региональными аэропортами (Джалалабад и Каракол) и 19 аэродромами. Особо следует отметить бишкекский аэропорт «Манас», который используется США и их союзниками для снабжения коалиционных войск в Афганистане.

Туркмения

По территории Туркмении более 120 лет назад была проложена первая в Центральной Азии железная дорога, которая и сегодня соединяет Туркменбаши с Ашхабадом. Этот исторический факт только подтверждает значимость страны с точки зрения ее транспортного (в том числе и транзитного) потенциала.

К середине 2009 г. Туркмения среди остальных государств ЦАР оказалась в совершенно особом положении. Это обусловлено не только географическому положению страны, но и необычайно большими запасами углеводородов, мощной добывающей структурой месторождений и хорошо развитой сетью экспортных трубопроводов, который создают Туркмении серьезный геоэкономический и геополитический потенциал.

В 1996 г. произошла стыковка последнего звена железнодорожного варианта древнего «шелкового пути» на туркмено-иранском участке Теджен-Серахс-Мешхед. Тогда же на границе была создана и мощная железнодорожная инфраструктура. Затраты на строительство магистрали полностью окупились всего за пять лет, в основном, благодаря обработке транзитных грузов.

На востоке страны вступила в строй ветка Туркменабат-Керки, сократившая путь в соседние Узбекистан и Таджикистан.

В 2006 г. была запущена Транскаракумская железнодорожная трасса Ашхабад-Каракумы-Дашогуз, которая становится частью международной магистрали для пропуска грузов между государствами Закавказья, Азии и Дальнего Востока к странам Персидского залива.

В самой активной фазе находится строительство железной дороги Узень (Казахстан) – Гызылгай – Берекет - Этрек (Туркмения) - Горган (Иран). Ее протяженность 677 км (по территории Казахстана - 137 км, Туркмении - 470 км, Ирана - 70 км). Туркмены уже построили более трети своего участка.

Местные власти уделяют немалое внимание автодорожному строительству, в том числе отнесенной к категории стратегических трассе вдоль Транскаракумской железной дороги и трассе от Ашхабада до Туркменабата у восточной границы страны. Строительство в основном ведут иранские и турецкие дорожные строительные фирмы. Все новые автомагистрали отвечают международным стандартам, в них вкладываются значительные государственные средства.

После реконструкции морского порта в городе Туркменбаши стало возможным качественно улучшить работу местного каспийского пароходства, наладить железнодорожно-паромную переправу между Туркменбаши и Баку, Махачкалой, портом Оля и даже реализовать возможности, предоставленные еще в 2000 г. по использованию внутренних водных путей РФ для прохождения туркменских судов по Волго-Донскому каналу с выходом в Черное и Средиземное моря.

Развивая возможности гражданской авиации, Туркмения планирует превратить аэропорты в Ашхабаде и Туркменбаши в самые современные аэропорты Центральной Азии.

Основная интрига 2009-2010 гг. вокруг развития транзитного потенциала Туркмении, судя по всему, завязывается вокруг «Набукко», споров с Азербайджаном по поводу принадлежности отдельных участков каспийской акватории, совместных действий с Ираном по предложению западным партнерам своих маршрутов транзита грузов (углеводородов прежде всего) в Европу.

Транзитный потенциал на китайском направлении

Важнейшие усилия КНР в Центральной Азии направлены на организацию железнодорожного и трубопроводного сообщения. Стратегически эти коммуникации должны обеспечить не только доступ к полезным ископаемым региона, но и выход для Китая в Иран и Турцию, снизить нагрузку на собственные порты, составить альтернативу транзиту через Россию. КНР не скрывает того, что стремится извлечь максимальную выгоду от транспортного сотрудничества с ЦАР. Структура товарооборота КНР с центральноазиатскими государствами свидетельствует, что Китай, будучи получателем местного сырья, постепенно превращает ЦАР в зону сбыта товаров собственного производства. Транзитный потенциал региона интересует КНР исключительно с той же точки зрения.

Трудно объяснить крупные китайские капиталовложения только экономическими соображениями. Ведь основные производственные мощности Китая расположены гораздо ближе к Тихому океану, чем к Центральной Азии. Основной поток товаров, соответственно, формируется именно там и, естественно, предпочитает самые дешевые в мире морские перевозки. Это заставляет говорить о военном значении для Китая развития коммуникаций в направлении ЦАР. Экономически такая направленность обоснована лишь в том случае, если в западных провинциях КНР – и прежде всего в СУАР – будет создаваться промышленность, ориентированная на экспорт товаров и переработку сырья. Такие планы у китайского руководства есть. Хотя, например, уйгурская проблема их может серьезно скорректировать, особенно в случае массового исхода китайских граждан в республики Центральной Азии (такое в истории уже бывало). Но и тогда военное значение строительства новых коммуникаций останется для КНР исключительно важным.

По китайским данным, на центральноазиатском направлении ныне интенсивно используются 87 транспортных маршрутов (43 пассажирских и 44 грузовых). В основном, это автомобильные маршруты.

КНР заключила транспортные двусторонние и многосторонние соглашения со всеми государствами ЦАР. Более того, в ряде случаев в качестве участников привлекались и сопредельные государства (например, Пакистан).

Недавно введены в эксплуатацию (или подписаны контракты на строительство) такие автомобильные трассы: Ляньюньган (провинция Цзянсу)-Сиань-Хоргос (СУАР) с выходом на трассу E40; Китай-Таджикистан; Таджикистан-Киргизия; Таджикистан-Узбекистан. Основной поток грузов идет через автомобильные погранпереходы Торугарт (китайско-киргизская граница), Иркештам (стык границ КНР, Киргизии и Таджикистана), Кульма-Карасу (китайско-таджикская граница). Китай самостоятельно намерен ввести в эксплуатацию в ближайшее время еще 12 автомобильных дорог, которые свяжут его западные районы с республиками ЦАР.

КНР настойчиво проводит политику такого транспортного сотрудничества, которое стало бы важным элементом коллективной политики стран-участниц ШОС. Постепенно (пока в пробном варианте) реализуется проект автомобильного сообщения КНР-Казахстан-РФ-Европа. Эта трасса может вовлечь в транзитную деятельность значительно больше стран, чем видится сегодня: заинтересованность в создании маршрута высказали ряд государств Южной Азии и Европы.

В рамках Шанхайской организации развивается целый комплекс автодорожных проектов, направленных на кардинальное изменение отношения к возможностям автомобильного транспорта в регионе. К таким проектам относятся реконструкция дорог Ташкент-Чимкент-Тараз-Бишкек-Алматы-Хоргос и Астрахань-Атырау-Актау-граница Туркмении.

Начиная с 1990-х гг. КНР активно развивает железнодорожное сообщение с ЦАР.

Главный проект в области железнодорожного транзита - трасса, которая берет начало в порту Ляньюньган и соединяет его с Сианем-Ланчжоу-Урумчи-Алашанькоу. В Алашанькоу она вливается в железнодорожную сеть Казахстана (на КПП «Дружба»). Далее грузопотоки могут идти в направлении Роттердама (Голландия) через территории Казахстана, России, Беларуси и Польши. Возможен вариант организации движения через Казахстан, Россию, Украину, Румынию до стран Южной Европы. Возможен и путь в обход России: через Казахстан, Узбекистан, Иран, Турцию и далее вновь в страны Южной Европы.

Эта трасса сократила путь от китайских портов на тихоокеанском побережье до европейских потребителей примерно на 2.000 км по сравнению с Транссибирским маршрутом. Для железнодорожного транспорта вообще это существенный показатель, а для отрезка КНР - ЦАР тем более.

Конечно, важнейшим транзитным потенциалом региона остается железнодорожное сообщение. Однако возрастающее внимание уделяется и развитию воздушных магистралей, хотя пока что реальный воздушный транзит еще не стал играть роль экономически значимого фактора. Наиболее активный

и на этом направлении Китай приступил к освоению воздушных трасс местного значения, соединив Урумчи с основными промышленными городами ЦАР (Алматы, Астана, Шымкент, Усть-Каменогорск, Бишкек, Душанбе).

Безусловно, обилие проектов говорит о высокой заинтересованности КНР в развитии транспортного потенциала ЦАР и транзитных возможностей региона.

Со своей стороны центральноазиатские страны активно используют заинтересованность Китая в местных транспортных проектах для переориентации своих экономик на более широкий круг партнеров. Прежде всего, это затрагивает экономические связи с Россией, хотя объективно и способствует развитию транспортной системы ЦАР.

Транзитные проекты КНР - Казахстан

На территории Казахстана расположены главные транспортные узлы ЦАР. Между ним и КНР открыты 22 новых автотранспортных маршрута. Ожидается, что в ближайшее время их станет 64 (33 пассажирских и 31 грузовой). При этом динамика роста пассажирских перевозок, начиная с 2007 г., составляет 30% в год.

Основное направление железнодорожных перевозок ориентировано на Синьцзян (через Дружбу-Достык). Главным моментом, над которым работают китайские и казахстанские специалисты – сокращение потери времени при переходе с китайской колеи на 1520-миллиметровую колею.

Завершается стыковка (в казахстанском Сары-Озек) национальных отрезков второй трансграничной железнодорожной магистрали (трасса Урумчи-Инин-Хоргос). Определенные подвижки есть и у проекта железнодорожной магистрали КНР-Казахстан-Туркмения-Иран-Турция-Европа, колея которой будет унифицирована под европейские нормы на всем протяжении. Стоимость ее строительства пока оценивается примерно в \$3,5-4 млрд. Первый, рассчитанный на 4 года, этап строительства – создание Трансказахстанской магистрали (КНР-Каспий) от погранперехода Дружба-Достык через территорию Казахстана и Туркмении до г. Горган в Иране.

Изучаются в Казахстане возможности строительства новой автомобильной магистрали Западный Китай-Западная Европа (стоимость \$2,3 млрд.). Очевидные плюсы проекта – сокращение срока доставки грузов с 45 до 11 дней., а очевидные недостатки - дороговизна транспортировки.

Транзитные проекты КНР-Киргизия

В 2000 г. вступила в строй стратегическая автомобильная трасса Ташкент-Ош-Кашгар-Пекин, которая пролегла через Узбекистан, Киргизию и КНР.

Для Киргизии она так же, как и Каракарумское шоссе, открывает прямой доступ к океанским портам Китая. Пока для Киргизии это имеет, в основном, умозрительное значение, но важное - для Узбекистана.

В стадии проектирования находится и реконструкция автодороги Ош-Сарыташ-Икештам, с перспективой ее продолжения на Андижан в Узбекистане.

Это часть будущего шоссе, ведущего из КНР через ЦАР и Афганистан к портам Индийского океана. Свою часть магистрали КНР уже построила, а теперь активно помогает тем государствам, по территории которых она должна пройти. Следует особо подчеркнуть активность китайской стороны, которая начала строительные работы, не дожидаясь окончательного подписания всех официальных документов, окончательно согласованных лишь в 2007 г.).

В 2000 г. железнодорожная сеть Китая практически вплотную подошла к границе Киргизии. Ее дальнейшее развитие планируется в направлении Ош-Андижан и далее вновь на Ташкент. Китай в этом проекте рассматривает в качестве конечной точки маршрута на востоке своей страны – Шанхай. Окончательную проработку проекта финансирует КНР (\$2,5 млн.). Китай начал строительство железной дороги, соединяющей Кашгар (КНР), перевал Торугарт (китайско-киргизская граница) и Андижан (Узбекистан). Только доходы от этой дороги, после ее запуска в эксплуатацию в 2010 году, могут удвоить нынешний бюджет Киргизии.

Транзитные проекты КНР-Таджикистан

Таджикистану строительство дорог с помощью китайских соседей позволяет полноправно участвовать в транзитном бизнесе. Цель для него заманчивая, даже несмотря на открытые заявления Китая, что новые магистрали будут в первую очередь обслуживать интересы КНР.

С 2005 г. работает автомобильная дорога «Кашгар-Хорог», избавившая Таджикистан от высокой транзитной зависимости от Узбекистана. Запущена в эксплуатацию трасса Таджикистан-Китай. Продолжается реконструкция автотрассы Душанбе-Хучанд-Чанак.

Вхождение Таджикистана в клуб государств-транзитеров Центральной Азии сразу же ощутил, например, Афганистан, который перестал зависеть от поставок китайских товаров через порты Индийского океана. Теперь эти товары могут поступать и через Таджикистан.

Китай намерен довести до завершения проект строительства железнодорожной магистрали Китай-Киргизия, продлив его до таджикской территории, а затем и до портов в Персидском заливе.

Транзитные связи КНР и Узбекистана

Между Китаем и Узбекистаном нет общей границы, а потому все совместные коммуникационных проекты двух стран строятся с учетом необходимого участия в них третьей стороны. Это обстоятельство способствует тому, что Узбекистан поддерживает все транспортные инициативы КНР в рамках ШОС. Примечательно, что Узбекистан, заменяя устаревшее железнодорожное оборудование и подвижной состав, отдает предпочтение новым китайским изделиям.

Транзитный потенциал на российском направлении

Экономический потенциал государств Центральной Азии (даже совокупный) часто оказывается меньше, чем потенциал какого-либо субъекта

РФ. Так, если на один российский регион (усредненный показатель) приходится, примерно, \$5 млрд. ВВП, то, например, для Казахстана этот показатель находится в районе \$2 млрд., а Кыргызстана – \$0,25 млрд. Для большинства российских регионов прямые экономические связи со странами ЦАР крайне затруднены из-за удаленности партнеров от основных промышленных районов РФ (к примеру, транспортные издержки московских предприятий в этом случае доходят до 40-60%).

Главные транзитные интересы России в Центральной Азии связаны с трубопроводным транспортом.

Российский экономист В.Иноземцев считает, что «...После распада Советского Союза среднеазиатские республики бывшего СССР ... оказались в ситуации, когда они не имели прямого выхода на рынки зарубежных стран»¹. Тогда «Газпром» осуществлял прямой диктат в отношении условий транзита газа, добываемого в Казахстане, Туркмении и Узбекистане. Более того, с 2007 г. «Газпром» стал сам выкупать весь объем газа, которые эти страны предназначали для продажи западным покупателям. Правда, постепенно цена этого газа вышла на уровень мировых рыночных цен.

То же самое касается и нефти: по трубопроводной системе и железнодорожным транспортом через Россию ежегодно осуществляются поставки до 40 млн. т нефти, добытой в ЦАР (и Азербайджане).

В этой связи можно уверенно говорить о том, что роль России в реализации транзитных возможностей ЦАР исключительно велика и останется такой еще некоторое время. Однако мировой экономический кризис уже внес существенные корректировки в эту исторически сложившуюся схему. Падение продаж, вынудили Россию частично отказаться от закупок газа в государствах ЦАР, что привело к возникновению проблем во взаимоотношениях между нашими странами.

Можно говорить о некоей «планке» в транзитных взаимоотношениях между Россией и государствами ЦАР, которую даже в перспективе не удастся преодолеть. Наличие «планки» связано с активным нежеланием центральноазиатских стран оставаться в полной зависимости от РФ в вопросах транзита сырья на импорт. Такому транзиту 100-процентно российским уже не быть никогда. И это та реальность, которая ныне и вызывает к жизни все новые и новые транзитные проекты. Видимо, России следует приспособиться к новым реалиям. Пути для этого открыты. И не только в виде создания неких особо привлекательных, с коммерческой точки зрения, условий для осуществления транзита преимущественно через российскую территорию. Но также и в виде, например:

- поддержки и участия в проектах строительства новых коммуникаций для стран ЦАР;
- обеспечения безопасности транзита через Центральную Азию и прилегающие к региону страны;

¹ В.Иноземцев «European Energy Review» №7 за 2008 год

- выработки единых позиций по вопросам транзита в разного рода международных организациях, а *главное, через деятельность в рамках ШОС, которую признают и поддерживают все значимые для ЦАР силы, включая Китай, Индию, Иран, Афганистан.*

Фактически речь идет о такой новой политике РФ, которая бы принимала во внимание и ее интересы с перспективными политическими планами, и невозможность их достижения с помощью прямолинейных методов. «Жесткая сила» и «мягкая сила» должны чередоваться в качестве средств воздействия на партнеров. Сейчас, очевидно, пришла пора «мягкости».

Транспортные ведомства России все еще уделяют ЦАР недостаточно внимания, считая, что былые возможности сохраняются в полном объеме и транспортные сети региона еще долго будут обслуживать российские интересы. Среди важнейших международных мероприятий, которые провели Российские железные дороги (РЖД) в первом полугодии 2009 г., не было ни одного, направленного на развитие транзитного потенциала Центральной Азии или посвящалось бы проектам, которые соединяли интересы России с развитием такого транзита. Зато нашлось время для переговоров с Ираном, Монголией и Кореей, заключения соглашений по продлению «широкой колеи» до Вены, переговоров с КНР об увеличении объемов контейнерных перевозок из Китая и Юго-Восточной Азии в Россию и Европу по Транссибу, встреч с машиностроителями Испании и Франции.

Встреча же, например, которую провел старший вице-президент ОАО «РЖД» в Казахстане (2009 г.) была практически полностью посвящена вопросам оптимизации тарифных условий на перевозки в условиях снижения объемов грузов. Не умаляя значения таких встреч, хотелось бы подчеркнуть, что из них выпал такой стратегически важный момент, как укреплении позиций РФ в организации транзита грузов через Центральную Азию.

Возможности транзита в рамках ЕврАзЭС

Возможности Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) видятся достаточно перспективными. Договоренности России, Белоруссии и Казахстана о создании в рамках ЕврАзЭС Таможенного союза способны серьезно подтолкнуть реализацию целого ряда транспортных проектов. Цель всякого таможенного союза - улучшить условия для передвижения товаров, а значит, и развить транспортные возможности для их перевозки. Таможенный союз, по сути, предполагает создание единого транспортного пространства ЕврАзЭС для обеспечения беспрепятственного перемещения грузов и пассажиров, что невозможно без технической и технологической совместимости транспортных процессов, без единых для всех правил конкуренции, без гармонизации законодательства стран ЕврАзЭС в транспортной области.

Рамки ЕврАзЭС включают свыше 111.000 км железнодорожных путей, 890.000 км автомобильных дорог общего пользования, 110.000 км внутренних водных путей, 98 международных аэропортов, 37 категорированных аэродромов и перегрузочные комплексы морских портов в Каспийском, Азово-

Черноморском, Балтийском, Северном и Дальневосточном бассейнах. Общая проблема состояния транспортных систем стран ЕврАзЭС - высокий (до 70%) износ их основных фондов, а также моральное и физическое старение подвижного состава всех видов транспорта.

В 2000 г., году основания ЕврАзЭС, общий грузооборот между странами-участницами составлял 120 млн. т (без учёта газопроводного транспорта), к 2005 г. этот показатель вырос до 235 млн. т. Один только морской транспорт обеспечивает значительную часть внешнеторговых перевозок государств-членов ЕврАзЭС с третьими странами. В 2008 г. в морских портах России и Казахстана объём перевалки таких грузов превысил 385 млн. т.

Транспортный потенциал ЕврАзЭС, оцененный экспертами в 2006 г. в 230 млн. т, используется далеко не в полную силу, фактически наполовину. К 2020 г. совокупный транспортный потенциал ЕврАзЭС оценочно возрастет до 430 млн. т, а взаимные перевозки грузов вырастут (в сравнении с 2005 г.) в 1,87 раза, перевозки пассажиров – в 1,9 раза. Предусматривается, что к 2020 г. совокупный объём только транзитных перевозок по территории государств-членов ЕврАзЭС может быть увеличен до 316 млн. т при использовании транзитного потенциала на 85%. Внешнеторговый же оборот морских портов России и Казахстана увеличится в два раза и достигнет к 2020 г. 730 млн. т.

Развитие инфраструктуры будет сосредоточено на нескольких основных транспортных направлениях:

- формирование евроазиатского коридора Китай – государства Центральной Азии – Россия – Белоруссия – Европа;
- развитие Северо-Западного транспортного направления (Южная Азия - государства Центральной Азии – Россия – порты Балтийского региона);
- развитие Юго-Западного транспортного направления (Южная Азия - государства Центральной Азии – Азово-Черноморские порты России – Восточная и Южная Европа);
- развитие Восточного транспортного направления (Белоруссия - Центральная Азия – порты Приморского края России – страны АТР с ответвлениями на Монголию, Китай, Корейский полуостров).

Отличительная особенность проектов ЕврАзЭС - обязательная включенность в них Российской Федерации.

Предполагается в ЕврАзЭС создание системы специальных логистических центров. В Белоруссии такие центры будут размещены в Минске, Бресте, Витебске, Гомеле. В России - в Московском и Санкт-Петербургском узлах, а также в центрах более 30 субъектов РФ, включая Нижний Новгород, Калининград, Мурманск, Архангельск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Казань, Астрахань, Краснодар, Ростов-на-Дону, Уфу, Оренбург, Челябинск, Тюмень, Читу и др. В Казахстане - в Алматы, Астане, Актау, Уральске, Актобе, Кызылорде, Таразе, Шымкенте, Семее, на пограничных пунктах пропуска Достык, Коргас, Таскала, Бахты. Общий объем инвестиций на создание транспортно-логистической системы на территории ЕврАзЭС оценивается в \$12,5 млрд.

От формирования в рамках ЕврАзЭС единого транспортного пространства можно ожидать много выгод. Так, конкурентоспособность транспортных систем за счёт кооперации и координации усилий повысится на 25%. Подвижность населения вырастет не менее чем на 30%. Скорость грузового сообщения - на 10-15%, а по международным транспортным коридорам – на 25%. Грузоёмкость ВВП снизится на 5-8%. Доля транспорта в загрязнении окружающей среды за счёт модернизации снизится в полтора раза. Транспортная доступность отдельных регионов повысится не менее чем на 20%, а общеэкономический эффект от улучшения транспортных связей составит не менее 10% для каждого государства-члена ЕврАзЭС.

Следует подчеркнуть, что эти планы ожидает трудный путь к реализации. Противников у Таможенного союза много, в том числе и в России.

Трудности в организации транзитного сообщения

Главная сдерживающая сила быстрого развития транзитного потенциала ЦАР - это высокая стоимость сухопутных перевозок по сравнению с морскими. В среднем она в полтора раза выше. Помимо того, сложный (а подчас исключительно сложный) горный рельеф местности также весьма удорожает любые строительные или эксплуатационные работы, диктует свои условия проектировщикам.

Существующие железные дороги в ЦАР не отвечают современным требованиям, предъявляемым к международным перевозкам. Например, согласно рекомендациям Европейского соглашения о международных магистральных железных дорогах, расчетная скорость на них должна составлять не менее 160 км/час. Для железных дорог Центральной Азии это трудновыполнимая рекомендация: на них скорость не доходит и до 100 км/час (а на практике бывает и ниже 60 км/час).

Принцип, на котором строится вся логистика, заключается не в скорости доставки грузов и пассажиров, а в точности соблюдения сроков поставки. Именно поэтому выигрыш во времени, который сулят новые транспортные магистрали через Центральную Азию, считается не самым важным аргументом. Экономия, достигаемая за счет сокращения расстояний, пока что поглощается высокой удельной стоимостью перевозки по железной дороге по сравнению с морским вариантом (а тем более, автомобильным).

Современная логистика требует создания соответствующих центров, которые могли бы замкнуть на себя управление потоками грузов. Однако в ЦАР таких центров еще нет. Это существенно сдерживает развитие транзитных возможностей. Тем выше значение устранения такого недостатка в рамках ЕврАзЭС, о чем уже говорилось.

Сегодня только трубопроводный транспорт в состоянии успешно конкурировать с морскими перевозками. Пока он в основном сориентирован на Россию. Многовекторность маршрутов этого вида транспорта будет достигаться исключительно за счет нового строительства и крупных капиталовложений, о чем говорят примеры КНР и международного проекта «Набукко».

К тому же государствам Центральной Азии никак не удается согласовать политику в области транзита. Отсутствие единства здесь ведет к удорожанию пропуска товаров, расходованию средств на укрепление «транспортной безопасности» каждого государства в рамках национальных границ. И, в конечном счете, к существенным совокупным потерям региона – как в настоящее время, так и в перспективе. Более того, эта – политическая – составляющая начинает принимать угрожающие для транзита формы (например, различные ставки для различных стран), что совершенно недопустимо для государств, которые зависят от пропуска грузов к морским портам исключительно через одну, а то и две (как Узбекистан) границы.

Уверенно можно сказать, что перспектива развития транзита грузов через Центральную Азию во многом зависит и от готовности властей всех стран ЦАР осуществлять единую региональную транзитную политику.

Стремление государств-мировых лидеров к установлению своего влияния в регионе ведет к конъюнктурным колебаниям местных властей, расшатывает единство региона, не позволяет принимать эффективные, выгодные всем экономические решения. Стабилизирующую роль ШОС в этой связи не следует переоценивать, так как США и объединенная Европа делают немало, чтобы подорвать любые конструктивные начинания ШОС, в том числе и в области транспорта.

Скажем, суть политики США в отношении ЦАР (с точки зрения транспортной составляющей) предельно проста – всячески способствовать переориентации коммуникации центральноазиатских государств с России и КНР на страны Южной Азии.

Нейтрализовать подобные устремления можно только, основываясь на сознательном и добровольном выборе государств региона. А он обязательно должен носить коллективный характер и опираться на своих естественных союзников – Россию и КНР.

Практика показывает, что западный подход к решению проблем транзита через Центральную Азию базируется исключительно на стремлении выторговать для себя максимум льгот и не допустить многостороннего развития центральноазиатских государств. Приоритеты здесь не скрываются:

- горнодобывающая и нефтегазовая отрасли, нефтехимическая промышленность и электроэнергетика. Тесно связанные между собой, они, по мнению западных специалистов, могли бы послужить отличной платформой для формирования конкурентного преимущества региона;
- транспортный сектор может стать многообещающим элементом региональной стратегии развития, если рассматривать «Шелковый путь» как транспортную сеть, объединяющую Восточную Азию с Западной Европой.
- изобилие культурно-исторических объектов и городов вдоль древнего Шелкового пути послужит основой для активного развития туристического сектора экономики.

Таков сугубо «западный» взгляд на развитие экономики ЦАР, ориентирующий ее исключительно на Европу, Турцию. Но не на Китай или Россию. Это делает особо актуальной для РФ задачу «налаживания механизмов

комплексного и взаимовыгодного многостороннего сотрудничества в системе Россия – Китай – Центральная Азия, а на институциональном уровне – внутри и между ЕврАзЭС и ШОС»¹.

Идея развития транзитного сообщения не может существовать сама по себе, в отрыве от мировых экономических тенденций. Транзит через центральноазиатские страны – крупный международный экономический проект. Это означает, что с ним и обращаться следует как с делом, имеющим международное значение. Проект нуждается в тщательной экономической и политической подготовке. Он должен быть многосторонним, открытым для вовлечения все новых и новых участников. Этот проект необходимо продвигать в разного рода международные договоры и действующие союзы.

Проблема транзита приобретает совершенно иное звучание в том случае, если она рассматривается как часть более крупной задачи – создания нового мощного экономического блока государств, стержнем которого станут объединенные современными коммуникациями КНР, Центральная Азия и Российская Федерация.

¹ Парамонов В., Строков О. Центральная Азия - транспорт, коммуникации, интересы // Информационный портал «Центральная Азия», 27 марта 2009 г.

Глава II

Фактор Центральной Азии в международной политике иностранных государств

1. А.Целикин. Взаимоотношения государств Центральной Азии. Конфликтный потенциал региона

Беловежские соглашения России, Украины и Белоруссии 1991 г., приведшие к распаду СССР, сильно воздействовали на руководителей тогдашних союзных республик. Уже на второй день (13 декабря) после ратификации Беловежских соглашений Верховным Советом РСФСР они провели экстренную встречу в Ашхабаде, где согласились с необходимостью присоединиться к РФ, Украине и Белоруссии и соучредить СНГ. На этой же встрече Туркмения высказалась за иной подход, исключаящий какие-либо формы интеграции с Россией.

Оказавшись после распада СССР в иной политико-военной, социально-экономической, геополитической и духовно-культурной системе координат, страны Центральной Азии безусловно глубоко озадачились тем, что делать дальше и как идти во внешний мир. Пожаловаться на отсутствие к себе интереса они не могли и не могут. Более того, порой этот интерес выглядел навязчивым. По логике, давление, оказываемое на руководство стран ЦАР, должно было способствовать их сближению и сплочению. Однако до последнего времени этого не произошло. Практически между всеми государствами региона имелись и имеются противоречия, порой довольно серьезные и способные перерасти в открытое противостояние.

Среди конкретных проблем, осложняющих взаимоотношения между Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменией и Киргизией, можно назвать:

- территориальные разногласия и незавершенность процесса делимитации границ;
- распределение трансграничных водных ресурсов;
- поставки газа;
- разнонаправленность ориентиров государств региона во внешнеполитической сфере и т.д.

О проблемах, связанных с распределением водных ресурсов и с поставками энергоносителей, достаточно сказано в предыдущих разделах. Пришел черед сосредоточить внимание на дезинтеграционных проблемах, имеющих в основе своей политические причины.

Проблемы спорных территорий и делимитации границ.

Для Центральной Азии всегда было характерно смешение народов и национальностей, а особенности территории (удобство ее для проживания) всегда брали верх над национальными различиями.

Вот что пишет по этому поводу известный казахстанский политолог, заместитель директора Института России и Китая Талгат Исмагамбетов: «Узбеки, туркмены, таджики проживали в разных государствах Средней Азии (Хива, Бухара, Коканд). История и политическая география отличались от привычного европейского принципа образования государств: **в Центральной Азии этничность отступала перед географией** (*подчеркнуто авт.*). Здесь всегда доминировал географический принцип, по которому центры государств формировались в крупных оазисах: Хивинское ханство - в Хорезмском оазисе, Бухарский эмират - в бассейне реки Зеравшан, Кокандское ханство - в Ферганской долине...

Как суметь соединить специфику образования государств в географическом пространстве Центральной Азии с существующей реальностью - это проблема, которую необходимо поставить, чтобы решить впоследствии. Это покажет время. Пока что разрезание единого географического пространства привело к межгосударственным и межэтническим противоречиям, к напряженности между государствами по поводу земли и водных ресурсов. Авторитарные режимы глухи к интересам населения, страдающего от нарушения веками опробованных правил взаимодействия этносов региона».¹

К моменту официального распада СССР на территории нынешней Центральной Азии проживало около 50 млн. человек в пяти союзных республиках: Казахская ССР (население 16 млн. человек), Киргизская ССР (4,1 млн.), Таджикская ССР (4,7 млн.), Туркменская ССР (3,3 млн.) и Узбекская ССР (18,5 млн.). Кроме того, в составе Узбекской ССР была одна автономная республика – Каракалпакская АССР (1,1 млн. человек), а в составе Таджикской ССР – Горно-Бадахшанская автономная область – (149 тыс. человек).²

Границы национально-территориального размежевания за время существования СССР нередко проводились произвольно, без учета этнических и политических реалий. Политико-административное деление этого региона очень часто перекраивалось, причем руководство СССР того времени не очень беспокоило национальные и этнические соображения. А национальная политика Коммунистической партии исходила из того, что по мере продвижения страны по пути социалистического развития национальные различия вообще будут стираться.

Динамика политико-административного размежевания региона за годы его вхождения в СССР³ такова:

- **Казахстан.** В августе 1920 г. была образована Киргизская АССР со столицей в Оренбурге в составе РСФСР. В результате национально-территориального размежевания Средней Азии, предпринятого в 1924-1925 гг., «все казахстанские земли» (так это трактовалось советской историей) были

¹ Талгат Исмагамбетов. Уроки географии и суверенитет в Центральной Азии. Время по Гринвичу (Алматы), № 618, 4 янв. 2002.

² Ежегодник БСЭ 1986 года

³ По данным, приведенным в Ежегоднике БСЭ 1986 года.

объединены в Казакской АССР. В декабре 1936 г. она была преобразована в союзную республику в составе СССР – Казахскую ССР.

- **Киргизия.** В октябре 1924 г. в составе РСФСР была образована Кара-Киргизская (с мая 1925 г. - Киргизская) автономная область. В феврале 1925 г. преобразована в Киргизскую АССР. В декабре 1936 года стала союзной республикой.

- **Таджикистан.** Северный Таджикистан в ноябре 1917 - феврале 1918 гг. территориально вошел в Туркменскую АССР. В результате государственно-национального размежевания в октябре 1924 г. была образована Таджикская АССР в составе Узбекской ССР. В октябре 1929 г. преобразована в Таджикскую ССР, которая в декабре того же года вошла в состав СССР.

- **Туркмения.** В ноябре - декабре 1917 г. основная часть нынешней Туркмении входила в Туркестанскую АССР. Эта автономная республика просуществовала до октября 1924 г. На ее территории образовались Узбекская ССР, Туркменская ССР (в октябре 1924 г.), Таджикская АССР, Кара-Киргизская АССР, Каракалпакская автономная область.

- **Узбекистан.** Основная его часть входила в состав Туркестанской АССР. Недолгое время на его территории существовали Бухарская и Хорезмская народные советские республики (НСР). В октябре 1924 г. была образована Узбекская ССР.

- **Каракалпакия.** Часть ее территории относилась к Туркестанской АССР, часть - входила в Хорезмскую НСР. В феврале 1925 г. образована Каракалпакская автономная область в составе Казакской АССР, с июля 1930 г. она вошла в состав РСФСР, в марте 1932 г. была преобразована в АССР, а в декабре 1936 г. передана в состав Узбекской ССР.

- **Горно-Бадахшанская АО** образована в составе Таджикской ССР в январе 1925 г.

После распада СССР все эти национально-территориальные и государственно-национальные размежевания, не считая многочисленных более мелких решений центральных и республиканских властей об изменении подчиненности отдельных районов, уточнении административных границ и т.п., не могли не привести к появлению целого ряда спорных территорий, к росту потенциала межэтнических и межнациональных конфликтов. Как только эти интернациональные «скрепы» советского времени прекратили действовать, тут же на первый план вышел национализм, который не только инициировал рост национального самосознания и способствовал национальному возрождению, но и возродил старые обиды, привел ко все более частым проявлениям ксенофобии и национальной нетерпимости, даже к вражде.

Территориальная неопределенность, усиленная дефицитом водных и земельных ресурсов, способствует эскалации напряженности, особенно в приграничных районах государств Центральной Азии. В их взаимоотношениях вопрос о территориях и границах является наиболее сильным раздражителем.

Этническая ситуация в Центральной Азии была крайне неопределенной, здесь практически не было четко сформировавшихся этнических групп, отсутствовали и четкие границы их проживания. Если говорить о наиболее многочисленных национальных общинах, компактно проживающих сегодня в Центральной Азии вне своих стран, то к ним относятся узбеки (в южных районах Киргизии и северных районах Таджикистана) и таджики (в Узбекистане, Самаркандская и Бухарская области).¹

Обращая внимание на это, президент Узбекистана И. Каримов отмечал: «...Даже страшно представить, к чему может привести любая попытка передела существующих границ на этнической основе. Передел границ в нашем регионе может дать для всего мирового сообщества такой ужасающий эффект, на фоне которого тот же конфликт в Боснии и Герцеговине покажется лишь прелюдией к кошмару».

Казахстан, решив самые острые свои противоречия с соседями по вопросу границ, получил значительные преимущества в осуществлении внешней политики как в самом регионе, так и за его пределами.

Знаменательно, что наименьшие проблемы в этом вопросе у Казахстана возникли не с исторически и этнически близкими государствами ЦАР, а с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Это можно объяснить тем, что основной упор делался именно на достижение договоренностей с гораздо более мощными по развитию и потенциалу государствами, наличие разногласий с которыми могло бы сильно осложнить дальнейшее развитие страны.

Решив или завершая решение проблем с крупными державами, Казахстан приступил к переговорам с более или менее равными себе соседями, с кем имелось больше всего противоречий, наиболее сложным из которых стала проблема границ с Узбекистаном. Подписанный в ходе визита узбекского президента Каримова в Казахстан (ноябрь 2001 г.) Договор о делимитации государственной границы во многом снял с повестки дня территориальный вопрос, что существенно упростило выработку политики налаживания казахстанско-узбекских межгосударственных отношений. Не секрет, что между двумя странами наблюдалось, пусть и подспудное, но соперничество, вызванное примерно равным экономическим и политическим потенциалом и при этом различный подходом к перспективам развития как во внутренней, так и во внешнеполитической сферах. Удаление «болевого точки» территориальных претензий в двусторонних отношениях предоставило Казахстану возможность строить адекватную политику в отношении Узбекистана.

Все же первый по времени Договор о делимитации и процессе демаркации границы Казахстан подписал с Туркменией (июль 2001 г.), он, правда, решил только проблему сухопутной границы. Вопрос о разделе Каспия остается открытым, и здесь между Казахстаном и Туркменией сохраняются заметные противоречия. Впрочем, это тема не двустороннего, а многостороннего обсуждения, и казахстанско-туркменские разногласия не

¹ Ежедневная газета «Россия», 9 июля 2009.

столь глубоки в сравнении с позициями некоторых других участников «Каспийского клуба».

Более или менее ровно развивается процесс определения казахстанско-киргизской границы где фактически начался процесс делимитации. Вместе с тем о сложностях решения проблем границы говорит то, что только в апреле 2008 г. президент Киргизии Курманбек Бакиев подписал закон «О ратификации Договора между Киргизской Республикой и Республикой Казахстан о киргизско-казахстанской государственной границе», тогда как Договор подписан был в декабре 2001 г.. Причем, киргизскому правительству было поручено провести соответствующие переговоры с казахстанской стороной «о возможности внесения изменений в данный документ по участку Кок-Сай Кара-Бууринского района Таласской области и участку объездной автодороги Бишкек - Торугарт в районе села Дружба Ысык-Атинского района Чуйской области республики». А значит, и Договор есть, и проблемы остались.

Таким образом, в процессе определения государственных границ Центральной Азии на передовых рубежах в сравнении с остальными находятся Туркмения и Казахстан. Территориальные разногласия между остальными государствами региона значительно более серьезны и болезненны. Особенно между Узбекистаном и Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном, Киргизией и Таджикистаном. Границы между ними, если вообще возможно говорить об официальном наличии таковых, располагаются в Ферганской долине, которую можно назвать очагом напряженности всей Центральной Азии.

Например, по всему периметру узбекско-киргизской границы существует, по разным данным, от 70 до 100 спорных участков. Межправительственная комиссия, созданная для решения данного вопроса, сталкивается со множеством трудностей в своей работе. Кроме того, на территории Киргизии имеется два узбекских анклава, Сох и Шахимардан, где проживают, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек. В свою очередь, и в Узбекистане имеется киргизский анклав, село Барак с населением 589 человек, относящееся к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области. Узбекская сторона предложила киргизским коллегам заключить соглашение об обмене территориями, с тем чтобы анклав Сох был присоединен широкой полосой земли к «материковой» части Узбекистана. В обмен Киргизии предлагалось передать южную часть Соха. Киргизская сторона посчитала такое соглашение невыгодным для себя, так как в этом случае два района, Лейлекский и Баткенский, оказывались почти полностью отрезанными от остальной территории страны.

На границе Киргизии и Таджикистана в настоящее время насчитывается около 70 спорных участков. В основном они располагаются в Лейлекском районе Ошской области, Баткенской области (Киргизия) и Исфаринском районе Худжандской области и Джиргатальском районе (Таджикистан). Процесс делимитации границ между двумя государствами находится на самой ранней стадии своего развития. Более того, с полным основанием можно сказать, что правительства обоих государств за решение данного вопроса по тем или иным причинам пока не брались. На территории Киргизии находится сравнительно

небольшой участок земли (130 тыс. кв. км), относящийся к Исфаринскому району Худжандской области Таджикистана: анклав Ворух с населением, по разным оценкам, от 23.000 до 29.000 человек, из которых 95% – таджики, а 5% – киргизы. Практически территория неподконтрольна никакой официальной власти, ни таджикской, ни киргизской, происходящее на ней никем не отслеживается, что создает благоприятную почву для распространения радикальных настроений.

Еще более сложными и затяжными являются узбекско-таджикские территориальные противоречия. Расселение этнических групп таджиков и узбеков практически на 50% не соответствует границам и географическому положению национальных государств, Узбекистана и Таджикистана. Это, соответственно, создает почву для многочисленных противоречий как межэтнических, так и межгосударственных.

Положение в Центральной Азии осложняется регулярными вторжениями незаконных вооруженных групп в Киргизию и Узбекистан через территорию Таджикистана. Для предотвращения проникновения экстремистских элементов на свою территорию государства в одностороннем порядке усиленно минируют узбекско-таджикскую, узбекско-киргизскую и киргизско-таджикскую границы. Зачастую страдает от этого прежде всего мирное население приграничных районов.

Необходимо отметить, что самые острые вопросы пограничного урегулирования, как, скажем, в Ферганской долине, должны решаться на основе взаимных уступок и компромиссов, без применения какого-либо давления - экономического, политического или военного. Безусловно, никакие национальные, этнические границы в принципе не могут быть хороши. Единственный возможный выход – как можно быстрее отказаться от безнадежных попыток вложить этническое содержание в концепт государственной границы и исходить из тех реалий, которые сложились отнюдь не давней историей.

В условиях, когда ухудшается экономическое положение населения стран ЦАР, происходит демографический рост, возрастает социальная напряженность и религиозный экстремизм (особенно в Ферганской долине), урегулирование пограничных вопросов в Центральной Азии является обязательным условием устойчивости и стабильности развития региона в целом и каждого его государства в отдельности. Построить и задействовать систему региональной безопасности невозможно без сотрудничества, взаимопонимания и доверия в вопросах государственных границ.

Разнонаправленность ориентиров государств ЦАР во внешнеполитической сфере

Соотношение сил, имеющих интересы в Центральной Азии, можно представить в виде параллелограмма, одну сторону которого составляет Россия, вторую – Китай, третью – исламский мир, четвертую – Запад. Региональные организации, представляющие интересы каждой из «сторон» и отстаивающие разную направленность интеграции, как бы «тянут» регион в разные стороны.

Взаимодействие даже между организациями, призванными представлять интересы сходных международных игроков, например, ОДКБ и ШОС (не говоря уже о тех, что представляют интересы разных сил), совершенно недостаточно. Это существенно осложняет формирование эффективных региональных институтов.

1. Кроме того, направления внешней политики самих государств Центральной Азии также чрезвычайно противоречивы: многие из них готовы участвовать в любых, даже заведомо противоречащих друг другу интеграционных проектах, если это связано с оказанием им внешней помощи. Весьма противоречивы и модели развития стран, избранные местными элитами, в том числе и их внешнеполитические ориентации: более интеграционных по всем направлениям (Казахстан, Киргизия, Таджикистан) или более изоляционистских.

Влияют на выбор ориентиров и особенности преобладающей культуры, например, степень влияния ислама: высокая в Узбекистане и Таджикистане, меньшая в Туркмении, наиболее низкая в Казахстане и Киргизии. Важна также разница стран региона в степени русификации и советской модернизации: наибольшая в Казахстане и Киргизии, наименьшая в Туркмении и Таджикистане.

Таким образом, общерегиональное самосознание чрезвычайно противоречиво и даже несет в себе определенный конфликтный потенциал (в силу различных внешних влияний). Выходов у государств ЦАР, чтобы не оказаться полем для эксплуатации мировых держав и не воспроизводить отсталость, не так много, один из них, весьма реальный и действенный, - это путь к кооперации в рамках региональной интеграции. В той или иной мере осознание такой необходимости постепенно приходит ко всем лидерам стран Центральной Азии.

Двусторонние отношения между странами Центральной Азии.

Республика Казахстан

Одним из наиболее важных направлений внешней политики Казахстана является укрепление и развитие тесных и конструктивных отношений со своими соседями по Центральной Азии: Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией.

Еще в 2006 г. президент Назарбаев заявил о необходимости разработки и принятия долгосрочной стратегии Казахстана в Центральной Азии. По его словам, этот шаг важен для «жизненных интересов нашей страны и наших ближайших соседей». Он также отметил, что национальным интересам Казахстана отвечает максимальное содействие и помощь росту кредитоспособности и конкурентоспособности всего центральноазиатского региона. Очевидно, Казахстан стремится не только закрепить имеющиеся у него достижения в области двух- и многосторонних отношений внутри ЦАР, но и, используя сложившуюся в регионе и вокруг него геополитическую

конъюнктуру, обрести в перспективе неформальный статус регионального лидера.

Достижению данной цели способствуют интеграционная доминанта во внешнеполитическом курсе Казахстана, а также его выгодное геополитическое положение, наличие обширной территории и стратегических ресурсов. Конкретные же задачи по продвижению позиций Казахстана в Центральной Азии решаются политическими и экономическими методами. В первом случае наиболее всего выделяются частые встречи и переговоры на высоком уровне. Результативность экономических методов раскрывают рост торгового оборота, а также увеличение объемов казахстанских инвестиций в экономику соседей.

В течение 2007 г. казахстанский президент нанес официальные визиты во все четыре соседних по региону государства. В 2008 г. с ответным визитом Астану посетили президенты Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Важность проведения переговоров между главами центральноазиатских государств заключается в том, что их встречи позволяют максимально приблизиться к решению наиболее спорных и неоднозначных вопросов в отношениях между данными странами.

Отношения Казахстана и Киргизии практически не подверглись кардинальным изменениям после того, как в марте 2005 г. произошла «тюльпановая революция» и последующая за ней смена верховной власти в Киргизии. Более того, некоторые важные вопросы, решение которых в силу разных причин тормозилось в период президентства Аскара Акаева, нашли свое положительное разрешение уже при новой киргизской администрации. В частности, был окончательно решен в пользу Казахстана вопрос о его праве на собственность четырех санаториев, расположенных на побережье Иссык-Куля. Основным условием соответствующего соглашения является обязательство Казахстана реконструировать указанные объекты с доведением их до уровня трех-, четырехзвездочных отелей.

Еще более существенным стало сохранение нынешним руководством Киргизии преемственности в политике, связанной с окончательным определением линии государственной границы с Казахстаном, предусматривающей взаимные территориальные уступки.

Что касается экономических отношений двух стран, то Казахстан, по официальным оценкам, занимает первое место среди 49 стран по объему инвестиций в экономику Киргизии. Только по итогам 2007 г. их объем составил \$177,9 млн., или 45,2% всего объема прямых иностранных капиталовложений. По объему товарооборота с Киргизией Казахстан прочно занимает вторую позицию. В 2008 г. товарооборот между двумя странами вырос по сравнению с прошлым годом на 42,6% - до \$516 млн.

Казахстанское руководство фактически стимулирует проникновение национального капитала в соседнюю страну, благодаря чему в Киргизии действует более 400 совместных киргизско-казахстанских предприятий. Наибольшую активность казахстанские инвесторы проявляют в банковской сфере, строительной отрасли и промышленности. Среди объектов, представляющих для них интерес, Курментинский цементный завод в Иссык-

Кульской области, Аксуский кукурузоперерабатывающий комбинат и Кантский завод местных вяжущих материалов. Известно также, что ведутся переговоры по освоению золоторудных месторождений Талдыбулак, Левобережный и Жеруй.

Для координации и эффективного решения вопросов двустороннего сотрудничества в 2007 г. был создан Высший межправительственный совет, заседания которого проводятся ежегодно под председательством премьер-министров двух стран. Аналогичный совет образован и главами внешнеполитических ведомств. Наконец, было подписано соглашение о создании казахстанско-киргизского инвестиционного фонда, основные затраты по которому взял на себя Казахстан.

На отношениях Казахстана с Узбекистаном сказывается негласное соперничество за лидерство в регионе, что часто осложняет или делает противоречивым их взаимодействие. Так, Узбекистан препятствует интеграционным казахстанским инициативам в регионе, особенно по созданию Союза центральноазиатских государств (СЦАГ).

Вместе с тем Узбекистан вынужден считаться с Казахстаном ввиду сложившейся международной конъюнктуры. Во-первых, президента Каримова не может не волновать геополитический расклад сил в Центральной Азии, который может сформироваться в ближайшей перспективе. Во-вторых, не следует сбрасывать со счетов и избрание Казахстана председателем ОБСЕ в 2010 г.

Обращает на себя внимание, что, стараясь минимизировать сотрудничество с Казахстаном в вопросах политических, Узбекистан проявляет заметное стремление расширить двустороннее взаимодействие в экономике. Показательна в этом отношении договоренность президентов двух стран о создании зоны свободной торговли.

Следует также отметить, что, согласно официальным данным, товарооборот между Казахстаном и Узбекистаном в 2007 г. вырос вдвое и превысил \$1,4 млрд. Впрочем, торгово-экономические отношения двух стран нельзя назвать достаточными. Прежде всего, по некоторым оценкам, 80–90% объема взаимной торговли составляют всего лишь 4 вида продукции. Свои негативные моменты вносят также случаи произвольного и безосновательного закрытия границ, что нередко практикует узбекская сторона. Несмотря на специфику экономической политики Узбекистана, с ее определенной закрытостью от внешнего воздействия и ограничением деятельности частного бизнеса, на его территории действуют 96 предприятия с участием казахстанских инвестиций, в том числе 48 совместных предприятий. В основном, они заняты торговлей, переработкой мукомольно-крупяной продукции, строительством, производством продукции машиностроения, легкой промышленности и металлообработки. Имеются межправительственные договоренности о поощрении казахстанских инвестиций в Узбекистан для создания новых производств по переработке сырья.

Между Казахстаном и Таджикистаном изначально было установлено конструктивное и взаимовыгодное сотрудничество, берущее начало еще с

советских времен. В 1998 г., благодаря принципиальной позиции Казахстана, Таджикистан был включен в состав Центральноазиатского союза вопреки некоторому противодействию Узбекистана. Важным моментом казахстанско-таджикских отношений следует также считать участие казахстанского батальона в охране границы Таджикистана с Афганистаном в 1993–2001 гг. В настоящий момент страны тесно взаимодействуют в вопросах региональной безопасности и развития интеграционных процессов в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ШОС и ОДКБ.

Что касается таджикской экономики, то для казахстанских инвесторов здесь представляют наибольший интерес банковская сфера, гидроэнергетика, горнорудная промышленность и строительство. В Душанбе действует представительство одного из крупнейших казахстанских банков «ТуранАлем». Таджикские же власти заинтересованы в участии Казахстана в строительстве Сангтудинской ГЭС-1 и создании производств по переработке казахстанской нефти в Таджикистане. В 2007 г. объем двустороннего товарооборота возрос на 64% и составил \$303,5 млн. А общий объем казахстанских инвестиций в экономику Таджикистана составил около \$34,2 млн. В 2007 г. стороны договорились создать казахстанско-таджикский инвестиционный фонд с уставным капиталом в \$100 млн.

Длительное время отношения Казахстана и Туркмении можно было характеризовать как слаборазвитые, что являлось следствием курса на фактическую самоизоляцию страны, проводимого прежним туркменским руководством Туркмении во главе с президентом Ниязовым. Еще одно из следствий такого курса - отстранение Туркмении от интеграционных процессов в Центральной Азии.

Вместе с тем, в казахстанско-туркменских отношениях до сих пор не наблюдалось каких-либо проблемных и конфликтных моментов. Единственным камнем преткновения между ними является определение границ национальных секторов на Каспийском море. Хотя и этот вопрос не стоит так остро, как это имеет место, к примеру, в отношениях Туркмении с Азербайджаном.

С избранием (2007 г.) новым президентом Туркмении Гурбангулы Бердымухаммедова в отношениях двух стран началось преодоление изоляционизма. Примечательно, что уже в мае того года он совершил официальный визит в Казахстан. Ответный визит казахстанского лидера состоялся в сентябре. В ходе переговоров стороны особое внимание уделили вопросам сотрудничества в сфере энергетики, транспорта и коммуникаций, сельского хозяйства и т.д. В частности, было принято решение о возобновлении ранее прерванных регулярных авиарейсов между Ашхабадом и Алматы.

Объем казахстанско-туркменского товарооборота по итогам 2007 г. составил \$220 млн., превысив на 44% показатель 2006 г. Скромные итоги – еще одно следствие длительной изоляционистской политики Туркмении, как и фактическое отсутствие инвестиционного сотрудничества между нею и Казахстаном.

Если на уровне двустороннего сотрудничества с другими центральноазиатскими странами Казахстан сумел выстроить относительно

стабильную и дающую серьезные результаты систему взаимоотношений, то в области интеграции наблюдается заметное отставание. Данное обстоятельство вносит заметные трудности на пути повышения роли страны в регионе.

Республика Узбекистан

В настоящее время Узбекистан является одним из наиболее сильных в экономическом, политическом и военном отношении государством региона. Его выгодное географическое положение в самом центре Центральной Азии, независимая сырьевая и энергетическая база, а также большие людские ресурсы позволяют реализовывать самостоятельный политический курс без «оглядки» на соседей по региону. Иногда этот «самостоятельный курс» приобретает характер открытого давления на оппонентов.

Яркий (но не единственный) тому пример - попытка увязать проблемы поставок природного газа в Киргизию в обмен на территориальные уступки в районе анклава Сох в 2001 г. Узбекская сторона предлагала передать часть киргизской земли с расчетом обеспечить широкий проход от анклава Сох до территории Узбекистана, включив туда прилегающие месторождения нефти и газа общей площадью в 11 тысяч га. Предложение сопровождалось «демонстрацией»: была прекращена подача газа на север Киргизии. Иными словами, чтобы решить пограничные проблемы, узбекская сторона оказывала «газовое давление» на своего соседа и в самый пик зимних холодов приостанавливала поставки топлива. Потерпев неудачу с «газовым» способом давления, узбекская сторона нашла более сильный и свежий аргумент: киргизские анклавы на узбекской территории. Такой «новый подход» в решении пограничных вопросов, где на первый план выходят «анклавные торги», может привести к серьезным проблемам и длительному киргизско-узбекскому противостоянию.

В Таджикистане обнажились застаревшие межэтнические противоречия. Рельефно проявились социально-экономические интересы субэтносов, которые исторически были разделены по географическому принципу на три основные группы: северную, центральную и южную. Северная группа представлена ленинабадцами (ходжентцами). Там около 30% населения составляют узбеки. Центральная группа включает в себя кулябцев, каратегинцев, гиссарцев, а южная - памирцев. При этом каждый из субэтносов имеет также свою внутреннюю градацию по клановым и родовым признакам.

К 1991 г. политизированная часть населения разделилась еще и на сторонников партийно-правительственного аппарата и исламско-демократической оппозиции. В ходе выборов 1991 г., на которых одержал победу представитель партноменклатуры Р.Набиев, четко обозначились контуры этих двух группировок, представлявших соответствующие субэтнические коалиции: проправительственную - ходжентско-кулябско-гиссарскую и оппозиционную - каратегинско-памирскую. Победившая группировка в советские времена составляла ядро политической и экономической элиты республики. Поражение на выборах, в свою очередь, привело к консолидации оппозиции, состоящей в основном из

«европеизированной» и «традиционалистской» интеллигенции вкупе с исламистами, уже объединившимися под знаменем Исламской партии возрождения Таджикистана (ИПВТ).

В апреле 1992 г. Набиев под давлением оппозиции, поддержанной военными, пошел на уступки исламистам, создав «правительство народного доверия», которое не было признано наиболее влиятельными ходжентским и кулябским кланами. Необдуманное действие руководителя государства привели к началу гражданской войны, созданию кулябско-гиссарско-узбекской коалицией «Народного фронта» во главе с С.Кенджаевым и отставке Набиева. В ноябре 1992 г. на сессии Верховного Совета Таджикистана была восстановлена власть ходжентско-кулябско-гиссарской субэтнической коалиции с доминирующим положением кулябцев. В новом правительстве, возглавляемом лидером Ходжента А.Абдуладжановым, силовые министерства оказались в руках кулябцев, Председателем Верховного Совета был избран бывший полевой командир кулябец Э.Рахмон, которому удалось постепенно оттеснить ходжентцев от власти.

Дальнейшее обострение обстановки в стране и консолидация оппозиции под эгидой Движения исламского возрождения Таджикистана (ДИВТ) привели к тому, что во внутритаджикский конфликт были вовлечены Афганистан и его спонсоры, с одной стороны, и Узбекистан, Россия и страны ЦАР - с другой. В результате силового воздействия проправительственных войск, поддержанных российскими и узбекскими воинскими контингентами, отряды Объединенной таджикской оппозиции были вытеснены в Афганистан, где, было создано около 30 тренировочных центров для подготовки боевиков, рекрутируемых из лагерей таджикских беженцев, а в городах Кундуз, Файзабад и Талукан действовали главное и региональные командования вооруженных формирований ДИВТ.

К сожалению, прекращение активных боевых действий и заключение различных договоров между противоборствующими сторонами не привели к окончательной победе здравого смысла в Таджикистане. Не вызывает сомнения и то, что в дальнейшем сохранится противостояние между сторонниками светского и исламского государственного устройства, особенно с учетом событий в Афганистане, поскольку здесь затронуты диаметрально противоположные интересы соседей Таджикистана. В результате гражданской войны к тому же по обе стороны баррикад крайне обострились межклановые и межэтнические противоречия, а в условиях катастрофического положения в экономике будут нарастать претензии «бедного» юга к промышленно развитому северу. Нельзя не учитывать и то, что пользующаяся благосклонностью Узбекистана традиционная политическая элита Ходжента, обделенная при разделе власти и даже не допущенная кулябцами к переговорному процессу, по всей видимости, продолжит борьбу за власть.

События этих лет показали, что в судьбе Таджикистана наряду с таджиками значительную роль играют местные узбеки, что объясняется как их численностью (около четверти населения), так и территориальной близостью Узбекистана. Это обуславливает вовлеченность Узбекистана во

внутритаджикский конфликт и непосредственное участие узбеков обеих стран в боевых действиях на территории Таджикистана. Отношения между этими народами и государствами, исторически далекие от братских, в настоящее время осложняются еще и наличием разнообразных узбекских субэтносов (узбеки-локайцы, узбеки-тюрки и т.п.), далеко не однозначно реагирующих на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Напряженность в узбекско-таджикских отношениях имеет исторические корни, однако особенно непросто они складывались после 1993 г. Таджикистан выпадал из ряда тюркоязычных центральноазиатских государств не только по языковому признаку, но и из-за своей откровенно пророссийской позиции. Узбекистан по объективным причинам будет играть ведущую роль в экономическом развитии Таджикистана, поскольку по узбекской территории проходят основные коммуникации, связывающие Таджикистан с внешним миром (железные и автомобильные дороги, газопроводы и др.). От Таджикистана, в свою очередь, во многом зависит организация стабильного водоснабжения узбекских сельскохозяйственных угодий и Арала, но ему не выгодно принимать участие в работе Межгосударственного комитета по Аралу или подписывать региональный договор о совместном использовании водных ресурсов.

Вместе с тем Узбекистан видит для себя серьезную угрозу в исламском фундаментализме. По этой причине он пошел на то, что в 1998 г. на встрече в верхах предложил России и Таджикистану подписать Декларацию о международном сотрудничестве между тремя странами, один из важнейших пунктов которой предусматривает организацию противодействия попыткам подрыва безопасности государств и использованию идеологии религиозного экстремизма в целях насильственного изменения конституционного строя. Этим шагом президент Каримов стремился убить и «второго зайца»: играя на страхе мирового сообщества перед «исламским домино» и укрепляя отношения с Россией, он имеет в виду и подключение к региональным процессам США.

Конфликтный потенциал региона

Участвуя в СНГ, страны ЦАР одновременно стремились и стремятся сохранить и углубить интеграцию в рамках региона. В апреле 1994 г. страны-участницы тогдашнего Центрально-Азиатского экономического сообщества (ныне - Организация Центральноазиатского сотрудничества), Казахстан, Киргизия и Узбекистан, подписали Договор о создании единого экономического пространства, к которому в 1998 г. присоединился Таджикистан. Несмотря на благие намерения, эта организация не смогла в полной мере осуществить свои задачи и сейчас больше пребывает в аморфном состоянии. Первая попытка внутренней институциональной интеграции потерпела фиаско.

Внутреннее положение государств ЦАР сильно отражается на их политике, концепциях, стратегии и тактике обеспечения национальной и региональной безопасности. Отражается оно и на обстановке в соседних государствах, в том числе РФ и КНР. Российские исследователи В.Наумкин и

И.Звягельская, систематизируя нетрадиционные угрозы, вызовы и риски на примере Центральной Азии, выделяют источники их возникновения. К нетрадиционным со стороны южных стран угрозам для России они причисляют наркотики, организованную преступность и терроризм, вызовам - массовые перемещения и беженцев, рискам – деградацию окружающей среды. Для КНР ЦАР может послужить источником финансирования уйгурских сепаратистов. Понятно, как важны в такой обстановке меры по ослаблению наркоэкспансии со стороны Афганистана посредством создания пояса безопасности вокруг него.

Государства ЦАР стремятся обеспечивать безопасность посредством развития и модернизации. Отставание и от развитого, и от развивающегося мира является серьезнейшим вызовом безопасности стран ЦАР. Осознавая это, с самых первых дней обретения независимости практически все государства определили свой магистральный путь развития. Причем, подходы к стабильному обеспечению развития и модернизации у каждого государства специфичны и своеобразны. Казахстан, например, поставил перед собой задачу ускорить развитие до 2030 г. Киргизия в разработала программу «Комплексные основы развития». Таджикистан, экономике которого гражданская война нанесла урон в \$7 млрд., пока явно не имеет амбициозных проектов по комплексному развитию: для него важнее преодоление внутренней нестабильности. В Туркмении поэтапно реализуются программы «10 лет стабильности» и «Программа развития Туркменистана до 2010 г.». Узбекистан также идет по пути наращивания экономического потенциала.

В ЦАР обнаруживается любопытная закономерность. Там, где в молодых государствах (например, в Киргизии) скоропалительные реформы проводят лидеры, декларирующие демократические ценности, национальное хозяйство доведено до катастрофы. Там же, где назревшие перемены осуществляют бывшие коммунисты, действуя авторитарными методами (Узбекистан, Туркмения и Казахстан), результаты более удовлетворительные.

Проблемы в экономической сфере

Экономические проблемы составляют ядро всех проблем. К экономическим рискам и опасностям, которые могут становиться более деструктивными в регионе, относятся:

- дальнейший спад производства, сокращение его объемов;
- деиндустриализация вследствие разрыва экономических связей между государствами региона;
- утрата производственного потенциала из-за высокого износа основных фондов;
- большие внешние долги;
- утечка капиталов и большой процент теневой экономики;
- неблагоприятный для многих иностранных инвесторов инвестиционный климат;
- низкая конкурентоспособность продукции;

- утрата государствами региона продовольственной и энергетической независимости;
- несоответствие системы управления экономикой потребностям рыночной экономики, несовершенная система налогообложения;
- увеличение дефицита государственного бюджета сверх допустимого уровня и внешнеторгового баланса;
- неравномерное социально-экономическое развитие областей государств региона.

Экономические проблемы мотивируют внешнеполитические и внутривнутриполитические действия государств. К примеру, таджикские власти были вынуждены взять на себя ответственность за таджикско-афганскую границу отчасти по той причине, что экономика республики неспособна была дальше нести 50-процентное бремя софинансирования пребывания пограничных войск РФ, дислоцированных на ее территории.

Сложности в экономике, являясь корнем многих проблем региональной безопасности, в будущем (оставаясь непреодоленными) способны «афганизировать» Центральную Азию, снизить ее научно-интеллектуальный и образовательный потенциал, уничтожить научные институты, привести к деградации и люмпенизации общества. Вот почему решение экономических задач и минимизация их рисков имеет определенный политический приоритет для обеспечения, в первую очередь, национальной, а потом и региональной безопасности.

Проблемы в социальной сфере

Социальные проблемы в ЦАР во многом зиждутся на экономических неурядицах и несут в себе риски и опасности для нормальной жизни региона. Такие проблемы, как выплата пенсий и пособий, поддержание системы образования и здравоохранения, а также крайне низкий уровень защищенности населения, способствовали развитию тенденций к ретрадиционализации в регионе. Свою лепту вносят и коррупция с кумовством в высших эшелонах власти, несоблюдение законности и слабость правоохранительных органов. Люди, чувствуя собственную незащищенность, потянулись к традициям, верованиям и обычаям прошлого, порой весьма далекого. Вместе с тем в конкретных центральноазиатских условиях традиционализм способствует экономии ресурсов, а в критических условиях поддерживает порядок в обществе.

К наиболее острым проблемам ЦАР, имеющим социальный характер, относятся:

- спад уровня жизни и массовое обнищание населения, люмпенизация и поляризация общества;
- увеличение роста населения и низкий прожиточный минимум;
- внутренняя и внешняя миграция, а также рурализация городов;
- моральная и духовная деградация общества и личности;
- рост наркомании среди молодого поколения;
- спад уровня образования, культуры и грамотности населения;

- недостаточное правовое образование населения, правовой нигилизм;
- транснациональная организованная преступность;
- коррупция в органах государственной власти;
- серьезное отставание в сфере доступа к новейшим технологиям.

Все эти явления комплексно связаны, что затрудняет успешное проведение экономических реформ. Характерно, что многие граждане государств ЦАР, даже те, которые горячо поддерживали распад СССР и отстаивали необходимость демократических перемен, полностью разочаровались в либеральных ценностях и проводимых на их основе реформах. В отношении к властям и их обещаниям все больше преобладают скепсис и пессимизм. Пренебрежение к тому, как складываются и на что направлены социальные настроения, может привести к дестабилизации обстановки в регионе.

Проблемы в экологической сфере

Характер экологических проблем в ЦАР различен. С ними тесно связаны демографические проблемы (например, рост населения), воздействующие на состояние региональной экологии. Численность населения региона превышает 50 млн. человек. Наибольшую долю составляет население Узбекистана, динамика воспроизводства которого возрастает, тогда как в Казахстане, Киргизии и Таджикистане - уменьшается. За последние 100 лет население Узбекистана возросло в 8 раз, и, если темпы роста сохранятся, то к 2010 г. в Узбекистане будет проживать не менее 27 млн. человек.

К серьезнейшим экологическим проблемам Центральной Азии относятся:

- нерациональное использование и управление водными ресурсами;
- высыхание Аральского моря (Казахстан, Узбекистан);
- возможный прорыв дамбы в Сарезском озере (Таджикистан);
- последствия проводившихся в прошлом испытаний оружия массового уничтожения, переработка и хранение отходов производства ядерного оружия и атомного топлива (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан);
- воздействие искусственных водохранилищ, плотин и гидроэлектростанций на окружающую среду (Киргизия, Таджикистан).

Проблемы в политической сфере

Проблемы, возникающие в любой области жизни и деятельности, аккумулируются в политической сфере. Анализ внешнеполитических и внутривнутриполитических действий показывает, что в странах ЦАР большинство неполитических проблем чрезмерно политизированы властными структурами. Деструктивно воздействуют на политическую сферу межэтнические отношения, вопросы межгосударственного сотрудничества, приграничные вопросы, исламистский международный терроризм и экстремизм. Эти элементы в первую очередь несут в себе угрозу, опасность и риск региональным политическим системам и правящим элитам.

Межнациональные и межэтнические отношения - одно из самых уязвимых звеньев в межгосударственном сотрудничестве и внутригосударственной политике. Практически все государства ЦАР являются в большей или меньшей степени полиэтническими. Идеологический вакуум, образованный распадом СССР, вынуждает накачивать общественное сознание доморощенными «идеями» и трактовками национальной истории, основанными на национальных традициях, мифах, героях и т.д., активнее обращаться к помощи религии. Межэтническая напряженность - отдельный аспект проблемы. Она возникает в силу неравномерного доступа к различным ресурсам (власть, вода, земля, культурные достояния и т.п.). «В условиях стран Центральной Азии, - пишет казахстанский исследователь Л.Г. Ерекешева, - одним из важных ключевых факторов межэтнических противоречий является борьба за перераспределение ресурсов (территориальных, водных, источников энергии, питания и других) между представителями различных этнических групп, особенно в тех регионах и государствах, где ощущается острый дефицит пригодных к обработке земель. Именно данный фактор являлся весомым в условиях межэтнического противостояния, наблюдавшегося между таджиками и турками-месхетинцами в 1989 г. в Таджикистане; узбеками и киргизами в Ошской области в 1990-е гг.; таджиками Исфаринского района Таджикистана и киргизами Баткенского района Киргизии в 1989 г.».

Проблема усугубилась, когда в 1990-х гг. «титulyные нации» стран региона (при попустительстве, а то и покровительстве властей) открыто встали на путь притеснения и выживания этнических меньшинств. Именно тогда на всех уровнях укрепилась база бытового национализма и шовинизма, ксенофобии и этноэгоизма. В настоящее время политическое руководство государств ЦАР отказалось от порочной практики прошлого и старается сохранить стабильность в межнациональных и межэтнических отношениях своих народов, держать их под контролем.

Проблемы в военной сфере

Военная сфера тесно и взаимно связана с политической, они как бы взаимно дополняют друг друга в обеспечении безопасности. Военные структуры – легитимный инструмент обеспечения и реализации специфических задач внешней и - в некоторых моментах – внутренней политики.

В первые месяцы после обретения независимости государства ЦАР сохраняли едиными Вооружение силы (ВС), доставшиеся им от СССР. Позже под воздействием ряда факторов были созданы национальные ВС. Возникли вопросы пропорционального распределения между ними военного имущества и боевой техники. Бывшие ВС СССР были объявлены российскими и были выведены из центральноазиатских стран, за исключением Таджикистана.

Основными угрозами, опасностями и рисками для ЦАР в военной сфере могут быть:

- снижение качественного состояния вооруженных сил;
- недостаточное финансирование военно-оборонительных структур, увеличение коррупции в высших военных эшелонах;

- недостаточное обновление программ по переподготовке и переквалификации военных кадров;
- создание и функционирование незаконных вооруженных группировок на территории государств региона и соседних государств;
- террористические акты в крупных городах;
- возможное обострение ситуации в Афганистане и в СУАР КНР.

В 1999-2000 гг. для Киргизии и Узбекистана реальными угрозами стали Баткенские (Киргизия) и Сариасийский и Узунский (Узбекистан) события, связанные с наступлением исламистских экстремистов. Неспособность вооруженных сил действовать против террористов в горных условиях при проведении тактических и стратегических операций привели к значительным потерям в их рядах. После этих событий Узбекистан полностью заминировал противопехотными минами пограничную с Таджикистаном полосу и не пролонгировал Договор о коллективной безопасности. Гражданская война, угрожавшая распаду государства в Таджикистане, основательно могла бы распространиться по региону («эффект домино»), так как причины, приведшие к межтаджикскому конфликту, в той или иной степени существуют и в других странах ЦАР. Важнейшая из этих причин - слабая система безопасности государства.

Проблемы в информационной и культурной сферах

Среда, основанная на новейших способах передачи и хранения информации и предельно широких возможностях межличностного (в том числе и трудно контролируемого) общения, - новая сфера системы безопасности не только для центральноазиатских стран, но и для большинства государств мира. В современном мире информация обрела главенствующую роль в жизни личности, общества и государства. Объем и интенсивность информационных проблем государств ЦАР пока еще трудно сравнивать с тем, что существует в странах, стоящих на пороге индустрии знания. Тем не менее, проблем, затрагивающих безопасность, в информационной сфере хватает и у них. Например, слабый защитный механизм банковской системы Национального банка Киргизии позволил хакерам перевести большую сумму денег в соседний Казахстан.

В ЦАР происходит медленная, но неуклонная интернетизация от Каракалпакии до Памира. Интернет позволяет распространять политическую информацию любого, в том числе и сомнительного, нередко даже провокационного характера. Сведения, попавшие в интернет, так или иначе влияют на политический имидж властей и государств региона. В то же время многие слухи или диффамации остаются без внимания и не опровергаются по причине отсутствия должного доступа к интернету самих властных структур. Так, Таджикистан, не имея официальных правительственных сайтов, за исключением нескольких второстепенных, сильно рискует ухудшением собственного имиджа, подспудно содействует ухудшению и без того плохого инвестиционного климата в республике.

Отсутствие необходимой информационной инфраструктуры чревато для государств региона риском подвергнуться информационной «экспансии» со стороны внешних информационных источников. Этому может способствовать и отсутствие единого информационного пространства Центральной Азии.

Одно время было запланировано (и санкционировано на высшем уровне) создание единого для государств ЦАР телевизионного канала, но вопрос: на каком языке вести трансляции, - поставил крест на данной затее. Независимые организации, однако, по этому пути пошли дальше, и сегодня на территории ряда государств транслируется телевизионная программа Internews «Открытая Азия», распространяется «Программа развития ООН», информация Всемирного банка, Института по освещению войны и мира при Британском Совете и др.

Без информационной составляющей нереально говорить о вхождении ЦАР в глобальную хозяйственно-экономическую и информационную структуру.

Безопасность в духовной и культурной сферах подразумевает состояние защищенности духовных ценностей, которые уходят корнями в более чем тысячелетнюю историю того или иного общества. Крах культурно-идеологической системы советских времен привел к духовному вакууму, что вызвало появление нетрадиционных религиозных течений, порою радикально-экстремистского характера. Эту тенденцию обострял резкий спад качества социальной жизни обычного гражданина. Быстро появились и распространились нетрадиционные для региона исламские и некоторые западные секты, даже такие, которые считаются неприемлемыми (секты, открыто называют себя сторонниками изменения конституционного строя) и нежелательными (секты, которые в перспективе могут негативно повлиять на безопасность) для государств региона. Это вынуждает власти предпринимать меры, ограждая людей от манипуляции на религиозной почве, и действовать при этом с величайшей осторожностью: безоглядная твердость и жесткость здесь способны спровоцировать у определенной части населения негативную реакцию.

Всякое развитие и модернизация предполагает частичный отказ от прошлых культурно-духовных ценностей, от традиции. Обычно считается, что тысячелетние пласты духовности и культуры замедляют, тормозят развитие, но именно они позволяют сохранять самобытность центральноазиатских народов, отчасти способствуют поддерживать стабильность обстановки в регионе.

Нынешняя обстановка в Центральной Азии по-прежнему характеризуется нестабильностью и непредсказуемостью. Возможно все: от самоизоляции государства, прекращения экономических, политических или каких-либо иных контактов между отдельными государствами, выхода государства или нескольких государств из международных организаций, соглашений и договоров, неучастия в ранее одобренных программах и проектах - до вооруженных стычек на границах. Появилось гораздо больше оснований

для беспокойства от опасность возникновения конфликтов на этнической, национальной, конфессиональной почве.

Центральноазиатские государства находятся на этапе создания наций, причем в них сильны настроения, связанные с племенной и этнической принадлежностью, вследствие чего главной проблемой становятся внутренние противоречия. С этнической точки зрения регион представляет из себя мозаику. Часть южного Узбекистана густо заселена таджиками, в западном Таджикистане обосновалось много узбеков, а в районе Ферганской долины в Киргизии живут узбеки и таджики. Кроме того, даже доминирующие этнические общины часто разобщены в зависимости от племенной принадлежности, что особенно наглядно демонстрирует пример Таджикистана.

ЦАР расположен по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, что придает ему важное значение с геополитической точки зрения.

Стремление правящих кругов стран Центральной Азии к установлению этнократии «титულных» народностей (а такая тенденция становится все более наглядной) способно резко обострить борьбу этнических группировок и привести к росту сепаратизма.

Остаются нерешенными главные проблемы межгосударственных отношений, прежде всего это касается государственных границ и наличия этнических анклавов.

Не поддается скорому решению водная проблема. Теоретически водопользование могло бы явиться основой для постоянного продуктивного диалога, поводом для координации общих усилий и, в конечном счете, базой для бесконфликтного существования. Однако именно распределение и регулирование водных ресурсов оказывается объектом противоречий и используется в качестве средства давления на соседа.

Символами взаимного неверия в продуктивную интеграцию по-прежнему являются такие «мелочи», как отсутствие прямых рейсов между столицами отдельных государств и напоминающие блокпосты пограничные пункты.

При сохранении нынешних тенденций в ЦАР может возрасти напряженность в межгосударственных отношениях, поскольку базовым элементом в отношениях между странами в ближайшие годы будет не взаимодействие и сотрудничество, а конкуренция. Если экономические и политические тренды сохранятся, то в ближайшие три-пять лет можно ожидать возникновения серьезных противоречия и напряженности между странами. Основными здесь могут быть энергетические конфликты, связанные с увеличением цен на энергоносители и переходом к расчетам по мировым ценам; водные конфликты, связанные с попыткой установить платный характер водопотребления для стран-получателей воды; «товарные войны», вызванные попытками защитить внутренние рынки; конфликты, связанные с финансовыми поглощениями; конфликты, связанные с политическими режимами.

Необходимо добавить, что конфликтный потенциал в ЦАР подпитывает деятельность зарубежных исламско-фундаменталистских центров, что составляет не только политическую и военную, но и гуманитарную проблему.

Идея, как создать и укрепить отношения добрососедства, дружелюбия и взаимовыручки, казалось бы, лежит на поверхности: странам Центральной Азии нужна интеграция. Однако осуществление ее идеи оказывается весьма не простым делом.

Хотя необходимость интеграции государств ЦАР никогда и никем под сомнение не ставилась, на практике решение этой проблемы представляется все более и более отдаленным, если вообще возможным. Национально-государственные интересы однозначно преобладают над интересами региональной интеграции. В этом, разумеется, нет ничего исключительного. Отсутствует сама модель интеграции, и пока что не видно особого стремления ее создать. Причем для кого-то эта модель вольно или невольно ассоциируется с советской эпохой, а кому-то навеивает горькие, не в пользу Центральной Азии, сравнения с ЕС. Страны региона как национальные государства находятся лишь в начале пути становления, и до создания условий для интеграции «по-европейски» пройдет еще немало лет.

Правящие элиты центральноазиатских государств часто отождествляют свои собственные политические и коммерческие интересы с национальными. Это обстоятельство также затрудняет поиск общего языка. Отношения между государствами зачастую напрямую зависят от отношений между их лидерами. Взаимная настороженность и просто недоверие между ними очень часто осложняли межгосударственные отношения. Вообще это типично для авторитарных режимов, тем более - для режимов традиционного и полутрадиционного типа со слабо развитым гражданским обществом

Устойчивые зоны свободной торговли и общие рынки могут быть созданы только на базе взаимодействия. В частности, интеграция экономики в рамках ЦАР не может быть обеспечена лишь созданием пространства взаимной свободной торговли, поскольку в этой сфере интересы экспортеров и импортеров нередко прямо противоположны.

Хорошо известно, что «бедным» интеграция дается труднее, нежели «богатым». К тому же среди «бедняков» ярче проявляют свои амбиции те из них, кто на фоне всех прочих является относительно преуспевающим. Они же претендуют на роль лидера интеграционного процесса и стремятся занять в нем доминирующую роль. В Центральной Азии на эту роль претендуют Казахстан и Узбекистан, для которых она означала бы повышение не только регионального, но и международного статуса. Тут, как уже говорилось, проблем немало. Трудно предположить, чтобы Таджикистан или Киргизия чувствовали бы себя уютно «под крылом» Узбекистана, или последний смирился бы с казахстанским доминированием. И уж, конечно, с ролью младшего брата никогда не согласится туркменская элита, расправившая плечи после многолетнего смирения перед великим сердаром.

Не стали исключительным стимулом для региональной интеграции обеспечение безопасности, наличие внутренних и внешних угроз. Вербальная

активность, великое множество переговоров, визитов, симпозиумов и семинаров на эту тематику существуют сами по себе, реальное положение дел – само по себе. Проблемы безопасности каждая страна решает почти исключительно на национальном уровне.

В случае угрозы правящему режиму той или иной страны вряд ли, как можно предположить, соседи придут на помощь, исходя из необходимости поддерживать общую стабильность. Скорее всего, этого не произойдет даже при попытке совершения «исламской революции». Вряд ли центральноазиатское сообщество объединится ради консолидированного противостояния внешней, пока еще отдаленной угрозе, например, со стороны афганских талибов. Туркмения, к примеру, поддерживала с ними весьма дружественные отношения. И если предположить, что со временем талибы (правда, до этого им придется восстановить контроль над Афганистаном) дерзнут возобновить экспансию на Север, то их соседям придется искать союзников за пределами региона. Тем более что внутри него у талибов найдутся союзники из числа местных исламистов. Впрочем, такой ход событий все же маловероятен.

Даже в борьбе с наркотрафиком региональная интеграция окажется хоть сколько-нибудь эффективной лишь при сотрудничестве с внешними партнерами. Самостоятельно эффективно бороться с этим вызовом государства ЦАР просто-напросто не в состоянии, особенно если учесть, что многие члены местного истеблишмента и делового мира сами активно задействованы в наркобизнесе (между прочим, эта категория дельцов уже давно осуществила плодотворную интеграцию в масштабах всего региона).

Так возможна ли вообще интеграция и останется ли в ней потребность для Центральной Азии? Здесь видятся три сценария.

Первый - разобщенность национальных интересов будет приводить к систематическому обострению отношений между государствами региона, которые все интенсивнее закрепляют свои отношения с различными внешними партнерами. Предполагается возможность межгосударственных конфликтов на границах с целью их перекройки и высокий уровень нестабильности. Про интеграцию можно забыть.

Второй - спонтанное, а главное - единогласное, решение всех национальных элит объединить экономические и политические усилия, создать общий рынок, в том числе - рабочей силы и капиталов, начать практическое воплощение проекта «Шелковый путь». Как результат такого единодушия - формирование некой общерегиональной организации, с делегированием ей наднациональных (пусть и незначительных) полномочий. Начальным этапом осуществления этого сценария становится урегулирование основных спорных вопросов. Объяснять нереальность такого сценария нет особой необходимости, хотя, как известно, подобное прожектёрство имело место в 1990-е гг.

Третий сценарий предполагает трех-, четырехстороннее сотрудничество на постоянной основе по ключевым проблемам - прежде всего, водной и пограничной. Причем речь идет не об унифицированной, всеобъемлющей программе, а о частных аспектах. Эти проекты могут существовать как в

рамках только центральноазиатского диалога, так и с привлечением внешних субъектов или под эгидой ныне существующих международных организаций, например, ШОС или ЕврАзЭС. Такое взаимодействие уже имеет место, хотя отдача от него не слишком велика. Наконец, большое значение имеет сотрудничество в энергетической сфере, в том числе в области энергетического транзита. Такой сценарий возможен и реален, да к тому же ему не требуется идеологическая мишура. Совершенно необязательно, что он приведет к полной интеграции, востребованность которой, по-видимому, сильно преувеличена, а призывы к которой носят сейчас характер ритуальных заклинаний.

Только в качестве постскриптума можно упомянуть исламскую компоненту региональной интеграции. Перспективы подобного рода объединения равны нулю, равно как и вероятность создания в Ферганской долине халифата.

2. В.Гусейнов, Н.Савкин. Россия и государства ЦАР

Россия все еще сохраняет в Центральной Азии достаточно твердые позиции, с учетом их социально-экономических и военно-политических составляющих. Созданная в последние два десятка лет система экономических, научно-технических и культурных связей, дополняется заинтересованностью государств региона в укреплении двусторонних отношений с целью решения проблем безопасности, совместной борьбе против международного терроризма, незаконного распространения наркотиков и других нетрадиционных угроз. Высокий уровень сотрудничества перерос в двусторонние договоры о стратегическом партнерстве и закреплена совместной деятельностью в СНГ, ОДКБ, Евразийском экономическом сотрудничестве, ШОС и Организации центральноазиатского сотрудничества.

Важнейший инструмент влияния - ОДКБ (Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Армения), саммит которого, посвященный региональной безопасности и скоординированной информационной политике (лето 2009 г.), несмотря на известные противоречия (Узбекистан, выступил резко против размещения российской базы на юге Киргизии), подтвердил, реальность планов по форсированному военному строительству в рамках организации.

Общерегиональный политический фон и условия, в которых формировалась постсоветская политика России в Центральной Азии

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2005 года В.Путин оценил распад СССР как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века. Убежденным сторонником либеральных реформ, тем более главой Российского государства такая оценка событий 1990-1991 гг. была дана впервые. И очень немногие пытались понять истинный смысл оценки последствий распада СССР, которую дал российский президент.

В данном случае эта оценка важна тем, что помогает объективно представить тот политический фон, те исходные условия, в которых формировалась политика России на центральноазиатском направлении, ту новую систему координат, в которой РФ, что называется, «от печки» пришлось выстраивать отношения с новыми независимыми государствами Центральной Азии.

То, что распад СССР действительно явился катастрофой геополитического уровня, более глубоко и больнее других почувствовали на собственном опыте страны региона, за которым сегодня закрепилось название центральноазиатского: Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Киргизия. Народам, населяющим Центральную Азию, выпала судьба в наибольшей степени испытать немалые трудности и угрозы, с которыми столкнулось после распада бывшее единое многонациональное сообщество СССР.

Прекратила свое существование коммунистическая идеология - идейный фундамент, на котором строилась вся кадровая, экономическая, культурная политика союзных республик. Их разветвленные политические и экономические связи друг с другом, складывавшиеся не одно десятилетие, в одночасье обернулись политической и экономической зависимостью, прежде всего от бывшего центра - России, которая сама не имела ни достаточной политической воли, ни экономических и финансовых ресурсов, не говоря уж о более или менее внятной стратегии в отношении новообразовавшихся независимых государств. Народы региона были поставлены на грань хаоса, а кое-где и перешагнули эту грань, вверглись в пучину гражданской войны. Абсолютное большинство населения новых независимых государств познало, что такое нищета, безработица, ксенофобия, крах социальной инфраструктуры, ужасы гражданской войны, кровавых межэтнических конфликтов, терроризма.

Перед странами ЦАР после 1991 г. встала реальная угроза превратиться в захудалые беднейшие государства мира, а сам регион, «мягкое подбрюшье» России, грозил стать обширной зоной нестабильности и хаоса.

К середине 1990-х гг. ситуация в Центральной Азии несколько стабилизировалась, хотя во многих ее субрегионах все еще отличалась высокой степенью напряженности. К 2010 г. амплитуда комплексной угрозы дестабилизации для региона в целом заметно уменьшилась, страны ЦАР отошли от края пропасти. Но и сегодня для большинства из них считать такую угрозу полностью нейтрализованной пока не приходится.

Что позволило странам Центральной Азии удержаться наплаву в это очень непростое для них двадцатилетие, особенно в самые первые годы после распада Советского Союза?

Во-первых, прочный задел для государственного строительства, созданный в советский период. В каждой из них была создана соответствующая структура управления республиками: кабинеты министров, республиканские парламенты, судебные системы, правоохранительные органы, что позволило новым независимым государствам сравнительно безболезненно и в самые

короткие по историческим меркам сроки перевести на новые рельсы полноценную систему государственного управления.

За советские годы в республиках были подготовлены национальные кадры управленцев, инженерно-технического состава, дипломатов, ученых, учителей, врачей и медперсонала, военных, сотрудников органов охраны порядка и безопасности. Национальные вооруженные силы создавались на основе частей и инфраструктуры бывшей Советской армии и Военно-морского флота, дислоцированных на территориях республик. (Исключение составил лишь Таджикистан.)

Даже прежняя партийная система сыграла свою роль: на ее обломках в новых образовавшихся государствах выстроены новые партийные системы, включавшие и крайне важные для преобразовательного демократического процесса оппозиционные партии. Правда, справедливости ради, надо отметить, что хотя процессы создания многопартийных политических систем в каждой стране ЦАР шли по-разному, в большинстве из них в той или иной степени сохранилось доминирование одной партии - партии власти, а оппозиционные партии либо не имеют сколько-нибудь серьезного влияния, либо действуют за рубежом.

Подобная «демократическая однопартийность» - явление не новое. «Не прибегая к немодным ныне переворотам или другим внепарламентским методам, одна партия захватывает монополию на национальную идеологию и отождествляет свою программу с интересами всей страны. Вместо официальной цензуры возникает самоцензура, когда СМИ начинают сами себя корректировать, чтобы, упаси бог, не показаться непатриотичными».¹ Цитируемый американский автор упрек свой адресовал США, превратившимся, по его мнению, из «светоча свободы и защитника угнетенных во второй половине XX в. в подобный однопартийный режим в начале XXI в.» Однако именно по этому пути «однопартийной демократии» пошли, иногда прикрываясь для приличия фиговым листком «ручной», «прикормленной» оппозиции, новые государства Центральной Азии.

Разумеется, доставшиеся в наследство основы государственности не снимали полностью тех огромных и немалых трудностей, с которыми встретилось руководство новых государств.

Резкий переход от социалистической формы хозяйствования к капиталистической, к свободному рынку, создание рыночных механизмов в экономике, принципиально новых демократических институтов, развитого гражданского общества – двигаться по этому неизвестному пути приходилось буквально на ощупь, методом проб и ошибок, либо слепо копируя западный опыт, далеко не универсальный, не всегда и не для всех приемлемый, либо втискивая в старые, советские, формы новое содержание.

Для стран Центральной Азии, большинство коренного населения которых относится к мусульманской цивилизации, пока не встал остро вопрос, строить

¹ Байер А. Виновата ли «мусульманская цивилизация» в мировой неуправляемости. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1062705600>

ли государство на основе светских принципов или на законах шариата. Все они встали на светский путь, тем более что приверженность к религии у народов Центральной Азии, особенно тех, корни которых исходят из кочевых племен, никогда не была особенно сильной. Да и «безбожный» советский период не прошел бесследно. Но нельзя отрицать того факта, что позиции ислама во всех без исключения республиках региона год от года укрепляются. Это накладывает свой отпечаток и на государственное строительство, и на государственную идеологию.

Стремительные экономические изменения, главным из которых явилась поспешная и совершенно неподготовленная приватизация прежней всенародной собственности (больше похожая на ее разграбление), привели к столь же стремительному обогащению одних (незначительного количественного меньшинства) и обнищанию большинства населения. Это вызвало расслоение общества и, как следствие, привело к росту социальной напряженности, конфронтации, основанной на извечном антагонизме между бедными и богатыми, сытыми и голодными. Имущественная дифференциация на основе частной собственности расколола общество на богатых и обездоленных, резко отличающихся друг от друга по источникам, размеру доходов и качеству жизни.

Сравнительная оценка имущественной дифференциации в бывших советских республиках Центральной Азии и в Российской Федерации показывает следующую картину.

Децильный коэффициент,¹ составлявший в СССР в начале 1980-х гг. около 3, сегодня в России, по официальным оценкам, около 15.² В ЦАР этот показатель имущественного расслоения к 1998 г. составлял: Казахстан – 9,7; Киргизия – 11,7; Туркмения – 12,2; Узбекистан – 8,1. При этом необходимо учитывать, что доля частного сектора в этих странах на тот момент была ниже, чем в Российской Федерации (70%), и составляла от 25% (Туркмения) до 60% (Киргизия).³ С увеличением этой доли разрыв в доходах между бедными и богатыми возрастает. Да и по уровню производства страны ЦАР значительно уступают России, а значит, и возможности для обогащения там все же меньше. В частности, объем ВВП на душу населения (по данным МВФ за 2008 г.) составил в Таджикистане – 12,3%, Киргизии – 13,6%, Узбекистане – 16%.⁴ В Туркмении он составил 35,8% от российского, в Казахстане – 71,6%.

¹ Децильный коэффициент неравенства доходов - отношение средней величины доходов 10% наиболее состоятельной части населения к среднему доходу 10% беднейшей части. Критическим для социальной стабильности признается уровень децильного коэффициента 7–8.

² С.Г. Кара-Мурза в труде «Советская цивилизация» (кн. 2) замечает: «Если проводить сравнение корректно — после вычитания физиологического минимума, то в России децильный коэффициент будет равен не 15, как утверждает правительство, и не 23, как утверждают ученые РАН, и даже не 36, как утверждают американские ученые, — он будет измеряться тысячами! Ибо превышение доходов над физиологическим минимумом у самых бедных десяти процентов российских граждан приближается к нулю». www.patriotica.ru/books/sov_civ2/s23-4.htm

³ Парад Суверенитетов. Десять лет спустя. Санкт-Петербургские ведомости, № 43(2433), 11 марта 2001. <http://www.pressa.spb.ru>.

⁴ По данным, приведенным на <http://ru.wikipedia.org/>.

Таким образом, все государства ЦАР перешагнули критический для социальной стабильности уровень децильного коэффициента (7–8).

И еще одна особенность, объективно вытекающая из получения независимости новыми государствами, большинство из которых, повторимся, никогда не имели собственной государственности в современном ее понимании. Обретя ее, они вынуждены были искать и создавать собственную национальную идентичность, «конструировать» собственную историю, часто мифологизированную, но непременно с представителями «титовых наций» на первых ролях. В практической внутренней политике это имело следствием то, что большинство не только руководящих, но и сколько-нибудь значимых постов в этих республиках заняли представители коренного населения. Это вызвало эмиграцию этнических русских (в подавляющем большинстве специалистов в разных отраслях), те же 11 миллионов русских, кто не успел, не захотел или не смог вовремя уехать, оказались в очень тяжелом положении.

В целом за два минувшие десятилетия в странах ЦАР стал резко меняться национальный состав населения, довольно быстро шел процесс превращения их в моноэтнические государства.

Так, в **Казахстане** в 1989 г. при общей численности населения 16,2 млн. казахи составляли 6,7 млн. (41,4%), русские 6 млн. (37% плюс 11,1% украинцы и немцы, всего 48,1%). В 2008 г. из 15,6 млн. населения казахи составляли уже 9,3 млн. (59,6%), русские – 3,9 млн. (25%, с учетом украинцев, численность которых сократилась в два раза, и немцев, которых стало более чем вчетверо меньше, – 29,5%).¹

Киргизия. Русские, доля которых в 1990 г. была 21,2% (918 тыс.), в 2001 г. составляли уже только 12% (520 тыс.).² В 2009 г. при общей численности населения 5,3 млн. киргизы составляли 70%, узбеки – 14,5%, русские 8,6% (в абсолютных цифрах сокращение с 1990 г. более чем вдвое).

Таджикистан. Данные по этой стране довольно противоречивы. По переписи 1989 г. русские составляли 7,6% (390 тыс. при общей численности 6,1 млн. человек). А динамика их массового исхода выглядит так: в 1996 г. русских в стране проживало 189 тыс., в 2000 г. – 68 тыс. (немногим более 1%). Таджики в том же году составляли уже 80% населения страны (62,3% в 1989 г.), узбеки 17% (23% в 1989 г.).

Не менее интенсивно процессы отторжения русских и других некоренных национальностей шли в Туркменистане и Узбекистане. К 2005 г. в **Узбекистане** русские составляли, по разным оценкам, от 4,4% до 5,5%, в **Туркмении** – 3,8% (вместе с украинцами).

Процесс превращения новых независимых государств Центральной Азии в моноэтнические государства не ограничился резким уменьшением доли некоренных национальностей, прежде всего русских, в общей структуре населения. В больших масштабах он захватил сферу управления. Почти все командные посты – административные, в органах исполнительной власти, в

¹ Расчеты по Казахстану и другим республикам Центральной Азии приведены в основном по данным Википедии (<http://ru.wikipedia.org/>).

² «Вести», 11 дек. 2001. <http://www.languages-study.com/demography/demokirg.html>.

вооруженных силах и спецслужбах, в научных учреждениях и производственных предприятиях – стали заниматься представителями коренного населения. Главным критерием их отбора становились не компетентность и профессионализм, а национальность, хуже того – принадлежность к тому или иному клану. Естественно, это привело к снижению профессионального и интеллектуального уровня властных, научных, технических структур, на восстановление которого хотя бы до прежнего уровня на новой, национальной кадровой основе потребуются немало времени.

По индексу развития человеческого потенциала¹ страны Центральной Азии по данным 2006 г. (опубликованы ПРООН в 2008 г.) входят в группу стран со средним уровнем этого показателя, но в основном в ее нижней части. Лишь Казахстан вошел в группу 75 стран мира с высоким уровнем этого индекса (71 место; 0,829). Туркмения заняла 108 место (0,728), Узбекистан – 119 (0,701), Киргизия – 122 (0,694), Таджикистан 124 (0,684) из общего числа 180 государств.² По сравнению с предыдущим годом три страны, за исключением Казахстана и Туркмении, несколько сдали свои позиции, причем Узбекистан и Киргизия опустились на шесть мест, Таджикистан – на два.

Как бы то ни было, несмотря на трудности, политические перегибы, националистические проявления, спад интеллектуального и профессионального уровня элитных групп и т.д., тот фундамент государственности, который был заложен в СССР, сыграл свою опорную и демпфирующую роль и помог государствам региона выстоять в очень непростые для них первые годы обретения независимости.

Во-вторых, помощь со стороны России. При всех издержках внешней политики РФ в отношении стран ЦАР нельзя отрицать того факта, что именно с помощью России новым независимым государствам удалось выдержать первые, особо жестокие удары, сопровождавшие распад единой страны, и не скатиться в пучину глубокой нестабильности, удалось предотвратить или прекратить целый ряд межгосударственных и внутренних конфликтов, включая гражданскую войну в Таджикистане, частично воссоздать заново, частично восстановить и начать перестраивать национальную экономику, обеспечить приемлемый уровень внешней безопасности и обороноспособности своих стран.

В 1992 г. объемы финансовой помощи со стороны России составили \$17-20 млрд., но затем они начали быстро сокращаться: в 1993 г. – на две трети, в 1994 г. – до около 10% от уровня 1992 г..³ Но параллельно с этим нарастал поток мигрантов из Центральной Азии в Россию, что обеспечивало и продолжает обеспечивать весьма существенный приток денег в страны Центральной Азии (в первую очередь в Таджикистан, Киргизию, Узбекистан), в

¹ ИРЧП – показатель, который включается в ежегодный Отчет о человеческом развитии, представляемый Программой ООН по развитию и учитывает не только образовательный уровень, но и среднюю продолжительность и уровень жизни.

² The 2009 Human Development Report, <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2009/>

³ Навстречу России. Доклад трехсторонней комиссии № 46. Опубликован в июле 1995 г. Данные цифры приведены в разделе «Россия и Запад», подготовленном Робертом Д. Блэквиллом (США).

том числе и по так называемым «черным» каналам. Общий их объем оценивается в миллиарды долларов США ежегодно.

На 2009 г. правительство РФ утвердило квоту на выдачу почти 4 млн. разрешений на работу гражданам стран СНГ (в 2008 г. квота составляла 3,4 млн. разрешений). Реально же выезжают на заработки в Россию значительно больше людей.

Так, квота Таджикистана на 2009 г. составила 600 тыс. разрешений, а реально, по неофициальным данным, в Россию выезжает около миллиона граждан этой страны. Только в Москве их зарегистрировано 508 тыс., при том что официальное разрешение на работу получили 121 тыс. человек. Ежегодно трудовые мигранты – граждане Таджикистана переводят на родину около \$1,6 млрд. (20% ВВП)

Граждан Киргизии, работающих в России, по разным оценкам, насчитывается от 300 тысяч до одного миллиона. Такой разброс в оценках объясняется тем, что большинство мигрантов официальную процедуру регистрации не проходят. Они переводят домой суммы, составляющие 20-30% киргизского ВВП.

Граждане Узбекистана, выехавшие на заработки в другие страны, переводят на родину ежегодно около \$1,7 млрд., что составляет около 8,5% ВВП страны. При этом российский рынок труда занимает у узбекских мигрантов первое место.¹

В-третьих, свою роль сыграло Содружество Независимых Государств, этот «инструмент цивилизованного развода», как его часто называют. Заключенные в рамках СНГ соглашения, даже несмотря на то что большая их часть выполнялась частично или вообще не выполнялась, все же позволили государствам ЦАР в очень сложный для них период в самом начале 1990-х гг., что называется, встать на ноги: образовать и укрепить органы государственного управления и органы обеспечения государственной безопасности, включая национальные вооруженные силы, удержать от полного коллапса экономику и социальную сферу, наладить и укрепить уже на новой основе связи с другими государствами СНГ и с зарубежными странами, обеспечить оборонную безопасность.

Историю создания СНГ стоит вспомнить особо, так как она довольно прозрачно иллюстрирует отношение российских властей того времени к своим «младшим братьям». Отношение, которое по многим своим параметрам пролонгируется и на современность.

«Среднюю Азия и Казахстан в одностороннем порядке выкинули из союзного государства в результате Беловежских соглашений. Их судьбу в очередной раз решили внешние силы, даже не спросив их мнения», – отмечает с горечью А.Казанцев, ставя это в вину прежде всего России.²

И именно президенты пяти центральноазиатских государств сразу же после роспуска СССР выступили с инициативой создания Содружества

¹ Данные приведены по материалам газеты НГ-Дипкурьер от 8 дек. 2008.

² А.Казанцев. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. Фонд «Наследие Евразии». Москва, 2008.

Независимых Государств (СНГ). В декабре 1991 г., по предложению президента Казахстана Н. Назарбаева, в Алма-Ате состоялась встреча с участием глав 11 бывших союзных республик (кроме трех республик Балтии и Грузии). Результатом стало подписание 21 декабря 1991 г. Алма-Атинской декларации, в которой излагались цели и принципы СНГ.

В-четвертых, внешний фактор. Регион, долгие годы бывший закрытой для внешнего мира окраиной Российской империи и СССР, вдруг оказался подвержен влиянию самых различных внешних сил, стал регионом соперничества, продуваемым всеми геополитическими ветрами, одним из главных объектов глобального передела сфер влияния.

Заинтересованность глобальных центров влияния и мировых рыночных игроков дала возможность властям государств Центральной Азии, проводя многовекторную внешнюю политику, извлекать выгоду из интересов (их подогревают значительные запасы углеводородного сырья, урана, редких и цветных металлов, других полезных ископаемых) внешних сил к региону и их соперничества. В не меньшей степени резкое увеличение геоэкономического веса региона вызвано его транзитными возможностями, пока еще в значительной степени не реализованными, но в сравнительно недалеком будущем обещающими превратить Центральную Азию в один из транспортных узлов всего Евразийского континента, в транзитный перекресток глобального значения, связывающий Север с Югом, Запад с Востоком.

Приобретает ЦАР для внешних сил еще и важное военно-стратегическое значение, становясь одним из опорных пунктов борьбы с международным терроризмом. При этом военно-стратегическое значение региона не ограничивается этой борьбой. Явно обозначились намерения США и ЕС превратить Черноморско-Каспийский и Центральноазиатский регионы в нефтегазодобывающий бассейн глобального значения, способный если и не составить конкуренцию странам Персидского залива, то заставить считаться с собой как с весомым поставщиком энергоресурсов на мировые, прежде всего западные, рынки, и в стратегически важную транзитную территорию на маршруте прямых трансконтинентальных энергопотоков Восток – Запад, минующих территорию России.

Сегодня все без исключения государства ЦАР стараются проводить многовекторную политику. В начале 1990-х гг. эта политика была в известной мере интуитивной, порождена жизненной необходимостью, стремлением привлечь как можно больше партнеров (чаще – спонсоров), которые помогли бы решить многочисленные проблемы внутренней жизни, выбраться из системного кризиса, наконец, избежать грозящей им роли объекта международной политики, стать ее субъектом, получить не только право формировать собственную политику, но и возможности его реализации. Пассивность, с какой РФ отнеслась к выбору и формированию такой политики, сыграла, если не главную, то не последнюю роль в том, что она утвердилась. Сегодня многовекторность внешней политики – это вполне осознанная геополитическая стратегия стран Центральной Азии, рассчитанная на длительную перспективу.

Реализуя эту стратегию, страны ЦАР неизбежно становились членами самых разнообразных организаций, представляющих разные регионы мира, преследующих различные, порой даже противоречивые цели, действующих в различных сферах – экономика, оборона, безопасность, религия и др. По количеству и пестроте действующих в Центральной Азии различного рода межгосударственных объединений, политических сил, религиозных, националистических и иных группировок ЦАР уникален даже для современного открытого мира. Тем не менее, к началу XXI в. здесь довольно четко обозначились основные векторы сложившейся геополитической «розы ветров»¹, их направляющие центры и лидеры.

Северный вектор. Здесь роль единоличного неоспариваемого лидера играет Российская Федерация. Все пять стран Центральной Азии являются членами образованного в 1991 г. Содружества Независимых государств (СНГ). (На саммите СНГ, состоявшемся в 2005 г. в Казани, Туркмения заявила, что будет участвовать в организации в качестве «ассоциированного члена».) Четыре из них (за исключением Туркмении) входят в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС).² Три страны: Казахстан, Киргизия и Таджикистан - являются членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)³.

К «северному вектору» можно отнести (конечно, с определенными оговорками) еще одно межгосударственное объединение - Шанхайскую организацию сотрудничества (помимо России и Китая в нее входят Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан).

Западный вектор с направляющими центрами в Вашингтоне (США) и Брюсселе (ЕС и НАТО). Республики Центральной Азии сразу же после обретения независимости стали членами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1994 г. – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе - ОБСЕ), причем, их включение в нее сразу же придало этой общеевропейской организации евразийский формат.

Тогда же на ЦАР обратил внимание Североатлантический альянс. Все пять республик Центральной Азии стали участниками натовской программы «Партнерство во имя мира» и членами Совета Североатлантического

¹ См.: Вагиф Гусейнов. Центральная Азия на пороге эпохи глобализации. Вестник аналитики, 4(10), 2002.

² Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) подписан 10 октября 2000 г. в Астане (Казахстан). Его членами стали Беларусь, Казахстан, Россия, Таджикистан. Узбекистан в январе 2006 г. стал членом ЕврАзЭС, а в ноябре 2008 г. приостановил членство в нем. Наблюдателями при ЕврАзЭС являются Украина, Молдова (с 2002 г.) и Армения (с 2003 г.). В августе 2006 г. на Межгосударственном совете ЕврАзЭС было принято решение о создании Таможенного союза в составе лишь трёх государств, готовых к этому, - Беларуси, России и Казахстана.

³ Договор о коллективной безопасности подписан 15 мая 1992 г. в Ташкенте Арменией, Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном, Узбекистаном. Срок действия ДКБ - пять лет с последующей пролонгацией. 24 сентября 1993 г. к нему присоединился Азербайджан, 9 декабря 1993 г. - Грузия, 3 января 1994 г. - Беларусь. 15 апреля 1994 г., после ратификации парламентами всех государств -участников, Договор вступил в силу. В том же году он был зарегистрирован в ООН. 2 апреля 1999 г. шестью государствами подписан Протокол о продлении действия ДКБ. Узбекистан, Азербайджан и Грузия отказались подписать Протокол и, таким образом, вышли из ДКБ. В августе 2006 г. членом ОДКБ стал Узбекистан. К октябрю 2009 г. участниками Договора являлись семь государств СНГ.

сотрудничества, позднее преобразованного в Совет Евро-Атлантического партнерства (СЕАП), а Казахстан к тому же и участником Договора об обычных вооруженных силах в Европе, так как часть его территории к западу от р. Урал входит в район применения этого Договора. Казахстан также стал первой страной региона, подписавшей Индивидуальный план действий партнерства с НАТО, который включает вопросы политического реформирования и сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией, в вопросах прав человека, науки и других областях.

Довольно активно налаживает взаимодействие со странами региона ЕС и Совет Европы.

Весьма заметно здесь присутствие и влияние, особенно в экономической сфере, Японии (которую традиционно относят к странам Запада).

Безусловно, наибольшей мощью в западном векторе приложения политических сил обладают Соединенные Штаты, которые оказывают все большее влияние в регионе — и как ведущая страна НАТО, и как глобальный лидер, в распоряжении которого имеются действенные политические, экономические и военные рычаги влияния.

Восточный вектор с направляющим центром в Пекине все больше дает о себе знать в ЦАР. Пока деятельность Китая в сравнении с другими ведущими странами отличается осмотрительностью и неторопливостью, уклонением от конфронтации с другими центрами влияния и рассчитана, по-видимому, на длительную перспективу. Но уже сегодня ни один серьезный политик не рискнет отрицать растущего влияния Китая на обстановку в Центральной Азии.

(Подробнее о политике России, США, ЕС, КНР, а также ряда межгосударственных объединений в Центральной Азии см. ниже).

Южный вектор. Характерной особенностью этого направления является отсутствие единоличного лидера или явно выраженного направляющего центра. Можно говорить о значительной роли, которую играют в этом районе Саудовская Аравия (идеологическое и финансовое влияние), Турция (экономическое и политическое влияние, помощь военная и по линии спецслужб, лидер тюркского мира, к которому относятся четыре республики Центральной Азии, кроме Таджикистана, примыкающего к персидской ветви), Иран, Пакистан. Нельзя сбрасывать со счетов Афганистан, ситуация в котором оказывает самое непосредственное влияние на мир и стабильность в странах Центральной Азии, на рост «трех зол»: терроризма, экстремизма, сепаратизма, - на клановую борьбу в странах региона, на уровень преступности (наркобизнес, незаконная торговля оружием, бандитизм).

Страны региона входят в **Организацию экономического сотрудничества**¹, объединяющую 10 стран мусульманского мира. И хотя единство религии - ислама - играет в организации свою консолидирующую

¹ ОЭС - правопреемница существовавшей в 1964-1979 гг. Организации регионального сотрудничества стран Азии. После революции в Иране распалась и была возрождена в 1985 г., когда Иран, Пакистан и Турция объединились в ОЭС. В ноябре 1992 г. к ОЭС присоединились Афганистан и шесть стран бывшего СССР: Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Главный орган ОЭС - Совет министров государств-участников ОЭС.

роль, однако главные объединяющие факторы, безусловно, экономические. В ОЭС собрались, конечно, далеко не самые богатые страны мира. Однако у каждой из них есть что внести в общемировую экономическую систему, будь то запасы полезных ископаемых мирового уровня, транзитный потенциал, рынки сбыта продукции, производимой в других частях мира (в основном продукции технологического уклона) или собственной (в основном сельскохозяйственной продукции), дешевые рынки рабочей силы. Согласовывая свои возможности, целенаправленно и с максимальной выгодой для себя используя свой совокупный потенциал как на территории объединения, так и на мировых рынках, страны ОЭС могли бы, конечно, улучшить свою внутреннюю социально-экономическую ситуацию, добиться более значительного политического веса на международной арене. Тем более что ОЭС объединяет район, занимающий стратегически важное положение, с большими запасами энергоносителей и других полезных ископаемых.

Слабостью этого межгосударственного объединения является недостаточная согласованность действий, внутренняя борьба за лидерство среди его членов, чрезмерные амбиции отдельных государств, претендующих на роль лидера. Все это приводит к известной рыхлости объединения, и, как следствие, отрицательно сказывается на эффективности его политики.

В последние годы деятельность ОЭС заметно активизировалась. Идет речь о создании ее членами к 2015 г. зоны свободной торговли. Определенный задел для этого создан. Между странами ОЭС подписаны различные соглашения, приняты важные решения в области торговли и инвестиций, транспорта, промышленности, энергетики, сельского хозяйства, защиты окружающей среды и упрощенного порядка выдачи виз. Глобальный кризис 2008–2009 гг. серьезно затронул и ОЭС, несколько затормозил, но не подорвал планы развития организации.

Серьезные шаги сделаны и по институционализации Организации и органов ее управления. Главным исполнительным органом стал Секретариат ОЭС во главе с избираемым на ротационной основе генеральным секретарем. Создан Банк по торговле и развитию, действуют или начнут функционировать в ближайшее время и другие структурные единицы: Центр ОЭС по технологическому трансферту, Региональный центр по управлению рисками в сфере природных катастроф, Региональный институт по стандартизации. В области энергетики ведется работа по технико-экономическому обоснованию проекта объединения электросетей стран ОЭС. Успешно действуют Научный фонд ОЭС, Образовательный институт, специализированные агентства и институты в области менеджмента и инженерии, сельского хозяйства. Действует и расширяется специальная региональная экологическая программа.¹

Пока рано говорить о том, что ОЭС, относящаяся к «южному вектору», сможет составить значительную конкуренцию международным объединениям «севера» или «запада», особенно в политическом или экономическом

¹ Азиз Ниязи. ШОС перекрывает Большую Центральную Азию. Интернет-журнал «Новая политика». <http://www.novopol.ru/text27009.html>.

отношении. Но в обеспечении безопасности и стабильности в ЦАР и ее поддержании на требуемом уровне влияние ОЭС и входящих Турции, Пакистана, Ирана, Афганистана нельзя сбрасывать со счетов.

ОЭС активно сотрудничает с ООН, Всемирным банком, ЕС, деятельность Организации поддерживается Японией, Китаем и даже правительством США, несмотря на членство в ОЭС Ирана (который к тому же является одним из учредителей Организации).

Налажены связи и с Шанхайской организацией сотрудничества. Между секретариатами ОЭС и ШОС в конце 2007 г. подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в экономике, транспорте, энергетике, экологии, туризме и других важнейших сферах приложения взаимных интересов. В декабре 2008 г. на встрече в Тегеране генсека ШОС с руководством Секретариата ОЭС рассмотрена возможность совместного обсуждения проекта строительства железной дороги, соединяющей Казахстан, Туркмению, Иран, Турцию с подключением к нему Китая.

Учитывая, что большинство членов ШОС входят в ОЭС, дальнейшее развитие и углубление связей между этими организациями было бы полезным и для России.

Таковы условия, в которых Россия должна была проводить свою политику в регионе с начала 1990-х гг. Они принципиально отличаются от условий XIX – начала XX вв., когда регион стал объектом «Большой игры» между Великобританией и Россией,¹ и уж тем более от условий советского периода, когда влияние Центра (Москвы) в регионе было безраздельным.

Политика России в Центральной Азии в 1991–2009 гг.

1992 год Российская Федерация встретила уже как суверенное и независимое государство. Выработывая политику в отношении республик ЦАР, она оказалась перед выбором: стать пассивным наблюдателем за усиливающимся в регионе влиянием Запада и других центров силы, или избрать для себя роль активного игрока, стремящегося любыми способами восстановить свое влияние в регионе, но уже на новой политической и экономической основе, в условиях жесткой конкурентной борьбы с другими центрами влияния, или пойти на сотрудничество с США, ведущими странами Запада, Китаем и региональными державами.

Если объективно оценивать резко снизившиеся российские возможности, прежде всего экономические, то наиболее вероятен – и даже, может быть, оптимален для сложившихся условий именно путь сотрудничества в ЦАР с другими глобальными центрами силы при умеренных (адекватных нашим нынешним политическим, экономическим и военным возможностям) собственных лидерских амбициях.

¹ С 1813 по 1907 гг. Британская Империя и Российская Империя соперничали за господство в Центральной Азии. Обычно для описания этого соперничества используется термин «Большая игра», введенный в политический обиход благодаря Р.Кипплингу.

Однако следовало учитывать и то, что сотрудничество на центральноазиатском направлении с теми же Соединенными Штатами будет иметь свои особенности для положения новой России в мире, причем не всегда для нее приятные. Вряд ли тут можно было говорить о сотрудничестве равноправном: слишком уж разные у двух держав весовые категории (налицо большой технологический разрыв, особенно в передовых технологиях, несопоставимая военная мощь и т.д.). Направленность процесса сотрудничества такова, что у российской стороны будут более скромные возможности по защите и продвижению тех собственных интересов и целей, которые не будут совпадать с интересами США и Запада в целом. Вместе с тем довольно много и совпадающих интересов, например, та же антитеррористическая операция международной коалиции в Афганистане, которая помогла устранить серьезную угрозу России и странам ЦАР со стороны режима «Талибан», чего не отрицает даже руководство российских Вооруженных Сил. И РФ и США заинтересованы в обеспечении мира и стабильности в регионе, в его экономическом подъеме, в развитии его стран по демократическому пути как светских государств.

Конечно, России и в дальнейшем можно и нужно стремиться строить свою политику в ЦАР так, чтобы обеспечить максимально возможное количество совпадающих интересов. Но этому опять же мешает слишком большая разница между «весом» США и России в современном мире. Центр тяжести, хотим мы того или нет, объективно будет так или иначе максимально близок к американским интересам и целям.

Тем не менее, при всех нюансах и трудностях, иного пути для России в Центральной Азии, кроме сотрудничества со всеми силами и государствами, заинтересованными в установлении мира и стабильности в этом регионе, нет. Тем более что Россия обладает в регионе немалыми преимуществами, которые можно и нужно использовать.

Думается, это руководство РФ это учитывает. В последние годы высшее руководство страны заметно активизировало деятельность по развитию всесторонних отношений со странами Центральной Азии как в рамках СНГ и других межгосударственных объединений, так и на двусторонней основе. Причем, если в такой сфере, как военная, приоритет явно отдается коллективным формам сотрудничества, то в политической и, особенно, в экономической областях акцент, похоже, сделан на двусторонние отношения. Это - правильный в нынешних обстоятельствах курс, позволяющий в максимальной степени учитывать национальные особенности каждого государства, их интересы и нужды. Важно и то, что Россия в лице нынешнего и главы государства и его предшественника не стремится играть роль то ли «старшего брата», то ли «отца-командира», как то зачастую проскальзывало у первого российского президента, а придерживаются стиля делового равноправного сотрудничества.

Вместе с тем нельзя не отметить, что приоритеты российской внешней политики на центральноазиатском направлении отданы пока развитию сотрудничества, в основном, в военной сфере. Это понятно, так как главная и

общая угроза сегодня - это международный терроризм, ставящий целью свержение существующих режимов в республиках Центральной Азии и их крутую переориентацию в соответствии с догмами так называемого «политического ислама» в качестве государственной идеологии. А общая угроза требует координации усилий в борьбе с нею, и прежде всего для предупреждения или отражения вооруженного вторжения в страны ЦАР, попытки которого предпринимались уже не раз. Россия при этом сыграла – и продолжает играть – важную роль в обеспечении военной безопасности региона. Но надо иметь в виду, что военное присутствие США и других стран НАТО в регионе создает для здешних государств альтернативу военных гарантий безопасности, которые до сих пор давала только Россия. Руководство некоторых из этих стран вполне может сделать главную ставку на западную военную мощь, особенно если этого сильно захотят США и их союзники. Тенденции к такому варианту наблюдаются, например, в Узбекистане, в Таджикистане, той же Киргизии, и даже в Туркмении.

Российские и натовские войска уже, по сути, дислоцируются в непосредственной близости друг от друга, например в Киргизии¹. Уже можно говорить о реальном разделении военной ответственности между Россией, США и другими странами НАТО за безопасность стран региона от вторжения вооруженных группировок радикальных исламистов.

Поэтому российская политика в ЦАР должна строиться по комплексному принципу, охватывая все области сотрудничества, и в первую очередь экономическую сферу. В этом отношении предложение президента РФ в 2002 г. создать Евразийский газовый альянс в составе четырех газодобывающих стран СНГ: России, Туркмении, Казахстана и Узбекистана - выглядело весьма своевременным и полезным.² Оно не только удачно вписывается в концепцию комплексного подхода к сотрудничеству со странами Центральной Азии, но и способствует реальному постепенному переносу приоритетов сотрудничества в сферу экономики и учитывает новые реалии и условия.

В политике России в Центральной Азии в период с 1991 г. до настоящего времени вряд ли можно выделить более или менее четкие этапы. Хотя такие попытки и делаются, в основном с привязкой к смене российских президентов.

Так, в докладе, посвященном анализу внешней политики России на центральноазиатском направлении в постсоветский период,³ авторы обозначают три ее основных этапа:

- первый охватывает период начала-середины 1990-х гг. и характеризуется «фактическим исключением Центральной Азии из сферы

¹ Так, в ближайшее время в Канте (Киргизия), неподалеку от созданной американцами мощной военной базы в аэропорту Манас в районе Бишкека, будут сформированы две эскадрильи ВВС России и другие подразделения.

² О планах по созданию нового энергетического союза, который назвали «газовой ОПЕК», В.В. Путин заявил 1 марта 2002 г. на неформальном саммите СНГ в Алма-Ате.

³ В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский. Политика России и Китая в Центральной Азии. Доклад независимых экспертов. <http://www.antidrugfront.ru/library/00257.html>

приоритетов Российской Федерации». Российской внешней политике было не до ЦАР: все ее помыслы и усилия были устремлены на Запад;

- второй, начавшийся в конце 1990-х гг., связан с критическим переосмыслением Россией результатов всей своей внешней политики в целом, в том числе и на центральноазиатском направлении;

- третий, начавшийся в 2000 г. с приходом к власти Владимира Путина и его команды, можно охарактеризовать как целенаправленное стремление вовлечь регион в сферу влияния РФ, в первую очередь для кардинального усиления международных позиций России.

Но если в военной и военно-технической сферах, а также в области энергетики политика России в регионе проявлялась как достаточно активная и конкретная, то о других областях сотрудничества этого сказать нельзя. А главное – общей осмысленной и конкретной стратегии России в отношении Центральной Азии и входящих в регион стран как не было, так и нет.

Можно указать на следующие недостатки и пробелы политики России в ЦАР:

- *приоритет в сотрудничестве отдавался региону в целом, двусторонним отношениям придавалось второстепенное значение;*

- *узкая была сфера сотрудничества: в основном, сферы энергетики и военная, а также военно-техническое сотрудничество;*

- *в регионе с участием России не учреждались фонды, не создавались неправительственные организации не было, не оказывалось содействие развитию прямых контактов между российскими и центральноазиатскими НПО и общественными организациями, не делалось попыток наладить каналы обмена информацией;*

- *недостаточным было внимание к политической кухне: в странах ЦАР нет партий, занимающих пророссийские позиции;*

- *Россия ни на каком уровне не устанавливала контактов с оппозицией в странах ЦАР;*

- *сильны были настроения среди создателей и исполнителей внешней политики, что Центральная Азия это, скорее, обуза для России, регион, от которого нет никакой пользы;*

- *в отношениях со странами ЦАР на уровнях ниже высшего государственного (и особенно в экономике) так и не был изжит синдром «старшего брата», который лишь в самое последнее время перестал быть преобладающим.*

В утвержденной Президентом РФ в мае 2009 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» проблемы безопасности, связанные с ЦАР, обозначены либо в общих рамках СНГ, либо косвенно, в связи с региональными межгосударственными объединениями и задачами по борьбе с отдельными угрозами.

В частности, в разделе II «Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития», в ст.ст. 13-15 говорится лишь о межгосударственных объединениях, в которые входят страны региона:

«13. ...Развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами - участниками **Содружества Независимых Государств** является для России приоритетным направлением внешней политики. Россия будет стремиться развивать потенциал региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве государств - участников Содружества Независимых Государств в рамках прежде всего самого Содружества Независимых Государств, а также **Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического сообщества**, оказывающих стабилизирующее влияние на общую обстановку в регионах, граничащих с государствами - участниками Содружества Независимых Государств.

При этом **Организация Договора о коллективной безопасности** рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

14. Россия будет способствовать укреплению **Евразийского экономического сообщества** в качестве ядра экономической интеграции, инструмента содействия реализации крупных водно-энергетических, инфраструктурных, промышленных и других совместных проектов, в первую очередь регионального значения.

15. Для России особое значение будут иметь укрепление политического потенциала **Шанхайской организации сотрудничества**, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе».

То же самое можно сказать об утвержденной годом ранее Концепции внешней политики Российской Федерации

А.Казанцев, анализируя политику России в Центральной Азии на протяжении всего периода постсоветских отношений, приходит к выводу, что РФ не удалось до конца выбраться из-под «развалин советского проекта» для Центральной Азии. Россия все еще не в состоянии предложить региону какой-то специфический вариант развития, радикально отличный от тех, которые предлагают страны Запада, АТР или исламского мира.¹

А.Казанцев обращает внимание на то, что целый ряд государств Запада в Центральной Азии вполне можно воспринимать как коалицию игроков, интересы которых в достаточно высокой мере согласованы друг с другом, о чем свидетельствуют хотя бы основные западные политико-географические проекты для Центральной Азии, среди которых: 1) укрепление национальной государственности стран Центральной Азии; 2) «Тюркский мир»; 3) внутренняя интеграция в Центральной Азии; 4) «Шелковый путь» и идеи «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве; 5) проект «Большого Ближнего

¹ См.: А.Казанцев. «Большая игра» с неизвестными правилами. Фонд «Наследие Евразии». Москва. 2008.

Востока»; 6) проект «Большой Центральной Азии»; 7) рост влияния евроатлантического пространства на Восток.

Смысл выводов российского исследователя в том, что постоянное банкротство сменяющихся проектов реорганизации Центральной Азии свидетельствует о непоследовательности и низкой эффективности деятельности западной «коалиции» в регионе. Однако это ничуть не умаляет ее деятельного проникновения в процессы решения самых острых и актуальных проблем региона. К тому же в ЦАР действуют и «исламская» и «азиатская» коалиции.

С этими выводами, пусть и с оговорками, можно согласиться. Россия все больше проигрывает Западу, да и Китаю в соперничестве за влияние в Центральной Азии. Она до сих пор не определилась в оптимальной, рассчитанной на перспективу политике в отношении региона.

3. В.Гусейнов, Н.Савкин. Запад и государства ЦАР

Соединенные Штаты Америки.

США, особенно в годы президентства Джорджа Буша-младшего (2000-2008 гг.), преуспели в выращивании целого букета, как выражался Дж. Буш, «цветных» революций: «розовая» (Грузия), «оранжевая» (Украина), «кедровая» (Ливан), «тюльпановая» (Киргизия), «пурпурная» (Ирак). Производство поставлено на широкую ногу: под занавес президентства Буша был создан «Гражданский корпус быстрого реагирования», цель которого - «экспорт демократии», а фактически смена «мирными средствами» неугодных политических режимов. Первоочередными объектами деятельности «Гражданского корпуса», по словам Буша, должны стать Кавказ и Центральная Азия.¹ Одна из причин нарастающей активности США на Кавказе и в Центральной Азии – энергетика.

В современной политике США в ЦАР можно выделить три этапа.

Первый этап (1992 г. – 11 сентября 2001 г.). В этот период США, что называется, присматривались к региону, налаживали здесь политические, экономические и военные связи. Расширялась деятельность различного рода фондов и неправительственных организаций, страны региона вовлекались в различного рода прозападные проекты. Наиболее явственно американская деятельность проявлялась в сфере энергетики. Можно даже сказать – политической энергетики. В 1999 г. документально согласован ряд проектов по транспортировке углеводородного сырья Каспия и ЦАР на Запад. В них входил и экспортный нефтепровод Баку – Джейхан, решение о строительстве которого было подписано под патронажем президента США главами Азербайджана, Турции и Грузии во время саммита ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. Уже тогда в связи с недостаточностью азербайджанской нефти для заполнения трубопровода расчет делался на нефть Центральной Азии, в частности, на казахстанскую нефть. Тогда же президентами Туркмении (основной поставщик

¹ См.: «Станет Грузия “центром мира” или “центром войны”?»/ «Российская Федерация сегодня», №15, 2008

газа), Азербайджана, Грузии и Турции был подписан пакет документов по Транскаспийскому трубопроводному проекту, ключевой документ которого – Декларацию о принципах реализации Транскаспийского трубопроводного проекта засвидетельствовал президент США. (Подробнее об этом говорится в главе I 1., 4.).

Второй этап (11 сентября 2001 года – 2008 г.). Его основная отличительная черта - налаживание и закрепление военного присутствия США в регионе, непосредственным поводом для чего стала антитеррористическая операция против режима талибов и Аль-Каиды в Афганистане.

Уход с политической арены Дж. Буша-младшего и его команды и избрание президентом США Барака Обамы, по-видимому, сделали 2009 г. началом нового, *третьего этапа* в центральноазиатской политике США, когда важность ЦАР для Америки существенно увеличивается. Тому есть ряд серьезных побудительных причин.

Во-первых, энергетическая политика, приоритеты – доступ к большим энергетическим ресурсам ЦАР и создание маршрутов транспортировки углеводородного сырья на Запад в обход России. Главные объекты деятельности на этом направлении - Казахстан, Туркмения, а также Узбекистан.

Второй важный побудительный мотив связан с тем, что средоточие американской политики в регионе Большого Ближнего Востока смещается с Ирака на Афганистан. К началу 2010 г. численность контингента войск США в Афганистане должна увеличиться до 68 тыс. человек – в основном за счет частей, которые будут выводиться из Ирака. Соответственно, активизация военных усилий в Афганистане потребует от США дальнейшего усиления своего влияния в странах ЦАР, непосредственно примыкающих к этой стране.

Но Афганистан, конечно, не единственная причина. Новая администрация США во главе с Барак Обамой очень активно (даже складывается впечатление, что нарочито) педалирует тему Афганистана. Но Афганистан для США – все же задача второстепенная, задача дня. Для них, безусловно, гораздо важнее задача, рассчитанная на длительную перспективу: удержать контроль над Ираком и над его нефтяными запасами.

Есть у США и еще одна внешнеполитическая задача длительного характера: сдерживание Ирана. Во что может вылиться это сдерживание и какими способами оно будет осуществляться – вопрос другой. В любом случае военная сила в решении этой задачи будет играть, если и не главную (хотя войны в Иране никак исключать нельзя, пусть даже ее вероятность после прихода к власти Барака Обамы снизилась), то и далеко не последнюю роль.

Наконец, не менее важную, стратегическую для США, задачу, в которой ЦАР отводится существенную роль, составляет сдерживание Китая, также нуждающегося в энергетических ресурсах Центральной Азии, вкупе с дальнейшим ослаблением и изоляцией России.

Значимость Центральной Азии и необходимость роста влияния в этом регионе для США определяется, во-первых, постоянным американским военным присутствием в странах ЦАР, созданием здесь постоянно действующих оперативной и логистической инфраструктур (на первых порах -

под прикрытием военных операций в Афганистане). Тем более что в успешном завершении этой операции заинтересована и Россия, для безопасности которой угроза распространения исламского радикализма через Центральную Азию представляется весьма и весьма серьезной. Во-вторых, необходимостью обеспечения безопасности западных маршрутов транспортировки углеводородов.

Европейский Союз.

Интерес ЕС к региону Центральной Азии стал особенно наглядным в последние несколько лет, хотя и раньше внимание объединенной Европы к ЦАР было достаточно пристальным. Примерно до 2006 г. сотрудничество ЕС и Центральной Азии осуществлялось в рамках программы ТАСИС.¹ При этом некоторые страны ЕС поддерживали собственные контакты со странами региона, участвуя в реализации конкретных проектов.

С 2006 г. деятельность ЕС в Центральной Азии резко активизировалась. Тогда ЕС направил в Центральную Азию своего специального представителя. Им стал Пьер Морель.² На встрече глав государств ЕС, проведенной в рамках работы Европейского Совета в июне 2007 г. была официально утверждена «Стратегия нового партнерства» ЕС в Центральной Азии.

На этой Стратегии основана политика ЕС как в ЦАР в целом, так и в отношениях с отдельными странами региона, рассчитана она на длительную перспективу.

(Полное содержание документа «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства» приведено в Приложении. В рамках раздела проводится ее краткий анализ).

В резюме, опубликованном после официального утверждения документа, целями Стратегии определены: обеспечение стабильности и безопасности в регионе, оказание поддержки в целях углубления устойчивого экономического развития, сокращение бедности, установление более тесного сотрудничества в регионе и по отношению к ЕС.³

Стратегия предусматривает следующие направления деятельности, призванные укрепить партнерские отношения между ЕС и странами Центральной Азии:

1. Инициатива ЕС по верховенству закона/диалог по вопросам прав человека. ЕС будет продолжать поддерживать основные правовые реформы в Центральной Азии, в том числе реформирование судебной системы и создание эффективного законодательства, в частности в сфере административного и коммерческого права.

¹ TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, Техническая помощь Содружеству Независимых Государств) — программа Европейского Союза по содействию ускорению процесса экономических реформ в СНГ. Организована в 1991. Среди наиболее важных направлений выделяются: реструктуризация предприятий, развитие частного сектора, реформа государственного управления, сельское хозяйство, энергетика и транспорт.

² Пьер Морель — известный французский дипломат. В свое время был послом Франции в Грузии, Киргизии, России и Китае. Владеет шестью языками, в том числе русским.

³ <http://www.edu.uz/modules/news/print.php?storyid=662>

2. **Образовательная инициатива.** Ее цель - помочь странам Центральной Азии усовершенствовать систему образования, внедрить новые технологии в образовательный процесс и наладить контакты с ведущими европейскими институтами. Область применения инициативы – учебные заведения (вузы), научные исследования и техническое обучение. Также предполагается развитие системы дистанционного образования и интерактивного обмена между высшими учебными заведениями стран ЕС и Центральной Азии.

3. **Диверсификация экономики, развитие торговли и инвестирования.** ЕС будет продолжать поддерживать программы, направленные на диверсификацию экономик стран региона, повышение квалификации местных специалистов, развитие средних и малых предприятий и расширение инновационной деятельности. ЕС по-прежнему будет способствовать улучшению делового климата, внедрению передовых технологий и привлечению инвестиций из Европы. По мнению ЕС, все страны Центральной Азии должны войти во Всемирную торговую организацию (ВТО), членом которой уже является Киргизия. Будет также разработана специальная программа для обеспечения более тесного взаимодействия деловых кругов стран ЕС и Центральной Азии.

4. **Укрепление отношений в сфере энергетики и транспорта.** ЕС намеревается укрепить отношения с регионом в сфере энергетики и транспорта, а также оказать помощь в привлечении иностранных инвестиций. Оказывая поддержку в развитии нового транспортного коридора «Каспийское море – Черное море – Европа», ЕС примет участие в развитии дополнительных трубопроводов, сетей и коридоров для транспортировки энергоносителей.

5. **Водопользование и окружающая среда.** В рамках действующей Стратегии в отношении стран Центральной Азии и с учетом существующего уровня развития сотрудничества ЕС планирует поддерживать программы, направленные на рациональное использование водных ресурсов и производство гидроэлектроэнергии.

6. **Пограничное управление, борьба с наркотиками и регулирование миграции.** ЕС планирует оказывать активную помощь в обустройстве государственных границ в регионе, уделяя особое внимание границе между Таджикистаном и Афганистаном. Кроме этого, специальная помощь будет оказываться региону Ферганской долины с целью развития трансграничной торговли и активизации передвижения физических лиц.

7. **Развитие культурного диалога.** ЕС высоко ценит добрососедские отношения между многочисленными народностями и культурами, проживающими в Центральной Азии, и будет способствовать дальнейшему развитию культурного диалога с регионом и между его странами.

ЕС намеревался вдвое увеличить финансовую помощь Центральной Азии, выделив для этого в течение 2007–2013 гг. 750 млн. евро со средним ежегодным распределением в регионе от 58 млн. евро в 2007 г. до 139 млн. евро

в 2013 г. Около 78% средств направляются на нужды каждой отдельно взятой страны в регионе и 22% на реализацию общерегиональных проектов.¹

Кроме того, в рамках «Европейской политики соседства» с мая 2007 г. начала осуществляться инициатива ЕС «Верховенство закона» в отношении Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, а с 2009 г. – «Евразийская программа конкурентоспособности», осуществляемая Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)² и призванная способствовать экономическому развитию и политической стабильности стран Центральной Азии, Южного Кавказа и Украины.³

Надо сказать, что реализует Стратегию ЕС довольно активно. За два года в ее рамках проведена встреча министров иностранных дел «Тройки ЕС» с коллегами из стран Центральной Азии (апрель 2008 г., Ашхабад). Стороны обсудили такие вопросы, как образование, верховенство права, торговля и экономика, энергетика и охрана окружающей среды, борьба с общими угрозами и вызовами. Значительное внимание было уделено жизненно важному для Центральной Азии водному вопросу, с которым связано большинство экологических проблем региона. ЕС стремится помочь странам региона разработать крайне необходимую интегрированную политику использования водных ресурсов, добиться «солидарности верховьев и низовьев». Важность этой проблемы несомненна еще и потому, что, как отмечено в Стратегии ЕС, «свободный доступ к водным ресурсам будет основной мировой проблемой XXI века».

Специальный представитель ЕС в Центральной Азии Пьер Морель, подводя итоги двухлетнего действия Стратегии, отметил следующие ее достижения:

- Налажен диалог со всеми пятью странами ЦАР по правам человека. Важным достижением является внедрение в Центральной Азии Европейской инициативы по верховенству права, которую выдвинули Германия и Франция и которая уже работает. В 2009 г. этой теме были посвящены два семинара, проведенные в Ташкенте и Париже.

- Созданы региональные инициативы по образованию, которыми руководит Европейская Комиссия. В частности, в рамках программ Tempus и Rasmus студенты из Центральной Азии получают образование в европейских вузах. В принципе, на это направлены и такие проекты ЕС, как «Электронный шелковый путь» и дистанционное обучение для студентов и преподавателей. Сегодня большинство населения Центральной Азии составляют люди в возрасте до 25 лет, и Морель особо подчеркнул то громадное значение, которое придает ЕС работе с молодежью.

¹ Там же.

² Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики. Создана в 1948 под названием Организация европейского экономического сотрудничества. В организацию входят 30 государств, в том числе большинство государств — членов ЕС. В мае 2007 г. для переговоров о членстве приглашена Россия.

³ <http://fondsk.ru/article.php?id=1997>

- ЕС является основным экономическим партнером региона. Морель отметил два важных достижения в этой сфере. Во-первых, подготовлены новые соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и каждой из пяти центральноазиатских республик. Во-вторых, европейские банки, которые до сих пор не работали в Центральной Азии, сейчас открывают свои программы и свое финансирование сфер коммуникаций, транспорта, энергетики для стран ЦАР.

- В сфере энергетики – «главного богатства региона» - подготовлены к подписанию энергетические меморандумы со всеми странами Центральной Азии. Такой меморандум в 2006 г. был подписан с Казахстаном, в 2008 г. – с Туркменией.

- В ЕС исходят из того, что «сегодня управление границами определяет условия безопасности в регионе». В этой связи в Центральной Азии реализуются две программы, поддерживаемые ЕС: WOMSA и CADAP. Первая направлена на борьбу с наркотрафиком, цель другой - современное управление границами. На эти цели ЕС выделяет помощь в несколько миллионов евро, а также способствует налаживанию диалога стран региона с международными организациями, такими как ОБСЕ и ООН.

- Проведены две конференции со странами Центральной Азии на уровне министров: в 2008 г. в Париже, в 2009 г. в Брюсселе. Между сторонами еще сохраняются серьезные разногласия, однако после второй за десять месяцев встречи высокопоставленных представителей пяти центральноазиатских государств и 27 стран-членов Евросоюза стало очевидным улучшение отношений между сторонами, стремление свести разногласия к минимуму. Примечательно, что все центральноазиатские участники встречи высказывались на пресс-конференции на английском языке, в отличие от встречи в Париже, где большинство из них выбрали русский язык.

Анализ содержания Стратегии партнерства ЕС и Центральной Азии и итогов первых двух лет ее реализации показывает, что России есть над чем задуматься. Документ выгодно отличается своей конкретикой, точным выбором и полным охватом самых узловых проблем региона и, соответственно, направлений сотрудничества, продуманным, хотя и скромным финансированием. Примерно три четверти финансов пойдут на двустороннее сотрудничество, одна треть – на реализацию общерегиональных задач. То есть каждой стране будет ежегодно выделяться от 15 до 35 млн. евро. Но и эта сумма может быть урезана. Интенсивность сотрудничества (а следовательно, и объемы финансирования, предупреждает Стратегия, «будет отражать приверженность каждой из этих стран преобразованиям и реформам».

Документ, как патрон в обойме, точно встроен в систему других региональных и отраслевых программ сотрудничества ЕС, составляя с ними единый комплекс.

4. С.Демиденко. КНР и государства ЦАР

Интересы КНР в Центральной Азии

Обновленная геополитическая реальность поставила перед ведущими державами планеты ряд сложных вопросов: каким образом выстраивать отношения с новыми членами мирового сообщества, какую пользу от них можно получить, и какой вред они могут принести? Особо остро эти вопросы стояли перед КНР, рядом с западными границами которого образовался целый пояс новых государств управляемых местной элитой, пришедшей к власти вследствие подъема волны национализма.

С одной стороны, Китай рассматривает обновленную Центральную Азию, как чрезвычайно перспективный с экономической (прежде всего энергетической) и политической точек зрения регион, а с другой, испытывает серьезные опасения, поскольку острые внутривнутриполитические проблемы государств ЦАР чреваты серьезными угрозами безопасности самой КНР. Особо это касается мусульманских районов Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район – СУАР), где проблема сепаратизма и исламизма по сей день стоит достаточно остро.

Интересы, которые преследует Китай в Центральной Азии, в целом можно сгруппировать по трем основным блокам: безопасность, экономическое сотрудничество и энергетика. Важным для Китая моментом, напрямую увязанным с центральноазиатской проблематикой, являются вопросы, связанные с ситуацией в СУАР. КНР рассчитывает на то, что развитие торгово-экономических отношений со странами ЦАР будет способствовать социально-экономическому развитию нестабильного и отсталого в экономическом отношении Синьцзяна.

Расширение китайского влияния в Центральной Азии рассматривается Китаем и в контексте противодействия региональной политике США, направленной на создание вокруг КНР так называемого «стратегического окружения», а то и превратить ее, опираясь на подконтрольные страны, в некую «полосу отчуждения» вокруг Китая.¹

Центральная Азия - неплохая стартовая позиция для расширения глобального влияния КНР. Дружественные контакты с независимыми государствами Центральной Азии могут помочь Китаю сохранять высокий уровень отношений с Россией, Южной Азией, Ближним и Средним Востоком, а также с Европой. Нельзя не сказать и о том, что для государств ЦАР китайская экономическая модель, по всей видимости, является более приемлемой и притягательной, нежели западные либеральные схемы, что существенно облегчает Китаю задачу по расширению своих позиций в региональном ТЭЖе. Если экономика КНР будет и дальше сохранять нынешние высокие темпы роста, то она все больше и больше будет нуждаться в масштабных закупках нефти и газа, которыми так богата Центральная Азия (особенно Казахстан и Туркмения).

¹ См.: Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития (реферативный сборник). М., 2007. С.69.

История взаимоотношений КНР и стран Центральной Азии

История китайско-центральноазиатских отношений насчитывает не одно столетие. Китайское проникновение на эти территории начинается еще во II в. до н.э. Вплоть до VIII в. н.э. Китайская империя оставалась здесь единственным «внешним игроком». Общение народов Центральной Азии с Китаем оставило заметный след в хозяйственной и культурной жизни ведущего преимущественно кочевой образ жизни населения. Народы региона впервые узнали о разведении шелковичного червя, об изготовлении шелковых тканей, бумаги. Перенятые у Китая высокий уровень земледелия и ремесла, а также другие элементы древней китайской цивилизации значительно ускорили процесс развития производственных сил и способствовали разложению родоплеменных отношений у кочевников, а также становлению у них более совершенных форм государственности¹.

Следующий этап развития контактов между Китаем и Центральной Азией приходится на начало завоевания арабским халифатом этого региона (705 г.). Решающее столкновение Китая и Арабского халифата за преобладание в Центральной Азии в 751 г. закончилось поражением Китая, и контроль над Великим шелковым путем окончательно перешел в руки арабов. Важным последствием арабских завоеваний явилось распространение ислама в Центральной Азии. Новая религия уже к X в. стала доминирующей в регионе, определив на многие века вперед культурно-историческое развитие его народов. С середины XIII в. вся Центральная Азия становится частью Монгольской империи, под власть которой регион находился почти 300 лет.

Знакомство с древней китайской цивилизацией обогатило общественно-хозяйственный уклад жизни народов Центральной Азии, способствовало развитию производительных сил и отношений. Влияние арабской (мусульманской) культуры подняло на более высокий уровень науку, искусство, образование, вследствие этого регион сам через некоторое время стал оказывать влияние на развитие мусульманской культуры, а также общей теории и практики исламского права².

Новый этап взаимоотношений Центральной Азии и Китая начался в XVII в., когда Китаем завладели маньчжуры. В период с XVII в. по первую половину XIX в. Центральная Азия находится между двумя мощными центрами силы – Российской Империи и империи Цин³.

В первой половине XIX в. одновременно с активным проникновением в Китай западных держав в Центральной Азии разгорается соперничество Великобритании и России. Поначалу «Большая игра» проходила при явном преимуществе Англии, обстановку резко изменило антибританское восстание в Кабуле (1840 г.), а после взятия русскими войсками в 1884 г. города Мерв, Британская империя практически полностью утратила влияние в Центральной Азии. К середине XIX в. благодаря успехам политики России в регионе, а также

¹ Э.Усубалиев Центральная Азия как объект внешней политики: история и современность. <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/18.html>

² Э.Усубалиев. Указ. Соч.

³ Там же

сложному внутривосточному положению Цинской империи, регион постепенно переходит под контроль России, где большая часть народов добровольно приняли российское подданство, а часть была завоевана. В 1864-1865 гг. образовался Туркестанский край, а с завоеванием Хивинского ханства в 1873 г. было завершено включение народов Центральной Азии в состав Российской империи. Советская Россия, а затем СССР сохранили контроль над этими землями вплоть до 1991 г.¹

После 1991 г. политика Китая в отношении Центральной Азии стала значительно активнее. КНР был одним из лидеров в процессе признания государственного суверенитета независимых государств ЦАР. В 1992-1993 гг. в Пекине с официальными визитами побывали главы всех пяти центральноазиатских государств, а также большинство глав правительств. В 1992-1994 гг. Китай подписал со странами Центральной Азии более 90 двусторонних межправительственных соглашений². Главным вопросом, стоявшим тогда на повестке дня, был вопрос о границах (более 1.700 км протяженность границ КНР с Казахстаном, около 1.000 км - с Киргизией и около 450 км - с Таджикистаном).

В апреле 1996 г. Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы, которое включало следующие пункты:

- развернутые в районе границы вооруженные силы не будут нападать друг на друга;
- ни одна из сторон не будет проводить военных маневров, направленных против другой стороны, уровень, масштаб и число военных маневров должны быть ограничены;
- стороны обязались информировать друг друга о перемещениях войск и военных приготовлениях, осуществляемых в 100-километровой пограничной зоне;
- стороны обязались приглашать наблюдателей другой стороны на военные маневры с использованием боевых боеприпасов;
- давалось обязательство избегать опасных видов военной деятельности;
- стороны выразили намерение развивать дружественные связи между частями вооруженных сил и пограничных войск, размещенных в районе границы³.

На основе этого соглашения в 1997 г. были достигнуты договоренности о снижении численности вооруженных сил в приграничных районах:

- размещенные в районе границы военные силы подлежат сокращению до уровня, совместимого с добрососедскими отношениями, и должны иметь оборонительный характер;
- ни одна из сторон не должна использовать или угрожать использованием силы другой стороне и не должна в одностороннем порядке стремиться к военному превосходству;

¹ Там же

² А.Казанцев. «Большая игра» с неизвестными: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. С. 227.

³ Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М., 2008. С.160 – 161.

- размещенные в районе границы военные силы не должны нападать на другую сторону;
- все стороны обязуются сократить численность персонала вооруженных сил, включая армию, авиацию, противовоздушные части и пограничные войска, а также сократят количество основных категорий оружия, развернутого в 100-километровой пограничной зоне;
- стороны обязуются обмениваться информацией о военных силах, размещенных в районе границы;
- стороны будут проверять реализацию условий этого договора.

После 1997 г., однако, вопрос о безопасности границ утратил приоритетность. Теперь Китай больше интересуется задача борьбы с терроризмом. Урегулирование вопросов о границе и безопасности привело к качественному изменению отношений между Китаем и независимыми государствами Центральной Азии и сделало возможным более обширное сотрудничество¹.

Отношения КНР и государств Центральной Азии в экономической области

Экономическое направление стало главным в отношениях КНР с государствами Центральной Азии. В 1990 г. объем двусторонней торговли составлял около \$465 млн. Уже в 1992 г. эта цифра выросла в 10 раз. В дальнейшем рост торговли продолжался, в 1994 г. ее объем составил \$5,12 млрд., а в 1995 г. перевалил за \$5,5 млрд. Главными статьями экспорта Китая в Центральную Азию являлись пищевые продукты и изделия легкой промышленности. Импорт включал различного рода сырье.

Наиболее бурно развивались экономические связи с Казахстаном. Достаточно большую активность китайские компании проявили при приватизации (в 1997 г. 20% иностранных инвестиций в Казахстан пришлось на Китай). Объем торговли между Синьцзяном и Казахстаном составил в том же году \$2,4 млрд. Этот факт важен, поскольку в тот период китайско-центральноазиатская торговля в значительной мере развивалась за счет приграничных территорий. Китайское правительство активно ее поддерживало, стремясь развивать экономику Синьцзяна и обуздать там сепаратистские настроения.

Уже в начале 1990-х гг. более 50% всей торговли КНР с Центральной Азией приходилось на СУАР. В 1996 г. доля Казахстана в импорте СУАР составила 43,3%, Киргизии — 14%, а доля этих двух государств в экспорте СУАР достигала соответственно 16% и 13%. К этому времени Киргизия и, особенно, Казахстан стали для прилегающих территорий Китая основными внешнеторговыми партнерами. Четыре китайских города (Цзимунай, Такшичэн, Турдот, Хунджераб), расположенные на границах с Казахстаном и Киргизией, стали городами, открытыми для приграничной торговли. Город Нарын возле китайской границы с Киргизией также стал свободной торговой зоной².

¹ Там же. С.162.

² А.Казанцев. Указ. соч. С.228.

И все же динамике финансово-экономического сотрудничества КНР и государств ЦАР в 1990-е гг. недоставало активности: отсталость и экономическая стагнация региона стали тогда одним из основных ограничителей для развития торговли. Долгое время перспективы экономического взаимодействия КНР с ЦАР были тесно связаны с реализуемой Китаем стратегией освоения и развития своих западных районов, нацеленной на ликвидацию диспропорции в экономическом развитии между западными и восточными провинциями КНР.¹

Новый импульс торговые отношения КНР со странами Центральной Азии получили в 2000-е гг., когда стало очевидным, что именно Китай, а не США или Россия, является наиболее перспективным игроком на пространстве ЦАР.

Торговля между КНР и ЦАР (в млн. \$)²

	Казахстан	Узбекистан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения	Всего
1992						
экспорт	227,9	38,9	18,6	2,0	4,1	291,7
импорт	141,2	13,6	16,6	0,8	0,4	172,7
1995						
экспорт	75,4	47,6	107,5	14,6	11,3	256,4
импорт	315,5	71,0	123,5	9,2	6,3	525,6
1996						
экспорт	95,3	38,2	68,7	7,6	8,5	218,2
импорт	364,6	149,1	36,8	4,1	3,0	557,6
1998						
экспорт	204,7	57,9	172,4	11,0	10,3	456,3
импорт	430,9	32,4	25,7	8,2	2,2	499,3
2000						
экспорт	598,7	39,4	110,2	6,8	12,1	767,3
импорт	958,2	12,0	67,4	10,4	4,1	1.052,1
2002						
экспорт	606,1	104,4	146,2	6,5	86,8	943,9
импорт	1.354,6	27,4	55,7	5,9	0,7	1.444,4

К этому времени к тому политические элиты Центральной Азии поняли, что пришел конец их надеждам на дальнейшее получение от МВФ финансовой помощи в виде кредитов (в рамках СНГ), за которые можно было либо вовремя не расплачиваться, либо надеяться на постоянные отсрочки долговых платежей. Пришлось искать новые источники финансирования. В этом смысле США или ЕС их не очень устраивали из-за неизменной увязки финансовой помощи с «утверждением демократии», тогда как Китай не только не ставил перед собой цель «демократизации» региона, но, напротив, искал союзников, способных дать отпор таким попыткам со стороны Запада. КНР не только предоставляет кредиты на сотни миллионов долларов по сверхвыгодным тарифам (под 1–2% годовых), но и создает условия для того, чтобы принятые решения по инвестированию были реализованы. Можно привести немало примеров, когда проекты, задуманные Россией в Центральной Азии, вязли в бюрократическом согласовании и подчас умирали, так и не воплотившись в жизнь. Китайцы же,

¹ Там же.

² Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития.

если решение принято, моментально бросают на его выполнение огромные силы.

В результате на центральноазиатском геополитическом пространстве была создана инфраструктура, которая объективно больше соответствовала интересам КНР, нежели России. Так, например, большая часть проектов в транспортной сфере и сфере энергетики предполагает вложения в объекты на территориях Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана главным образом в местностях, географически близких к границам Китая. Проектов же, предусматривающих расширение коммуникативных связей Центральной Азии с Россией, существенно меньше.

Продолжают расти и объемы китайских инвестиций и торговли в регионе. Китай стал третьим по значимости торговым партнером региона после России и ЕС.¹

Прямые инвестиции КНР в ЦАР (млн. \$)².

Годы	Казахстан		Узбекистан		Киргизия		Таджикиста		Туркмения	
	Число проект.	Стоим. инвест.	Число проект.	Стоим. инвест.	Число проект.	Стоим. инвест. .	Число проект.	Стоим. Инвест.	Число проект.	Стоим. инвест.
1992	6	1164	5	3647	3	3363	1	1200	0	0
1993	5	2167	2	300	1	180	0	0	0	0
1995	1	102	0	0	0	0	0	0	0	0
1998	11	6127	9	3643	6	6716	2	1880	2	0
2000	5	7734	3	1 139	4	10381	0	0	0	300
2002	3	2690	4	3732	3	1396	0	0	0	0
Всего	51	39601	29	12923	29	24253	8	3390	2	0

Наибольшая стоимость прямых инвестиций КНР зафиксирована для Казахстана (\$39,6 млрд.). С 1992 г. там было открыто свыше тысячи фирм с китайским капиталом (включая совместные предприятия). Инвестиции сосредоточены в добыче нефти и газа, банках, сборке автомобилей, пищевой промышленности и т.д. Развивается между двумя странами и сотрудничество в ядерно-энергетической сфере. В 2007 г. между «Казатомпром» и китайской государственной Гуандунской атомно-энергетической корпорацией заключено соглашение «о расширении и углублении стратегического сотрудничества» в области изготовления ядерного топлива для АЭС Китая. А также ресурсного снабжения развивающейся атомной энергетики КНР.

В Узбекистане преобладают мелкие китайские торговые компании, производство ограничено легкой, пищевой промышленностью, электроникой. Китайские компании проявляют мало желания инвестировать в Узбекистан, поскольку политика узбекского правительства затрудняет для иностранных инвесторов вывоз капитала, нет прямых транспортных путей (товары приходится везти через Казахстан или Киргизию). Из последних крупных узбекско-китайских сделок следует отметить соглашение, подписанное между

¹ А.Казанцев. Указ. соч. С.231.

² Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития. С. 72.

правительством Узбекистана и КННК о разделе продукции по проекту проведения геологоразведки и разработки на нефтегазовых месторождениях в узбекской части Аральского моря (в составе международного консорциума). В декабре 2006 г. КННК приобрела лицензию «Узбекнефтегаза» геологоразведочные работы на Устюрсткой, Бухаро-Хивинской и Ферганской нефтегазоносных площадках.

В Киргизии, по данным МИД КНР, зарегистрировано 384 компании с участием китайского капитала, но фактически действует не более 150; они занимаются торговлей, строительством, переработкой сельскохозяйственных продуктов. Наибольший объем всех иностранных инвестиций привлекают нефть и газ Казахстана, а также золотодобыча Киргизии¹. Со своей стороны, Киргизия предлагает Китаю кооперироваться для прокладки газопровода Туркмения-Китай через киргизскую территорию. Кроме этого Киргизия заинтересована в увеличении поставок электроэнергии в приграничные районы КНР.

Таджикистан также использует китайские капиталы, так, часть предоставленных Китаем ШОС в 2004 г. \$900 млн. кредита частично используются для инвестирования в электроэнергетическую инфраструктуру Таджикистана. На китайские средства и при участии китайской компании ТВЕА возведены ЛЭП «Юг-Север» и «Лолазор-Хатлон», для чего «Эксимбанк» Китая (China Exim Bank) выделил Таджикистану долгосрочный кредит в размере \$300 млн. со ставкой 2,2% годовых сроком на 25 лет, семь из которых являются льготным периодом. В ноябре 2006 г. китайская корпорация «Синохидро» заявила о готовности участвовать в реализации проекта строительства одной из гидроэлектростанции на реке Зеравшан. Также Таджикистан намеревается использовать китайский капитал для модернизации запуска Нурекской, Кайраккумской и Головной ГЭС.

Развитие экономического взаимодействия между КНР и ЦАР может привести к ситуации, когда Китай, постепенно укрепляя свое присутствие в этом регионе, объективно выстроит систему собственного доминирования во внешнеэкономических интересах местных политических элит. Нельзя исключать, что это создаст предпосылки для переориентации военного и военно-технического взаимодействия стран региона с России на КНР. В известном смысле первые шаги в данном направлении уже сделаны: Китай бесплатно предоставляет отдельным странам региона военное обмундирование и вспомогательную технику (автомобили-внедорожники), проводятся совместные учения силовых структур на двусторонней основе и т.д.

Политика в области безопасности и пересечение в регионе интересов великих держав. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)

С середины 1990-х гг. в китайской политике Китая в Центральной Азии проявились новые тенденции. «Шанхайская пятерка» постепенно стала

¹ Там же. С. 73.

использоваться как основной инструмент многостороннего китайско-российско-центральноазиатского сотрудничества. Это позволяло «застраховаться» от возможных рисков, связанных с развитием исключительно двусторонних отношений в данном регионе¹. Не случайно Китай стал инициатором создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

ШОС – была сформирована на базе Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы (1996 г.) и Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (1997 г.), заключенных между Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном, с одной стороны, и Китаем, с другой. Декларация о создании ШОС была подписана на встрече глав шести государств в Шанхае 15 июня 2001 г. (к этому времени «пятерка превратилась в «шестерку»: присоединился Узбекистан). В июне 2002 г. на саммите в Санкт-Петербурге была принята Хартия ШОС, базовый документ, в котором определены цели, принципы, структура и основные направления деятельности организации. Хартия вступила в силу 19 сентября 2003 г. Важным шагом в укреплении правовой базы объединения и развития разностороннего взаимодействия стало подписание в Бишкеке 16 августа 2007 г. Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Круг решаемых ШОС вопросов от первоначальной приграничной проблематики быстро расширился до коллективной борьбы против терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма (в первую очередь речь шла об уйгурском экстремизме). Одновременно Китай стремился использовать созданные организацией механизмы для развития экономического сотрудничества. Еще в рамках «шанхайской пятерки» в 1998 г. он инициировал вопрос о поощрении и развитии торгово-экономического сотрудничества, на встрече в Бишкеке в 1999 г. речь уже шла о необходимости создания общей транспортно-коммуникационной инфраструктуры².

ШОС обретает все большее влияние на региональной арене, интерес к деятельности этой организации проявляют как ведущие государства Азии (Индия, Пакистан, Иран), так и США.

Перелом в отношении американцев к ШОС произошел после прихода к власти администрации президента Обамы. В этом смысле можно считать «судьбоносной» прошедшую в Москве в марте 2009 г. конференцию ШОС по Афганистану. И не только потому, что впервые в рамках ШОС было собрано столь обширное представительство, заинтересованных в решении афганской проблемы сторон: конференцию посетили не только традиционные участники подобных встреч, но и американские представители высокого ранга, а также глава ООН. В ее рамках состоялись едва ли не первые за долгие годы официальные контакты между американскими и иранскими представителями. Можно сказать, что итоги московской конференции послужили платформой для аналогичной конференции НАТО в Гааге. Итоговые документы конференций по основным моментам совпали (углубление регионального

¹ А.Казанцев. Указ. соч. С.229.

² А.Казанцев. Указ. соч. С.229.

сотрудничества по Афганистану, усиление афганских силовых структур, развитие экономики страны и т.д.).

Саммит ШОС, прошедший в июне 2009 г. в Екатеринбурге, стал первым, собравшимся после начала глобального финансово-экономического кризиса. И там большое внимание было уделено проблеме Афганистана. Рост исходящих из Афганистана террористической и наркотической угроз вызывает все более острую озабоченность стран-участниц ШОС, многие из которых граничат с Афганистаном. Естественно, растет и вовлеченность ШОС в афганское урегулирование. Еще в 2004 г., на саммите Шанхайской организации в Ташкенте было положено начало созданию соответствующего механизма взаимодействия по линии ШОС–Афганистан и его организационному оформлению (тогда президент Афганистана Х.Карзай был приглашен на саммит в качестве гостя председательствующего). В ноябре 2005 г. в Пекине был подписан Протокол о создании Контактной группы ШОС-Афганистан, целью которой стала «выработка предложений и рекомендаций по осуществлению сотрудничества между сторонами по вопросам, представляющим взаимный интерес».

Конечно, говорить о сколько-нибудь тесном сотрудничестве США и ШОС по линии афганского урегулирования пока не приходится. Но тенденция уже определилась. В США постепенно вызревает понимание того факта, что в Афганистане у американцев и стран ШОС есть несомненные общие интересы. Также США не могут игнорировать того, что ШОС успешно развивает экономическое сотрудничество с Афганистаном (торговля со странами ШОС составляет более двух третей внешнеторгового оборота Афганистана).

Нельзя упускать из виду и значение ШОС как влиятельной организации исламского мира. В странах ШОС (вместе со странами-наблюдателями и Афганистаном) проживает более трети всех мусульман мира. Эта организация едва ли не единственная в настоящее время среди международных, которая, сводя вместе такое количество мусульманских стран, реально участвующей в решении важных геополитических задач (афганской, например)¹. Возможно, это и вызывает интерес к ней и у США, и у исламского Иран, и у других сильных игроков на пространстве ЦАР.

В Екатеринбурге была подписана Екатеринбургская декларация, основной политической документ, в котором отмечается необратимость многополярного мироустройства, а также повышение значимости регионального аспекта в решении глобальных проблем. По итогам саммита также было принято совместное коммюнике, главы государств-членов ШОС

¹ Одним из конкретных вопросов, который попытался решить президент Афганистана Х.Карзай в Екатеринбурге на встрече с президентом Киргизии К.Бакиевым, была судьба американской базы Манас, которая была открыта в 2001 г. по мандату ООН для осуществления боевых действий и гуманитарной помощи в рамках антитеррористической операции США в Афганистане. Весной 2009 г. парламент Киргизии денонсировал договор с США и 11 странами антитеррористической коалиции о размещении их воинских контингентов. Для закрытия авиабазы был дан срок 6 месяцев, до 18 августа. Урегулировать проблему своего военного присутствия в Киргизии американцам удалось за счет увеличения арендной платы за пользования аэродромом (с \$17,4 до \$60 млн. с год), а также за счет изменения ее статуса. Отныне Манас будет именоваться «транзитным центром», охрану которого будут нести вооруженные силы Киргизии.

утвердили программу сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2010-2012 гг. и ряд других документов.

Саммит ШОС в Екатеринбурге вызвал разговоры о новом облике ШОС, о ее попытках противопоставить себя США и Западу. Безусловно, в рамках ШОС стали вырабатываться инициативы по реальной модернизации мировой экономической системы, предприниматься усилия по ликвидации зависимости государств-участников от американской экономики, есть готовность принимать активное участие в урегулировании крупных региональных конфликтов, оказывающих влияние на безопасность всего мира. Однако это отнюдь не делает организацию полноценным «НАТО Востока». Слишком слаба еще экономическая база большинства членов этого – молодого еще – международного альянса. Вдобавок между самими участниками организации имеется значительное количество конфликтов, да и, чего греха таить, стабильность внутривнутриполитической ситуации во многих странах ШОС сомнительна. Однако не в этом основная проблема ШОС. Куда серьезнее то, что в долгосрочной перспективе организация может стать ареной российско-китайского противостояния.

В настоящее время в ШОС доминирует все же не Россия, а Китай. Екатеринбургский саммит вновь подтвердил его главенствующую роль в альянсе, на поддержку которого КНР обязалась выделить \$10 млрд.

Китай рассматривает Шанхайскую организацию сотрудничества как свой основной международный проект, за счет расширения которого он целенаправленно и последовательно проникает в Центральную Азию. Он намерен международную организацию, объединить членов ШОС под эгидой общего рынка (по типу ЕС), главную роль на котором будет играть именно Китай. Россию, также претендующую на роль лидера в ЦАР, подобное положение вещей устраивать не может. РФ, в свою очередь, намеревается замкнуть экономическую интеграцию региона на ЕврАзЭС. Российские опасения в данном плане совершенно обоснованы: развитие экономического взаимодействия КНР и государств Центральной Азии может привести к переориентации местных элит в политическом плане и в плане безопасности с России на КНР. И тогда этот, перспективный со всех точек зрения, регион будет для РФ потерян. Для Китая наиболее эффективным инструментом расширения своего влияния в ЦАР, как уже неоднократно говорилось, является экономика (снятие в торговле таможенных барьеров в рамках ШОС будет способствовать усилению китайской экономической экспансии в регион). Конкурентным преимуществом России являются позиции в военно-политической области. Данное разночтение, по всей видимости, будет сохраняться между Россией и Китаем в обозримой перспективе и, возможно, с течением времени будет приобретать все более острые формы.

Впрочем, это весьма и весьма долгосрочная возможная перспектива развития ситуации в Центральной Азии. Пока же здесь наиболее опасный соперник для России и КНР - Соединенные Штаты. И пока Китай (по крайней мере, явно) не ставит задачу выдавить РФ из Центральной Азии, признает, что российское влияние в регионе должно сохраняться в любом случае.

Представляется, что в долгосрочной перспективе роль ШОС может быть двойкой: с одной стороны, как арены российско-китайского соперничества за контроль над ЦАР, а с другой, как платформы цивилизованного разрешения споров и проблем, а также для выработки единой позиции по актуальным международным вопросам. Остается надеяться, что РФ и КНР сумеют создать взаимоприемлемую схему выстраивания отношений в Центральной Азии. У таких надежд есть серьезные основания, как у России с Китаем есть точки соприкосновения в рамках ШОС. А именно: обе державы заинтересованы в сохранении и укреплении ШОС как института регионального сотрудничества и безопасности, важного канала двустороннего диалога. И РФ и КНР видят в набирающей силу ШОС орудие реального противодействия вызовам и угрозам региональной безопасности (наркотрафик, международный терроризм, организованная преступность, и т.д.). Кроме того, и Россия и Китай стремятся к укреплению ШОС как института, лишаящего Запад бесконтрольно качественно усиливать свои позиции в центральноазиатском регионе.

В 2003 г. КНР сформулировала новую концепцию внешней политики, в которой основным приоритетом является создание дружественного, мирного окружения. Это отразило новое понимание и новый подход КНР к выстраиванию отношений с ближайшими соседями. Ключевым элементом новой концепции является то, что Китай не только будет развивать отношения с окружающими странами на основе собственных задач и интересов, но и будет при этом учитывать интересы соседей. Эта идея стала главным компонентом периферийной дипломатии Китая. Факт остается фактом: Китай объективно намного сильнее большинства своих соседей. В этих условиях намерение создать дружественное окружение одновременно прагматично и позитивно. Принцип создания мирного окружения лежит в основе китайской политики и в Центральной Азии.

Стоит отметить, что еще прежде, чем КНР сформулировала эту концепцию, некоторые из ее элементов уже нашли воплощение в центральноазиатской политике Китая. Например, желание к созданию дружественного и мирного окружения было им высказано, когда он взялся за развитие двусторонних отношений со странами региона и начал переговоры о демаркации границ и мерах по обеспечению безопасности¹.

Уйгурский сепаратизм

К центральноазиатской политике Китая проблема уйгурского сепаратизма имеет самое непосредственное отношение. Не являются секретом все нарастающие усилия китайского руководства на выравнивание разрыва между «зажиточными» крупными городами страны и сельскохозяйственной провинцией, между модернизированными приморскими территориями и отсталыми «внутренними» областями. (Как не секрет и цель этих усилий: превращение Китая в сверхдержаву.) Однако на этом «фронте» не идет гладко. В стране существуют огромные районы неустроенные в социальном и

¹ Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М.; 2008. С. 182.

экономическом отношении, население которых является поставщиком кадров для различного рода радикальных экстремистских организаций. К таким районам относится и Синьцзян.

По данным на 2005 г., население Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) составляло чуть менее 21 млн. человек, 10,6 млн. из них – представители 34 из 56 национальностей Китая, многие из которых исповедуют ислам. Еще в середине XX в. подавляющее большинство жителей Синьцзяна составляли мусульмане-тюрки, преимущественно уйгуры, а также казахи, монголы, киргизы и таджики. Их предки поселились на территории, известной как Джунгария и Восточный Туркестан, еще в раннем Средневековье. В течение почти восьми веков вплоть до XVIII столетия уйгурское государство неоднократно достигало могущества, оказывая существенное влияние даже на политику Китая. В состав Китайской империи оно окончательно вошло после захвата этого района войсками династии Цин в 1759 г.. В 1955 г. было официально объявлено о создании Синьцзян-Уйгурского автономного района в составе Китайской Народной Республики.

Начиная с XIV в., имперское правительство проводило политику усиленной «китаизации» этой отдаленной провинции, то есть туда в большом количестве переселялись ханьцы, этнические китайцы. В период «культурной революции» (конец 1960-х гг.), национальная автономия фактически превратилась в фикцию. Усилившаяся колонизация Синьцзяна китайским населением, ущемлением прав коренного некитайского населения, переселение уйгуров, казахов, дунган, монголов и других некитайских народностей в пустынные засушливые районы Синьцзяна у них вызвали резкое недовольство и обострили национальные противоречия¹.

За последние десятилетия доля ханьцев в населении СУАР резко возросла. К 2000 г. уйгуры составляли 45,2% (8,3 млн.), а ханьцы - 40,6% (7,5 млн.) жителей СУАР. Столь резкие изменения не могли не вызвать у уйгуров опасений по поводу будущего своего народа. Кроме того, политика китайского руководства по ограничению рождаемости «дала сбой» на уйгурском населении, естественный прирост которого остаётся одним из самых высоких в СУАР. Еще в 1960–1980-е гг. темпы прироста мусульманского населения Китая были в два раза выше, чем у ханьцев, причём кардинального изменения этих пропорций в последующие десятилетия не произошло. Массовый приток в СУАР ханьцев ограничивает экономические возможности быстро растущего коренного населения, что способствовало распространению в его среде националистических настроений².

Проведение различных террористических акций на территории СУАР в 1990-е гг. отмечались неоднократно.³ С 1995 по 2005 гг. экстремисты,

¹ РИА «Новости». 6 июля 2009 года. <http://www.rian.ru/world/20090706/176439057.html>

² А.Шустов Беспорядки в Синьцзяне и Центральная Азия. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1247650740>

³ С момента создания Китайской Народной Республики в 1949 г. сепаратистские силы не прекращали свою деятельность в Синьцзяне, с начала 1950-х и до конца 1980-х гг. здесь произошло более двадцати вооруженных восстаний и массовых беспорядков. В 1933 г. и 1944 г. сепаратистские силы в Синьцзяне даже объявляли о создании своего независимого государства.

действующие в Синьцзяне, совершили 260 терактов, в которых погибли 160 человек и 440 получили ранения¹.

Радикально настроенные сепаратисты добиваются обособления СУАР вплоть до создания независимого государства. За независимость Синьцзяна и образование государства Восточный Туркестан борется Исламское движение Восточного Туркестана, которое внесено Советом Безопасности ООН в список террористических организаций. В самом Китае уйгурские сепаратисты были объявлены частью международного терроризма, финансируемого Усамой бен Ладеном. Выступая в 2005 г. на конференции по вопросам национальных меньшинств, председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что Китай намерен продолжить «борьбу с этническим сепаратизмом, а также приложить все усилия для защиты национальной целостности».

В 1999 г. китайское правительство утвердило стратегию масштабного освоения западных районов, предоставив Синьцзяну возможность развития. Был разработан перспективный план развития СУАР до 2010 года². Однако претворение в жизнь этого плана не принесло желаемого умиротворения в Синьцзян. Беспорядки здесь вспыхнули с новой силой летом 2009 года, начавшись столкновениями между уйгурами и ханьцами в Урумчи, административном центре СУАР.

По данным китайских властей, во время погромов в Урумчи был сожжен 261 автомобиль, 203 магазина и 14 жилых домов. Начались аресты активных участников беспорядков. Китайские СМИ возложили ответственность за организацию беспорядков на Всемирный уйгурский конгресс. Как сообщил китайским СМИ некий «представитель правоохранительных органов», «беспорядки в Урумчи были подготовлены заранее, координировались из-за рубежа и были осуществлены с помощью местных преступных элементов»³. Беспорядки вспыхнули с новой силой. По официальным данным, от рук погромщиков за день погибло, по меньшей мере, 156 человек⁴. В город были введены части Народно-освободительной армии Китая (НОАК), подразделения которой блокировали населенные уйгурами районы. 8 июля председатель КНР Ху Цзиньтао принял беспрецедентное решение отказаться от участия в саммите «большой восьмёрки» в Италии и вернулся в КНР, где ситуация грозила выйти из-под контроля. Постепенно напряжение пошло на спад, хотя ситуация в Урумчи продолжала оставаться тревожной. Периодически между ханьцами и уйгурами возникали стычки. К 10 июля ситуация стала постепенно нормализоваться, хотя город по-прежнему патрулировался усиленными нарядами полиции. В этот же день власти закрыли в городе все мечети, рекомендовав верующим совершать молитву дома⁵.

¹ ИТАР-ТАСС. «Пульс планеты». 7 июля 2009 года.

² Там же

³ ИТАР-ТАСС «Пульс планеты». 6 июля 2009 года.

⁴ ИТАР-ТАСС «Пульс планеты». 9 июля 2009 года.

⁵ А.Шустов Беспорядки в Синьцзяне и Центральная Азия.

Так подробно говорить о синьцзянской проблеме заставляет то, что сепаратистские настроения – это проблема не одного лишь Китая. Перед властями независимых государств ЦАР весьма остро стоит проблема собственного исламизма и сепаратизма. С ними вынуждены вести борьбу и в Таджикистане, и в Киргизии, и в Узбекистане. Беспокойство из-за соседства с нестабильным районом Китая испытывает и Казахстан. Проживающие в Синьцзяне носители радикальной исламской идеологии вполне могут перенести ее и на центральноазиатскую почву, влившись в ряды вооружённой оппозиции и тем активизировать ее деятельность. Многочисленная уйгурская диаспора проживает в граничащих с Синьцзяном Казахстане и Киргизии. По оценкам экспертов, численность уйгуров в этих государствах также быстро увеличивается. В 1990-е гг. число уйгуров в Казахстане выросло с 181,5 до 210,4 тыс. человек (на одну шестую), а в Киргизии – с 36,8 до 46,7 тыс. (на четверть). В настоящее время уйгуры составляют около 1,5% населения Казахстана и около 1% - Киргизии¹.

Опасаются в ЦАР и возможного наплыва в его страны беженцев из Синьцзяна в случае серьезного обострения там внутривосточной обстановки. Это, в свою очередь, может привести к этническому дисбалансу в пограничных с Китаем областях Казахстана и Киргизии и, соответственно, к обострению этно-конфессиональных конфликтов. Так, в ноябре 2006 г. произошли столкновения казахов и уйгуров в казахстанском селе Шелек. В одном из столкновений участвовало до 300 человек, и остановить его удалось только благодаря вмешательству старейшин².

По мнению китайских экспертов, ЦАР служит соединительным звеном между синьцзянскими сепаратистами и международными террористическими и экстремистскими силами, давая последним возможность проникать в Китай. КНР просто не в состоянии изолировать Синьцзян: по мере роста китайской экономики и укрепления ее внешней торговли контакты с Центральной Азией неизбежно будут множиться. Возникают новые вопросы, каким образом противодействовать распространению уйгурского сепаратизма по мере расширения китайско-центральноазиатских отношений. Если Центральная Азия станет базой для боевиков, Китаю чем дальше, тем труднее будет сдерживать это движение. И это - главная проблема антитеррористического интереса Китая в Центральной Азии³.

Транспорт и энергетика

Еще одно важное направление китайской активности в Центральной Азии – создание и развитие альтернативных транспортных маршрутов. Их сеть должна «подключить» ЦАР к АТР и одновременно создать альтернативный Транссибу и пути по Индийскому океану «мост» между АТР и Европой. Комплексные проекты такого рода включают в себя железнодорожную, автомобильную, трубопроводную и оптико-волоконную составляющие.

¹ Там же

² Там же

³ Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М.; 2008. С. 165

Китай видит в Центральной Азии энергетического донора для своей экономики и рассматривает своих партнеров по ШОС, Россию, Казахстан и Узбекистан, а также Туркмению в качестве потенциальных источников энергоресурсов. Первым кандидатом на роль поставщика стал именно Казахстан, который в середине 1990-х гг. в силу ряда причин практиковал распродажу своих углеводородных ресурсов по низким ценам.

Китай в борьбе за центральноазиатские нефть и газ действует по нескольким направлениям и его активность негативно сказывается на российских интересах. Традиционно с советских времен центральноазиатские нефть и газ шли по магистральным трубопроводам в Россию, уже оттуда - дальше. В последние годы России пришлось согласиться с планами резкого (в разы) повышения цен на закупаемый в ЦАР газ. Не в последнюю очередь такой шаг был вызван угрозой переориентации поставок центральноазиатских углеводородов с северного направления (российского) на восточное (китайское). (О практике материально-технического обеспечения «восточного направления» подробно сказано в разделе 4 Главы I.) КНР заинтересована в поощрении конкуренции между экспортерами углеводородов, следуя примеру Запада, который также воздействует на РФ проектами поставок центральноазиатского газа либо в Европу в обход России (Транскаспийский проект), либо в Южную Азию (Трансафганский проект).

Конечно, нефтяная и газовая экспансия Китая в ЦАР имеет пока ряд ограничений, которые не позволяют ему развернуться в полную силу. Например, уязвимым местом остается все та же ценовая политика. Несмотря на заметный рост внутрикитайских цен на первичные энергоносители, они по-прежнему существенно ниже среднеевропейских. Сколько-нибудь значительный рост потребления газа в КНР вероятен, если центральное правительство возьмет на себя покрытие разницы между закупочными и внутренними ценами. Впрочем, возможен вариант, при котором поставщики газа из Центральной Азии по какой-то причине согласятся на фиксацию для Китая особо низких цен на природный газ. Такое энергетическое сотрудничество приобретает дополнительную ценность для КНР, поскольку дает возможность использования его в качестве рычага нажима на РФ.

Сходство и различия интересов КНР и РФ в регионе

Позиции России и Китая в ЦАР совпадают по ряду пунктов, главный из которых - обоюдное желание не допустить усиления в Центральной Азии позиций США и ЕС. И РФ и КНР в целом заинтересованы в том, чтобы западное экономическое и политическое присутствие здесь сохранялось на минимальном уровне.

Россия и Китай выступают против попыток США воссоздать однополярный мир, они считают существующий международный экономический и политический порядок несправедливым и выступают за его существенную реформу (прежде всего, в финансовой части), за усиление роли новых центров силы (РФ и КНР). Обе стороны рассматривают экономический кризис как возможность добиться трансформации нынешней системы

глобального экономического управления и существенного повышения в ней своей роли и своего места. КНР, в частности, поддержала предложения Президента РФ Д.Медведева о реформе международных финансов, в том числе относительно работы МВФ.

При этом китайская сторона признает, что нынешний финансово-экономический порядок, несмотря на свою несправедливость, принес КНР существенные выгоды. Несмотря на начатые масштабные внутренние реформы (расширение внутреннего спроса, отраслевая диверсификация экономики, увеличение вкладов в НИОКР), экспорт в США будет в краткосрочной перспективе носить для Китая жизненно важный характер. По всей видимости, КНР заинтересована в постепенной трансформации существующего порядка, а не в его революционном изменении.

Китай намерен и далее наращивать масштабы своего участия в международных миротворческих операциях, вносить свой вклад в борьбу с пиратством, организованной преступностью и международным терроризмом. Весьма активными темпами развивается участие Китая в разрешении таких проблем и вызовов международной безопасности, как энергетика, продовольствие, изменение климата. Россия и Китай одинаково оценивают такие угрозы региональной безопасности, как наркотрафик из Афганистана, внутривнутриполитическая нестабильность отдельных стран ЦАР, соперничество между ними за региональное лидерство и, соответственно, низкий уровень доверия друг к другу, возможное усиление в регионе религиозного экстремизма.

Следует отметить, что Пекин заинтересован в полном выдавливании США и НАТО из Центральной Азии, в то время как Россия заинтересована лишь в частичном ослаблении позиций США и Запада в регионе – до той степени, при которой они уже не смогут составлять прямую конкуренцию российскому влиянию. Россия также в большей степени, нежели Китай, готова участвовать вместе с Западом в стабилизации положения в Афганистане. Впрочем, возможно, главное противоречие между Россией и Китаем в Центральной Азии заключается в нежелании китайского руководства признать ЦАР зоной особых интересов и особого влияния РФ, в стремлении Китая усилить в нем свое, сначала экономическое, а в дальнейшем и политическое, влияние. Вместе с тем не исключено, что стратегия КНР заключается в том, чтобы превратить ЦАР в своего рода «общее соседство» России и Китая, в рамках которого российское преимущественное влияние в нем было бы сокращено и сбалансировано усилением китайского.

Отказываясь воспринимать Центральную Азию как зону преобладающего влияния России, Китай скептически настроен в отношении попыток трансформации ОДКБ и ЕврАзЭС в главные интеграционные механизмы и институты безопасности в регионе. Как уже это говорилось, с китайской точки зрения, ключевой организацией безопасности и экономической интеграции в Центральной Азии, определяющей ее архитектуру, должна стать ШОС. В этом контексте Китай рассматривает ОДКБ

как организацию, чья роль должна быть сведена к коллективной обороне стран-участников от внешней агрессии.

Дает о себе знать стремление китайской стороны ограничить в регионе влияние межгосударственных образований, в которых монопольным лидером выступает Россия, или, по крайней мере, не допустить, чтобы именно они составили центр региональной конфигурации. Во многом благодаря противодействию Китая не удалось наладить практику совместных военных учений ШОС – ОДКБ. Диалог между двумя организациями, несмотря на подписанные документы, остается неразвитым. Многие ключевые направления деятельности развиваются параллельно, дублируя друг друга и без должной координации. Видимо, в Китае рассчитывают на разрешение данной ситуации лишь в том случае, если именно ШОС станет лидирующей в регионе организацией, включающей в себя как политическое и военно-политическое, так и экономическое измерение, институционально подчинив себе все другие региональные организации.

Наконец, областью, в которой проявляются разногласия между Россией и КНР, является энергетика. В настоящее время можно констатировать нарастание конкуренции двух стран в этой области. Камнем преткновения здесь является, в том числе, и несовпадение точек зрения на географию новых транспортных энергетических магистралей. Китай заинтересован в том, чтобы по крайней мере часть трубопроводов, ведущих из Каспийского бассейна на Дальний Восток проходила через его территорию.

Перспективы Китая в Центральной Азии

Экономика надолго останется главной сферой деятельности КНР в Центральной Азии как на региональном, так и на двустороннем уровнях. В то же время экономический фактор будет находиться в прямой зависимости от развития КНР, чрезвычайно высокие темпы которого скорректировал мировой финансово-экономический кризис. Со второй половины 2008 г. китайская экономика стала серьезно проседать. Падение покупательной способности населения в странах - основных импортерах китайской продукции (США, ЕС, Япония), не могло не сказаться на дальнейшем развитии экономики КНР. Рост цен на энергоносители и продукты питания способствовал росту инфляции. Сокращал импорт (в мае 2009 г. - на 25,2%), что косвенным образом подтверждает неблагополучие в экспортном секторе, так как Китай на многие миллиарды долларов закупает детали, узлы и материалы для изготовления продукции, предназначенной для продажи на внешних рынках. Снижение спроса на китайскую продукцию за рубежом во втором полугодии 2008 г. вынудило руководство КНР закрыть значительное количество предприятий, выпускающих продукцию на экспорт. По стране прокатилась волна увольнений: с сентября 2008 г. по май 2009 г. безработными стали почти 23 млн. китайцев.

В 2008 г. на специальном совещании Госсовета КНР была утверждена состоящая из 10 пунктов программа по улучшению внутривнутриполитической ситуации в стране. Центральным ее моментом стало изменение приоритетов экономической стратегии. Вместо продолжения промышленной экспансии в

мировом масштабе китайское руководство решило сосредоточить основные усилия госсектора на реализации строительных проектов и на расширении внутреннего спроса. Программа включила в себя следующие антикризисные меры: ускорение строительства экономичного и удобного жилья для населения; возведение новых инфраструктурных объектов, в том числе в сельской местности (железные, автомобильные дороги, аэропорты); вложение средств в здравоохранение, культуру и образование; поощрение независимых инноваций; повышение доходов населения; корректировка налоговой политики и др.

На осуществление антикризисных мер (предусмотрен 2-летний срок) правительство КНР намерено выделить существенные даже по международным меркам суммы - до 4 триллионов юаней (около \$580 млрд.). Из центрального бюджета при этом должно быть направлено 1,18 трлн. юаней (около \$170 млрд.), или 30% общих затрат.

Важным моментом китайской антикризисной программы стало развитие инфраструктуры. На возведение железных, автомобильных дорог, аэропортов и электросетей планируется направить до половины всех государственных ассигнований. Только в строительство автомобильных дорог предполагается вложить до \$100 млрд. Железнодорожные же пути в результате реализации антикризисных мер должны увеличить свою протяженность с нынешних 78 тыс. км до 120 тыс. км.

Пока сложно судить, каков будет эффект меры, предпринимаемых китайским руководством для победы над кризисом. Оттого, насколько эффективной будет китайская политика по противодействию мировым экономическим неурядицам, зависит в том числе и динамика расширения китайского влияния в Центральной Азии.

Экономики Центральной Азии будут нуждаться в масштабных инвестициях, а значит, заинтересованность стран региона в сотрудничестве с КНР на этом поприще будет увеличиваться. Более десяти лет китайская торговля с Центральной Азией была делом частников, а ее предметом - товары первой необходимости. Эта торговля сыграла немалую роль, поскольку помогла многим бедным семьям пережить трудные времена, но теперь ее потенциал, в основном, исчерпан, во-первых, потому что с ростом государственных ограничений и стандартизацией требований цена китайских товаров неизбежно повысится, а во-вторых, по мере улучшения экономической ситуации в Центральной Азии и повышения уровня жизни населения спрос на дешевые китайские товары будет понижаться¹.

В ближнесрочной перспективе ШОС будет оставаться одним из важнейших инструментов расширения китайского влияния в Центральной Азии. Однако, если ШОС не будет развиваться достаточно активно, то это отрицательно скажется на региональных позициях КНР.

Расширение роли Китая в регионе поставит Россию перед необходимостью задуматься над выбором стратегического ориентира и решать, рассматривать Китай как партнера или как соперника. То, какой ориентир

¹ Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. С. 233.

изберет Россия, напрямую повлияет на китайскую политику. Если РФ предпочтет партнерство, сохранится стратегический каркас для сотрудничества между двумя державами; если РФ выберет соперничество, стратегическое сотрудничество отступит на задний план.¹

В ходе экономической интеграции Центральной Азии Китай и Россия столкнутся со структурными проблемами, в ходе решения которых могут обостриться их двусторонние отношения, поскольку Китай будет действовать, главным образом, через ШОС, а Россия, в основном, через ЕврАзЭС и ОДКБ. Расхождение между подходами России и Китая к экономической интеграции Центральной Азии может стать в перспективе серьезной проблемой для обеих держав².

Если последствия мирового кризиса окажутся серьезными и для Китая, и для России, тогда об усилении их позиций в Центральной Азии придется забыть надолго. Россия не может себе позволить потерять ЦАР, а потому необходима национальная антикризисная доктрина, которая учитывала бы как особенности российской экономики, так и созвучные российским реалиям наработки в этой области других стран, и в первую очередь КНР. От эффективности прохождения кризисного периода зависит место России на геополитической карте мира на долгие годы.

5. В.Гусейнов, С.Демиденко. Проблемы религиозного радикализма

Одной из важнейших внутривнутриполитических проблем независимых государств Центральной Азии в настоящий момент является распространение идейного и религиозного радикализма, которую зачастую сводят к «исламизации» региона без различия между резким ростом религиозности населения, использованием ислама в чисто политических целях, а то и в качестве камуфляжа террористической деятельности или контрабанды.

Еще в 2007 г. директор службы национальной безопасности США Джон Негропonte отмечал в ежегодном докладе, что репрессии, политический застой и коррупция в странах Центральной Азии создают благоприятную почву для развития «радикальных исламских настроений и движений»³. В регионе действуют минимум три крупные организации, взявшие на вооружение радикальные религиозные идеи и лозунги: Исламской движение Узбекистана (ИДУ), «Хизбут Тахрир» и «Таблиги Джамаат». Их существование является наглядным примером высокого уровня социальной поддержки, которым пользуются исламисты в странах ЦАР.

Фактическое развитие ситуации в регионе серьезным образом контрастирует с заявлениями местных руководителей об успехах в борьбе с распространением исламизма. Полностью подавить деятельность радикальных

¹ Там же. С. 235.

² Там же. С. 236

³ Цит. по: И.Ротарь. Возможен ли реванш исламистов или Радикальные исламские организации в Центральной Азии растут, как грибы. <http://studies.agentura.ru/library/rotar/>

религиозных группировок не удалось пока ни жесткому главе Узбекистана Исламу Каримову, ни более либеральному и гибкому казахстанскому президенту Нурсултану Назарбаеву.

О том, насколько активны в регионе боевики исламистских организаций, в частности, говорят события последнего времени.

Подоплека активизации действий религиозных радикалов

Летом 2009 года на юге Киргизии спецслужбы провели несколько операций против боевиков исламистской организации «Группа исламского джихада», входящей, в состав Исламского движения Узбекистана. Всего в ходе боев было уничтожено девять террористов, потери понесли и силы охраны правопорядка (погиб один спецназовец, четверо милиционеров прилучили ранения разной степени тяжести). В столице страны, как сообщили представители Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ) Киргизии, примерно в те же дни были задержаны еще несколько «пособников международных террористов».

Примерно тогда же на востоке Таджикистана предположительно боевиками ИДУ было совершено нападение на пост Национальной гвардии республики. Ответным огнем гвардейцев пятеро из нападавших были убиты. Несколько позже боевики-исламисты совершили еще более дерзкий рейд, захватив в Тавильдаринском районе (200 км к юго-востоку от Душанбе) здание местной администрации и ОВД. МВД и Госкомитет национальной безопасности Таджикистана предприняли спецоперацию. Вскоре выяснилось, что главой вооруженной группировки, совершившей дерзкие рейды, был бывший руководитель МЧС республики, в прошлом - видный полевой командир оппозиции генерал-лейтенант Мирзо Зиеев. Он погиб в бою со спецназовцами, а его помощник и бывший подчиненный Немат Азизов, обвинявшийся в связях с Исламским движением Узбекистана (ИДУ), был арестован¹.

В мае 2009 г. в Узбекистане, на границе Андижанской области Узбекистана и Ошской области Киргизии, было совершено нападение на пограничный пост Ханабад. В рейде участвовали, по разным оценкам, от 5 до 20 боевиков, которым удалось скрыться. Ответственность за акцию взяла на себя организация «Исламский джихад». Авторы, опубликованного в Интернете заявления, написанного «на грамотном узбекском языке с использованием кириллицы», утверждали, что «группа моджахедов подразделения «Маверанахр» организации «Исламский джихад» провела вооруженное нападение на отделения милиции и СНБ (Службы национальной безопасности) города Ханабад Андижанской области». «Моджахеды выполнили свои задания и благополучно, без потерь вернулись в свою ставку», - говорилось в заявлении.²

¹ ИНТЕРФАКС. 17 июля 2009 года.

² ИНТЕРФАКС. 27 мая 2009 года.

Это далеко не полный перечень событий, свидетельствующих о высокой активности исламистского подполья в Центральной Азии. Почти каждый день спецслужбы государств региона задерживают эмиссаров различного рода исламистских организаций, которые распространяют среди населения литературу, соответствующего содержания, перевозят деньги, транспортируют оружие.

Буквально ни одного месяца не обходится без объявления о завершения какого-нибудь громкого судебного процесса над членами радикальных религиозных группировок. На скамьях подсудимых, как правило молодые люди, женщины. Причем, часто в списках уничтоженных и осужденных боевиков мелькают отнюдь не «центральноазиатские» фамилии.¹

Приведенные факты свидетельствуют о том, что опасность исламизации Центральной Азии, проблема более чем актуальная. На место погибших и попавших в тюрьмы боевиков встают новые рекруты тех, кто поставил себе целью свергнуть конституционные власти и создать в ЦАР на месте светских исламские государства.

В целом, причины «живучести» радикальных идеологий в регионе и поддержки их частью населения очевидны. Главная из них – тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся в большинстве стран ЦАР к началу 2000-х гг., а также неэффективная политика местных руководителей по стабилизации национальных экономик и социальных систем. С 1990 по 1996 гг. ВВП Киргизии сократился на 47%, объем промышленного производства — на 61%, сельскохозяйственного производства — на 35%, капиталовложений — на 56%. В Узбекистане за то же время падение ВВП составило 17%, урезаны социальные программы. В тяжелом положении оказался переживший гражданскую войну Таджикистан².

Важной приметой того времени стала так называемая деиндустриализация, на смену умирающему промышленному производству повсеместно приходили мелкие торговцы и представители сферы услуг. Занятость в сельскохозяйственной сфере росла, однако рос и избыток рабочих рук, что вело к вытеснению части сельскохозяйственного населения в города, где оно не могло найти стабильного заработка. Эти процессы имели своим следствием маргинализацию населения, что в условиях высокой рождаемости прежде всего ударило по молодежи. Хлынувшее в города избыточное сельское население принесло с собой систему привычных для него отношений. Находя применение в сфере торговли и услуг, вчерашние жители деревни способствовали тому, что непрофессионализм, отсутствие городской культуры привели к рузации жизни в городах, что особенно ощутимо в Таджикистане и Киргизии. При этом значительная часть сельской молодежи не могла найти себе работу, не обладая необходимыми знаниями и навыками³.

Испытала удар и социальная сфера. Проблемы с выплатой пенсий и пособий, с поддержанием системы образования и здравоохранения, крайне

¹ ИНТЕРФАКС. 17 июля 2009 года.

² И.Д.Звягельская. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии. <http://niiss.ru/05.shtml>

³ Там же

низкий уровень защищенности населения способствовали развитию тенденций к ретрадиционализации. В этом же направлении работали такие факторы, как коррупция и кумовство в высших эшелонах власти, несоблюдение законности, слабость правоохранительных органов. Люди, чувствуя себя незащищенными, естественно, тянулись к традиционным структурам, регулировавшим личную и общественную жизнь. Отсюда происходило и повышение внимания к религии, которое при определенных обстоятельствах выливалось в заимствование рецептов справедливого переустройства общества в рамках политического ислама¹.

Стабильность политических систем во всех без исключения странах региона во многом по сей день зиждется на авторитете личности главы государства. И это относится не только к «тоталитарным» Таджикистану с Туркменией, но и к вполне «прогрессивному» Казахстану. Коррупция, мздоимство, клановость, всевластие бюрократии раздирали и раздирают государственные системы большинства государств ЦАР. В том же Казахстане сильно влияние не только «большой семьи» президента, но и так называемых «агашек», племенных авторитетов, которые держат в своих руках рычаги управления политической ситуацией на местах (поддержкой «агашек» нередко пытаются заручиться даже крупные бизнес-структуры)². От «родственников» во многом зависит продвижение по службе крупных чиновников, судьба важных бизнес-проектов и т.д.

Вместе с тем единства мнений относительно перспектив развития страны нет не только в обществе, но даже внутри президентского окружения. Часть элиты: выходцы из среды бизнеса, технократы - отстаивают необходимость следования по западному пути (обеспечение большей свободы рынка, снижение налогового бремени, уменьшение бюрократических проволочек и либерализация системы государственного управления), сторонники же жесткого подхода к общественно-политическим и социально-экономическим процессам, наоборот, продолжают настаивать на усилении государственного контроля и еще большей централизации власти³.

Несколько иная, но все же не менее сложная, внутривластная обстановка сложилась в Узбекистане. Глава республики Ислам Каримов продолжает твердо удерживать бразды правления в своих руках, а его ближайшие родственники не столь влиятельны в вопросах управления государством. Однако для него характерно тотальное засилье бюрократии, которая, возможно, представляет наибольшую опасность для самого режима президента Каримова. Глава республики опасается чиновников и пытается не допустить усиления влияния какой-либо одной из группировок бюрократии, постоянно сталкивая их лбами и переставляя их представителей с места на место на служебной лестнице. Вместе с тем и избавиться страну от бюрократического засилья Каримов не в состоянии, поскольку чиновники

¹ Там же.

² Джемаль Орхан. Такая кланированная Россия / «Новая газета», № 71. 27 сентября 2004 г.

³ Грозин А. Цветущая сложность/«Арабески» (интернет-издание). 23 ноября 2005 г. <http://arabeski.globalrus.ru/opinions/142689/>

являются его основной социальной опорой. С уходом президента Каримова в Узбекистане скорее всего разгорится жестокая борьба за «наследство», которая – при отсутствии авторитетных кандидатур – способна накалить политическую обстановку и еще больше расширить возможности радикалов разного толка.

Засилье чиновничества, а также клановая структура центральноазиатских обществ служат стопором вертикальной мобильности для большинства граждан, что, в свою очередь, нагнетает раздражение, а пророй и открытую неприязнь к властям в самых широких слоях общества. В особенности же – молодежи, которая не имея возможности для реализации своего интеллектуального и духовного потенциала, пополняет ряды различного рода экстремистских и иных радикальных организаций.

Таким образом, в условиях Центральной Азии приверженность радикальному исламу является для ряда групп населения формой протеста против неэффективности властей, засилья чиновников и неразвитости социальной системы. Во многом именно идеи социальной справедливости, заложенные в основу идеологии ряда радикальных группировок, привлекают к ним значительное количество молодых жителей Центральной Азии.

События в Андижане и организация «Акрамийя»

Характерен в этой связи пример с организацией «Акрамийя», которую в 2005 г. узбекские власти обвинили в организации антиправительственного мятежа. Тогда в Андижане группа боевиков, совершив налет на местную воинскую часть и захватив там оружие, штурмом взяла городскую тюрьму (на свободе в результате оказались несколько тысяч заключенных, в том числе и уголовники) и здание хокимията (администрации города). Восставшие, по заявлениям властей, были сторонниками радикальной религиозной организации «Акрамийя». Они требовали освобождения из заключения лидера движения Акрама Юлдашева и прекращения процесса над группой «акраμισстов», проходившего на тот момент в Андижане, заявив, что процесс сфальсифицирован и направлен против наиболее активных местных предпринимателей, не пожелавших «сотрудничать» с властью.¹ Мятежники выступили с обращением к российскому президенту В.В. Путину, призывая его выступить посредником в их переговорах с узбекским руководством.

Восставшие засели в здании городской администрации, возле которого собралась толпа местных жителей (по некоторым сведениям, несколько тысяч человек), которая вскоре устроила стихийный митинг. При этом митингующие обсуждали социальные проблемы, не выражая поддержки «акраμισстам». Призывы к отставке руководства страны, тем не менее, звучали.

¹ Судебный процесс над 23 гражданами Узбекистана, обвинявшимися в принадлежности к религиозной организации «Акрамийя», начался 11 февраля 2005 г. После судебного заседания, прошедшего 25 апреля, все обвиняемые в знак протеста против «противозаконных действий по ведению судебного процесса и условий содержания их в следственных изоляторах» объявили бессрчную голодовку. По сообщениям оппозиционной узбекской прессы, тогда на суде показания дали 106 свидетелей, из них 104 высказались в пользу подсудимых.

Реакция властей на эти события была крайне жесткой. В короткий срок к городу были стянуты армейские подразделения, блокировавшие Андижан, куда срочно вылетели все руководители правоохранительных структур республики, сам президент и элитные подразделения спецназа. Мятежника было предложено сдаться. Однако «акраmistы» отказались сложить оружие, заявив, что будут сопротивляться «до последнего». Спецслужбы пошли на штурм, при этом атака на удерживаемое «акраmistами» здание началась во время митинга, в результате жертвами боя стало большое количество мирных граждан. Часть повстанцев якобы даже сумела вырваться из окруженного здания и уйти в неизвестном направлении. Власти сумели взять ситуацию в Андижане под свой полный контроль.

Данные о жертвах, приводимые властями и «независимыми» СМИ, разнились на порядки, официально сообщалось о 10 погибших и примерно 30 раненых, а «независимые» говорили о 500 погибших и еще нескольких сотнях пострадавших. После подавления мятежа по Андижану некоторое время ходили так называемые «списки Хидоятовой» (главы оппозиционной партии «Озод дехконлар»). Хидоятова послала активистов своей организации переписать всех жителей города, не вернувшихся с митинга у хокимията. Таких якобы оказалось около 700 человек.

События в Андижане спровоцировали волнения в пограничном городе Кара-Суу (разделен границей на узбекскую и киргизскую части) и Пахтабаде. Жители узбекской части города организовали ряд стычек с милиционерами и восстановили мост через реку, по которой проходит граница между двумя странами. По этому мосту в киргизскую часть Кара-Суу переправились узбекские беженцы, опасавшиеся репрессий со стороны режима Каримова. Узбеки, напуганные ситуацией в Андижане и волнениями в Кара-Суу, переходили границу с Киргизией и в других местах (общее число беженцев оценивалось тогда в 600 человек). В течение недели власти сумели стабилизировать ситуацию и в Кара-Суу, официально открыв границу. Для поддержания порядка в Ферганскую долину были переброшены дополнительные воинские части.

Намеренное замалчивание узбекскими властями деталей мятежа привело к требованиям провести независимое международное расследование событий в Ферганской долине. По некоторым сведениям, данная проблема поднималась генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в ходе телефонного разговора с президентом Каримовым, однако пресс-служба узбекского президента эту информацию не подтвердила. Законодательная палата Узбекистана создала собственную комиссию по расследованию андижанских событий, в состав которой вошли представители всех основных парламентских фракций и ряд сенаторов¹.

Жесткость, с которой президент Узбекистана действовал в Андижане, в принципе, понятна. В том же 2005 г. в результате «тюльпановой революции» в соседней Киргизии власть потерял коллега Каримова А.Акаев. Повторения

¹ События в Андижане воссозданы по материалам сайта «Фергана.Ру».

«цветных» событий в своей республике узбекский лидер допустить не желал, решив раздавить нарождавшийся протест в зародыше. Гораздо интереснее вопрос о том, что побудило вполне состоявшихся людей (члены «Акрамийи» были представителями узбекского «бизнес-сословия») встать под знамена исламизма, а большое количество жителей города их поддержать? Дело, по-видимому, заключается именно в идеологии организации, которая проповедовала социальную справедливость.

Название «Акрамийя» обычно связывают с именем бывшего учителя математики Акрама Юлдашева, состоявшего некоторое время членом другой радикальной региональной группировки «Хизбут-Тахрир». Отойдя от организации, Юлдашев решил посвятить свою жизнь духовному совершенствованию. Результатом его поисков стала книга «Путь к вере», а также формирование круга единомышленников (изначально несколько десятков человек). Большинство представителей официального исламского духовенства Узбекистана оценивают действия Юлдашева как попытку создать собственный мазхаб, а его учение аттестуют как однозначно еретическое. Однако главное, на наш взгляд, в этом учении отнюдь не модернизация ислама, а его социальная теория. Юлдашев попытался доказать, что ислам может гарантировать достойные условия жизни для всех мусульман.

Сам Юлдашев вскоре разделил судьбу большинства видных представителей оппозиции, оказавшись за стенами узбекской тюрьмы. Однако брошенные им семена идей, как оказалось, легли на благодатную почву. На фабриках, созданных учениками Юлдашева, действовала широкая сеть социальных гарантий. «Если рабочий заболел, то его не бросали на произвол судьбы, как на государственных предприятиях, а полностью оплачивали его лечение. Мы вычислили реальный прожиточный минимум в Андижане - это 50 долларов, что в пять раз выше минимальной зарплаты и поклялись не платить рабочим меньше этой суммы. Мы также создали кассу взаимопомощи. Любой правоверный мог взять из нее деньги для развития своего бизнеса. Люди воочию увидели преимущество исламской системы. И разозленные власти сначала посадили в тюрьму самого Акрама, а потом стали бросать за решетку и его последователей», - делился с журналистом своими соображениями один из членов «Акрамийи»¹.

В условиях крайней нищеты благотворительная активность исламистов давала больший эффект. При этом местные жители отмечали высокий уровень организации труда на предприятиях, принадлежащих акраμισламистам. Их фирмы выпускали лучшую по качеству продукцию, с которой не могли конкурировать другие предприятия. Их строительные предприятия часто выигрывали тендеры. На «отлично» было поставлено бухгалтерское дело, исправно платились налоги².

Сами акраμισламисты начисто отрицают силовую составляющую в своей деятельности и даже происхождение названия их организации: «Акрамийя» -

¹ Игорь Ротарь. Возможен ли реванш исламистов или радикальные исламские организации в Центральной Азии растут, как грибы. <http://studies.agentura.ru/library/rotar/>.

² <http://www.i-r-p.ru/page/stream-document/index-11873.html>

объясняют происками узбекских спецслужб. Сами себя они предпочитали называть «Биродар» (братство)¹.

Исключительно мирный характер деятельности акраμισов по сей день вызывает сомнения. Восстание было тщательно спланировано, «мирные» акраμισы сумели за считанные часы разгромить воинскую часть, установить контроль над местной администрацией и взять штурмом одну из наиболее тщательно охраняемых тюрем республики². Вдобавок части акраμισов удалось пробиться через несколько колец оцепления вокруг Андижана и уйти в соседнюю Киргизию. Эти факты говорят либо о высоком профессионализме боевиков «Акрамийи»-«Биродар», либо о том, что в Андижане в мае 2005 г. имела место какая-то чудовищная провокация узбекских властей. Показательно, что сам Акрам Юлдашев в июле 2006 г. обратился с призывом к своим бежавшим из Узбекистана последователям вернуться на родину, где им будут якобы предоставлены со стороны властей гарантии безопасности³.

Исламское движение Узбекистана (ИДУ)

Гораздо меньше неясностей с Исламским движением Узбекистана, организацией, являющейся для властей центральноазиатских стран олицетворением исламистской опасности. Наиболее громкие свои акции ИДУ осуществило в 1999 и 2000 гг., когда совершило масштабное вторжение с территории Таджикистана в Киргизию, а позже – в Узбекистан. Именно тогда спецслужбы ЦАР осознали, что в регионе появилась новая сила, способная напрямую бросить вызов «непоколебимой» государственной власти.

Исламское движение Узбекистана было основано в 1996 г. В состав организации вошли бывшие активисты целого ряда исламистских организаций республики. В 1992 г. правительство И.Каримова издало запрет на деятельность религиозных партий. В результате в подполье вынуждена была уйти одна из ведущих на тот момент мусульманских политических организаций – Исламская партия возрождения. Ее члены, а также последователи ряда других групп и объединений религиозной направленности стали первыми членами ИДУ, которые начали организовывать свои базы на территории Афганистана и охваченного гражданской войной Таджикистана.

Отцами-основателями ИДУ считаются Джумабай Ходжиев, «в миру» более известный как Джума Намангани, и Тахир Юлдашев, он же Мухаммад Тахир Фарук. Если Джума Намангани считался непререкаемым военным лидером ИДУ, то Тахир Юлдашев числился ее политическим главой.

Про **Джуму Намангани** известно, что он родился в 1969 г. В 1987-1989 гг. проходил службу в воздушно-десантных войсках, участвовал в боевых действиях в Афганистане. После демобилизации вернулся в Ферганскую долину, где попал под влияние местных религиозных активистов, стал учеником одного из наиболее авторитетных богословов региона Абдували Мирзаева (шейха Абдували кори Андиджани), который сыграл огромную роль в развитии фундаменталистского движения в 1980-е - начале 1990-х гг. во всем центральноазиатском регионе. Ходжиев в 1991 г.

¹ <http://www.i-r-p.ru/page/stream-document/index-11873.html>

² Игорь Ротарь. Указ. соч.

³ Лидер «акраμισов» А.Юлдашев из тюрьмы призывает андижанских беженцев вернуться в Узбекистан/Фергана.Ру. 19.07.06. <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4508>

установил тесные отношения с наиболее радикально настроенными активистами Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). В 1992 г. вместе с тридцатью последователями бежал в Курган-Тюбинскую область на западе Таджикистана¹.

При содействии таджикских исламистов Ходжиев перебрался в Афганистан, где попал в тренировочный лагерь таджикской оппозиции, расположенный в приграничной провинции Кундуз, а затем на тренировочную базу исламистской организации «Джамаат-е ислами» в районе города Варсадж в провинции Тахар. Там он обратил на себя внимание инструкторов пакистанской межведомственной разведки ИСИ. По их инициативе Ходжиев в начале 1993 г. был командирован на восток Афганистана в специальный лагерь («Бадер-2») и в конечном счете в пакистанском городе Пешавар, а затем и в тренировочном лагере «Мирам Шах», в котором прошел еще один курс по программе спецподготовки для командного звена террористических группировок, действующих под контролем пакистанской межведомственной разведки².

В 1993 г. Ходжиев на средства ИСИ и нескольких исламистских организаций открыл в Каратегинской долине Таджикистана собственный лагерь по подготовке боевиков исламской оппозиции Узбекистана. В дальнейшем он создал на севере Таджикистана целую сеть военных и тренировочных лагерей. При этом Ходжиев постоянно поддерживал контакты с региональной резидентурой ИСИ в районе Гильгита на севере Пакистана, а также с сотрудниками этой спецслужбы в Афганистане.

В тот же период группировка узбекских исламистов под командованием Ходжиева приняла активное участие в гражданской войне на стороне Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). В структуре ОТО Ходжиев фактически действовал под командованием Зиеева, главнокомандующего вооруженными силами оппозиции. Центральный штаб Ходжиева размещался в населенном пункте Хоит Таджикабадского района на севере Таджикистана. Помимо этого, крупные базы группировки Ходжиева функционировали также в Ясманском ущелье Джиргатальского района, а также в Гармском районе на севере страны³.

Ходжиев неоднократно выезжал в Афганистан, где в первую очередь занимался вопросами боевой подготовки узбекских фундаменталистов, закупкой и доставкой оружия и снаряжения для собственной группировки⁴.

В 1996 г. Ходжиев выехал через Афганистан и Пакистан в Саудовскую Аравию. Там он прошел специальный курс обучения в одном из религиозных центров для иностранных студентов, действующем под непосредственным контролем Службы общей разведки королевства. В 1997 г. он стал «главнокомандующим вооруженных сил Исламского движения Узбекистана»⁵.

Ходжиев поддерживал близкие отношения с целым рядом исламистских лидеров Таджикистана, а также с некоторыми членами руководства бывшей Объединенной таджикской оппозиции. Среди последних необходимо особо отметить Мирзо Зиеева (Мирзо Джага). Ходжиева подозревали в активном участии в региональной наркоторговле. Помимо этого, он занимался контрабандой золота и драгоценных камней, сотрудничая с представителями легендарного Ахмада Шаха Масуда⁶.

Считается, что в 2001 г. в ходе американской операции в Афганистане Джума Намангани был убит.

Тахир Юлдашев родился в Наманганской области Узбекистана в 1968 г. Во второй половине 1980-х гг. был тесно связан с региональной школой накшбандийского суфизма Муджадидия-Хусайния, якобы учился некоторое время у одного из крупнейших авторитетов этой суфийской школы в Ферганской долине - Хазрата Ишан Ибраима⁷. Позже Юлдашев попал под сильное влияние Умархона кори Намангани, бывшего тогда казием города Намангана Ферганской долины (впоследствии арестован узбекскими спецслужбами). В 1991 г. Юлдашев стал лидером исламистского движения Намангана, получившего название «Адолат уюшмаси» («Общество Справедливости»), принимал активное участие в создании местной экстремистской исламистской организации «Ислом лашкорлари» («Войны Ислама»). Юлдашев являлся также одним из основателей

¹ Независимая газета. 24 августа 2000 года.

² Там же

³ Независимая газета. 24 августа 2000 года.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же

⁷ Независимая газета. 24 августа 2000 года.

военизированной исламистской группировки «Товба», в рамках которой установил близкие отношения с Ходжиевым (Джумой Намангани).

В 1992 г. после начала антиисламистской кампании в Узбекистане, Юлдашев уехал через территорию Таджикистана в Афганистан. Там он вскоре занял положение ведущего политического лидера узбекских исламистов. От имени ИДУ Юлдашев установил обширные связи со многими исламистскими организациями, а также занимался сбором средств для исламской оппозиции Узбекистана, часто посещал Пакистан, Саудовскую Аравию и ОАЭ¹.

Юлдашев был одним из главных организаторов попытки государственного переворота в Узбекистане в феврале 1999 г. В конце 1999 - начале 2000 гг. Юлдашев развернул активную деятельность с целью объединить все силы, оппозиционные Исламу Каримову².

Точной информации о судьбе Юлдашева после 2001 г. нет. Судя по сообщениям западных СМИ, он погиб, исламисты же, которые периодически попадают в руки узбекских спецслужб, заявляют, что их лидер жив, здоров и продолжает активно руководить деятельностью своего движения.

Формирования ИДУ были вооружены современным стрелковым оружием, противовоздушными средствами, несколькими единицами бронетехники и новейшими средствами связи. За плечами моджахедов, хорошо обученных тактике партизанской войны и ведению боевых действий в горных условиях, был опыт вторжений на территорию Киргизии в 1999-2000 гг., а также участие в операциях в зоне боевых действий талибов. В военную инфраструктуру ИДУ входили собственные тренировочные лагеря в Мазари-Шарифе, Кундузе, Кабуле (Афганистан), где достигался высокий уровень подготовки боевиков. Моджахеды успешно осваивали методы диверсионной войны, партизанскую и горную тактику, под руководством арабских, кавказских и пакистанских инструкторов. Внутренняя система безопасности ИДУ обеспечивалась наличием собственного контрразведывательного органа «Истихборат», в задачу которого входило обеспечение режима секретности и выявление внедренной агентуры спецслужб³.

После 2001 г. активность исламистов из ИДУ начинает ослабевать. Удары американских войск нанесли организации существенные потери. В результате она вынуждена была перенести свою ставку из Кандагара, где на протяжении нескольких лет располагалась резиденция руководства ИДУ, в Зону племен в Пакистане, которая после 2001 г. стала пристанищем для большинства лидеров «Талибана» и «Аль-Каиды».

Еще более серьезно положение ИДУ усложнилось после того, как США начало давить на руководство Пакистана с тем, чтобы оно предприняло усилия для подавления деятельности террористов на территории Зоны племен (агентства Северный и Южный Вазиристан).

В автобиографической книге «На линии огня» бывший глава Пакистана Первез Мушарраф рассказал, что после террористических актов 11 сентября 2001 г. Вашингтон обратился к Исламабаду с требованием поддержать его усилия в борьбе с «Талибаном» и «Аль-Каидой». Тогдашний государственный секретарь США Колин Пауэлл позвонил Мушаррафу и предъявил ультиматум.

¹ Там же.

² Там же.

³ А.Аскарлов Исламское движение Узбекистана: история трансформаций.

«Вы либо с нами, либо против нас», - сказал он. Несколько позже заместитель Пауэлла Ричард Эрмитэйдж предупредил главу объединенной военной разведки Пакистана генерал-лейтенанта Мехмуда Ахмада, что если пакистанцы поддержат «террористов» их страну «вернут в каменный век». После этих угроз Мушаррафу не осталось ничего другого, как принять правила игры, навязанные США¹.

Точной информации о том, что из себя представляет ИДУ сегодня, нет. По словам заместителя председателя Государственного комитета национальной безопасности Таджикистана Абдулло Назарова, ИДУ разделилось на три части: Исламское движение Узбекистана, Исламское движение Туркестана и группу, примкнувшую к «Аль-Каиде». Последняя якобы и продолжает активно действовать в Центральной Азии, объявив «джихад» официальному Ташкенту².

«Хизбут-Тахрир» и другие организации

Разгром в Афганистане «Талибана» объединенными силами антитеррористической коалиции во главе с США спас страны ЦАР от удара экстремистов, ожидавшегося осенью 2002 г. Находящиеся в них у власти режимы могли вздохнуть свободнее, однако участвовавшее в последнее время количество вылазок исламских радикалов говорит о том, что полностью списывать ИДУ с региональных политических счетов еще рано.

С отходом ИДУ от активности в Центральной Азии все большее влияние обретает более мирная, но не менее радикальная организация «Хизбут-Тахрир»³, которая отдает предпочтение методам сугубо просветительским - пропаганде учения при помощи проповедей, лекций и распространения религиозной литературы. Главной целью движения является борьба за создание исламского халифата. Члены «Хизбут-Тахрир» считают западную демократию неприемлемой для мусульман, называют США, Великобританию и Израиль «порождением дьявола» и обвиняют во всех бедах региона евреев. В листовках партии, распространяемых исламистами в Узбекистане, президент Каримов неизменно называется «еврейским кафиром, поставившим своей целью уничтожить правоверных мусульман»⁴.

Бывшему муфтию Киргизии, а ныне главе исламского центра в Оше Садик Кари Камалю Дину приписывают такой отзыв об идеологии «Хизбут-Тахрир»: «70% их идей хороши. Они за социальную справедливость и образование, против проституции и наркотиков. Но 30% - это плохие идеи, возрождение халифата и неприятие демократии, например. Но подлинная опасность в том, что в будущем некоторые члены «Хизбут-Тахрир» могут обратиться к насилию»⁵.

¹ Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. М., 2007.

² ИНТЕРФАКС 18 апреля 2009 года.

³ Полное название организации звучит как «Хизб ат-тахрир аль-ислами» («Исламская партия освобождения»). Эта исламистская организация была создана в 1950-х гг. в Палестине. Некоторые исследователи считают родиной «Хизбут-Тахрир» Египет. Возглавляет ее ата Абу Рашта.

⁴ Игорь Ротарь. Указ. соч.

⁵ Иэн Макуильям. Исламисты Центральной Азии: кто они?
http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_4534000/4534370.stm

Больше всего группировка заметна в Киргизии. По данным директора Группы оценки рисков из Алматы Досыма Сатпаева, в Киргизии действует около 2 тысяч членов этой группировки. В Казахстане их меньше, но число растет. «Развитие «Хизбут-Тахрир» планируется в три этапа, - отмечает Д.Сатпаев. - Во-первых, набор новых членов. Во-вторых, создание сети тайных ячеек, и, наконец, попытки проникновения в правительство и работы над легализацией своей партии и своих целей»¹.

По сведениям таджикостанской печати, ячейки «Хизбут-Тахрир» действуют также практически во всех крупных городах и регионах Таджикистана, в том числе Душанбе, Худжанде и Гафурове, в Кофарнихонском, Исфаринском, Аштском, Зафарабадском, Ура-Тюбинском и других районах. Считается, что активную роль среди последователей «Хизбут-Тахрир» играют выходцы из Ферганской, Андижанской, Наманганской областей Узбекистана². Велика их активность и в Узбекистане.

«Хизбут-Тахрир» запрещена во всех центральноазиатских республиках. В марте 2008 г. Верховный суд Таджикистана официально признал ранее уже запрещенную «Хизбут-Тахрир» экстремистской и запретил ввоз на территорию страны любых печатных, аудио- и видеоматериалов, связанных с пропагандой идей этой организации³.

В мае 2009 г. в Таджикистане был вынесен обвинительный приговор в отношении семи человек - активистов «Хизбут-Тахрир». «Семь граждан Таджикистана признаны судом города Худжанд (центр северной Согдийской области Таджикистана) виновными в разжигании религиозной и национальной розни, а также в призывах к насильственному свержению конституционного строя Республики Таджикистан», - говорилось в постановлении суда. Все осужденные - жители Худжанда, расположенного неподалеку от границ с Киргизией и Узбекистаном - были приговорены к срокам заключения от трех до девяти лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима⁴.

В июне 2009 г. в Узбекистане была разоблачена группа осужденных членов «Хизбут-Тахрир», которые продолжали свою агитационную деятельность даже в колонии. По данным узбекских спецслужб, исламисты «соблюдали максимальную конспирацию». Как правило, участники одной ячейки знали только друг друга и своего наставника, тот в свою очередь общался лишь с другим вышестоящим членом организации. С кандидатами на членство в «Хизбут-Тахрир» регулярно проводились занятия, они изучали религиозную литературу, а перед вступлением в организацию, каждый давал клятву верности⁵.

Однако карательные меры приводят порой к обратному результату. Как выразился высокопоставленный узбекский чиновник: «Каждый суд над членами организации «Хизбут-Тахрир» превращается в настоящее шоу, на

¹ Там же.

² И.Д.Звягельская. Указ. соч.

³ ИНТЕРФАКС. 2 июня 2009 года.

⁴ ИНТЕРФАКС. 15 мая 2009 года.

⁵ ИНТЕРФАКС. 18 июня 2009 года.

котором обвиняемые пытаются пропагандировать свои взгляды. Эти фанатики не боятся ничего и на судах заявляют, что с радостью пострадают за веру. Мне кажется, что чем больше мы их сажаем, тем больше на свободе появляется новых членов этой партии».¹

Все большую популярность в регионе приобретает движение «Таблиги Джамаат» («Общество по распространению веры»). У этой организации отсутствует четкая организационная структура, его представители избегают всяческих контактов с прессой и сами через СМИ никак не пропагандируют свою деятельность. Кроме того, «Таблиги Джамаат» не выказывает никакого интереса к участию в политике, избегает открытого ее обсуждения. В результате практически с самого начала своего существования организация приобрела имидж движения, стремящегося прежде всего к укреплению веры, а не к сколачиванию политического капитала².

«Большинство центральноазиатских таблиговцев - коренные жители, прошедшие обучение в центрах «Таблиги» в Индии и Пакистане. Взгляды таблиговцев достаточно нетипичны для традиционного для Центральной Азии ислама. Их бесконтрольная активность может привести к дестабилизации обстановки. Мы пытаемся добиться, чтобы миссионеры получили разрешение на проповедование в Духовном управлении, однако многие из них игнорируют это наше требование», - утверждает советник директора агентства по делам религий при правительстве Киргизии Шамсыбек Закиров³.

Активность таблиговцев вызывает беспокойство у правительств всех центральноазиатских государств. Документально подтверждены множество случаев, когда лица, принадлежащие к «Таблиги Джамаат», совершали террористические акты. Например, членам этой организации во Франции приписывается ответственность за проведение террористических акций в Париже и в Марракеше в 1994 г. В 1999 г. группа сторонников «Таблиги Джамаат» была обвинена в организации серии взрывов в Ташкенте. Миссионеров этой организации выдворяли из Казахстана по обвинению в ведении экстремистской пропаганды и вербовке новых членов. Есть свидетельства, что взрыв поезда с индуистскими активистами в индийском штате Гуджарат 27 февраля 2002 г. был инспирирован одним из лидеров «Таблиги Джамаат». Эта акция, в свою очередь, спровоцировала погромы со многими человеческими жертвами среди невинных мусульман со стороны индуистских радикалов⁴.

Отношение к деятельности представителей этой организации в странах ЦАР разное. В Казахстане, например, членов «Таблиги Джамаат» просто штрафуют. В Таджикистане с последователями учения «Таблиги» поступают более сурово. В августе 2009 г. Верховный суд страны вынес обвинительный приговор пятерым последователям «Таблиги Джамаат», трое из которых были

¹ Игорь Ротарь. Указ. соч.

² Алекс Алексиев «Таблиги Джамаат»: невидимый легион джихада. <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=671>

³ Там же.

⁴ Алекс Алексиев Указ. соч.

приговорены к трем годам колонии, а двое – к шести. Осужденные были признаны виновными по статье 304 УК Таджикистана – «публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан»¹.

Распространение в регионе радикального ислама вынуждает руководство стран ЦАР уделять больше внимания собственной политике в области религиозных отношений. Большинство из них, осознавая опасность, исходящую от исламистов, главной задачей ставят максимальное подавление «инакомыслия» и тотальный контроль над деятельностью религиозных организаций и мусульманского духовенства.

Наибольшую «непримиримость» к религиозной оппозиции демонстрирует Узбекистан. За последние годы многие видные религиозные деятели были вынуждены либо покинуть страну, либо оказались заключенными в тюрьмы. Показательна в этом смысле судьба известного узбекского имама Мухаммади-кори, которого арестовывали четыре раза. Последний раз мулла был приговорен к трем годам тюремного заключения и умер в тюрьме².

Небезынтересна и судьба бывшего муфтия Узбекистана Мухаммада Садык Мухаммада Юсуфа. В настоящее время он едва ли не единственный независимый богослов, который имеет возможность открыто излагать свои взгляды. В 1999 г. имам вынужден был, опасаясь репрессий, покинуть страну. Однако через некоторое время президент Каримов попросил муфтия вернуться на родину в надежде использовать его авторитет для поддержания стабильности своей власти³.

Узбекский лидер (как и его коллеги в других странах ЦАР), с одной стороны, настороженно относится к росту влияния духовенства, которое в обстановке тотальной коррупции и кумовства чиновников является едва ли не единственным духовным авторитетом для подавляющего большинства населения, а с другой, мирится с «вольнодумством» наиболее авторитетных священнослужителей, рассчитывая на их помощь в противоборстве с экстремистами. В таких расчетах есть резон. В начале 1990-х годов богослов Абдували-кори в течение нескольких часов вел переговоры с исламистами, захватившими здание Наманганской областной администрации, и убедил захватчиков освободить здание без всяких условий⁴.

К тому же у нынешних руководителей государств ЦАР за плечами немалый политический опыт, свидетельствующий, что жесткость, а тем более жестокость в вопросах религии необходимого эффекта не дает, тем более, что в нынешних условиях популярность религии, а вместе с ней и исламистских партий и движений, растет. Как растет и число людей, которые видят в религии не только прибежище от жизненных бед и невзгод, но и обращают собственную религиозность в своего рода духовную оппозицию власти, считая религиозных

¹ ИНТЕРФАКС. 11 августа 2009 года.

² Имам Мухаммадрафик Камалов: «В Центральной Азии ведется неправильная политика отделения государства от религии». <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4388>

³ Игорь Ротарь. Указ. соч.

⁴ Имам Мухаммадрафик Камалов: «В Центральной Азии ведется неправильная политика отделения государства от религии». <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4388>

авторитетов (а таковыми нередко в глазах населения становятся активисты исламистских движений) единственными достойными уважениями общественными деятелями.

Для Узбекистана, где светская оппозиция популярностью не пользуется, это особенно характерно. Можно предположить, что в случае наступления в Узбекистане «нестабильных времен» исламское духовенство и исламисты станут одной из сил, активно претендующих на высшую власть в стране.

В Таджикистане до недавнего времени существовал симбиоз светской власти и религиозных организаций. Именно на этом согласии, достигнутом в ходе продолжительной гражданской войны, долгое время держалась относительная стабильность внутривнутриполитической системы республики. В 1997 г. в Москве президент Рахмон и лидер Объединенной таджикской оппозиции Нури заключили Общее соглашение об установлении мира и национального согласия, которое положило конец продолжительному внутривнутриполитическому противостоянию. Соглашение предусматривало всеобщую амнистию, обмен пленными, создание условий для возвращения беженцев, демобилизацию воинских формирований оппозиции с предоставлением им возможности влиться в ряды вооруженных сил республики. Представителям оппозиции выделялось 30% должностей в центральном аппарате и в местных администрациях.

Однако с течением времени ситуация менялась. В настоящее время в парламенте страны Партии исламского возрождения (ПИВТ) принадлежит всего два места. В марте 2009 г. таджикский президент подписал новый закон «О религии и религиозных объединениях». Закон допускает государственную цензуру религиозной литературы, ограничивает оправление религиозных обрядов официально предназначенными для этого местами культа и позволяет государству контролировать деятельность религиозных объединений.

Оппозиция, естественно, выступала против принятия закона. В ходе обсуждения законопроекта в верхней палате единственный сенатор от оппозиции Ходжи Акбар Тураджонзода заявил, что налагаемое законом ограничение «не соответствует традициям ислама».¹ Призвала Э.Рахмона не подписывать этот закон и Комиссия США по свободе религии во всем мире (USCIRF), так как, по ее мнению, он «легализует жесткие меры уже взятые на вооружение таджикским правительством против своего, в основном, мусульманского населения».

Очевидно, таджикское руководство, стремясь свести влияние религиозного фактора на жизнь общества к минимуму, полагает, что исламисты уже не так сильны, как это было в начале 1990-х гг. Это не вполне соответствует фактам. На самом деле влияние той же ПИВТ постепенно возрастает. Есть сведения, что с 2008 г. ряды партии начали активно пополняться за счет таджикской молодежи. Раньше круг ее сторонников ограничивался каратегинской зоной районов Хатлонской области и верховьем Заравшана. За последний год популярность партии распространилась на

¹ ИНТЕРФАКС. 26 марта 2009 года.

Горный Бадахшан, традиционно симпатизирующий демократам и социал-демократам, Согдийскую область, «вотчину» социал-демократов и коммунистов, и Душанбе. По некоторым оценкам, число членов ПИВТ может достигать 30 тыс. человек¹. Вдобавок эта партия считается одной из сил, которые могут существенно увеличить количество принадлежащих им депутатских кресел на предстоящих в 2010 г. парламентских выборах. Высока в республике и активность религиозных радикалов, которые готовы с оружием в руках доказать, что списывать их с политических счетов еще рано.

Наибольшей мягкостью и дальновидностью отличается религиозная политика руководства Казахстана, которое весьма внимательно относится к принятию новых законов и актов в этой области, стараясь не допускать ненужных перекосов. Власти пытаются взять в свои руки функции по популяризации ислама. При этом важно, что интересы других конфессий (от христиан до кришнаитов) также стараются не ущемлять.

В то же время в Казахстане предпринимаются меры по недопущению распространения в радикального исламизма. Существуют списки запрещенной литературы, а правоохранные органы отслеживают активность радикальных религиозных организаций. В августе 2009 г. суд Астаны признал экстремистскими и запретил ввозить в страну 207 наименований информационных материалов. Список запрещенной для ввоза в республику литературы был опубликован в официальной газете «Казахстанская правда». В Казахстане запрещена деятельность «Хизбут-Тахрир» и еще 13 международных организаций, которые отнесены к террористическим. Среди них «Аум Сенрике», «Организация освобождения Восточного Туркестана», «Аль-Каида», Исламская партия Восточного Туркестана, Курдский народный конгресс, Исламское движение Узбекистана, «Асбат-аль-Ансар», «Братья- мусульмане», движение «Талибан», «Боз Гурд», Жамаат моджахедов Центральной Азии, «Лашкар-и-Тайба», Общество социальных реформ².

Реальность такова, что угроза радикальной исламизации Центральной Азии все еще велика и, возможно, будет нарастать, особенно если руководство стран ЦАР не выработает более дальновидную политику (следуя хотя бы примеру Казахстана) в области регулирования религиозных отношений.

Очевидно, что регион, все еще остающийся «мягким подбрюшьем» России, стал уже безо всяких кавычек мусульманским, а значит, и потенциальным источником распространения исламского радикализма за его пределами. В марте 2009 г. муфтий Пермского края Мухаммедгали Хузин утверждал, что в некоторых мечетях Москвы продается экстремистская литература: «Если проехаться по столичным мечетям, то в двух из них можно свободно купить экстремистскую литературу, напечатанную различными боевиками, группировками Кавказа. Мы недавно были в Москве и видели»³.

¹ Независимая газета. 3 февраля 2009 года. http://www.ng.ru/courier/2009-03-02/12_tajikistan.html

² ИНТЕРФАКС-КАЗАХСТАН. 4 августа 2009 года.

³ ИНТЕРФАКС. 5 марта 2009 года.

Месяцем позже в Казани начался процесс по делу имама мечети, подозреваемого в организации в городе деятельности ячейки «Хизбут-Тахрир»¹. А летом 2009 г. сотрудники управления ФСБ России по Пермскому краю выдворили из РФ эмиссара фундаменталистской организации «Группа исламского джихада»² и т.д.

Фундаменталисты не оставляют намерений закрепить свое влияние в мусульманских регионах РФ. Противодействуя им, России следует более внимательно отнестись к процессам, происходящим в сфере религии в Центральной Азии, и более трезво - к опыту противостояния исламу в независимых центральноазиатских государствах.

¹ ИНТЕРФАКС-ПОВОЛЖЬЕ. 1 апреля 2009 года

² ИНТЕРФАКС-ПОВОЛЖЬЕ. 26 июня 2009 года.

Глава III

Тенденции развития ЦАР

1. А.Целикин. Динамика изменения расстановки внутренних сил

Регион Центральной Азии все еще пребывает в состоянии становления. Он уже имеет систему международных институтов и организаций, но она крайне противоречива. ЦАР уже обладает собственной идентичностью, однако она также достаточно противоречива. Это сказывается на высокой степени неопределенности во внешнеполитических ориентациях центральноазиатских государств, в конкуренции интеграционных проектов, в противоречиях между региональными институтами и отсутствием эффективного сотрудничества международных организаций. Среди государств Центральной Азии особую роль играет Казахстан, который пытается стать центральноазиатским лидером и сохранять баланс между ведущими игроками в ЦАР – РФ, КНР, США и др. Но и Казахстан больше нацелен на реализацию собственной многовекторной политики, чем на развитие целостных взаимоотношений Центральной Азии с другими странами.

Созданные в ЦАР региональные организации, представляющие интересы центров внерегиональных сил и различные векторы интеграции, как бы растягивают параллелограмм сил региона в разных направлениях. Взаимодействие даже между организациями, призванными представлять интересы сходных зарубежных игроков, например, ОДКБ и ШОС, совершенно недостаточно. Это существенно осложняет формирование эффективных региональных институтов.

Чрезвычайно противоречивы и позиции самих властей центральноазиатских стран: ради получения внешней помощи многие из них готовы участвовать в любых, даже заведомо противоречащих друг другу интеграционных проектах. Полюса различий в моделях внутреннего развития наиболее четко видны на примерах Киргизии (ориентация на рыночную экономику и демократию) и Туркмении (контролируемая государством экономика и авторитаризм с элементами идиократии).

Помимо этого, на формирование идентичности ЦАР влияет специфический характер эволюции, связанный с особенностями преобладающей культуры, например, степенью влияния ислама, высокой в Узбекистане и Таджикистане, меньшей в Туркмении и наиболее низкой в Казахстане и Киргизии. Важным показателем также является различная степень сохраняемой «русификации и советской модернизации», наибольшая в Казахстане и Киргизии, наименьшая в Туркмении и Таджикистане.

Таким образом, общерегиональная идентичность ЦАР чрезвычайно противоречива, неустойчива и даже (в силу борьбы различных внешних и внутренних сил) несет в себе определенный конфликтный потенциал. Преодоление негативных моментов вполне возможно при более решительном и

действенном продвижении к региональной интеграции. В той или иной мере это постепенно осознают такой все лидеры стран Центральной Азии.

Экономические проблемы составляют ядро всех проблем. После 1998 г. экономики ЦАР разное время пребывали в кризисной ситуации: 5 лет в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, 6 лет в Туркмении и 8 лет в Таджикистане. Еще больше сложностей возникло в ходе нынешнего кризиса. Уже в 2008 г. дали себя знать трудности с реализацией добытых в странах Центральной Азии нефти и газа, а ведь они - основные бюджетообразующие экспортные товары. Экспортные возможности снизились также из-за уменьшения спроса на мировых рынках на такие традиционные товары, как цветные металлы и хлопок. Единственный товар, на который цены не только не упали, а, наоборот, выросли, – это золото. В социально-экономическом плане очень ощутимо ударило по народам ЦАР резкое сокращение в соседних странах (в том числе и в РФ) потребности в рабочих-мигрантах. Соответственно, сократился поток денежных переводов, ухудшились условия жизни многих семей, а бюджеты государств не досчитались значительных сумм. Из-за кризиса многие программы развития, по меньшей мере, застопорились, если не окончательно провалились.

Процесс укрепления независимости центральноазиатских государств осложняется не только относительной слабостью показателей развития рыночных отношений и не слишком благоприятными социально-экономическими условиями, но и необходимостью реальной защиты конституционного строя, на которую каждая из пяти республик вынужденно отвлекает большие и социально значимые ресурсы. Экономические трудности и неблагополучие социальной сферы явились важными факторами обострения в Центральной Азии проблемы радикального ислама. Появление движения «Талибан» в Афганистане, выход его на границы при поддержке «Аль-Каиды» возродили надежды экстремистских движений свергнуть ныне правящие режимы.

На состояние национальной безопасности оказываю влияние и до сих пор не решенные пограничные вопросы, наличием спорных территорий. Член комитета по международным делам, обороне и безопасности нижней палаты казахстанского парламента К.Бурханов, обращая внимание, что в Ферганскую долину возвращается огромное число мигрантов, которых кризис выгнал из РФ, а также из Астаны и Алма-Аты, заметил: «Эти люди пополняют и без того огромную армию безработных. Поэтому любые неосторожные действия на пограничной территории, тем более с применением оружия, могут отрицательно сказаться на всей Центральной Азии».

О соперничестве за лидерство в регионе

Интеграция ЦАР тормозится и подспудным, но довольно мощным соперничеством за лидерство в регионе, особенно между Казахстаном и Узбекистаном. Это соперничество сказалось отразилось в тех результатах, которых каждая из стран добилась в ходе государственного строительства.

В Казахстане был выбран вариант развития экономики и общества по либеральным канонам с развитием свободных рыночных отношений, приватизацией и максимально возможным отказом государства от вмешательства в жизнь общества. Это позволило стране активнее интегрироваться в мировую экономику, создать относительно благоприятный климат для привлечения иностранных инвестиций, построить стабильную валютную систему и дать возможность для улучшения условий жизни социально активным слоям населения. Правда, в результате резко обострились социальные проблемы, а сокращение участия государства в экономике и обществе объективно снизило роль и значение государственных институтов управления, что негативно сказалось на управляемости государственной системы в целом.

В Узбекистане же государство предпочло сохранить максимально возможную степень контроля над экономикой и жизнью общества. За счет этого повысился уровень управляемости системой в целом, включая решение социальных вопросов, проблем безопасности и обороны. Узбекское руководство могло концентрировать ресурсы и усилия на достижении поставленных конкретных задач. Основным приоритетом была объявлена модернизация экономики, например, через создание крупных производств вроде автомобильного предприятия "УзДэуАвто", Бухарского нефтеперерабатывающего завода и других. Были и здесь свои объективные трудности. Изолированность узбекской экономической системы от мирового рынка, отсутствие стабильной валюты, высокие риски для иностранных инвестиций, невозможность в рамках плановой государственной экономики обеспечить занятость и потребности быстрорастущего населения. В итоге все это негативно сказывалось на социальном климате внутри страны.

В Узбекистане налицо серьезный внутренний конфликт между светским государством и радикально настроенными исламскими движениями, опирающимися на поддержку части населения. Появились серьезные трудности в вопросах обеспечения безопасности. Принимающиеся властями меры предусматривают установление жесткого контроля над внешними границами, что является логичным продолжением общей линии узбекского руководства на повышение роли государства в жизни общества.

Казахстанско-узбекское соперничество отнюдь не носит характера жесткого геополитического соперничества между двумя странами за влияние в регионе, даже при реальном – случайном или неслучайном - столкновении интересов Узбекистана и Казахстана. Положение обеих стран объективно не позволяет им тратить силы и ресурсы на конфронтацию друг с другом.

Многим наблюдателям все-таки главным «ключом к Азии» видится Республика Казахстан. Это связано с тем, что она занимает двойственное положение в системе международных отношений, так как она относится к тюркоязычному миру и одновременно в ней сильна «евро-принадлежность», обусловленная факторами демографического и политического свойства, характером построения светского государства. Это отражено в осуществляемой президентом Назарбаевым стратегии развития страны до 2030 г., в результате

которой Казахстан должен войти в число 50 наиболее конкурентоспособных и динамично развивающихся государств мира. Что и говорить, оправданно желание главы государства видеть Казахстан страной, развивающейся в соответствии с глобальными экономическими тенденциями, занимающей в системе мирового хозяйства пусть небольшую, но свою конкретную «нишу», и способной быстро адаптироваться к новым экономическим условиям («быть хозяином в своем доме»). В то же время среди стран Центральной Азии Казахстан позиционирует себя как лидер, чье превосходство не вызывает особых вопросов. Официально это, понятно, не провозглашается, но «все знают», кто сегодня главный в Центральной Азии.

Та же стратегическая линия выдерживается и в казахстанской внешней политике, цели которой – «развитие интеграционных процессов, в первую очередь, в рамках ЕврАзЭС, ШОС, СВМДА, ОДКБ, ЦАЭС». Впрочем, упор по-прежнему делается именно на двустороннее сотрудничество (главными партнерами Казахстана назывались Россия, Китай, страны СНГ, США, страны ЕС, а также Япония, Индия, Турция и Иран), но не сотрудничество Казахстана в рамках Центральноазиатского Союза.

Для реалий Центральной Азии характерны не только процессы интеграции ее стран, но и процессы дезинтеграции, что также необходимо учитывать. Иными словами, нынешнее сообщество стран Центральной Азии не отвечает требованиям, которые можно бы предъявить странам, находящимся в стадии интеграции. В регионе существует система международных организаций, которые регулируют некоторые аспекты взаимоотношений. Вне этих организаций каждая страна проводит самостоятельную политику.

Наиболее ярко признаки дезинтеграции региона проявились в реализации крупных инфраструктурных проектов. Перечень уже осуществленных свидетельствует: каждая страна Центральной Азии старается решить свои экономические и инфраструктурные проблемы самостоятельно, обособленно, без учета интеграционных процессов.

Из этого можно сделать только один вывод: строить общие дороги автомобильные и железные, трубопроводы, линии электропередач, порты и электростанции в настоящее время невыгодно. Преобладание инфраструктурных проектов, призванных соединить страны ЦАР не друг с другом, а с другими регионами, показывает, что пока процессы дезинтеграции преобладают над интеграционными процессами.

Серьезным фактором разобщенности центральноазиатских государств является нерешенность проблем, наблюдаемых в водно-энергетической сфере (о чем подробно говорилось в разделе 3. Главы I). Хотя еще в сентябре 2006 г. по итогам неформального саммита президентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана был рассмотрен вопрос о создании межгосударственного водно-энергетического консорциума для решения проблем водопользования и гидроэнергетики в регионе, однако дальше этого обсуждения дело не пошло.

Таким образом, можно говорить о неустойчивых и непоследовательных процессах интеграции в Центральной Азии, зачастую балансирующих на

уровне дезинтеграции. Это обстоятельство объясняется ярко выраженной разной направленностью, а в некоторых случаях - несовместимостью политических и экономических интересов государств ЦАР. Еще больше, учитывая авторитарный характер политико-властных систем и режимов в регионе, на это влияют сложные и неоднозначные отношения между их лидерами.

В последнее время в отношениях между странами ЦАР все ярче стала проявляться так называемая «дипломатия эмоций». Складывается впечатление, что государства Центральной Азии или, точнее сказать, их руководители уже давно разучились договариваться между собой и решать свои же общие проблемы сообща. Им обязательно необходимо демонстративно показывать свою обиду, недоверие, а еще страшнее нетерпимость и злость на соседей.

Самым серьезным образом на расстановку сил в регионе повлияла «тюльпановая революция» в Киргизии.

В 2005 г. в Киргизии произошла смена власти. Президент Аскар Акаев подписал заявление о своём уходе с президентского поста. В результате проведённых досрочных выборов президентом избран один из руководителей оппозиции Курманбек Бакиев. Власть перешла в руки разнородной оппозиции, которая сама оказалась ошеломлена произошедшим, а деятели ее продолжили борьбу за власть уже между собой, в которой победу успешно одержал К.Бакиев. Мятеж, поднятый на юге страны, выдвинул новых местных лидеров, возглавивших на местах «народные советы». Отсутствием сильной центральной власти воспользовались авантюристы (в том числе и лидеры крупных группировок организованной преступности), располагавшие хоть какой-то силовой базой, во многих местах появились «альтернативные» органы управления, соперничавшие друг с другом. Началась, как уже бывало в Киргизии, волна самозахвата земель.

По мнению многих наблюдателей, кризису власти в Киргизии способствовали следующие факторы:

- Тяжёлое экономическое положение населения.
- Противоречия между более обеспеченным (по киргизским меркам) севером и бедным югом, обострившиеся засильем «северян» в органах власти и управления.
- Глубоко укоренившаяся в стране коррупция, семейственность и клановость.
- Слабость центральной власти и органов правопорядка, отсутствие эффективной системы управления страной, утрата чувства реальности. Аскар Акаев, режим которого считался самым демократичным среди независимых центральноазиатских государств, оказался неспособным проявить жёсткость при подавлении первых ростков мятежа и предпочёл расстаться с властью.

События в Киргизии вызвали серьёзное беспокойство у казахстанских властей. Во-первых, Казахстан географически и этнически близок Киргизии, а во-вторых, вскоре в Казахстане предстояли президентские выборы. Единным кандидатом от сумевшей объединиться оппозиции на них стал Жармахан Туякбай, бывший спикер парламента, опытный и харизматический политик,

ещё недавно бывший одним из ближайших соратников Н.Назарбаева. Казахская оппозиция требовала пересмотра итогов прошедших парламентских выборов, прямых переговоров с президентом, реформы системы выборов и присутствия наблюдателей от ОБСЕ и, наконец, отказа Н.Назарбаева от участия в президентских выборах.

С началом «тюльпановой революции» в Киргизии Казахстан закрыл границу, а президент Назарбаев перенёс планировавшиеся визиты в Финляндию и Россию.

По мнению аналитиков СНГ, в частности из газеты "Голос Еревана", Озабочены киргизскими событиями были и руководители других стран региона: как восстание в Ферганской долине могло иметь последствия не только для Киргизии. Вспыхнувшее в Оше и Джалал-Абаде восстание обездоленных масс, по логике вещей, должно было бы перекинуться на соседние ферганские области Узбекистана и Таджикистана и взорвать Центральную Азию изнутри. Очевидно, однако, что такое развитие событий, никак не отвечало интересам как соседей Киргизии, так и США и РФ. Появление нового очага напряженности в самом ядре евразийского континента не входило ни в чьи планы. Именно по этой причине выявилась необходимость придать событиям сугубо киргизский характер и изменить направление движения восставших масс. Стянутые на киргизскую границу воинские подразделения сопредельных государств практически заблокировали восстание и даже были готовы в любой момент открыть огонь по тем, кто с той или иной стороны попытается перейти границу. Движение изгоев, таким образом, оказалось в состоянии загнанного зверя, перед которым открыли лишь одну дорогу выживания - на север, в Чуйскую долину, в Бишкек. Заинтересованным в "окиргизивании" смуты соседям удалось таким путем перекинуть напряженность в глубь Киргизии и предотвратить региональный взрыв.

Предотвращение такого взрыва и стоило Аскарму Акаеву власти. Его отставка воспринималась как меньшее из зол. Примечательно, что на Западе Киргизию много лет называли "оазисом демократии", она считалась единственной демократической страной в ЦАР. И именно ей была уготована смена власти, которой ее соседи откупились от общерегиональных потрясений.

2. П.Холоден. Динамика изменения внешних устремлений в отношении региона

В настоящее время в Центральной Азии идет формирование кардинально новой геополитической ситуации, активно идут процессы трансформации былой сугубой периферии мира (где геополитические тенденции вообще никак не проявлялись) в регион, где все теснее переплетаются интересы практически всех мировых центров сил.

Находясь в "сердце" континента, Центральная Азия является своеобразными "воротами" к ряду стратегически важных регионов Евразии. На востоке расположены Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона; на юге - Афганистан, Иран, Ближний Восток; на западе – Прикаспийский и Кавказский регионы, Турция, на севере – РФ, Европа. Любые события,

происходящие в странах ЦАР значимы не только на региональном уровне, но и способны изменить геополитический баланс сил на всем евразийском континенте, который признанно остается осью мирового развития. Неслучайно большой знаток геополитики Збигнев Бжезинский определил регион, куда входят страны Центральной Азии, Кавказ и Афганистан, как "Евразийские Балканы", а бывший заместитель госсекретаря США Струоб Тэлботт отмечал сильное влияние ситуации в Центральной Азии не только на обстановку на постсоветском пространстве (в первую очередь в России и Украине), но и в Китае, Турции, Иране и Афганистане, т.е., по сути, на большую часть Евразии.

Когда-то, в самом конце второго десятилетия XX в., Уинстон Черчилль, произнес: "Центральная Азия - это та дойная корова, которая еще дожидается своего крокодила". Ныне в ЦАР сходятся (и сталкиваются) различные стратегические, политические, экономические, культурно-цивилизационные интересы и РФ, и США, и КНР, и Турции, Ирана, Пакистана, и Индии, стран ЕС. Новая геополитическая "игра" разворачивается вокруг вопросов доступа к энергетическим ресурсам и контроля над транспортными коммуникациями региона: целое полчище крокодилов готовы зубами впиться в нефтегазоносное «вымя» ЦАР.

В регион приходят заинтересованные политические игроки, имеющие задачей вовсе не филантропическое содействие становлению новых государств. Лидерам мировой политики важен полный и надежный контроль над «Евразийскими Балканами». Дальнейшее усиление стратегического соперничества, элементы которого проявляются в ЦАР уже сегодня, рождает новые противоречия - уже на геополитической и экономической основе. В последние годы все более остро обозначаются драматические совпадения и расхождения позиций участников процессов, среди которых по приоритетности можно выделить следующие:

- стабильность и безопасность Центральной Азии;
- интеграционный и конфронтационный потенциал региона;
- возможность самостоятельного выбора странами региона своего будущего;
- деятельность иностранных партнеров.

Не вызывает сомнений, что все страны по-своему заинтересованы в обеспечении стабильного и прогнозируемого развития в Центральной Азии. В то же время различие в выработке механизмов его достижения приводит к усилению противоречий между ними, определенным образом "дезориентируя" государства региона. Особенно наглядно это видно на примере "сотрудничества–конкуренции" внешних игроков. При этом возникает ощущение, что, стремясь стабилизировать ситуацию в Центральной Азии, они еще более «раскачивают лодку».

В результате механизмы обеспечения региональной безопасности рассматриваются внешними игроками зачастую как инструмент обеспечения единоличного господства. Распространено мнение, что основной конфликт интересов развивается между США и РФ. Однако в последнее время между ними явно обозначился прагматичный расчет на сотрудничество, основанное на

разделении зон ответственности. Поэтому наиболее реальный соперник в ЦАР для США - "Восходящий Китай", ради ослабления которого США способны пойти на любые меры. Одной из них может стать такой раздел зон мирового влияния, при котором США, ограничивая влияние России в ЦАР, в то же время не будут препятствовать ее присутствию там, рассматривая РФ как младшего партнера на уровне региональной геополитики. Россия оценивается руководством США скорее как тактический партнер в стратегическом сдерживании КНР, нежели как противник.

Наконец, среди важнейших факторов, влияющих на ход развития центральноазиатского региона, необходимо отметить принцип геополитического регионализма. Он предполагает подход к ЦАР как к достаточно единому геополитическому пространству, расположенному между основными центрами Евразии; как к территории с объективно общими политическими, экономическими (в том числе транспортными) интересами.

Вряд ли имеет большой смысл подробно останавливаться на тех проектах, которые не имеют даже минимальных шансов на реализацию: будь то японские планы по возрождению «Великого шелкового пути», турецкие инициативы для тюркских стран региона, включая и миф о «Великом Туране», или столь же мифическое «Арийское единство» Ирана, Афганистана и Таджикистана.

На их фоне российский постимперский проект в его самом широком понимании имеет полное право на существование. При всех издержках, в основе российских интеграционных инициатив – как институционализированных, так и нет – лежит экономическая, цивилизационно-культурная привлекательность России, ее готовность и способность выступать не только в качестве инвестора или эксплуататора ресурсов, но и гаранта безопасности и лидера процесса модернизации для стран, которые явят готовность поддержать ее лидерство.

Позиция Российской Федерации

Как уже отмечалось, Россия пока еще так и не выработала новую полноценную стратегию в отношении Центральной Азии. В поведении РФ в регионе есть элементы противоречивости, приоритета кратковременных интересов над долгосрочными. В этой связи,

По-прежнему ставка на военное присутствие остается более приемлемыми для России, поскольку оно дешевле обходится (по сравнению, например, с развитием экономических и политических связей) и достаточно эффективно. Возможно, предпосылки такого предпочтения коренятся в исторических основах развития российского государства, а именно - в исламско-мусульманской экспансии, которая неоднократно угрожала его суверенитету и целостности, распространяя нестабильность вдоль границ.

Пока стратегически важным для РФ остается все-таки необходимость противодействия афгано-исламскому фактору (стоящим за ним определенным силам в Пакистане, Саудовской Аравии, Иране). Решение о создании российской военной базы на территории Таджикистана, принятое летом 2009 г.,

уже однозначно свидетельствует о выборе данного государства в качестве страны для представления российских геополитических интересов в регионе Центральной Азии и вокруг него. Данный выбор вовсе не означает признания Таджикистана в качестве ключевого государства в Центральной Азии, но дает понять, что он - важное звено в системе региональной безопасности. Россия, исходя из соображений геополитической целесообразности, пользуется удобным случаем, чтобы без существенных материальных и политических затрат, стратегически закрепиться в регионе. Вместе с тем стоит обратить внимание на мнение известного французского эксперта по проблемам Центральной Азии Оливье Ру. Согласно его анализу, миф о военной мощи РФ исчез с провалом первых попыток стабилизировать обстановку в Чечне. Тогда стало ясно, что у РФ нет ни средств, ни желания осуществлять неокOLONиальную экспансию в регионы. Не исключено, что именно по этой причине страны ЦАР вступили в ОБСЕ и развивают связи с НАТО, как бы страхуя себя от "неспособности-нежелания" России помочь им в кризисной ситуации. Стремление РФ в отношениях со странами региона играть особую роль гаранта стабильности и безопасности продолжает идти в разрез с тенденцией ослабления российского влияния в Центральной Азии.

Россия продолжает демонстрировать заинтересованность в транспортировке энергоресурсов региона. Для нее, как и для других стран, участвующих в освоении нефтегазовых месторождений, строительстве, эксплуатации трубопроводов, транспортировка энергоресурсов является не столь экономическим, сколько политическим вопросом, в первую очередь через призму обеспечения эффективного контроля над развитием ситуации в регионе.

Собственные внутривполитические и экономические сложности отвлекают РФ от формирования новой стратегии развития отношений с ЦАР, где стержневой момент - именно взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Чем глубже станет понимание российскими политической и экономической элитами новых реалий в регионе, необратимости произошедших здесь изменений, чем быстрее они избавятся от имперского подхода и перестанут видеть себя в роли «старшего брата», тем, безусловно, дольше РФ будет оставаться мощным стабилизирующим фактором геополитической обстановки в Центральной Азии.

Россия реально обеспокоена вопросами как региональной, так соответственно и собственной безопасности. Именно по инициативе РФ Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) предложила НАТО совместно противодействовать процветающей в Афганистане наркоторговле. По данным ООН, производство наркотиков в Афганистане в растет от года к году, причем, в разы. В лабораториях, расположенных на территории Афганистана, производится 90% мирового опиата. Доходы от нелегального оборота наркотиков в этой стране составляют более \$3 млрд. в год, что финансово укрепляет исламистов. НАТО, однако, это предложение отвергло.

В последнее время неоднозначная роль США в ЦАР подтолкнула РФ и КНР к значительной активизации своей интеграционной деятельности в

регионе, что в целом поддержали руководители всех стран региона. Набирает силу и международный авторитет Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Создаваемое в его рамках Единое экономическое пространство сулит его участникам определенные выгоды. К примеру, уже сегодня Казахстан имеет возможность значительно увеличить долю социальной составляющей строительства национальных вооруженных сил.

В 2007 г. на саммите глав государств-участников Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) были подписаны два пакета документов: по нормативному и организационному оформлению в рамках ОДКБ механизма миротворческой деятельности и по совершенствованию нормативной правовой базы деятельности Межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству (МКВЭС). Достигнуто также соглашение о поставке техники и вооружений по внутренним российским ценам не только для вооруженных сил государств-участников ОДКБ, но и для всех их силовых структур.

Создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) свидетельствовало о намерении РФ и КНР не уступать Западу (США и ЕС) контроля за Центральной Азией. Однако, чтобы этого добиться, Россия и Китай должны подняться над своим вечным соперничеством в Азии. Пока же общий эффект состоит в относительном уменьшении российского влияния в ЦАР и все большей вовлеченности Китая в дела региона. Тем не менее, без РФ или вопреки ей в ЦАР невозможно решить ни одну сколько-нибудь значимую международную проблему. Регион объективно входит в сферу ее национальных интересов, и Россия все еще сохраняет здесь наибольшее число определяющих факторов влияния.

Устремления США

До недавнего времени Центральная Азия не имела особого значения для США, однако с началом афганской кампании в 2001 г. ЦАР обрел стратегическое значение в поставках грузов для антитеррористической коалиции. В целом же внешнеполитическая стратегия США в отношении стран региона основывается преимущественно на геополитических соображениях, довольно примитивном подходе, учитывающем только собственные стратегические приоритеты и интересы.

Соединенные Штаты в настоящее время не рассматривают Центральную Азию как зону исключительно собственных интересов. Усилия американцев направляются преимущественно на поддержание дружественного или, по крайней мере, нейтрального настроения центральноазиатских государств и относительной предсказуемости их политики. Другое важнейшее направление американской стратегии – создать в ЦАР в перспективе постоянную военную инфраструктуру, используя «афганский фактор». С этим связано и стремление США не допустить появления игроков, которые могли бы ограничить или ослабить американское влияние, прежде всего имеются в виду РФ, КНР и Иран.

В Центральной Азии американцы делают ставку на Казахстан, с которым у них налажен диалог, а президента и руководство которого американцы считают республики наиболее прагматичным и предсказуемым

партнером. Важен Казахстан для Америки в энергетическом и военно-стратегическом измерениях. В первом у нее прочные позиции: американские инвестиции в казахстанский нефтяной сектор – самые значительные, а большую часть идей США о новых маршрутах нефте- и газопроводов казахская сторона либо поддерживает, либо играет с американцами в одной команде.

Для самого Казахстана сотрудничество с США важно не только с точки зрения инвестиций и модернизации армии, но и поддержки лидерских устремлений в Центральной Азии, «прорыва в Европу». Казахстан получил пост председателя в ОБСЕ на 2010 г. в значительной мере благодаря поддержке США, которые планируют использовать его председательство для продвижения своих интересов в ЕС. Со своей стороны, Казахстан в последние годы никогда не строил свою политику на «играх» против США, до конца довел свою миссию в Ираке, а теперь планирует оказать существенную помощь коалиционным силам в расширении антитеррористической операции в Афганистане.

США приняли к сведению вынужденную «многовекторную политику» Казахстана (необходимость тесной кооперации с Россией и Китаем) и пока не видят в том для себя угроз или проблем. Для администрации Б.Обамы сам факт того, что Казахстан не отходит от внятного и дружественного курса в отношении США, весьма позитивен.

Узбекистан для американцев теоретически остается важным звеном в общей схеме центральноазиатской безопасности, однако особого доверия к его политике у них не наблюдается. Настороженность объясняется не только негативным опытом попыток совместить стратегическое партнерство с защитой прав человека в Андижане, итогом чего стало закрытие американской военной базы в Ханабаде, но и тем, что США считают узбекского президента «труднопросчитываемым» и «ограниченно надежным партнером». Уверенности в том, что Узбекистан будет вести себя искренне и предсказуемо, у американцев нет. Видимо, поэтому до сих пор не удалось установить прочные личные контакты американского руководства с И.Каримовым. Американо-узбекские отношения будут развиваться «по мере возможности», однако особых иллюзий в отношении их развития администрация США пока не питает.

Похожая ситуация отмечается и в отношениях с Туркменией, хотя США уделяют повышенное внимание выработке нового «туркменского курса», исходя из следующих соображений:

- приход к власти Г.Бердымухамедова может положить конец политической и экономической самоизоляции республики, что дает шанс активизировать двустороннее сотрудничество;
- Туркмения приобретает особое значение с точки зрения поставок газа в Европу в связи с проектом «Набукко»;
- принятие решения о наращивании коалиционных сил в Афганистане означает повышение роли транзита через Туркмению и возможность превращения его в «зону тылового обеспечения» для войск США и НАТО.

До сих пор американской стороне не удалось наладить с туркменским

президентом доверительных контактов, как и со стороны Туркмении не наблюдается особого стремления установить тесное сотрудничество с США. В недавнем докладе госдепартамента США по терроризму Туркмении отведено особое место. Отмечено, что страна пока не смогла обеспечить качественную охрану собственных границ, однако перспектив для разрастания террористической угрозы здесь нет, хотя Туркмения отнесена к странам с жестким авторитарным режимом власти.

Есть предположения, что США якобы планируют в будущем основную ставку сделать на политиков, стоящих в оппозиции к действующему туркменскому президенту. В 2007-2008 гг. американские функционеры на провели ряд встреч с туркменскими оппозиционерами, в ходе которых обсуждались вопросы финансовой и иной помощи туркменской оппозиции со стороны США, а также способы повышения авторитета "правительства Туркмении в изгнании" и обеспечение участия оппозиции в процессах "демократического" реформирования страны.

Таджикистан, с учетом планов расширения операции в Афганистане, может стать для Соединенных Штатов фактически основным партнером в Центральной Азии, о чем свидетельствует серьезно активизировавшееся в последнее время двустороннее экономическое сотрудничество. США фактически отказались от критики внутренней политики президента Таджикистана Э.Рахмона в расчете на его большую откровенность и готовность включиться в «афганскую тему», для них особо важно добиться от него разрешения на размещение в стране своих и натовских баз. Однако пока таджикская сторона, вынужденная постоянно учитывать «российский фактор», воздерживается от открытого проявления конкретных военно-политических намерений в отношении с американцами.

Киргизия откровенно разочаровала американцев, которые пытаются подходить к ней «по-новому»: забыть о стране, пока у власти остается К.Бакиев, или инспирировать массовые выступления оппозиции, дестабилизировать ситуацию, «революционным путем» сместить нынешнего президента и привести к руководству лояльных людей. В случае второго варианта не исключено появление очередного локального очага напряженности, который при определенных условиях может распространиться на другие центральноазиатские территории и негативно повлиять на общую безопасность в регионе.

США продолжают поощрять активное присутствие Турции в регионе, в первую очередь посредством транспортировки энергоресурсов в турецком направлении. Это в определенной степени обусловливается причинами как внутривосточного характера: сложная ситуация в Турции, возможность усиления позиций здесь клерикальных сил, ослабление прозападной ориентации; - так и геостратегического: рассмотрение Турции, как одного из, в том числе и НАТО, попытки закрепление за Турцией, надежным союзником США в евроатлантической кооперации, роль ключевого в ЦАР государства – проводника американской (и шире – западной) политики. Использование других транспортных маршрутов (за исключением афганского, кавказского)

будет означать усиление либо РФ, либо КНР, либо Ирана, что не входит в планы США, предусматривающие развитие транспортной инфраструктуры региона в западном направлении (евроазиатский коридор, маршрут Восток-Запад).

В целом, судя по многочисленным оценкам в самих странах ЦАР, американская политика здесь играет достаточно прогрессивную роль для поддержания геополитического баланса, интегрирования региона в международное сообщество. Вместе с тем, отдельные аспекты современной политики США, в частности, форсирование уже идущих в большинстве центральноазиатских стран процессов либерализации, вызывают некоторый скептицизм. Как представляется, идеалистические желания "построить демократии западного образца в короткий срок", бытующие в среде творцов внешней политики Соединенных Штатов, являются деструктивным для стабильности в Центральной Азии и на всем евразийском пространстве.

Об американских устремлениях и целях дает намерение американской администрации создать, как писал в журнале *Foreign Affairs* еще в 2005 г. крупный американский политолог, руководитель Вашингтонского института Центральной Азии и Кавказа Фредерик Старр, "форум Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА)", который объединил бы под патронажем США центральноазиатские государства и Афганистан без участия России, Китая, Ирана и Пакистана. На ПБЦА возлагаются надежды превратить регион в "безопасную зону суверенных государств" с рыночной экономикой, "светскими и открытыми системами государственного управления" и, самое главное, "поддерживающих позитивные отношения с США". Тем самым Соединенные Штаты не скрывают своей стратегической цели не только вырвать ЦАР из "объятий России и Китая", но и окончательно закрепиться в нем, превратить регион в свой протекторат.

Инструментами достижения такой цели вполне могут стать такие предложения странам ЦАР, от которых трудно отказаться, посулить нечто, позволяющее потенциальному партнеру решить очень большую проблему, например терроризма, внешних долгов, присвоения статуса страны с рыночной экономикой, заключения очень серьезных программ технологического сотрудничества и т.п. Все это - в обмен на некое содействие в строительстве модели мира, устраивающей Америку.

В США, как в свое время и в Великобритании, видимо, исходят из того, что Восток слаб и духовно, и физически. Однако уже сегодня ясно: тот, кто станет держаться за такую оценку слишком долго, окажется перед лицом неразрешимых проблем в самом скором будущем. Прецедент «Большой Двадчатки» (апрель 2009 г.) подтвердил не просто желательность, а невозможность решения глобальных проблем без равноправного участия в этом и Запада, и Востока.

Стратегия Европейского Союза

Позиция объединенной Европы в отношении Центральной Азии характеризуется как осторожная и сдержанная. Достаточно полное

представление о ней дает принятая в 2007 г. стратегия нового партнерства ЕС со странами Центральной Азии, о которой уже говорилось выше и *полный текст которой приведен в Приложении*. Принятие Стратегии свидетельствует о консолидации усилий европейских структур по продвижению собственных интересов в ЦАР.

Во время летней сессии 2008 г. Парламентской ассамблеи Совета Европы при обсуждении доклада «Европейский банк реконструкции и развития – центральный партнер в процессе перемен в странах с переходной экономикой» была принята резолюция, призывавшая Совет Европы изучить возможности оказания помощи странам ЦАР. Вместе с тем ПАСЕ подчеркивает, что «ЕБРР следует проявлять в Центральной Азии бдительность и осторожность с тем, чтобы инвестиции, предназначенные для частных предприятий, косвенно не служили бы для поддержки нарушений прав человека, в том числе использования детского труда».

Дальнейшее расширение отношений с Центральной Азией будет однозначно полезным для ЕС в экономическом и политическом плане. Более глубокая экономическая, политическая и дипломатическая вовлеченность ЕС в Центральной Азии, особенно в регионе Каспия, воспрепятствовала бы чрезмерной исключительной роли здесь РФ, США и, потенциально, КНР, что способствовало бы укреплению элементов стабильности не только в ЦАР, но в Евразии в целом.

Позиция Китайской Народной Республики

Центральная Азия рассматривается руководством КНР как жизненно важный источник энергоресурсов. Такой подход удовлетворяет интересам Казахстана, Туркмении, Азербайджана и не противоречит интересам других стран региона. Устанавливая продуктивные отношения с Китаем, центрально-азиатские государства получают дополнительные аргументы в отстаивании своих национальных интересов во взаимоотношениях с США. «Китайский фактор» позволяет странам региона и конструктивно сбалансировать свои отношения с РФ.

В целом, подход Китая к Центральной Азии является по своей сути стратегическим и долгосрочным, не сориентированным на сиюминутные приоритеты. Анализ последних тенденций в китайской политической линии дает основание предположить, что степень влияния КНР в регионе будет обуславливаться широким спектром взаимоотношений, в первую очередь, с самими странами ЦАР, с РФ, США, а также – потенциально – с ЕС. В более отдаленной перспективе укрепление позиций Китая в АТР, улучшение социально-экономической ситуации в западных регионах страны, как представляется, будет иметь далеко идущие последствия для будущего стран Центральной Азии и всего континента. При том, что уже сегодня на глазах Китай становится одним из основных инвесторов в экономику ЦАР.

В отдаленной перспективе геополитические успехи Китая в Центральной Азии будут зависеть также от того, насколько его политика позволит сохранить в регионе обстановку доброжелательного сотрудничества,

исключить какую-либо конфронтацию со странами региона. Это, в свою очередь, обуславливает потребность в укреплении многосторонней правовой базы во взаимоотношениях со странами региона и Россией по обеспечению безопасности.

Исламская Республика Иран

В условиях частичной изоляции и давления, в первую очередь со стороны США, Иран все настойчивее пытается укрепить свое экономическое, политическое и культурное влияние в ЦАР. Его устремления основаны на трезвой оценке выгоды своего географического расположения, относительно стабильной внутривнутриполитической обстановки, в том числе для транспортировки энергетических ресурсов региона на мировые рынки. Кроме того, ислам по-прежнему остается в числе инструментов, используемых в подходах к региону клерикальными кругами ИРИ. Очевидно, Иран для усиления своего влияния на Центральную Азию намерен прибегать к тактике формирования партнерских связей с Россией, странами ЕС, КНР и Индией. В последнее время появились признаки нормализации ирано-американских отношений.

Вместе с тем, определенным конфликтный потенциал для Центральной Азии несет в себе сохранение, а в некоторых случаях усиление противоречий между Ираном его традиционным региональным соперниками: Пакистаном, Саудовской Аравией, а также - в определенной степени - Турцией. Так, Иран продолжает опасаться возможности развития идей пантюркизма с лидирующей ролью Турции или суннитского фундаментализма, поддерживаемого саудовскими движениями, что лишает его политику в регионе стратегической определенности.

Как представляется, в Центральной Азии Иран будет продолжать стремиться сохранить геополитический баланс, построенный на противовесе стратегических интересов США, России, Китая и ЕС. Вместе с тем, не исключено, что нарастающий идеологический раскол в иранском обществе, сохраняющиеся противоречия с США и рядом соседних стран (таких как Саудовская Аравия, Пакистан, Турция), будут мешать ИРИ сосредоточиться на проведении сколько-нибудь активной долгосрочной политики в Центральной Азии.

Пакистан

Глобальные и региональные претензии Пакистана связаны с обладанием ядерным оружием и средствами его доставки. ЦАР представляет для него большой интерес, как с экономической, так и с политической точки зрения. Усиление пакистанских позиций в регионе могло бы повысить роль этого государства в Южной Азии, обеспечить поддержку молодых "братских мусульманских государств" в конфронтации с Индией, существенно укрепить позиции в борьбе с другими региональными конкурентами - Ираном и Турцией.

Пакистан заинтересован в интеграции с центральноазиатскими государствами, интенсификации всесторонних политико-экономических

отношений с ЦАР. Один из приоритетов для него – развитие транспортных связей с Центральной Азией, особое внимание обращается на создание магистральных коммуникаций сообщения через Афганистан.

Не менее, если не более, важен Афганистан для Пакистана как элемент внешнеполитической активности в Центральной Азии, причем основным как основное орудие своего влияния он использовал движение «Талибан». Начиная с 2001 г. пакистанская политика в отношении афганских исламистов начала, под воздействием в первую очередь США, меняться. Сегодня, как представляется, Пакистан в значительной мере утратил контроль над талибами, что грозит стране широким спектром проблем вплоть до отделения от нее пуштунских районов. Не может Пакистан не обращать внимания и на возможность конфронтации между Ираном и талибами, что отчетливо было заметно в ходе недавнего противостояния на ирано-афганской границе. Втянуться в любого рода конфликт с Ираном Пакистану просто не позволят, как стратегические причины, так и экономические.

Так что осуществлению намерений Пакистана проводить активную политику в ЦАР мешают материально-финансовые трудности, нескончаемая внутривнутриполитическая нестабильность, продолжающаяся конфронтация с Индией, значительная вовлеченность в афганский конфликт. Все это также подрывает и международную репутацию Пакистана, не позволяя заручиться поддержкой мирового сообщества для осуществления крупных политических шагов на центральноазиатском направлении.

Активное участие Пакистана во внутреннем и международном диалоге по афганской проблеме (в первую очередь, в рамках формулы "6+2"), оказание посильного влияния на талибов с целью достижения мирного соглашения по Афганистану, отказ от экспансии идей исламского радикализма в ЦАР максимально отвечали бы национально-государственным интересам Пакистана.

Устремления Турции

Центральноазиатский вектор политики Турции прежде всего призван способствовать решению стоящих перед нею приоритетных внешнеполитических задач, которые, судя по программному заявлению турецкого правительства, включают: укрепление трансатлантической кооперации, связей с США и НАТО, интеграции в ЕС и развитие всесторонних отношений с регионом Центральной Азии и Кавказа. Политическая линия Турции в ЦАР во многом (хотя не в первую очередь) обуславливается ее желанием укрепить свой международный имидж естественного связующего звена Европы и Азии, наглядно показать Западу свой посреднический потенциал в Центральной Азии.

Внутренние проблемы Турции (курдский вопрос, борьба между сторонниками исламского и светского пути развития), а также растущие противоречия с ЕС по поводу принятия отвлекают значительные материально-финансовые и политические ресурсы Турции от активных действий в ЦАР.

Вместе с тем, продемонстрированная в свое время Турцией неспособность оказать государствам региона достаточную финансово-

экономическую и политическую поддержку существенно ограничила ее присутствие в Центральной Азии. Турецкие амбиции (особо не афишируемые в правительственных кругах) на лидерство в регионе, ассоциируемые с этно-идеологическим лозунгом пантюркизма, также не находят соответствующего отклика в государствах Центральной Азии. Участились факты участия некоторых представителей Турции в исламско-экстремистской и религиозно-пропагандисткой деятельности в отношении центральноазиатских граждан как на турецкой территории, так и в ЦАР. Это определенно свидетельствует о том, что на пути развития центральноазиатско-турецких связей могут возникнуть дополнительные барьеры, в чем не заинтересованы ни страны региона, ни сама Турция.

Реализация проекта транскавказского транспортного коридора, в первую очередь его нефтегазового элемента, и превращение Турции в перекресток Азии, Европы и Ближнего Востока, все же поддерживает ее надежду на увеличение в перспективе своего экономического и политического влияния в ЦАР, а значит – и ее значения для Запада.

Индия

Вспыхнувший было у Индии интерес к Центральной Азии понемногу угас и свелся во многом к стремлению не дать Пакистану разыграть здесь свою антииндийскую карту. Индия демонстративно поддерживает выбор государствами ЦАР светского пути развития, опасаясь попыток определенных сил сформировать исламско-радикальный блок от Босфора до Пенджаба и Кашмира.

Важным моментом центральноазиатской политики Индии является то, что один из основных акцентов в развитии отношений с регионом она будет делать на Иран, в том числе и в транспортном плане.

Индия де-факто является мировой ядерной державой, второй по численности населения страной, обладающей, к тому же, по-современному развитая, если страны ЦАР пойдут на усиление транспортного взаимодействия с ней, то в среднесрочной перспективе влияние индийского фактора на ситуацию в регионе будет возрастать. Не исключено, что Индия еще сыграет свою роль в поддержании баланса интересов в регионе между РФ, КНР и США.

«Восточные тигры»

К ЦАР проявляют интерес и страны Восточной Азии. Япония, Южная Корея и Малайзия наращивают усилия, привлекая к себе внимание центральноазиатских поставщиков энергоресурсов. Не так давно главный редактор японской газеты «Sankei Shimbun» Цутому Саито, обращаясь к центральноазиатской аудитории, заявил, их государствам «следует прекратить сотрудничество с Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества» и включиться в более широкую программу торговых связей с азиатскими странами, в том числе и с Японией. Слова Саито подкрепляют мнение, что Япония готова самым активным образом расширять свое присутствие в ЦАР.

Политика Токио уже принесла некоторые плоды. Так, например, в мае

2009 г. японские и казахстанские власти подписали меморандум о взаимопонимании по ряду проектов мирного использования атома. Кроме того, Япония вкладывает средства в разработку урана на территории двух блоков Мынудукского месторождения. В целом же Япония проявила интерес к 24 казахстанским проектам в области атомной энергетики.

Развитие сотрудничества именно в атомной энергетике представляется Японии кратчайшим путем для своего утверждения в Центральной Азии. Это позволило бы ей укрепить свои позиции в соперничестве с Россией и Китаем в этой сфере.

Весной 2008 г. первый замминистра иностранных дел Южной Кореи Квон Чжон Рак представил новую дипломатическую инициативу, в рамках которой Сеул намерен продвигать идею создания «энергетического шелкового пути», соединяющего Центральную и Южную Азию с восточными частями азиатского континента. В мае 2009 г. делегация во главе с премьер-министром этой страны Хан Сын Су совершила 10-дневную поездку по Казахстану, Узбекистану, Туркмении и Азербайджану. Корейский премьер назвал тогда Каспийский бассейн «вторым Ближним Востоком». Одним из центральных событий поездки стало заключение соглашения на сумму в \$4,5 млрд. о строительстве южнокорейским концерном Samsung электростанции в Казахстане. С премьером Узбекистана Шавкатом Мирзияевым было подписано соглашение о поставках в Южную Корею 2.600 тонн узбекского урана (цена сделки \$400 млн.). В ходе все той же поездки южнокорейский консорциум, возглавляемый корпорацией Korea National Oil Corp., поставил точку в соглашении о приобретении 27-процентной доли в казахстанском нефтяном блоке Жамбыл (на сумму \$85 млн.) на Каспии. Разведочные работы на этом блоке будут вестись совместно корейским консорциумом и казахстанской компании «КазМунайГаз».

Экономическое партнерство Южной Кореи с Узбекистаном начало набирать обороты в феврале 2009 г. в ходе визита президента Узбекистана Ислама Каримова в Сеул. По итогам визита был подписан договор между государственной компанией «Узбекнефтегаз» и южнокорейским энергетическим консорциумом об освоении газового месторождения Сургил. По имеющимся оценкам, запасы этого месторождения составляют 131 млрд. куб. м газа. Соглашение предусматривает также строительство промышленного комплекса по производству полиэтилена и полипропилена.

Помимо энергетического сектора, в ЦАР устремились южнокорейские брокерские фирмы, привлеченные ростом цен на сырьевые ресурсы. Свои офисы в Казахстане уже открыли две южнокорейские компании – Daishin Securities и Hyundai Securities.

Стремится расширить свое энергетическое сотрудничество с ЦАР и Малайзия. В мае 2009 г. малазийская государственная энергетическая компания Petronas объявила о подписании с Узбекистаном соглашения о разделе продукции по газовым месторождениям Урга, Куаныш и месторождений Акчалакской группы. Дочерняя компания Petronas – Petronas Carigali Overseas Sdn Bhd – получит 100-процентную долю в проектах, которые значительно

укрепят нынешние позиции Petronas в Узбекистане в инвестиционных блоках Аральского моря, Сурханский и Байсун. Кроме того, компания Petronas прорабатывает с узбекской нефтегазовой компанией вопрос о сотрудничестве в реализации нефтехимических проектов в Узбекистане.

Все это свидетельствует о растущей способности центральноазиатских стран привлекать зарубежные инвестиции в области энергетики и сырьевых ресурсов, не связывая себя обязательствами с крупнейшими мировыми игроками. Тем более, что потребности в энергоресурсах стран Восточной Азии растут, как и их инвестиционные возможности. Это вполне отвечает интересам стран ЦАР: чем сильнее будет возрастать конкуренция за их ресурсы, тем большими рычагами воздействия они станут располагать. Соответственно, будет сокращаться и вероятность того, что они попадут под одностороннее экономическое влияние РФ, либо США, либо КНР.

НАТО и ШОС в регионе

Нельзя отрицать тот факт, что присутствие в регионе блоковых организаций, таких как ШОС и НАТО, оказывает позитивное воздействие на состояние центральноазиатской безопасности и во многом является фактором стабильности и минимизации внешних и внутренних угроз. Игнорирование такими организациями друг друга, тем более – открытая конкуренция на пространстве ЦАР не отвечает стратегическим интересам ни внешних игроков, ни центральноазиатских государств и будет способствовать развитию деструктивных тенденций в регионе.

На современном этапе военное присутствие НАТО в Центральной Азии не встречает и вряд ли встретит активное сопротивление, т.к. в какой-то степени оно стратегически выгодно странам ЦАР как в экономических аспектах, так и в военно-политических.

Гипотетически возможно возникновение противоречий между Россией, Китаем и Западом в лице США и НАТО за влияние или доминирование в Центральной Азии. Однако, учитывая характер современных угроз безопасности как региона, так и всего мира, трудно поверить, что эти страны вступят в новое противостояние. Ныне всех их объединяет борьба с международным терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом, и скорее всего именно это будет приоритетом в ближайшие годы, в том числе и в отношениях этих стран в Центральной Азии.

Еще одним фактором, указывающим на минимальную возможность столкновения двух структур, являются различные потенциалы организаций. ШОС доказала свою практическую, всеми осязаемую результативность: за годы ее существования ослабла напряженность вдоль границы с Китаем, включая создание с обеих ее сторон зон глубиной в 100 км, где осуществляются взаимные военные инспекции. Таким образом, обеспечиваются меры доверия, которые позволяют снимать многие сомнения и подозрения. Динамика развития свидетельствует не только об эффективности объединения, но и о его перспективности. Схожесть жизненно важных интересов участников, их готовность предпринимать решительные практические шаги - все это

определяет дальнейшие перспективы организации. Об этом можно судить и по растущему интересу к участию в организации других государств, таких как Пакистан, уже подавший соответствующую формальную заявку на вступление, Индия и др.

Слабой стороной ШОС можно назвать относительную ограниченность инструментов влияния и сотрудничества в Центральной Азии: одна лишь антитеррористическая направленность организации не может служить полным гарантом консолидации интересов всех ее членов в долгосрочной перспективе. Существует объективная необходимость развития невоенных механизмов сотрудничества в рамках ШОС, это могли бы быть различные экономические проекты, техническое содействие, сотрудничество в области науки, информации и многое другое.

В этом плане НАТО действует более современно и дальновидно, военное сотрудничество с государствами Центральной Азии альянс дополняет помощью им, включающей в себя: проведение семинаров для офицеров подразделений антитеррористической направленности; оказание технической помощи таможенным и пограничным службам; укрепление сотрудничества в рамках программы "Инвестиции в безопасность"; языковую подготовку для штабных офицеров; сотрудничество в области урегулирования и предотвращения кризисных ситуаций; сотрудничество в рамках программ "Наука ради мира", "Окружающая среда", "Экология" и т.д.

Стоит подчеркнуть, что сотрудничество НАТО с отдельными центральноазиатскими государствами находится на разных стадиях развития. Это объясняется осторожным подходом некоторых из них к углублению двустороннего сотрудничества. Так, пока индивидуальные планы сотрудничества подписаны только Казахстаном и Узбекистаном, остальные страны не ответили отказом, но и не торопятся с подписанием подобных документов. Стоит ожидать, что в ближайшие годы альянс будет работать в этом направлении.

Различным является и стратегическое видение Центральной Азии сквозь призму своих интересов. Если для НАТО вовлечение в центральноазиатский регион является превентивной мерой в обеспечении евроатлантической безопасности, то для ШОС безопасность в Центральной Азии является первоочередным фактором обеспечения национальной безопасности каждого из членов организации. Стабильность в регионе влияет на их социально-экономическое и иное развитие и жизненно важно для всех и для каждого участника ШОС.

Вместе с тем пока трудно ответить на вопрос, как долго альянс планирует держать воинские контингенты на территории региона после окончания антитеррористической операции в Афганистане. Согласно заявлениям руководства США, после завершения операции они не уйдут из региона, а будут расширять постоянную поддержку демократических институтов. О долгосрочности планов относительно Центральной Азии говорит тот факт, что назначен специальный представитель генерального секретаря НАТО в регионе. По утверждениям руководства альянса, непосредственное

присутствие организации в Центральной Азии даст возможность странам региона провести модернизацию структур безопасности, в частности, провести всеобъемлющие реформы в вооруженных силах в соответствии с опытом Североатлантического блока. Естественно, что данные инициативы имеют больше геополитический контекст, направленный на сохранение контроля над регионом и сдерживание центральноазиатских амбиций Китая и России.

ШОС развивается стремительно, и не последнюю роль в этом играет непосредственное присутствие в регионе НАТО. В перспективе при условии расширения инструментов и налаживания устойчивых механизмов сотрудничества ШОС сможет существенно влиять на ситуацию в регионе. Имея в виду долгосрочный характер присутствия НАТО в регионе, России и Китаю целесообразно наладить механизм сотрудничества с НАТО, в том числе и используя возможности ШОС.

В наши дни невозможно занижать или исключать роль какой-либо структуры в обеспечении безопасности. В условиях растущей взаимозависимости все международные структуры обречены на пересечение интересов, и от формата их отношений зависит качество и продуктивность деятельности в обеспечении стабильности. На наш взгляд, в современных условиях, с учетом возможностей всех международных структур безопасности, система региональной безопасности в Центральной Азии может состоять из трех уровней.

Первый уровень – ОДКБ как традиционная по связям военно-политическая структура на постсоветском и центральноазиатском пространстве.

Второй уровень - ШОС, созданная для усиления сотрудничества в регионе и поддержания безопасности, посредством вовлечения Китая и противодействия угрозам, не входящим в спектр задач других организаций.

Третий уровень - НАТО, имеющий большой потенциал и опыт в обеспечении стабильности и антикризисного реагирования, в качестве внешней силы, создающей баланс.

Эта система вполне приемлема, так как некоторые страны ЦАР, входящие в ОДКБ, являются членами ШОС, а также имеют партнерские отношения с НАТО. В перспективе было бы целесообразно проработать механизмы гармонизации данных уровней так, чтобы они не противоречили, а взаимно дополняли друг друга. Например, на первом уровне акцент может быть сделан на военно-техническом сотрудничестве, охране границ, противовоздушной обороне и т.д. На втором уровне приоритетом может стать борьба с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом, контрабандой оружия, налаживание мер доверия в районе границы, приграничном сотрудничестве и т.д. На третьем уровне - сотрудничество в области проведения военных реформ, совместных военных учений, повышение транспарентности военного планирования и расходов, а также информационное сотрудничество.

В настоящее время руководство альянса вполне устраивает положение, когда на территории стран Центральной Азии в непосредственной близости находятся военные силы НАТО, ОДКБ, ШОС. Важен тот факт, что НАТО шаг

за шагом проникает в традиционную зону влияния России и Китая. При этом расширение влияния альянса происходит без какой-либо конфронтации, и в таких условиях Россия и Китай не могут противостоять этому процессу, т.к. военное присутствие осуществляется в соответствии с международными нормами, программой борьбы с терроризмом и согласия самих стран Центральной Азии. В России и в Китае понимают, что без сотрудничества невозможно противостоять современным угрозам, вероятно, отсюда и изменение их подхода к отношениям с НАТО.

Уникальность расположения Центральной Азии на пересечении евразийских геополитических связей, тенденция растущего взаимодействия здесь мировых и региональных держав предопределяет, что регион можно справедливо считать одним из главных звеньев безопасности на постсоветском пространстве и своеобразным, заслуживающим особого внимания элементом стабильности в Евразии.

Подходы к Центральной Азии со стороны РФ, США, КНР, ЕС, Турции, Пакистана, Ирана и Индии будут продолжать в определенной степени основываться на принципе геополитического регионализма, а также стремлении максимально использовать свои внутренние и внешние ресурсы для закрепления в регионе. Практически все названные страны проявляют повышенную заинтересованность в транспортировке в выгодном им направлении энергоресурсов региона. Понятно, что данная стратегия преследует конкретные геополитические цели: контроль за топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки играет все возрастающую роль в определении геополитических позиций той или иной страны.

Динамичность и устойчивость развития Центральной Азии, возрастание ее ценности для мирового сообщества могут происходить только в условиях сохранения стабильности и геополитического равновесия. Приоритетами для всего региона будет оставаться стремление к нейтрализации неблагоприятных для Центральной Азии процессов: угрозы вхождения отдельных стран в орбиту влияния держав, вынашивающих какие-либо амбициозные региональные или глобальные планы, и, безусловно, распространения идей исламского радикализма.

ЦАР дает пример и того, что даже в сотрудничестве с международными структурами вырисовывается традиционный геополитический треугольник с теми же игроками: Россией, США и Китаем, которые пытаются проводить свою политику в ЦАР посредством активизации многостороннего сотрудничества. Становится ясным тот факт, что национальная безопасность стран Центральной Азии напрямую зависит от уровня сотрудничества с международными структурами и климата взаимоотношений данных структур между собой.

Каждый из действующих в регионе военно-политических блоков имеет свои преимущества и недостатки. Анализ современных глобальных тенденций

развития международных отношений убеждает страны ЦАР в том, что ставить приоритет в сотрудничестве на какую-либо одну структуру практически невозможно. Одним из альтернативных путей является в данном случае налаживание политического диалога между стратегически полярными структурами, добиваясь консенсуса и сотрудничества. Повышение эффективности действий международных организаций на путях децентрализации, рационализации, продуманной долговременной стратегии и конструктивного сотрудничества обеспечит им более прочное и важное место в современном мире.

3. П.Холоден. Общие региональные интересы центральноазиатских государств

К началу второго десятилетия XXI в. региональная интеграция стала отличительной тенденцией мирового развития. Фактически весь мир сегодня - это совокупность региональных блоков. ЦАР в настоящее время ищет тот путь, на котором он может стать самостоятельным субъектом геополитики. Методом проб и ошибок он создает свою внутреннюю и ищет свое место в общей глобальной архитектуре.

Ближайшее десятилетие для стран Центральной Азии должно стать решающим: либо они сумеют выбрать общий путь интеграции в мирохозяйственную систему с сохранением суверенитета, либо останутся в роли сырьевых придатков транснациональных компаний. Конечно, развитие интеграционного процесса в Центральной Азии не будет столь быстрым и подобным западноевропейскому. Признание постепенного, последовательного характера этого процесса, предусматривающего переход от простых к более сложным формам взаимодействия при обязательном согласовании как текущих и долгосрочных интересов всех участников, так и интересов каждой интегрирующейся стороны с интересами объединения как целого, должно стать исходной предпосылкой концепции центральноазиатской интеграции.

Интеграционные реалии ЦАР

Рассматривая интеграционные процессы в ЦАР и отмечая их интенсификацию, следует иметь в виду одну немаловажную особенность. Речь идет о готовности политического руководства государств Центральной Азии проявлять лояльность ко всем влиятельным внерегиональным игрокам. С одной стороны, скажем, поддерживать инициативы РФ по реализации совместных энергетических проектов, формировать общее экономическое и оборонительное пространство, с другой – всеми силами пытаться найти пути в Европу и Китай в обход той же РФ. Суть центральноазиатской внешней политики можно определить так: многоуровневая лояльность. Лояльность ко всем, но по разным направлениям и на разных уровнях. Такая политика позволяет странам балансировать и не попадать в «политические воронки», подготовленные РФ, Китаем, ЕС или США.

Аналогичный - «восточный» - подход характерен и для взаимоотношений между самими центральноазиатскими странами. Необходимость интеграции в Центральной Азии никогда и никем под сомнение не ставилась. На вербальном уровне это - аксиома. Тем не менее, на практике осуществление интеграции оказывается весьма зыбким, если вообще возможным.

Анализ развития интеграционных процессов в ЦАР позволяет определить следующие положительные тенденции регионального сотрудничества:

1. Сформирована нормативно-правовая база развития такого сотрудничества. Заключены договоры о вечной дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. 30 апреля 1994 г. между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном подписан Договор о создании Единого экономического пространства. Он заложил правовой фундамент экономического сотрудничества в регионе и предполагал обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и проведение согласованной расчетной, бюджетной, налоговой, тарифной, таможенной и валютной политики. В целях реализации указанного Договора на межгосударственном уровне была разработана Программа действий по формированию Единого экономического пространства, где были определены меры по углублению интеграционного взаимодействия государств-участников во всех отраслях экономики.

В социальной сфере утверждена Программа сотрудничества в области миграции населения, по созданию правовых, экономических и организационных условий для свободного перемещения рабочей силы. Реализация указанных документов будет способствовать формированию в перспективе общего рынка труда.

2. Создана организационная структура для углубления взаимодействия стран ЦАР. В целях реализации Договора о создании Единого экономического пространства созданы Межгосударственный совет, в состав которого входят главы государств, советы премьер-министров, министров иностранных дел и обороны.

После того как Организация Центральноазиатское сотрудничество (ОЦАС), основанная Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном и Россией с целью углубления регионального сотрудничества (прежде всего в энергетической сфере), волилась в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в Центральной Азии возник дефицит совместных интеграционных проектов. По сути, страны региона попали в зависимость от российской интеграционной парадигмы. Формулировка «интеграция только с участием России» стала основополагающей после событий в Андижане и киргизской «тюльпановой революции». Государства ЦАР вынуждены были или принять новые глобальные правила игры, которые предлагала РФ, или открыть свои рынки для Запада. Балансировать оказалось сложнее, чем в 1990-х гг. Запад все чаще стал задумываться о необходимости установления контроля над богатым энергоресурсами регионом. В ход пошли «цветные аргументы» политического

«диалога». И лидеры стран ЦАР избрали путь углубления интеграции с Россией как наименьшее зло.

Своего направления в региональной интеграции придерживается Узбекистан, «соперник» Казахстана за лидерство в этом процессе. В Санкт-Петербурге в ходе встречи с президентом РФ Дмитрием Медведевым в рамках неформального саммита СНГ (июнь 2008 г.) узбекский президент Ислам Каримов предложил объединить Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) в единую структуру. По его мнению, в результате слияния двух организаций «появится мощное объединение, способное стать противовесом НАТО и Евросоюзу». В качестве аргумента он привел успешное сотрудничество ОДКБ и ШОС.

Во многом эта инициатива президента Узбекистана по объединению ОДКБ и ЕврАзЭС является логичной с точки зрения формирования целостного интеграционного пространства. Развитие отношений в рамках ЕврАзЭС свидетельствует о значительных позитивных явлениях в экономике стран-членов объединения. Создается Таможенный союз, стороны достигли взаимопонимания во многих экономических и социальных вопросах. Поэтому экономическая интеграция должна быть подкреплена и военно-политической, которой является ОДКБ.

Однако многие игроки Евразии не заинтересованы в подобной новой парадигме интеграции. Например, РФ и Казахстан на данном этапе не заинтересованы в усилении военной составляющей и ограничиваются участием в ОДКБ. Кроме того, они намерены выстраивать линию экономической и военной интеграции в рамках ШОС. В связи с этим Казахстан и РФ не поддержали инициативу Узбекистана по объединению ЕврАзЭС и ОДКБ.

Интеграционные процессы, протекающие в ЦАР, являются следствием глобальных тенденций в системе международных отношений, связанных с интернационализацией социальной жизни, нарастанием взаимозависимости и потребностью интегрирующихся государств в укреплении национальной государственности, безопасности и ответа на глобальные вызовы современности. Полагаем, продвигаясь по пути интеграции, центрально-азиатский регион в состоянии превратиться в самостоятельный субъект современной геополитики и занять достойное место на политической карте мира. Только единая Центральная Азия может дать достойный ответ на угрозы и вызовы глобализации.

Можно сгруппировать причины низкой интеграционной активности в ЦАР:

- Разные модели экономического развития, выбранные странами ЦАР. Как выразился еще в 2005 г. директор Программы ПРООН Кемаль Дервис, реализация общего стремления региона интегрироваться в мировую экономику осложняется различиями в потребностях каждой страны. По его словам, ни одна общая для всех стратегия развития в регионе работать не будет.

- Различия в темпах и масштабах экономической либерализации, низкий уровень экономического взаимодействия, введение всевозможных ограничений

во взаимной торговле, наличие высоких политических и экономических рисков инвестирования.

- Интеграции государств Центральной Азии мешает однотипность их экономик: все они преимущественно сырьевые. Зато отличаются модели политического развития, предполагающие разную степень открытости миру.

- Межгосударственные трения по поводу тех же территориальных претензий или дефицита водных ресурсов. Перманентные зоны нестабильности и напряжения.

- Значительно влияние субъективных факторов на принятие и реализацию интеграционных решений, что затрудняет прогнозирование направлений, форм, темпов и результатов интеграции. У местных политических элит так и не выработалось ощущение связи между перспективой собственных стран и перспективой всего региона в целом.

- Отсутствие механизма реализации принимаемых решений. По многим вопросам наблюдается несовпадение позиций государств-участников. Низким остается уровень выполнения принятых решений, и сами документы носят общий, рекомендательный характер.

- Интеграционный сепаратизм, когда на постсоветском пространстве существует большое число региональных объединений со своими особыми целями. Одно государство может состоять сразу в нескольких интеграционных объединениях, что затрудняет выполнение обязательств, связанных с участием в каждом из них.

- Барьерами для интеграции становятся неодинаковые таможенные пошлины, высокие транспортные расходы, тарифное регулирование, разницей в торговых режимах с третьими странами. Серьезной проблемой остается обеспечение взаимной конвертации валют, несогласованность налогового регулирования.

- Снижение качества человеческого капитала, безработица, рост потока нелегальной миграции внутри региона и за его пределы. Решать проблему определения статуса трудовых мигрантов и гармонизации законодательства в этой области страны региона должны совместно. Однако между странами до сих пор нет единой политики в этом аспекте, а основные положения утвержденной ранее Программы сотрудничества в области миграции населения не выполняются, что усугубляет плачевное положение мигрантов. Законодательство в вопросе миграции несовершенно и оставляет лазейки для местных органов власти использовать его по своему усмотрению.

В Центральной Азии и на уровне обществ, и на уровне элит польза от интеграции выглядит достаточно спорной. Отсутствует сама модель интеграции, и пока что не видно особого стремления ее создать.

Насколько заинтересованы в центральноазиатской интеграции внешние силы? На словах – разумеется все. На деле же стремление укрепиться в регионе предполагает на этот счет различные взгляды. Похоже, что искренне на интеграцию в Центральной Азии надеются только в Европе, а точнее в Германии. Осторожный оптимизм на сей счет выражают в Китае, хотя там отдают себе отчет в том, что интеграционный процесс будет продвигаться,

только если его участников слегка подталкивать друг к другу извне. Недаром в ШОС все большее внимание уделяют водной проблеме региона. Россия, похоже, разуверилась в интеграционном потенциале региона и основную ставку сделала на двусторонние отношения. При этом в Москве не оставляют попыток проинтегрировать Центральную Азию в рамках постсоветского пространства, используя ОДКБ, ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство (ЕЭП), и даже СНГ. Что касается США, то концепция «Большой Центральной Азии» предполагает переосмысление интеграционного фактора. Во всяком случае, искусственно сближать страны региона в США не стремятся.

Есть и еще проблема: происходит «размывание региона». Ведутся разговоры о необходимости переоценки, переосмысления территории Центральной Азии как уже сложившегося ареала, о расширении его границ в южном направлении, о включении в это понятие Афганистана, Ирана и даже Пакистана. Подход, возможно, конъюнктурный, но нельзя не признать, что анализ происходящих в регионе процессов давно невозможен хотя бы без учета афганской составляющей, а следовательно, событий в Пакистане и т.д. Происходящее в «дальнем зарубежье» имеет, например, для Таджикистана куда больше значение, чем борьба внутри правящей элиты Казахстана.

Надо смотреть правде в глаза и, трезво оценивая факты, ответить на прямой вопрос, а возможна ли интеграция вообще и останется ли в ней потребность у стран Центральной Азии?

В то же время есть факторы, работающие на ускорение регионального взаимодействия.

Генеральный директор ВТО Паскаль Лами как-то отметил: "Для многих небольших и слабых развивающихся стран вступление в двусторонние соглашения с экономически мощной державой означает, по сути, что у них становится меньше рычагов воздействия. Результат – слабая переговорная позиция по сравнению с многосторонними договорами". В коллективной защите своих интересов страны ЦАР должны увидеть еще один стимул для регионального сотрудничества и торговой интеграции.

Влияние мирового финансового кризиса может ускорить процесс появления новых центров экономического роста. Интеграция - это эффективная защита от недружественных экономических, политических и идеологических интервенций со стороны мировых центров влияния.

Региональное сотрудничество необходимо для подготовки к глобальным климатическим изменениям, которые угрожают будущему всей Центральной Азии. Не так уж нереальна и отдалена от наших перспектива, когда киргизская и таджикская вода, возможно, будет стоить дороже, чем казахстанская нефть или туркменский газ.

Экономическая кооперация как основа дальнейших интеграционных процессов позволит заложить основу для более эффективного экономического развития стран региона и реализации задач экономической политики. Сокращение торговых издержек, по данным ПРООН, могло бы за 10 лет увеличить валовой внутренний продукт Казахстана на 20%, а Киргизии - на 55%.

Более тесная экономическая интеграция стран Центральной Азии ориентирует инвесторов на больший по размерам рынок (55 миллионов человек), стимулирует инвестиции в разные отрасли промышленности.

Имеет свое значение и такой фактор, как подготовка к вступлению в ВТО.

Что касается перспектив региональной интеграции, то можно указать несколько уже сложившихся в экспертной среде направлений, по-разному оценивающих потенциал для регионального сотрудничества в ЦАР:

1. Государства региона должны повзреть в соку собственной независимости, разобраться со своими геополитическими приоритетами и национальными интересами.

2. Сторонники "умеренного оптимизма" исходят из необходимости признать долгую эволюцию складывания интеграционного объединения в регионе.

3. Авторитарные и экономически однородные центральноазиатские государства никогда не смогут полноценно сотрудничать.

Не суммируя всех мнений, в краткосрочной и среднесрочной перспективе можно ожидать лишь ограниченного сотрудничества стран региона. При этом наиболее активными будет двустороннее и трехстороннее сотрудничество между Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

Экономические сложности интеграции

Первые итоги интеграции на региональном уровне заставляют скептически оценивать интеграционный потенциал региона, по крайней мере, на ближайшие десятилетия. Единое экономическое пространство формировалось медленно и со значительными трудностями. Так и не удалось согласовать таможенную и налоговую политику. Нет концепции и программы защиты общих интересов при экспорте энергоносителей и сырьевых ресурсов, не сформированы меры реального повышения конкурентоспособности промышленности. Не решены также усугубляющиеся проблемы в сферах взаимовыгодного использования водного, энергетического, газового, транспортного комплексов. Нет необходимой координации в реформировании и структурной перестройке экономик.

Препятствием на пути региональной интеграции была и остается несогласованность экспортной политики, что приводит к конкуренции государств по отдельным группам продукции на рынках третьих стран. Тормозит интеграционный процесс разноскоростное реформирование экономик, односторонние решения, ущемляющие интересы партнеров. Казахстан в конце 1990-х гг. проводил тарифное и нетарифное регулирование торговли внутри региона. Киргизия ввела ограничительно-запретительные меры в использовании водно-энергетических ресурсов. Узбекистан проявлял изоляционистские тенденции, ориентируясь на страны за пределами СНГ. Туркмения вообще отказалась участвовать в совместных проектах. Одна из основных причин этой ситуации – не до конца сформировавшийся формат национальной экономики и вытекающая отсюда социальная неустроенность.

В 1994 г. при активном участии Казахстана был учрежден Центральноазиатский Союз (ЦАС), куда помимо этой страны вошли Узбекистан и Киргизия. Эти страны связывает между собой прежде всего взаимозависимость в сферах экономики и безопасности. Например, в отношении транспортного транзита соседи зависят от Казахстана, в обеспечении природным газом от Узбекистана, в вопросах регулирования водно-энергетического режима в бассейне Сырдарьи – от Киргизии. Как показала практика уже первых лет независимости, решение этих и ряда других проблем возможно лишь в формате многостороннего сотрудничества соседних государств.

Важным этапом региональной интеграции стало подписание в 1997 г. «Договора о вечной дружбе между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан». Он отразил искреннее стремление народов трех стран к поддержанию мирных и дружественных отношений между ближайшими соседями. В следующем году к интеграционному процессу подключился и Таджикистан, постепенно превратившийся в одного из активных сторонников активизации многостороннего сотрудничества в Центральной Азии.

В 1998 г. ЦАС был преобразован в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), а в 2001 г. - в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Через четыре года ОЦАС объединилась с ЕврАзЭС, что было связано с вступлением в последнюю Узбекистана. Многим показалось, что прекращение существования ОЦАС означало конец идеи субрегиональной интеграции в Центральной Азии. Но у стран региона казалось слишком много общих проблем, которые требуют совместного решения в относительно узком составе. Кроме того, у государств Центральной Азии пусть медленно, но объективно укрепляется представление о том, что в жестких условиях нарастающей глобализации небольшие государства смогут эффективно отстаивать свои интересы только в качестве сильного регионального объединения.

В начале XXI в. экономически выросший Казахстан взял курс на превращение собственной экономической мощи в ресурс развития всего региона и приступил к реализации стратегии расширения двустороннего и многостороннего сотрудничества с соседями. Из масштабных проектов последнего времени особо выделяется создание совместных с Киргизией и Таджикистаном инвестиционных фондов с уставным фондом в \$120 млн. и \$100 млн. соответственно. Большую часть средств предоставляет казахстанская сторона, а инвестироваться они будут в действительно перспективные и взаимовыгодные проекты на территории всех стран региона. Это позволит не только привлечь дополнительные инвестиции в киргизскую и таджикскую экономики, но и получить прибыль для самого Казахстана.

По-новому пошло и казахстанско-узбекское экономическое сотрудничество. Товарооборот между двумя государствами увеличился более чем в два раза. По объемам торговли с Узбекистаном и всеми другими

государствами региона Казахстан уверенно занимает первое место среди центральноазиатских соседей.

Настоящий прорыв состоялся и в отношениях Казахстана и Туркмении. Национальная казахстанская компания «Казмунайгаз» одной из первых в мире получила приглашение принять участие в проектах по разведке месторождений нефти на туркменском шельфе Каспия.

Помимо двустороннего сотрудничества существуют и серьезные трех- и четырехсторонние проекты, в которых заняты все страны регионе. Кроме создания водно-энергетического консорциума для регулирования соответствующих отношений в бассейне рек Сырдарья и Амударья, речь идет о строительстве совместных газопроводов - Прикаспийского и «Каспий-Китай», по которому будут экспортироваться туркменское, узбекское и казахстанское «голубое топливо».

Мировой финансово-экономический кризис подтвердил несколько истин, на которые, кстати, в России указывали еще в конце 1990-х гг.

Во-первых, в условиях глобального и системного кризиса ЦАР еще раз обнаружил свою географическую уязвимость, прямо соотносящуюся с имеющимися здесь экономическими конкурентными преимуществами. Последних оказалось не так много, хотя 18 лет подряд местные политические элиты упрямо твердили об обратном. Географию не обманешь. Даже наличие в отдельных странах региона неплохих природных ресурсов не стало для этих государств надежной гарантией от кризисных явлений.

Во-вторых, подтвердились выводы российских экспертов о слабости центральноазиатских экономик, которые действительно держались в советское время в значительной степени за счет их дотирования из союзного бюджета. С обретением независимости, когда уменьшилась практика дотирования экономик государств Центральной Азии из российского бюджета (она не исчезла совсем, просто поменяла формы на более приличествующие рыночным условиям), сопоставимые показатели знаковых экономических параметров (например, ВВП на душу населения) наглядно показывают, кто на самом деле и за чей счет жил и кто действительно выиграл от обретения суверенитета, а кто проиграл. При этом слабость экономик Центральной Азии, их недифференцированность проявляется в условиях кризиса неодинаково. Может даже показаться, что наиболее пострадавшими являются те страны, которые до этого казались многим образцами для подражания, лидерами по экономическому развитию в своем регионе.

Рост ВВП в Казахстане в 2008 г. упал больше, чем у его соседей, и составил всего лишь 2,7%. Инфляция формально была однозначной – 9,5%, но с учетом инфляции предыдущего года – 18,8% - этот показатель оказался также одним из самых нерадостных. Объем промышленного производства в 2008 г. в Казахстане вырос всего на 2,1%. Доля убыточных предприятий (по фискальной отчетности) составила 36%. Котировки национального рынка акций (KASE) в 2008 году упали на 66%. Государственный бюджет по доходам оказался исполненным только на 99,5%. Как дым исчезло то, чем так гордился президент Назарбаев: инвестиционная привлекательность Казахстана. Только за третий

квартал 2008 г., то есть когда кризис лишь начинал набирать обороты, из Казахстана ушло \$3,5 млрд. капиталов. И хотя государственный долг Казахстана в сравнении с ВВП республики и ее международными резервами не такой уж большой: чуть более \$2 млрд., - это обстоятельство на самом деле не может полностью обнадежить, поскольку весьма велик долг частного сектора: свыше \$100 млрд. (в 2 с лишним раза выше размеров международных резервов, которыми располагает Казахстан). То была расплата за политику, которую проводило руководство республики в предшествующие годы, когда до 80% роста ВВП обеспечивалось внешними займами. Когда же цены на нефть и металлы, основные торговые позиции казахстанского экспорта, резко упали, а займы перестали давать, ситуация стала стремительно ухудшаться. Казахстан пока является единственной страной Центральной Азии, девальвировавшей свою национальную валюту (в начале 2009 г.), что вызвало одномоментный скачок цен на 20-30%.

Тем не менее наиболее пострадавший от кризиса Казахстан все же имеет гораздо лучшие шансы в конце концов его преодолеть, чем те его соседи, у которых ситуация пока вроде бы не столь плачевна. В Таджикистане ситуация куда хуже, хотя по формальным показателям это не так заметно. Например, по темпу роста ВВП (7,9%) Таджикистан занял третье место в СНГ после Азербайджана и Беларуси. Вроде бы неплохой показатель. И девальвация национальной денежной единицы – сомони - не вышла за пределы 10%. Зато инфляция превысила 20%. За год существенно вырос размер государственного долга сразу на \$247 млн. (почти на одну пятую). И это притом, что международных резервов Таджикистан почти не имеет – всего менее \$200 млн.

На мировой кризис наложились негативные явления регионального характера. Прежде всего – это сокращение стока рек и как следствие сокращение поливной воды и урожаев, а также снижение выработки электроэнергии гидроэлектростанциями.

Нельзя не отметить в связи с этим, что именно РФ остается самой надежной опорой той же таджикской экономики. Единственная страна, которая в период независимости Таджикистана построила в республике крупную гидроэлектростанцию – это Россия. Речь идет о Сангтудинской ГЭС-1.

В Киргизии, Таджикистане и Туркмении ситуация также по своему уникальна. По макроэкономическим показателям она не выглядит особо трагичной. Но реально Киргизии и Узбекистану угрожает рост безработицы и сокращение выпуска промышленной продукции. Урожай в сельском хозяйстве падают. Неплохо выглядят показатели Туркмении, но они вряд ли окажутся стабильными и долговременными. Дело в том, что в 2008 г. росли цены на экспортный природный газ. Этот товар принес Туркмении доход в \$7 млрд. Однако цены на природный газ начали падать вслед за ценами на нефть, так что и эту страну ждут серьезные проблемы.

Избежать серьезных последствий в результате кризиса в Центральной Азии, похоже, не удастся никому. И, похоже, никто не горит желанием поставить интеграционные цели выше (или хотя бы вровень) с целями выживания национальных экономик.

Внешнеполитические аспекты интеграции

Внешняя политика стран ЦАР могла формироваться либо как субординационная, т.е. преимущественно подчиненная воле той или иной великой державы в ущерб своим собственным интересам, либо как координационная, т.е. согласованная, общая, интегрированная перед лицом вызовов извне. За годы независимости, во внешней политике стран Центральной Азии в разной степени интенсивности проявляли себя как субординационные, так и координационные начала. При всем том, нужно признать, что субординационные превалировали.

Иного, видимо, и не могло быть в условиях геополитического стресса, в которых оказались новые независимые государства ЦАР с обретением независимости. Этот стресс сохраняется и поныне, искажая подчас естественноисторический процесс и становясь, тем самым, серьезным вызовом их безопасности.

Термины "геополитический плюрализм", "диверсификация", "многовекторная политика", "присутствие внешних держав" и т.п., вошедшие в политический лексикон новых независимых государств, отражают беспрецедентный по своему масштабу и значению процесс поиска ими своей, если можно так выразиться, внешней идентичности.

Таким государствам, как Узбекистан, бывшим некогда буфером и объектом геополитического раздора, ничего другого не остается, кроме как стремиться использовать выгоды от сотрудничества с каждым из геополитических соперников и постоянно доказывать и демонстрировать последним, что такая стратегия – наиболее рациональный выбор, который не направлен против кого-либо из них, более того направлен на их примирение и сближение.

Региональный интеграционизм вместе с такими явлениями, как межцивилизационный диалог и глобализм являются тремя основами, на которых строится новая системная конструкция международных отношений. И некая обязательность, принужденность коллективных действий на международной арене - это такое концептуальное и практическое требование, такой вызов, с которым сталкиваются все государства мира. Этот вызов имеет особую настоятельность для независимых государств Центральной Азии, несмотря на то, что кризис во многом лишает их средств достойно встретить этот вызов.

Возможности создания системы коллективной безопасности

Система коллективной безопасности это прежде всего система договорных стратегических отношений. Это особый вид межгосударственного сотрудничества, отличающийся следующими параметрами:

- 1) стороны (стратегические партнеры) достигли высокого уровня взаимного доверия и могут развивать сотрудничество на долгосрочной основе;
- 2) сотрудничество является всеобъемлющим, т.е. оно охватывает многие сферы - экономическую, политическую, культурную, гуманитарную и др.;

3) ключевым направлением сотрудничества государств является военная сфера и национальная безопасность сторон;

4) интересы сторон по ключевым вопросам мировой политики близки или совпадают, поэтому они могут согласовывать свои международные позиции.

После обретения независимости странам ЦАР, наряду со множеством новых проблем и задач, связанных с государственным строительством и международными отношениями, приходится решать и беспрецедентную задачу создания новых, национальных систем безопасности. Между тем в регионе еще не создан эффективный механизм коллективной безопасности. Вопросы региональной безопасности во многом решаются в рамках различных международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ, ОЦАС, СНГ, НАТО, ШОС, а также в различных двусторонних форматах.

Первой попыткой создать систему коллективной безопасности для всей Центральной Азии было заключение 15 мая 1992 г. шестью государствами-членами СНГ (РФ, Арменией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном) Договора о коллективной безопасности. Туркмения не входила в эту региональную структуру, позже, в 1995 г., она обрела статус постоянного нейтралитета, закрепленный специальной резолюцией ООН. В 1993 г. к ДКБ присоединились Азербайджан, Грузия и Беларусь. ДКБ был ратифицирован всеми участниками и вступил в силу 20 апреля 1994 г. с условием возможности пролонгации срока действия через 5 лет.

Согласно Договору, стороны обязались согласовывать свои позиции в сфере безопасности. А согласно статье 4, агрессия против одной из сторон Договора должна рассматриваться всеми участниками как агрессия против всех участников соглашения. Важной составляющей ДКБ является также статья 1, согласно которой страны-участницы обязываются не вступать в военные союзы, направленные против хотя бы одной из них. В то же время Договор оставляет возможность для участия в системах коллективной безопасности в Европе и Азии. Статья 10 оставляет открытой возможность для присоединения к Договору других государств.

Однако ДКБ в практическом плане в условиях возникновения новых типов угроз и вызовов безопасности не проявил себя как структура, способная проводить миротворческие операции, осуществлять превентивную политику и ликвидировать конфликты внутри СНГ. ДКБ испытывал серьезный кризис, который вполне мог привести к его распаду. На сессии Совета коллективной безопасности (СКБ) в апреле 1999 г., из ДКБ вышли Узбекистан, Азербайджан и Грузия, лидеры которых не подписали Протокол о продлении Договора.

Другие государства - участники ДКБ, особенно российская сторона, в последние годы предприняли шаги для сохранения этой структуры коллективной безопасности и придания ей нового импульса. На Московском юбилейном саммите (май 2002 г.) было принято решение о создании Коллективных сил быстрого развертывания центральноазиатского региона коллективной безопасности (КСБР), со штабом в Бишкеке. Впервые в истории ДКБ конкретно указывался регион, который находился под угрозой

дестабилизации - Центральная Азия. В качестве основных задач перед КСБР ставилось отражение внешней военной агрессии и проведение совместных антитеррористических операций. Тогда же было решено преобразовать ДКБ в Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ). На очередном саммите ОДКБ в 2006 г. было официально оформлено членство Узбекистана в этой организации.

Вступление Узбекистана в ОДКБ, думается, вызвано не столько соображениями общности интересов безопасности всех 7 государств, сколько отсутствием альтернатив в этой сфере. Андижанских событий 2005 г. весьма повлияли на решение Узбекистана принять пророссийские защитные меры. Согласно принципам своей внешней политики, Узбекистан не участвует в военно-политических блоках, и этот принцип закреплен в законе. Если считать Организацию Договора о коллективной безопасности военно-политическим блоком (а признаки такового у нее имеются), то неблоковая внешняя политика Узбекистана вступает в противоречие с его членством в ОДКБ. Так что вопрос о том, что Узбекистан и ОДКБ могут дать друг другу, остается пока открытым.

Есть некоторые внешнеполитические признаки, что Узбекистана вновь идет на улучшение отношений с Западом. Так, в 2008 г. узбекский президент принял участие в саммите НАТО и выдвинул там ряд инициатив, отражающих позицию Узбекистана по афганскому урегулированию. В частности, И.Каримов заявил, что Узбекистан готов к обсуждению и подписанию с НАТО Соглашения об обеспечении коридора и транзита через свою территорию по доставке невоенных грузов через пограничный узел Термез-Хайратон (практически единственное железнодорожное сообщение с Афганистаном). Последовало и предложение возобновить переговорный процесс по достижению мира и стабильности в Афганистане в рамках эффективно действовавшей в 1997-2001 гг. при поддержке ООН контактной группы "6+2", образованной в составе полномочных представителей соседних с Афганистаном государств плюс США и РФ. Группу, с учетом современных реалий, было предложено преобразовать в "6+3", имея в виду обязательное участие в этом переговорном процессе представительства НАТО. При этом активность Узбекистана в западном направлении сопровождается некоторым ослаблением связей в рамках пророссийских структур. Так, в 2008 г Узбекистан объявил о выходе из ЕврАзЭС. Прямой связи между выходом Узбекистана из ЕврАзЭС и улучшением его отношений с НАТО нет, тем не менее сама ситуация отражает специфику положения дел в сфере безопасности. То, что осенью 2009 г. ЕС отменил последний блок санкций, введенных в 2005 г. после андижанских событий, и официально снял эмбарго на поставки оружия и техники "двойного назначения" Узбекистану, говорит о том, что сигналы, подаваемые узбекским президентом, в Европе услышаны¹.

Создание, укрепление и сохранение системы региональной безопасности в Центральной Азии это прежде всего задача самих государств региона, которые должны ясно представлять себе ответы на, как минимум, два вопроса:

¹ ИТАР-ТАСС, 27 октября 2009 г.

1) Нужна ли Центральной Азии система коллективной безопасности? 2) Если да, то как ее создавать, а если нет, то может ли каждое из центральноазиатских государств обойтись своей системой национальной безопасности? Без ответа на эти фундаментальные вопросы, разговоры о предотвращении межгосударственных конфликтов, стабильности и устойчивого развития стран региона, думается, так и останутся разговорами.

Поиск ответов обусловлен, во-первых, тем, что ЦАР в полной мере претендует на определение региона как географическое пространство с естественными границами, определяемыми топографическими параметрами, схожестью историко-культурных процессов, присущих расположенных на нем странам. Во-вторых, все пять стран региона сталкиваются с целым набором общих вызовов и угроз их безопасности. К таким вызовам и угрозам относятся:

- война в Афганистане;
- попытки использовать территории стран региона в качестве транзитной для организации и осуществления контрабанды наркотиков и оружия;
- распространение идеологии религиозного экстремизма и терроризма;
- высыхание Аральского моря, природные и техногенные экологические проблемы;
- большая вероятность роста незаконной миграции и неконтролируемых потоков беженцев как из зон экологического бедствия, так и из зон конфликтов;
- неурегулированность вопросов, связанных с делимитацией межгосударственных границ, распределением и использованием водных ресурсов;
- наметившаяся конкуренция за привлечение иностранных инвестиций;
- социально-экономическое положение в странах региона, требующее совместных мер, направленных на преодоление отсталости, бедности, безработицы и обеспечение устойчивого развития, а также единого пакета мер в рамках международной помощи;
- информационное соперничество между центральноазиатскими странами, предвзятость их средств массовой информации в отношении соседей, подчас огульное обвинение друг друга в различных недружелюбных популистских заявлениях.

В-третьих, в Центральной Азии трудно заметить, где проходит грань между национальным и региональным. Именно ЦАР дает пример абсолютной востребованности, актуальности и действительности принципа неделимости безопасности. Другими словами, вся Центральная Азия представляет собой полноценный и самостоятельный "комплекс безопасности". Вряд ли будет целесообразным и эффективным, если на общие вызовы и угрозы региональной безопасности пять центральноазиатских государств дадут пять различных ответов. Тогда они получат вместо укрепления своей безопасности лишь так называемую дилемму безопасности - следствие взаимного недоверия, подозрительности, автаркии и, если угодно, неуместного эгоизма. А Естественный же продукт дилеммы безопасности - гонка вооружений.

С другой стороны, для них также было бы не вполне последовательным искать так называемый «зонтик безопасности» где-то на стороне. Сомнительно,

чтобы какая-нибудь держава решилась предоставить гарантии безопасности отдельным странам ЦАР или даже всем им вместе, если они сами не проявят коллективной политической воли, общей стратегической готовности, сами не предпримут конкретных коллективных действий для обеспечения своей региональной безопасности. Тут уместно, вспомнить о таком проявлении общей воли и действий: в 1997 г. все пять центральноазиатских стран создали в регионе зону свободную от ядерного оружия (ЗСЯО). В условиях, когда регион почти полностью окружен государствами, обладающими ядерным оружием, единая воля центральноазиатских стран о создании ЗСЯО - не просто еще одно отражение исторически предопределенного интеграционного процесса в регионе, но и вполне ясный признак общего взгляда на основы и способы обеспечения региональной безопасности.

Нельзя не заметить определенного противоречия в том, что страны региона решают вопросы своей и региональной безопасности, одновременно участвуя (хотя и не все в одинаковой степени) в нескольких международных организациях. Не исключая важности и ценности каждой из этих организаций в обсуждении проблем региональной безопасности, все же следует заметить, странам ЦАР следовало бы исходить из той стратегической установки, что всякое участие в подобных международных организациях они подчиняют идее и перспективе обеспечения коллективной безопасности в регионе.

Идеологические аспекты интеграции

С какой стороны ни подходить к идеологическим аспектам развития ЦАР и каждой из его стран, в центре их всегда окажется ислам. «Исламизация региона» - процесс двоякий: с одной стороны, создается единое поле (прежде всего религиозное, но не только), охватывающее весь регион, с другой, некоторые силовые линии этого поля несут заряд фанатизма и экстремизма.

Ислам является не только религиозной системой, сводящейся к догматике и культуре, но и представляет собой комплекс принципов и норм, лежащих в основе организации и деятельности власти, а также регулирующих поведение мусульман. При этом статус мусульманина включает две взаимосвязанные стороны: его права и обязанности как верующего и одновременно как участника мирских отношений. Взаимодействие религиозного и мирского, иррационального и рационального, духовного и материального, внутреннего и внешнего – важнейшая черта мусульманского права (шариата, фикха), которое лишь частично включено в ислам, но в сфере мирского поведения людей выступает преимущественно в качестве собственно правовых норм. В этом смысле мусульманское право – важнейший элемент исламской цивилизации, исламского образа жизни. Однако в ряде мусульманских государств параллельно действует европейское право, европейская система государственного управления, а малая доля населения привержена своего рода «европейским» ценностям.

Очевидно, что люди, поколениями жившие, как население стран ЦАР, в условиях мощнейшей идеологической обработки, не могут воспринимать ни один из аспектов жизнедеятельности человека без обязательной

идеологической упаковки. И вот уже на протяжении длительного времени после приобретения независимости люди фактически требуют от правителей какой-нибудь идеологии. Неоднократно создавались комиссии, опубликовывались проекты национальной идеологии, масса доморожденных философов и идеологов неустанно трудятся на ниве изобретения идеологий, пытаясь порой "выковырять" ее из глубин собственной и чужой истории, позаимствовать ее у других, как нам кажется более развитых народов и государств. Идеология нужна, без нее ничего не получается: ни экономика, ни образование, ни здравоохранение и т.д., - и следует признать, что ислам как идеология приходит в регион вместо коммунизма. Обратите внимание на следующий факт. В прошлом человек, живший в СССР и отрицавший коммунистическую идеологию, не считался советским человеком. Правда, нужно отметить, что не все в Советском Союзе придерживались такого мнения. Почти идентична ситуация ныне в случае с исламом. По данным опросов, более 62% центральноазиатских респондентов в первую очередь идентифицируют себя как мусульмане и только потом - как граждане той или иной страны.

Опыт, к примеру, Таджикистана свидетельствует, что ислам "переиграл" там светское общество в еще одном сражении, в социализации человека. А социализация – основа формирования гражданского общества и многих аспектов строительства национального государства. Экономическая, гуманитарная, этническая и другие формы социализации – основная цель институтов гражданского общества. И с этой задачей таджикское гражданское общество не справилось не в последнюю очередь потому, что неправительственные и общественные организации всерьез увлеклись деятельностью политической.

Очевидно, что баланс "светскости" и "религиозности" возможен только при равновеликости ценностных ориентиров в пределах триады «государство – гражданское общество – индивид». Все три участника важны при формировании баланса ценностных ориентиров и емкостей.

Этнотерриториальный аспект

Учет и оценка влияния этнического фактора на текущую политику осложняется тем, что в советское время этот вопрос из политических соображений практически не изучался и даже замалчивался. Избегает ставить его во всей остроте и современная центральноазиатская политология. Это понятно: процесс национального размежевания еще идет. Этнографические границы, прочерченные между центральноазиатскими народами, все еще являются довольно зыбкими и подвижными: подобно цепи барханов в пустыне, они могут быть смещены под воздействием «политического ветра» – было бы желание раздуть такой ветер.

Так, предки современных киргизов, как и территория Киргизии, вместе с предками части современных узбеков и частью территории современного Узбекистана до 1860-1870-х гг. входили в Кокандское ханство, представляя собой этническое и территориальное единство. В XIX – первой четверти XX вв.

этнографы объединяли вместе казахов и киргизов в единый народ: киргиз-кайсаки, иногда просто кайсаки или киргизы.

При желании все тюркские народы Центральной Азии вообще можно объявить входящими в единый тюркский этнос (в какой-то мере еще менее века назад именно так вопрос и рассматривала наука), можно даже ему и наименование дать при желании. Накладывает свой отпечаток и сходство национальных языков. Тюркские языки вообще очень близки, как отмечал классик евразийства Н.С. Трубецкой, «зная османско-турецкий язык, можно без особого труда понимать казахстанский или башкирский текст». Языки центральноазиатских народов еще более сходны между собой, разделение между ними во многом является искусственным и поддерживается политическими методами.

Значительная часть населения новообразованных государств ЦАР сохранила ощущение этнического и культурного единства, «размежевание» зачастую проходило «по живому», разрубая вековые экономические и даже родственные связи. Регионы, веками существовавшие как единое этническое, экономическое и территориальное целое, оказались разбиты и переданы в состав различных республик. Так, Ферганская долина была разделена между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Чашский (Шашский) оазис вошел в состав Узбекистана и Казахстана, Мавераннахр с его многотысячелетней единой исторической традицией оказался в восточной и юго-восточной Туркмении, в Узбекистане и в западном Таджикистане. Для населения Центральной Азии (как и вообще для мусульманского Востока) значимее клановое, а не этническое деление, и, например, киргизско-узбекские столкновения в Ферганской долине имели природу именно межклановой конкуренции, как и межкиргизские столкновения в самой Киргизии.

В последние годы даже на уровне президентов Казахстана и Киргизии обсуждалась идея казахстанско-киргизского конфедеративного альянса. Некоторые узбекские лидеры выдвигали проект превращения Узбекистана в центр единого центральноазиатского государственного образования с Ташкентом в качестве его столицы. В свою очередь, подобные проекты, обсуждаемые на официальном уровне, будят в широких массах тягу к объединению, представляют его как реально осуществимое и желательное дело и попросту популяризируют идею. Но как только о проекте объединения заговаривают официальные лица одного из государств, его соседи (справедливо) начинают видеть в этом попытку добиться регионального доминирования и саботируют инициативу.

Таким образом, в глазах широких масс создается впечатление, что правящие (светские) режимы из эгоистических кланово-олигархических побуждений «губят великую идею», выдвигают заведомо несбыточные инициативы. И те оппозиционные круги, что выступают с позиций «единства» (в первую очередь это исламисты), напротив, «набирают очки» народной

симпатии, как сила, которая относится всерьез к «народным чаяниям» и реально намеревается и способна их воплотить¹.

Центральноазиатский регион представляет собой пять специфических политических и социально-экономических систем, пять разных уровней интеграции в систему международных экономических и политических отношений, что является одним из факторов риска в Центральной Азии. И это тот случай, когда разнообразие не идет на пользу. Здесь актуальны слова историка Василия Ключевского: "Быть соседями не значит быть близкими". Разобщенность сильно мешает странам региона эффективно взаимодействовать и определять общие региональные интересы. Зачастую на первый план выходит не столько общность, сколько противоборство интересов отдельных стран, а видимость стабильности скрывает глубокие национальные и социальные противоречия.

Процесс национального размежевания, этногенеза тюркских центральноазиатских народов далеко не завершен. Вопиющее социальное неравенство, коррупция - все еще повсеместная реальность. В обществе и во властных структурах нет ни общепринятой идеологии, ни четкого понимания своего места в быстро меняющемся мире, ни представления о пути будущего развития. А все это – именно те рычаги, на которые могут очень эффективно надавить силы, которые, преследуя свои (возможно, не имеющие к ЦАР отношения) цели, пожелают добиться их посредством свержения нынешних режимов. Сил таких может найтись множество: и исламские фундаменталисты, которые уже предпринимали попытки перехватить власть в ЦАР, и мировые геополитические игроки, и страны – близкие соседи, и группировки внутри самих центральноазиатских государств, желающие банально придти к власти.

На поверку оказывается, что есть только один выход: центральноазиатским лидерам нужно учиться договариваться между собой забыв все личные обиды, когда дело касается проблем простых людей, так как без компромиссов и учета интересов других не получится жить нормально, не говоря уже о хорошей и стабильной жизни в регионе. В противном случае многие режимы Центральной Азии ждет крах с далеко идущими последствиями для всего региона.

В этих условиях создание единого центральноазиатского пространства видится проблематичным. В ЦАР пока нет страны, которая реально могла бы исполнить роль безусловного лидера, которого приняли бы остальные. Казахстан и Узбекистан по ряду критериев (экономических, политико-территориальных, демографических) имеют преимущества. Но проблема в том, что ни тот, ни другой не обладают полным набором этих критериев: у Казахстана, скажем, сегодня есть деньги, а Узбекистан - коммуникационно-географический "становой хребет" региона плюс более половины населения

¹ Араам Шмулевич

Центральной Азии... К восприятию лидера не готовы и находящиеся в стадии становления национальные политические элиты. Они пока слишком однозначно отождествляют свои собственные политические и коммерческие интересы с национальными.

4. О.Поклоннов. Перспективы ЦАР в контексте общемировых тенденций

Годы независимого существования пяти государств ЦАР можно охарактеризовать как период своеобразного «безвременья». Их властные элиты, подавляющее большинство которых выросло в 1960-1980-х гг., были заняты укреплением собственных позиций. Во всех пяти республиках произошло резкое социальное расслоение. Одновременно неуклонно рос протестный потенциал, невиданных масштабов достигла коррупция. Отсутствие реформ и названные факторы привели к высокому уровню безработицы, ухудшению уровня жизни населения и качества образования. Отношения между государствами региона (несмотря на внешние проявления лояльности, этнического и духовного родства) остаются сложными, развиваются непоследовательно, они далеки от взаимопонимания по ряду оборонных, экономических и политических вопросов. Причем наиболее остро обозначились труднопреодолимые противоречия, связанные с дефицитом водных ресурсов, землепользованием, делимитацией и демаркацией государственных границ, спорных приграничных территорий и анклавов.

Государства эти вступили в XXI в. как полноправные субъекты геополитики, которые с учетом своих национальных интересов обозначили свою геостратегию на ближайшие десятилетия. В них уже произошел разрыв с советской моделью развития, но все еще продолжается процесс становления национальной государственности и идентификации. Очевидно, что в Центральной Азии формируется новая система международных отношений, как то в свое время происходило в Европе в момент становления Вестфальской системы.

Модели интеграции ЦАР в рамках региона и за пределами этих рамок

В ЦАР усилилось геополитическое соперничество внешних сил: Россия, Китай, США, ЕС, Иран, Турция и Пакистан стремятся использовать свои внутренние и внешние ресурсы для закрепления в регионе. В то же время активизировавшееся сотрудничество евразийских держав - России, Китая и Индии - создает на континенте качественно новую геополитическую реальность. Позициям США в Центральной и Южной Азии теперь серьезно грозит сближение «большой континентальной тройки» - Китая, Индии и Пакистана. Давние соперники Индия и Пакистан стали наблюдателями в ШОС. В Европе и в Америке не могут не обращать внимание на укрепление этого нового геополитического клуба, в составе которого в перспективе могут

оказаться сразу четыре ядерные державы: РФ, КНР, Индия и Пакистан. Учитывая потенциал ШОС, ЕС начал налаживать отношения с ней.

Между тем процесс глобализации требует определенной региональной интеграции, в рамках которой можно было бы общими усилиями противостоять современным угрозам и вызовам в мире. За каждой из моделей интеграции стоят определенные геополитические силы и попытки реализации стратегических схем построения систем международных отношений на XXI в. И если в 1990-х гг. эти модели «увязывали» государства в основном только постсоветского пространства, то теперь ощутимо все большее стремление к выходу за эти рамки, за расширение круга участников общерегиональных процессов. Пример тому - ШОС, которая включает в качестве членов и наблюдателей государства Европы, Центральной и Южной Азии, Среднего Востока. И эта модель интеграции Центральной Азии наиболее перспективна.

Другие модели центральноазиатской интеграции, будь то иранская или тюркская интеграции на этнокультурной основе, американская идея Большой Центральной Азии, или идея центральноазиатского союза Н.Назарбаева, как представляется, не дают реального укрепления единого интегрированного пространства Центральной Азии и не способствует геополитической целостности региона. Идея создания Великого Турана - союза тюркоязычных народов – сейчас, можно сказать, попросту не актуальна: у всех тюркоязычных государств ЦАР в настоящее время (в отличие от 1990-х гг.) прагматические экономические цели во внешней политике превалируют над идеологическими и этническими.

Есть определенные перспективы у иранской модели геополитической интеграции Таджикистана, Афганистана и Ирана. В наличии и географическая близость, и общие этнические корни, и родство культур и т.д. Вместе с тем в настоящее время у этих государств слишком разнятся по направленности внешнеполитические приоритеты. Иран в большей мере ориентирован на исламский мир и его интересы лежат больше в Западной Азии, нежели в Центральной. Хотя ощутимо стремление к укреплению связей с Таджикистаном и заметно усиливается иранское влияние в Афганистане. Американский фактор во внешней политике Афганистана занимает превалирующее место, хотя отношения с региональными государствами достаточно стабильны. Кроме того, внутренняя нестабильность Афганистана пока не способствует его более тесной интеграции с кем бы то ни было из соседей. Тенденции к интеграции Таджикистана с иранским миром существуют, но реалии таковы, что при всей многовекторности своей внешней политики Таджикистан считает приоритетным сотрудничество со своим стратегическим партнером РФ и государствами-членами интеграционных объединений, возникших в постсоветский период. Таким образом, в настоящее время пока преждевременно говорить о единой иранской геополитической интеграции.

Американская идея объединить страны ЦАР, Афганистан и Пакистан в Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА), куда привлечь в дальнейшем Индию и Турцию, предполагает выход

далеко за географические рамки сегодняшней Центральной Азии. Фактически речь идет о постепенном снятии законодательных и налоговых барьеров между странами Среднего и Ближнего Востока (в этом регионе речь идет только о Турции). Таким путем США пытаются создать экономическую и политическую альтернативу ШОС и ЕврАзЭС, дабы исключить влияние России и Китая на регион.

Казахстанский президент Н.Назарбаев давно и неоднократно предлагал создать единое экономическое пространство по модели Европейского Союза, в которое, кроме Казахстана, вошли бы Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения.

Еще в 1994 г., во время визита в Великобританию, Н.Назарбаев, отметил необходимость более глубокой интеграции стран СНГ: «Казахстан последовательно отстаивает идею экономической интеграции стран-членов СНГ. У нас есть все условия, чтобы сохранить основу нашего сотрудничества при соблюдении интересов суверенитета, полном уважении принципов невмешательства во внутренние дела и праве каждого народа самому определять правила собственного общественного устройства. Но, говоря о наших взаимоотношениях, нельзя не учитывать человеческий фактор. Наши народы веками жили вместе, и укрепление добрососедства отвечает интересам людей, оно неподвластно конъюнктурным соображениям. Возведение границ между нашими странами, ограничение в передвижении людей были бы непростительной ошибкой».

А в том же году, уже в Москве, выдвинув идею Евразийского Союза, заявил: «Евразийский союз необходим. Посмотрите, страны Европы с многовековой государственностью идут на объединение, и там все чаще звучит слово «конфедерация». Они отлично понимают, что мировой рынок жестко поляризуется. Северная Америка, Япония, наконец, азиатские «молодые тигры». Мы же, республики бывшего Союза, историей и судьбой подготовлены к единому сообществу. Нам присущи одни формы и механизмы связей и управления, общий менталитет, многое другое. Мы просто обречены доверять друг другу. Вопрос в том, что у некоторых политических лидеров, да и не только у них, существует политическая боязнь возрождения империи. Но на это уже никто не пойдет».

Нет необходимости подробно перечислять все предложения и инициативы в рамках развития и реализации идеи Евразийского союза. Одной из самых важных и деятельных организации в рамках СНГ стала Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которую вошли Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. Наиболее важной частью Евразийского проекта стало создание Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), куда с самого начала вошли Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия и Таджикистан, а позже - Узбекистан. Наконец, была реализована (при всей скромности результатов) идея центральноазиатского экономического союза.

Конечно, экономика - это самая первая ступень, с которой начинается успешная интеграция, и достигнуть ее можно если предлагать своим соседям

то, от чего они не смогут отказаться, то есть закономерным процессом является возникновение определенных полюсов притяжения. Следует отметить, что основными приоритетами центральноазиатской интеграции являются формирование общего энергетического рынка, взаимодействие транспортных комплексов и развитие транзитного потенциала, а также эффективное использование водных ресурсов, повышение продуктивности орошаемого земледелия и внедрение современных технологий в сельском хозяйстве. Поэтому сама казахстанская инициатива по созданию регионального союза рассматривается сугубо практически - через создание реально действующей зоны свободной торговли, развитие предпринимательства и инвестиционного сотрудничества, проведение странами ЦАР согласованной таможенной, налоговой и тарифной политики, гармонизацию денежно-кредитных и валютных отношений, а также принятия активных мер по унификации национальных законодательств. И это определяет тот факт, что проект Н.Назарбаева не утратил своей притягательности.¹

Ясно, однако, что фактическая реализация любых интеграционных проектов в ЦАР будет тормозиться из-за множества нерешенных межгосударственных проблем, из-за взаимного недоверия и конкуренции, в первую очередь между Казахстаном и Узбекистаном, который также претендует на лидерство в регионе. Пока не сформулированы как основополагающие те общие принципы, на которых могли бы объединиться государства Центральной Азии. В Ферганской долине не достигнуты окончательные договоренности между Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном по государственным границам. Имеются противоречия между Узбекистаном и Туркменией по пограничным вопросам и полезным ископаемым. Борьба за контроль над водно-энергетическими ресурсами становится все ожесточеннее. В целом государства Центральной Азии еще не готовы к региональной интеграции из-за того, что политические элиты все еще находятся на этапе своего становления.

Государства ЦАР пока не определили векторы геополитического тяготения: в регионе пересекаются интересы многих. Естественно, это резко повышает геополитическое и геоэкономическое значение государств региона, к тому же обладающих существенными запасами сырья. Так что период действительно серьезных испытаний для Центральной Азии, очевидно, еще впереди.

Тенденции мирового развития и перспективы ЦАР

В докладе о человеческом развитии в Центральной Азии, который был опубликован Программой развития ООН, утверждается, что страны ЦАР Азии обладают огромной возможностью воспользоваться преимуществами своего географического положения в центре динамично развивающегося континента, своими сказочно богатыми природными ресурсами и своим все еще сильным потенциалом для создания преуспевающего, стабильного, связанного тесными

¹ Рой Медведев

добрососедскими узами региона. Для этого им потребуется открыть себя остальному миру, начать сотрудничать друг с другом и своими соседями и радикально реформировать свои устаревшие политические системы.

Региональное сотрудничество должно включать в себя области, начиная от торговли, транспорта и транзита до водопользования и энергетики, а также усилия по контролю над наркотрафиком. В отчете приводятся оценки, что за счет выполнения всего сказанного выше и за счет улучшения своего инвестиционного климата и управления страны Центральной Азии могут удвоить свои доходы через десять лет, модернизировать свои экономики, установить связи с остальной частью мира и значительно улучшить качество жизни своих граждан.

В настоящее время регион страдает от невероятных транспортных и транзитных ограничений. Сроки перемещения грузов и издержки неестественно высоки из-за несогласованных и очень длительных процедур на границах, высоких транспортных тарифов, коррупции и недостатка инвестиций в транспортную инфраструктуру. Эти издержки можно уменьшить в два раза, если улучшить работу таможи, качество управления при пересечении границы и транзите, усовершенствовать транспортные коридоры и увеличить конкуренцию в сфере оказания транспортных услуг.

Центральная Азия наделена энергетическими и водными ресурсами, даже несмотря на то, что огромная их часть уже растранижена из-за неэффективного использования и плохого поддержания инфраструктуры. У региона есть шанс стать одним из основных поставщиков газа и нефти для мировых энергетических рынков, а протекающие здесь большие реки в случае надлежащего использования могут отдать такое количество воды, которого будет достаточно как для ирригации, так и для выработки и экспорта электроэнергии в Китай, Индию и Россию. Но для этого требуется сотрудничество как внутри региона, так и с основными соседями с тем, чтобы реализовать программы эффективного регионального водопользования и использования энергоресурсов.

Сотрудничать должны не только правительства региона, но и предприятия, торговцы, а также гражданские общества. И, тем не менее, именно руководство региона должно преодолеть препятствия, стоящие на пути открытости и сотрудничества. Ориентированные на рынок реформы и хорошее управление являются предварительными условиями для создания тесных связей между странами.

Уникальность расположения Центральной Азии на пересечении евразийских геополитических связей, тенденция усиливающегося взаимодействия здесь мировых и региональных держав определяют, что регион можно справедливо считать одним из главных звеньев безопасности на постсоветском пространстве и, в целом, выделить в качестве своеобразного элемента стабильности в Евразии.

Практически все стороны, сотрудничающие со странами ЦАР, проявляют повышенную заинтересованность в транспортировке в выгодном им направлении энергоресурсов региона. Причем необходимо понимать, что

данная стратегия преследует конкретные геополитические цели. Так, контроль над топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки играет все возрастающую роль в определении геополитических позиций той или иной страны.

Одним из главных условий стабильности в регионе является тенденция к дальнейшей внутри- и межрегиональной интеграции и сотрудничеству (в том числе в таких сферах, как проведение согласованной политики в области транспорта и коммуникаций, использования топливно-энергетических и водных ресурсов; усиления внимания к проблеме религиозно-нравственного воспитания населения, борьбы с исламским экстремизмом и др.). Это неоднократно подчеркивалось на саммитах Центральноазиатского союза, а также двусторонних встречах руководителей региона.

Согласованные действия государств Центральной Азии во взаимодействии со всеми заинтересованными сторонами, в том числе и с РФ, позволят им достигать необходимых результатов для поддержания стабильности и процветания народов региона.

5. О.Поклоннов. Участие государств ЦАР в устранении угроз в сфере безопасности

Основными вызовами и угрозами, оказывающими дестабилизирующее влияние на ЦАР, являются напряженность, которую создает обстановка в Афганистане, терроризм, наркотрафик, религиозный экстремизм и нерешенность многих социально-экономических проблем. Относительно новым вызовом можно считать и угрозу политической дестабилизации региона в результате смены правящих элит.

Наркобизнес, распространение и транзит наркотиков

Степень влияния наркобизнеса на социально-экономическое развитие ЦАР определяется в первую очередь географической близостью Центральной Азии к крупнейшему центру производства и распространения наркотических веществ, Афганистану. Бедность и обездоленность наряду с очевидной финансовой привлекательностью контрабанды и торговли наркотиками толкает все большее количество жителей региона к участию в наркоотрасли. В самой Центральной Азии все больше распространяется наркомания, чего прежде почти не наблюдалось. От наркотрафика страдает экономика центральноазиатских государств, теневое распределение доходов является серьезным препятствием для создания и функционирования конкурентоспособной экономической системы. В конечном счете, наркобизнес заинтересован в поддержании политической и социальной нестабильности в регионе, а следовательно, является реальной угрозой безопасности в широком понимании этого слова.

В последние несколько лет афганская наркомафия резко активизировалась. Возросло изготовление наркотиков в северных провинциях

страны, поскольку дельцы возлагают все большие надежды на их распространение в северном направлении. Маршрутов наркотрафика из Афганистана, в основном, три: через Иран и далее - в Балканские страны и Западную Европу; через Туркмению и Узбекистан - в Турцию и Россию; через Таджикистан - в Россию и в сопредельные с ней государства. Центральноеазиатское направление становится все более привлекательным. Активнее использовать его вынуждают наркокурьеров в том числе и жесткие меры, предпринимаемые иранскими властями на ирано-афганской границе. Сложный рельеф границ между Афганистаном и странами ЦАР крайне осложняет борьбу с наркотрафиком. Более того, криминальные группировки свободно используют для транспортировки наркотиков и центральноазиатские международные аэропорты, и железнодорожные маршруты из Центральной Азии в Россию.

Основными причинами роста незаконного оборота наркотиков в Центральной Азии являются:

- низкий уровень состояния системы охраны границ и системы противодействия незаконному обороту наркотиков;
- недостаточное взаимодействие и несогласованность действий правоохранительных органов центральноазиатских государств;
- тяжелая социально-экономическая ситуация, ограничивающая возможности организации эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотиков;
- низкий уровень жизни населения, способствующий его вовлечению в незаконный оборот наркотиков;
- коррупция в структурах государственной власти, в том числе и в правоохранительных органах;
- сращивание наркомафии с институтами государственной власти;
- ослабление государственной системы профилактики наркомании.

К числу сопутствующих причин можно отнести наличие собственной сырьевой базы наркотиков, устойчивый рост производства наркотиков в Афганистане и увеличение объемов их контрабанды, продолжающееся увеличение спроса на наркотики в регионе и в мире, доступность наркотических средств, снисходительность правосудия, позволяющая во многих случаях избежать наказания.

Наиболее сложно складывается ситуация в Таджикистане. По данным МВД страны, ежегодно через территорию республики транспортируется около 200 т различных наркотических средств, или примерно 40% всего объема их незаконного оборота в РФ. По данным экспертов ООН, в Таджикистане в конце 1990-х гг. в наркотрафике принимал участие каждый второй житель южных районов страны. Действия пограничников в борьбе с транзитом наркотиков не приносят должного эффекта.

До недавнего времени единственной преградой на пути наркопотока в Таджикистан были российские пограничники. Ежегодно они изымали до 5 т наркотических веществ. Всего за 12 лет ими задержано около 32 т смертоносного товара, из которых более трети – героин. Российские стражи

границы провели 1.606 спецопераций по предотвращению попыток нарушения границы, изъяли около 500.000 боеприпасов, 1.003 единицы огнестрельного оружия, несколько зенитно-ракетных комплексов типа «Стрела».

Осенью 2005 г. Россия передала охрану южных границ СНГ Комитету по охране государственной границы (КОГГ) Таджикистана. После этого ситуация с пресечением наркотрафика из Афганистана резко обострилась. Вместе с тем, и в других странах региона положение с транзитом наркотиков отнюдь не простое. Транснациональный характер наркоторговли требует объединения усилий центральноазиатских и сопредельных с ними стран, согласованности их действий на всех уровнях, начиная с принятия политических решений и кончая их практической реализацией. Кроме того, имеющийся потенциал сотрудничества в укреплении границ и проведении действий, направленных на пресечение незаконных транзитных потоков, используется далеко не полностью. Очевидно, в ближайшей перспективе странам ЦАР предстоит принять более масштабные совместные действия с целью улучшения ситуации.

Для того чтобы сократить поток наркотического зелья с юга, необходима целая система мероприятий, в которой лишь первым шагом является создание кордонов на границе с Афганистаном. В рамках ОДКБ проводятся операции по противодействию афганскому наркотрафику, однако предпринимаемых странами региона шагов не хватает. Очевидно, что для решения проблемы необходимо координировать усилия всех международных институтов и организаций.

Процессы глобализации и региональной интеграции, создающие благоприятные условия становлению мирового хозяйства посредством стирания экономических граней между странами, континентами и торговле без границ, открывают широкие возможности развития. К сожалению, эти возможности, обновление международных отношений умело использует в своих целях и наркобизнес, который давно уже приобрел транснациональный характер и использует для достижения политических и экономических целей значительные наркодоходы.

Операции с наркотиками приносят от 300 до 2000% прибыли, что делает их привлекательными как для транснациональных преступных организаций, так и местных групп преступников, чьей целью является получение максимальной прибыли в короткие сроки. По информации ООН и МВФ, ежегодная сумма прибыли от незаконного оборота наркотиков в мире составляет около \$600 млрд., или 7,6% от мировой торговли, а также легализуется до \$1,5 трлн., полученных от торговли наркотиками, что соответствует 5% стоимости мирового валового продукта.

Переброску героина, опиума, кокаина и синтетических наркотических средств на мировые нелегальные рынки сбыта наркодельцы осуществляют по ранее разработанным магистральным каналам, в частности: из Афганистана - в страны Центральной Азии, Иран, Китай, Пакистан, Индию, на Ближний Восток и в Европу; из Лаоса - в близлежащие страны Юго-Восточной Азии и в регион Океании; из стран Латинской Америки - в Северную Америку и Европу; из

Европы - в страны СНГ и Азию. В региональном масштабе эти каналы подразделяются на множество других мелких, охватывающих паутиной отдельные страны и группы стран.

В РФ афганские опиаты попадают в основном из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и Казахстана, а синтетические наркотики (амфетамин, метамфетамин, экстази и ЛСД) - из Нидерландов, Польши и Германии через Западные и Северо-Западные регионы. Кокаин перевозится напрямую из Латинской Америки и транзитом через другие государства курьерами на самолетах, а также в контейнерах морским транспортом.

По оценкам экспертов ООН, в мире наркотики употребляют свыше 200 млн. человек в возрасте от 15 до 64 лет, в том числе марихуану около 140 млн., кокаин - 13 млн., героин - 8 млн., стимуляторы амфетаминового ряда - 30 млн. человек. В России 90% наркозависимых отдают предпочтение афганским опиатам (100% героина на российском нелегальном рынке афганского происхождения).

Количество потребителей наркотиков в мире увеличивается с каждым годом, причем, главным образом за счет поражения наркотиками наиболее уязвимой части населения - молодежи.

Эксперты считают: если бы удалось перекрыть основные каналы отмывания наркодолларов, то наркобизнес потерял бы свою привлекательность. Но такое возможно лишь в случае, когда затраты наркомафии на поддержание своего бизнеса будут превышать доходы, получаемые от наркоторговли. По данным Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН), наркобизнес мог бы стать невыгодным при условии, что из незаконного оборота будет изыматься 75% произведенного наркотического товара. Пока же, при ежегодном обороте наркоторговли в \$600 млрд. наркобизнес останется рентабельной отраслью даже при затратах в \$400 млрд. в год.

Это подтверждается устойчивой тенденцией к расширению наркосегмента в составе теневой экономики, в основу которого заложена глубоко укоренившаяся система, включающая механизмы управления и контроля, рынки сбыта, налаженную инфраструктуру распространения наркотиков и защиты наркобизнеса от органов власти, развития новых специфических угроз национальной и коллективной безопасности. По сути, в рамках теневой экономики создана самостоятельная область - экономика наркоторговли. Сегодня 70% денег, находящихся в руках криминальных группировок, получены именно от наркобизнеса.

Актуальность консолидированного участия мирового сообщества в борьбе с возрастающей наркоугрозой велика как никогда. Особенно, если учесть, что существующие международно-правовые институты и организационные структуры объективно не способны в достаточной степени эффективно реагировать на вызовы транснациональной наркомафии. Несмотря на множество принятых международных конвенций, рекомендаций и резолюций единого правового поля для борьбы с транснациональным криминалом еще не создано. Национальные законодательства не

гармонизированы с действующими международными актами, а эффективность мер международно-полицейских структур остается по-прежнему низкой и отстает от активных и мобильных действий наркобизнеса.

Даже авторитетные международные, межправительственные организации, участвующие в организации противодействия транснациональной наркопреступности, из-за необходимости соблюдения формальных процедур, вытекающих из национального права, существенно запаздывают в своих решениях по созданию институтов и механизмов такого противодействия. Есть проблемы и в межведомственном сотрудничестве в рамках функционирования правоохранительных систем государств.

Определяющее влияние на развитие ситуации с наркотиками в мире оказывают, бесспорно, афганские наркотики. Эскалация их производства и поставок остается одним из главных источников глобальной угрозы для мирового сообщества. По оценке экспертов ООН, в 2007 г. в Афганистане было произведено 820 т героина, а в 2008 г. - от 900 до 1000 и более т. По имеющимся данным, 15-19% производимого в Афганистане героина нелегально транспортируется через государства Центральной Азии и РФ в Европу, за исключением того, что оседает в транзитных странах.

Это свидетельствует как о недостаточной эффективности принимаемых для перекрытия каналов контрабанды мер, так и слабой защищенности границ государств, по территории которых пролегают наркотрафики. О «прозрачности» границ, необходимости их укрепления, о возведении надежных барьеров на наркомаршрутах в последние годы сказано и писано много, но ощутимых реальных шагов в этом направлении не сделано. Как говорится, «воз и ныне там». К тому же антинаркотические усилия правительства Афганистана и находящихся там международных сил не дали ожидаемых результатов. Более того, со времени ввода в Афганистан контингентов войск США и НАТО производство опиатов в стране возросло в несколько раз.

В странах Центральной Азии, подвергшихся прямой экспансии афганских наркотиков, отмечается рост потребления опиатов. Проблемные потребители наркотиков составляют свыше 1% населения ЦАР, или около 600 тыс. человек, тогда как в Западной Европе этот показатель составляет 0,75%, во всей Азии - 0,32%. В Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане растут наркомания и сопутствующие ей заболевания среди молодежи, преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков.

Важным для активного противостояния наркоугрозе, исходящей с территории Афганистана, стало решение глав государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (апрель 2003 г.) усилить борьбу с наркоманией и наркобизнесом как финансовой базой транснациональной и иной организованной преступности. Оно позволило развернуть масштабную антинаркотическую деятельность, разработать и реализовать ряд конкретных мер по противодействию наркоугрозе, создать и ввести в действие механизмы интеграции правоохранительных систем евразийских государств. В 2004 г. был создан Координационный совет руководителей органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств - членов ОДКБ

(председатель - директор ФСКН России) с главной задачей обеспечить интеграцию антинаркотической деятельности правоохранительных ведомств Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, а с 2008 г. и Узбекистана, подготовку и проведение международных операций по перекрытию каналов контрабанды наркотиков.

В настоящее время КСОПН объективно стал координационным штабом антинаркотических сил и эффективным центром многоуровневой системы международного сотрудничества. Им выработаны стратегия противодействия нарастающей наркоугрозе, методика и механизмы, которые позволяют решать задачи борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Стержнем стратегии является интеграция усилий правоохранительных систем государств - членов ОДКБ, развитие организационно-управленческих механизмов и правовой основы координации в сфере контроля за оборотом наркотиков, совершенствование оперативно-розыскной деятельности органов по борьбе с организованной наркопреступностью. Создан и используется объединенный банк данных о состоянии производства, транзита, потребления и оборота наркотиков в евразийском регионе, ведется подготовка кадров и научно-техническое сотрудничество.

В 2003-2008 гг. под эгидой КСОПН проведено 11 этапов (каждый - продолжительностью пять дней) международной антинаркотической операции «Канал», в ходе которых выявлено и перекрыто 80 новых межгосударственных, межрегиональных и межконтинентальных маршрутов контрабанды наркотиков, выявлено около 51 тыс. наркопреступлений, из незаконного оборота изъято 106 т наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в том числе 22 т гашиша, 6,5 т героина, около 1,6 т кокаина, значительное количество марихуаны, опия и синтетических наркотических средств, а также 2.817 т прекурсоров, 5.797 единиц огнестрельного оружия и 194.000 боеприпасов.

При этом, если в 2003 г. участниками операций были лишь государства - члены ОДКБ, то в 2007-2008 гг. в работе Международного координационного штаба по руководству и управлению операцией «Канал» участвовали представители 21 государства Латинской Америки, Европы и Азии, США, а также Интерпола, ОБСЕ и Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ).

Регулярное проведение операции «Канал» ставит Россию и страны ЦАР в ранг международных координаторов деятельности правоохранительных органов и специальных служб евразийских государств в антинаркотической сфере. Характерно, что в докладе госдепартамента США поданной проблеме сделан акцент на том, что регулярные операции «Канал», проводимые с участием соответствующих органов государств - членов ОДКБ и наблюдателей, позволяют своевременно выявлять и перекрывать маршруты транспортировки наркотиков из Афганистана.

В 2008 г. Совет коллективной безопасности ОДКБ принял решение придать операции «Канал» постоянный статус, и Исполнительное бюро КСОПН ведет организационную работу, которая позволит мобилизовать

значительные силы и средства для борьбы с транснациональным наркобизнесом в районах проведения операции.

По признанию заместителя генерального секретаря ОДКБ Токтасына Бузубаева, проблема незаконного оборота наркотиков на пространстве государств организации «остается весьма острой». И потому необходимо, прежде всего, развивать «практическое направление противодействия глобальной наркоугрозе». Этой цели посвящен еще один значимый проект: в Алматы создается Информационный центр по борьбе с оборотом наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров в Центральной Азии. Как заявляет председатель Комитета по борьбе с наркобизнесом и контролю за оборотом наркотиков МВД Казахстана Мараткали Нуkenов, новая структура станет координирующим звеном, содействующим сотрудничеству всех правоохранительных органов и спецслужб региона.

Это дает надежду, что ведомственная разобщенность и вызванные различными причинами нестыковки во взаимодействии государств региона в таком важном деле будут преодолеваются. Ничто так не сплачивает людей, народы, и государства, как общий враг. Героиновая игла, на которую наркомафия задумала посадить все центральноазиатское пространство, и есть такой враг. И это с каждым годом становится все очевиднее для государств ЦАР и их руководства.

Исламский экстремизм

Ислам, как известно, очень сильно воздействует на все уровни и направления жизни и развития мусульманских обществ. Именно поэтому угроза исламского экстремизма далеко выходит за рамки общественно-религиозных проблем и прямо связана с поддержанием стабильности и сохранением безопасности в регионе.

Появление в ЦАР исламских экстремистских сил обусловлено в первую очередь особенностями и наличием большого числа внутренних противоречий современного развития центральноазиатских обществ. Внешняя поддержка со стороны международных исламских организаций, направленная на финансовую помощь, содержание баз боевиков и экспорт часто чуждой для Центральной Азии идеологии, также важна, но играет второстепенную роль.

Ислам, как и социальная риторика, основанная на критике «неправедной власти», намеренно используются экстремистскими организациями, что позволяет им существовать и получать поддержку среди недовольного низким уровнем жизни населения. «Эпицентром» сосредоточения конфликтности в регионе является Ферганская долина, объединяющая зоны экстремистской активности нескольких центральноазиатских государств. Именно оттуда распространяются радикальные воззрения, которые, по замыслу исламистов, способны оказать влияние на Киргизию, Узбекистан и Таджикистан и продвинуть идею создания мирового Халифата. Планы исламских экстремистов утопичны и бесперспективны, примерами чего в новейшее время служат крах режима талибов в Афганистане или поражение исламистов в Сомали в 2006 г. Однако, несмотря на иллюзорность исламистских проектов, «исламский

вызов», выходит за рамки региональной проблемы, становится вопросом мирового масштаба и требует адекватного ответа усилиями не только стран Центральной Азии, но и объединенных международных сил.

Исламский фактор определяет интерес к ЦАР Саудовской Аравии, «родины ислама» и одного из самых теократических государств мусульманского мира. Приверженность исламским ценностям в сочетании с геополитическими интересами лежит также в основе внешнеполитического курса Ирана и Пакистана в отношении государств Центральной Азии.

Исламскому фактору в определенной степени обеспечена новая геополитическая роль в Центральной Азии. В регионе, где исторически совсем недавно господствовал воинствующий атеизм, идет интенсивный процесс возврата к исламу как к источнику удовлетворения религиозных потребностей и как к источнику житейской мудрости. Задача сохранить светский характер государственной власти и не допустить политизации религии – одна из важнейших среди стоящих перед властями предержащими. Теократический характер правления поныне служит идеалом для исламских фундаменталистов, считающих политику краеугольным камнем в построении общества на принципах ислама как «политико-религиозного учения».

Опыт многих стран исламского мира показывает, что политизация религии, легко переходящая к экстремистским и террористическим методам борьбы, как правило, происходит тогда, когда у определенных сил в стране или за рубежом есть возможности использовать идеологическую оппозицию наиболее религиозных слоев общества, как и общее недовольство населения, в собственных политических целях.

В условиях Центральной Азии, как ни в одном другом регионе, проявилась смычка трех транснациональных угроз: религиозного экстремизма, международного терроризма и наркобизнеса. В результате исламизм здесь приобрел крайне агрессивные формы.

ЦАР как узел противоречий, угроз и вызовов

Если во времена «Большой игры» в Центральной Азии противоборствовали два игрока: Британская и Российская империи, - то в наши дни она стала зоной действий не только мировых игроков (США, Китай и Россия), но и таких важных региональные игроков, как Турция, Иран, Пакистан, Индия. Региональные процессы в значительной мере определяются столкновением самых различных политических, экономических, культурно-цивилизационных интересов. Новая геополитическая «игра» разворачивается вокруг вопросов доступа к энергетическим ресурсам и контроля над транспортными коммуникациями. Причем, отнюдь не пассивны в «игре» сами государства региона, они далеко не объекты геополитической конкуренции, а уже давно вошли в сферу активных международных отношений, их насущные и долгосрочные интересы могут как совпадать, так и расходиться с целями, тех или иных действующих в регионе сил. Это создает для стран ЦАР сложные условия для взаимодействия друг с другом, продвижения региональной

интеграции, достижения должного уровня взаимоотношений с мировыми и субрегиональными державами.

Сегодня, пожалуй, нет района мира, которого не касались бы те или иные угрозы, чреватые дестабилизацией и имеющие наднациональный характер, ареал действия которых не ограничивается пределами одного государства. Проблема Центральной Азии состоит в том, что здесь имеет место комбинация всех основных угроз. Более того, они взаимно дополняют и взаимно поддерживают друг друга.

Что касается внешних факторов, то они обусловлены геополитическим положением центральноазиатского региона. Страны региона оказались в окружении таких зон политической нестабильности и конфликтов, как Закавказье, Кавказ, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Афганистан, Средний и Ближний Восток. Регион является одновременно и объектом активных, непрерывных подрывных действий международного терроризма, и зоной, где террористы рассчитывают иметь долгосрочный людской ресурс для рекрутирования в свои ряды.

Проблема энергетической безопасности связана с желанием центральноазиатских стран, в экономике которых энергетическая сфера превалирует над остальными, минимизировать риски на рынке углеводородов, создать наиболее выгодную систему взаимодействия в области энергетики и защитить свои ресурсы от внешних посягательств. И Казахстан, и Узбекистан, и Туркмения, так же, как и остальные страны региона, заинтересованы в поддержании стабильности и формировании такой системы безопасности, при которой они смогут – беспрепятственно и в полной мере - реализовывать свои энергетические проекты.

Относительно новый вызов для ЦАР - угроза дестабилизации в случае смены власти в политически неокрепших государствах. Эта угроза приобрела реальные очертания после волны «цветных революций», прокатившейся по всему постсоветскому пространству. Так же, как и остальные проблемы безопасности в Центральной Азии, угроза политической дестабилизации основывается на сложной социально-экономической обстановке в стране, наличии в обществе большого числа внутренних противоречий. Политическая модернизация, формирование дееспособных политических институтов и создание механизмов преемственности власти - все это могло бы помочь решению непростой проблемы, способствовать укреплению основ безопасности в Центральной Азии.

Стратегии безопасности в Центральной Азии и роль международных структур в ее обеспечении

На современном этапе в вопросах обеспечения безопасности каждое государство может полагаться на три системы международной безопасности.

Первая - это система универсальной международной безопасности, начало которой было положено принятием Устава ООН в 1945 г., где закреплялась концепция: избавить современные и будущие поколения от военных конфликтов. Устав ООН вобрал в себя такие принципы, как

неприменение силы и угрозы силой; мирное разрешение международных споров; всеобщее и максимальное разоружение. При этом должны полностью соблюдаться остальные принципы международного права. Устав ООН также предусматривает возможность и обязывает Совет Безопасности ООН организовать совместные действия государств-членов ООН в случае возникновения угрозы миру и безопасности или при совершении актов агрессии.

Вторая система опирается на систему региональной безопасности, создание которой предусмотрено Уставом ООН (глава VIII). Основные требования Устава к этой системе таковы:

1) участвовать в ней могут государства только одного политико-географического района;

2) действия в связи с региональными соглашениями не могут выходить за пределы этого района;

3) эти действия не должны противоречить мерам, предпринимаемым ООН, или целям и принципам Устава ООН.

Основу региональной коллективной безопасности составляют мирные средства разрешения региональных споров. В соответствии со ст. 51 Устава ООН о коллективной самообороне военные меры могут применяться только для отражения прямой агрессии, и они могут продолжаться лишь до тех пор, пока СБ ООН не принял соответствующих норм.

Третью систему составляют - индивидуальные структуры безопасности государств. Право государств на обеспечение своей безопасности, вытекающее из основного принципа международного права, принципа государственного суверенитета, является одним из проявлений независимости государств.

Центральноазиатские государства стремятся объединять свои усилия и совместно поддерживать безопасность и стабильность в регионе, создать надежную систему региональной безопасности, способную противостоять внутренним и внешним вызовам и угрозам.

Вопросы региональной безопасности являются основными для таких организаций, как СНГ, ОДКБ и ШОС. Представляется, что разделение «зон ответственности» между ними способствует более действенному решению проблем безопасности в Центральной Азии.

Стоит заметить, что конкретные меры в области безопасности, разработанных в рамках организаций, часто дублируются. Например, в СНГ существует три проекта обеспечения безопасности в Центральной Азии: единая система ПВО, миротворческая деятельность и Антитеррористический центр СНГ. Между тем Региональная антитеррористическая структура также была создана и в ШОС, а в рамках ОДКБ действует общая система ПВО. Данное обстоятельство приводит к выводу, что СНГ как бы «делегирует» часть функций в сфере обеспечения безопасности другим организациям и решение вопросов безопасности в ЦАР, по-видимому, перейдет к ОДКБ и ШОС.

Шанхайская организация сотрудничества оперативно реагирует на вызовы и угрозы безопасности ЦАР и демонстрирует готовность взять на себя ответственность и за обеспечение безопасности в регионе, и за общее развитие

региона. ШОС развивает проект создания Энергетического клуба, который должен стать составной частью системы безопасности на пространстве Центральной Азии. Активные усилия прилагает организация и к борьбе с наркоторговлей и контрабандой наркотиков из Афганистана. Однако решение столь масштабной проблемы вряд ли возможно усилиями одной организации.

США, для которых Центральная Азия стратегически важна, также заинтересованы в сохранении ее стабильности. Стратегией безопасности США в ЦАР стало размещение военных сил НАТО на его территориях после 11 сентября 2001 г.

США, России и Китай понимают опасность дестабилизации обстановки в регионе и, пусть отдельно друг от друга, но предпринимают шаги к решению проблем безопасности в Центральной Азии. Это создает множество благоприятных возможностей, но одновременно и выявляет ряд проблемных вопросов, особенно когда идет речь о сотрудничестве с международными структурами безопасности, имеющими различное стратегическое видение и интересы, а также методы и состав игроков.

Несмотря на присутствие в регионе различных международных структур безопасности, таких как ООН, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС, НАТО, наиболее актуальным является сотрудничество центральноазиатских стран с ШОС и НАТО, поскольку эти организации наиболее активны в центральноазиатской подсистеме международных отношений в сфере обеспечения безопасности. В то же время они по-разному видят то, как следует обеспечивать безопасности в регионе, и, соответственно, действуют разными методами. Есть различия и в формате сотрудничества с ними стран ЦАР: некоторые из них являются членами ШОС и партнерами НАТО, - отсюда и различные возможности как самих центральноазиатских стран, так и организаций в определении приоритетов в сотрудничестве.

Перспективы ШОС в обеспечении безопасности стран ЦАР

Несмотря на динамичное институциональное развитие ШОС, нет окончательной определенности по поводу характера деятельности организации, приоритетности ее задач и форм достижения ее главных целей. Сохраняется неопределенность в том, какие задачи по обеспечению региональной безопасности займут первоочередное место в деятельности ШОС на ближайшую перспективу и последующие годы помимо тех, которые направлены на противодействие международному терроризму, этническому сепаратизму и религиозному экстремизму, на борьбу с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и оружия.

Есть у ШОС и внутренние противоречия, в которых можно различить три уровня: 1) противоречия между КНР и РФ; 2) противоречия между КНР, РФ и странами ЦАР; 3) противоречия между странами Центральной Азии

Противоречия между КНР и РФ являются наиболее существенными и оказывают самое большое влияние на сотрудничество в сфере безопасности в рамках ШОС. КНР заинтересована в использовании ШОС в качестве инструмента экономического проникновения в регион. Существенно отставая

от России в военных и культурных связях со странами региона, Китай противится превращению ШОС в военно-политический блок, поскольку это усилит позиции РФ в организации. Китай намеренно тормозит развитие военно-политической составляющей ШОС.

Вместе с тем, РФ, лидера ОДКБ и ЕврАзЭС, тоже беспокоит будущее развития ШОС. В случае углубления торгово-экономической составляющей ШОС Китай в силу своего финансово-экономического потенциала будет доминировать в организации, а затем и в регионе. Тогда военная составляющая ОДКБ уйдет в тень ШОС. Зоны ответственности обеих организаций в значительной степени пересекаются как функционально, так и географически, и Россия опасается, что в перспективе ШОС поглотит функционально как ЕврАзЭС, так и ОДКБ.

Стремления России усилить военно-политическую составляющую региональной кооперации понятны. Преимущества РФ в этой сфере перед КНР значительны. Так ОДКБ (куда не входит КНР) являясь ярко выраженной военно-политической структурой, базируется на российской военной платформе (подготовка офицерского состава, предоставление российских вооружений и военной техники, совместные учения). Также на счету ОДКБ есть конкретные акции (содействие урегулированию межтаджикского конфликта и организация охраны таджикско-афганской границы, ликвидация банды террористов, прорвавшиеся на территорию Баткенской области Киргизии).

Противоречия между КНР и странами Центральной Азии в основном связаны с находящейся под подтверждением и в очень давнем и совсем не давнем прошлом «китайской угрозой». Сомнения стран региона основываются на закрытом характере политической системы КНР, на культурно-цивилизационных различиях. К тому же колоссальные различия в совокупном потенциале КНР и ЦАР создают объективную базу для настороженности в отношении китайских намерений. Вот почему любые действия Китая в ШОС, направленные на расширение его влияния, скорее всего будут вызывать контрдействия со стороны центральноазиатских государств с целью уравновесить мощь КНР за счет РФ. Точно так же страны региона будут использовать Китай как некий противовес влиянию России в Центральной Азии. Данная политика находит отражение в стремлении стран региона диверсифицировать свои торгово-экономические отношения, транспортно-коммуникационные маршруты.

Противоречия между центральноазиатскими государствами, отражают не только межгосударственные проблемы в регионе, но и столкновение мнений в правящих элитах по перспективам и проблематике ШОС.

Отчетливо проявляются элементы некой конкуренции между Узбекистаном и Казахстаном. Нельзя исключать того, что позднее вступление Узбекистана в ШОС было обусловлено его стремлением нивелировать риск того, что ШОС обеспечит доминирование в регионе Казахстана.

В Узбекистане, особенно после «тюльпановой революции» 2005 г. в Киргизии, осторожно проводят мысль о том, что ШОС могла бы более жестко

выступить против «цветных революций», дестабилизирующих ситуацию в регионе.

Вместе с тем необходимо отметить, что одной из причин вступления Киргизии и Таджикистана в ШОС могло бы быть стремление этих стран ослабить растущее влияние на них Узбекистана.

Есть проблема для региональной безопасности и во взаимоотношениях ШОС с НАТО. Сложности порождает геополитическая конкуренция в Центральной Азии, а также характер китайско-российско-американских отношений. Понятно, что, с точки зрения стран ЦАР, возникновение острых противоречий между ШОС и США нежелательно, так как это может привести к дестабилизации обстановки в регионе, а также усилить давление на страны региона.

Обе структуры - НАТО и ШОС – объявили о решении в регионе одной задачи: обеспечение безопасности. Тем не менее, на практике проявляется, что они преследуют совершенно противоположные цели.

Военное присутствие США в ЦАР имеет далеко идущие стратегические цели, о чем однозначно говорит проект Большой Центральной Азии, основная цель которого - изолировать Центральную Азию от России и СНГ в целом; построить кордон между регионом и Китаем; попутно реализовать ряд коммуникационных проектов от Кавказа до Памира в обход России и Китая. То есть, в принципе, план БЦА можно рассматривать и как план анти-ШОС, а в качестве одного из основных инструментов его осуществления должно выступить НАТО.

Возможность обострения конкуренции между ШОС и НАТО вполне реальна, однако такой сценарий совсем не привлекателен для центральноазиатских стран-участниц ШОС, прежде всего, с точки зрения долгосрочной перспективы. Он не отвечает стратегическим интересам ни внешних игроков, ни самих центральноазиатских государств, которые не в силах обеспечить свою безопасность в одиночку, без контактов и взаимодействия с главными игроками.

По сей день открытым остается вопрос о формах взаимодействия Шанхайской Организации Сотрудничества с Афганистаном. Очевидно, что вступление Афганистана в ШОС является маловероятным. Тем не менее, проблемы, исходящие из Афганистана, непосредственно затрагивают безопасность стран-участниц ШОС. В настоящее время взаимодействие ШОС и Афганистана организационно оформлено в виде Контактной группы, созданной в 2004 г., форма деятельности которой - консультативные встречи, которые проводятся по взаимной договоренности на базе Секретариата ШОС и/или посольства Афганистана в КНР.

Понятно, что военного участия ШОС в решении афганской проблемы не будет. Участие ее в решении афганской проблемы может осуществляться в несколько иных направлениях. ШОС способна создать механизмы контроля по периметру афганских границ (возможно совместно с Ираном и Пакистаном) прежде всего для противодействия наркотрафику и терроризму.

Политическое сотрудничество с Афганистаном ШОС успешно дополняет развитием экономических связей. В 2006 г. торговля со странами организации (включая наблюдателей) составила две трети афганского внешнеторгового оборота (\$2 млрд.), при этом экспорт государств-членов ШОС в Афганистан в пять раз превысил их импорт из этой страны.

У ШОС пока отсутствуют эффективные механизмы для адекватного реагирования на кризисные ситуации в ЦАР, что особенно выявилось во время событий в Киргизии и Узбекистане. В качестве основополагающего ШОС избрала принцип невмешательства во внутренние дела, что, с одной стороны, дало гарантию более слабым центральноазиатским государствам, что две державы, КНР и РФ, не будут вмешиваться в их внутренние дела. С другой стороны, это существенно ограничивает действия Китая в рамках ШОС в случае возникновения кризисных ситуаций.

Перспективы становление ШОС в качестве полноценного регионального экономического союза будут во многом зависеть от того, смогут ли участники этой организации найти коллективный подход к энергетическим проблемам, носящим не только сугубо экономическим, но и политико-стратегический характер.

Значимость экономического потенциала ШОС рассматривается странами Центральной Азии в контексте обеспечения притока китайского капитала в национальные энергетические комплексы стран региона, а также в сфере диверсификации основных маршрутов доставки энергоресурсов на мировые рынки. Тем не менее, необходимо отметить, что в настоящее время сотрудничество стран Центральной Азии в этой сфере в рамках ШОС происходит в основном с КНР, и осуществляется в основном на двухстороннем уровне. В этой связи перспективы участия центральноазиатских стран в формирующемся энергетическом комплексе в рамках ШОС во многом зависят от двухсторонних связей с КНР в этой сфере.

Складывающаяся система экономического диалога Китай - ЦАР по схеме «сырье в обмен на готовую продукцию» приводит к тому, что страны региона не могут в полной мере воспользоваться плодами развития Китая, а значит, и экономическим потенциалом ШОС в целом. При сохранении такого характера торгово-экономических отношений появляется опасность экономического истощения ЦАР в результате вывоза иностранной валюты и сырьевых ресурсов. Торговая экспансия КНР на рынки Центральной Азии чревата деградацией целого ряда перерабатывающих отраслей региона, так как на местных рынках центральноазиатским производителям будет сложно конкурировать с китайскими поставщиками. В этой связи для стран Центральной Азии актуальным является активизация инвестиционной деятельности ШОС не только в сырьевом секторе, но и в реальном секторе экономики.

Вопросы экономической безопасности значимы в деятельности ШОС. Их решение важно для стран Центральной Азии с точки зрения эффективности ШОС для решения проблем, актуальных для региона. Параллельное функционирование ОДКБ и ШОС могло бы обеспечить странам региона

дополнительное пространство для маневра. С учетом того, что лидерство в ШОС принадлежит Китаю, а лидерство ОДКБ – России, успешное разделение «зон ответственности» между ОДКБ и ШОС способствовало бы сохранению баланса сил между РФ и КНР в регионе. Более перспективным для стран региона в этом плане выглядит ЕврАзЭС, так как страны входящие в данную организацию относительно равны в экономическом развитии. Кроме этого существует ряд предпосылок интеграции стран ЕврАзЭС связанные с тем фактом, что страны входят в единую хозяйственную систему.

Несмотря на то Центральная Азия является центром пересечения геополитических интересов США, России и Китая, эти государства в полной мере осознают опасность дестабилизации обстановки в регионе. Вполне возможно, что это стимулирует формирование новой модели межгосударственного сотрудничества в регионе, которая предполагает схожесть или совпадение стратегических интересов как самих центральноазиатских стран, так других государств, включая Россию, США, Китай. Вполне возможно, настало время перехода к более развитым формам коллективной безопасности и военных взаимоотношений всех заинтересованных государств.

Центральная Азия представляет особый интерес как для ближних, так и для географически отдаленных от него геополитических игроков. Здесь в фокусе основных приоритетов представлены: политическое влияние, доступ к значительному ресурсному потенциалу, продвижение религиозных идей, национальных приоритетов и безопасность в самых различных ее аспектах.

Возникновение и рост международных организаций явились выражением закономерных процессов интернационализации, интеграции, переплетения и взаимозависимости. Вероятно, будет происходить дальнейшая институционализация механизмов многосторонней дипломатии, в том числе и на региональном уровне. Сотрудничество государств в рамках международных организаций будет все более пониматься как продолжение национальных механизмов постановки и решения соответствующих задач. Государства проявляют все большую готовность поделиться своим суверенитетом с международными организациями, что способствует повышению роли и значения последних в международных отношениях.

Сегодня видно, что государства ЦАР, даже сотрудничая с международными структурами, сталкиваются с традиционным геополитическим треугольником все тех же игроков: РФ, США, КНР, - которые посредством активизации многостороннего сотрудничества пытаются проводить собственную политику в регионе.

Национальная безопасность стран Центральной Азии напрямую зависит от уровня сотрудничества с международными организациями, от климата их отношений между собой и успешного решения мировых проблем.

Каждая из таких организаций имеет свои преимущества и недостатки. Анализ современных глобальных тенденций развития международных

отношений убеждает в том, что ставить приоритет в сотрудничестве на какую-либо одну структуру практически невозможно. Более перспективен путь налаживания политического диалога между стратегически полярными структурами, который в перспективе смог бы привести стороны к консенсусу и сотрудничеству. В свете современных тенденций глобализации международных отношений, а также угроз и вызовов международной безопасности такой путь очень похож на стратегическую необходимость.

Приложение.

СОВЕТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

**Брюссель, 1 июня 2007 г.
SN 2907/07**

ЕС И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: СТРАТЕГИЯ НОВОГО ПАРТНЕРСТВА

I. Введение: ЕС и Центральная Азия:

Центральная Азия обладает многовековыми традициями объединения Европы и Азии. Данный регион расположен на стратегически важном пересечении двух континентов. После получения независимости центральноазиатские государства Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан прошли процесс существенных политических и экономических преобразований. Они установили государственность, сохранили межэтническое понимание и наладили межрелигиозный диалог. Присоединившись к ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), они приняли ценности, стандарты и обязательства этой организации. Подписав «Декларацию тысячелетия ООН», они поставили перед собой амбициозные цели.

В начале XXI столетия, в условиях всемирной глобализации пришло время для качественно нового партнерства между ЕС и странами Центральной Азии.

Общая цель достижения стабильности и процветания посредством мирного взаимодействия делает Европу и Центральную Азию партнерами в развивающемся сотрудничестве. Твердые обязательства ЕС перед его восточными соседями в рамках Европейской политики добрососедства также сблизят Европу и Центральную Азию на основе политического сотрудничества и экономического развития.

Развитие и консолидация стабильных, справедливых и открытых обществ и соблюдение международных норм имеют важное значение для полной реализации партнерства между Европейским Союзом и странами Центральной Азии. Ответственное государственное управление, верховенство права, права человека, демократизация, образование и подготовка являются ключевыми сферами, в которых ЕС готов поделиться опытом. ЕС может поделиться опытом региональной интеграции, которая ведет к политической стабильности и процветанию. ЕС также может предложить уроки, полученные в ходе политических и экономических преобразований в Центральной и Восточной Европе. Имея богатые традиции и многовековую историю обменов, ЕС и Центральная Азия могут сделать значительный вклад в диалог между цивилизациями.

Многие проблемы, с которыми сталкивается мир в процессе глобализации, в одинаковой степени влияют на Европу и Центральную Азию и требуют их совместного решения. Вопросы безопасности и регионального экономического развития требуют тесного сотрудничества ЕС с каждой

страной Центральной Азии, принимая во внимание их географическое расположение, в частности, по отношению к Афганистану, Пакистану и Ирану. Кроме того, это имеет отношение к развитию в сфере управления границами, миграции, борьбы с организованной преступностью и международным терроризмом, а также торговле людьми, наркотиками и оружием.

Зависимость ЕС от внешних энергетических ресурсов и потребность в диверсифицированной политике энергообеспечения для повышения уровня энергетической безопасности открывают новые перспективы сотрудничества между ЕС и Центральной Азией. Усилия ЕС, направленные на укрепление местных рынков энергоносителей, поможет улучшить инвестиционные условия, увеличить производство и эффективность энергоносителей в Центральной Азии, а также диверсифицировать схемы поставки и распределения энергоносителей в данном регионе.

С помощью этой стратегии и программы поддержки Комиссии на период 2007-2013 гг. ЕС определит приоритеты сотрудничества с каждым государством Центральной Азии, в соответствии с их потребностями, требованиями и желаемыми результатами, включая права человека, ответственное государственное управление, демократию и социальное развитие.

В рамках новых инструментов внешнего содействия на основе бюджета ЕС на 2007-2013 гг., ЕС запланировал вдвое увеличить финансирование поддержки странам Центральной Азии.

Основываясь на программе поддержки Комиссии и дополняя ее, государства-члены ЕС готовы к рассмотрению конкретного двухстороннего партнерства и совместных программ с каждым государством Центральной Азии, а также программ регионального масштаба на основании адекватной и скоординированной оценке потребностей. Государства-члены ЕС будут поддерживать программы ЕС, чтобы сделать свой вклад в более гармоничную и понятную политику ЕС в данном регионе.

Для решения особо важных проблем ЕС, в рамках данной стратегии, предпримет следующее:

- наладит постоянный региональный политический диалог на уровне министров иностранных дел;
- введет в действие «Европейскую инициативу в области образования» и поддержит развитие «электронного шелкового пути» в странах Центральной Азии;
- введет в действие «Инициативу ЕС по верховенству права»;
- наладит с каждым государством Центральной Азии постоянный «диалог по правам человека», направленный на получение конкретных результатов;
- будет вести регулярный «энергетический диалог» со странами Центральной Азии.

В процессе реализации целей и задач, заложенных в данной стратегии, ЕС будет руководствоваться принципами равного диалога, прозрачности и

ориентации на получение практических результатов. ЕС будет стремиться к тесному сотрудничеству со всеми сопредельными странами Центральной Азии.

II. Стратегические интересы ЕС: безопасность и стабильность

ЕС глубоко заинтересован в мирной, демократической и экономически процветающей Центральной Азии. Все эти цели взаимосвязаны. Следовательно, целью стратегии ЕС является активное сотрудничество с государствами Центральной Азии в достижении указанных целей, а также вклад в сохранение мира и процветания в соседних странах.

Данная стратегия основана на том прогрессе, которого страны Центральной Азии самостоятельно достигли после получения независимости. Стратегия также учитывает их общие аспекты, а также особые национальные реалии и требования.

Она также основана на результатах, полученных в ходе реализации различных соглашений о партнерстве и сотрудничестве, европейских программах поддержки и других инициатив, осуществляемых ЕС в помощь государствам Центральной Азии.

Стратегия основана на общих интересах ЕС и государств Центральной Азии. Объединение ожиданий Центральной Азии и ЕС будет взаимовыгодным и укрепляющим процессом.

Интерес ЕС заключается в безопасности и стабильности, а также приверженности правам человека и верховенству права в странах Центральной Азии, поскольку:

- стратегическое, политическое и экономическое развитие, а также возрастающее количество межрегиональных проблем в Центральной Азии прямо или косвенно влияют на интересы ЕС;
- с расширением ЕС, включением Южно-Кавказского региона в Европейскую политику добрососедства и «Инициативу совместной деятельности в Черноморском регионе» Центральная Азия и ЕС все более сближаются друг с другом;
- существенные энергетические ресурсы Центральной Азии и цель региона диверсифицировать торговых партнеров и маршруты поставок способствуют удовлетворению потребностей ЕС в энергетической безопасности и энергообеспечении.

ЕС уверен, что укрепление приверженности стран Центральной Азии международному праву, верховенству права, правам человека и демократическим ценностям, а также рыночной экономике будет способствовать безопасности и стабильности в Центральной Азии, благодаря чему страны этого региона станут надежными партнерами ЕС и будут разделять общие интересы и цели.

III. Инструменты

Для интенсификации сотрудничества со странами Центральной Азии ЕС будет в полной мере использовать потенциал соглашений о партнерстве и сотрудничестве, программ европейской комиссии и государств-членов ЕС,

механизмов сотрудничества, таких как «Бакинская инициатива» и политический диалог, используя различные инструменты Общей внешней политики и политики безопасности. Будет также расширено сотрудничество с ООН, в частности, с Европейской экономической комиссией ООН, ОБСЕ, Венецианской комиссией Совета Европы, НАТО, международными финансовыми учреждениями и другими региональными организациями и форумами. Специальный представитель ЕС, посольства государств-членов ЕС и делегации Европейской комиссии должны стремиться к укреплению сотрудничества с ОБСЕ. Кроме того, ЕС, совместно со странами Центральной Азии, стремиться разработать новые формы сотрудничества, такие как постоянный двухсторонний диалог по правам человека.

Специальный представитель ЕС, Комиссия и государства-члены ЕС играют важную роль во внедрении данной стратегии. Специальный представитель ЕС от имени Высокого представителя и в соответствии со своим мандатом, совместно с Комиссией и Председательством и без предубеждения по отношению к компетенции ЕС, должен контролировать процесс внедрения, давать рекомендации и регулярно отчитываться перед соответствующими органами Совета.

Взаимные стажировки в рамках твиннинг-программ и обмен экспертами ведомств или компаний ЕС и Центральной Азии в рамках служебных командировок являются важной составной частью сотрудничества ЕС с Центральной Азией в целях внедрения лучших общеевропейских традиций, связанных с законодательством ЕС. Данная политика будет усиливаться на основе приобретенного опыта.

Инициативы сотрудничества государственного и частного секторов, а также двухсторонние инструменты и программы государств-членов ЕС могут сыграть важную роль в расширении сотрудничества ЕС и Центральной Азии.

Будет усилено взаимодействие с международными финансовыми учреждениями, включая Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития (EBRD). Европейский инвестиционный банк (EIB) должен играть важную роль в финансировании проектов, интересующих ЕС в Центральной Азии.

IV. Двухстороннее и региональное сотрудничество

Стратегия ЕС нацелена на сбалансированный двухсторонний и региональный подход. ЕС сбалансировывает подходы к политике в Центральной Азии в соответствии с различными потребностями и показателями каждой страны. ЕС будет стимулировать региональное сотрудничество между странами Центральной Азии, а также между Центральной Азией и другими регионами.

Двухстороннее сотрудничество будет иметь особое значение. Оно будет укреплено с тем, чтобы отвечать индивидуальным предложениям каждой из пяти стран Центральной Азии. Очень важно осуществлять двустороннее сотрудничество по таким вопросам, как права человека, экономическая диверсификация, энергетика и другие отраслевые проблемы, в том числе

связанные с молодежью и образованием. Интенсивность сотрудничества будет отражать приверженность каждой из этих стран преобразованиям и реформам.

Региональный подход способствует активному решению общих региональных проблем, таких как организованная преступность, торговля людьми, наркотиками и оружием, терроризм и нераспространение ядерного оружия, межкультурный диалог, энергетика, загрязнение окружающей среды, управление водными ресурсами, миграция, а также управление границами и транспортная инфраструктура. В этом отношении ЕС будет сотрудничать с международными финансовыми институтами, многосторонними и региональными организациями и учреждениями.

ЕС готов вступить в открытый и конструктивный диалог с региональными организациями в Центральной Азии и установить постоянные специальные контакты с Евразийским экономическим сообществом (EURASEC), Шанхайской организацией сотрудничества (SCO), Совещанием по взаимодействию и мерам доверия в Азии (CICA), Организацией Договора коллективной безопасности (CSTO), Центрально-Азиатской программой экономического сотрудничества (CAREC) и Центрально-Азиатским региональным информационно-координационным центром (CARICC).

V. Усиленный подход ЕС

Права человека, верховенство права, ответственное государственное управление и демократизация

Развитие стабильной политической базы и функционирующих экономических структур зависит от приверженности верховенству права, правам человека, ответственному государственному управлению и развитию прозрачных демократических политических структур.

ЕС и его государства-члены намерены усилить поддержку защиты прав человека, создания и развития независимой судебной системы, тем самым внося стабильный вклад в учреждение структур, основанных на стандартах верховенства права и международных прав человека. Также будет уделяться должное внимание сотрудничеству в области судебной системы между странами Центральной Азии и государствами-странами ЕС. ЕС будет тесно сотрудничать в этой сфере с ОБСЕ, Советом Европы, ООН и Верховным комиссаром ООН по правам человека.

ЕС ведет диалоги по правам человека с рядом стран. Эти диалоги являются инструментом внешней политики Содружества. Диалоги по правам человека составляют важную часть общей стратегии ЕС, направленной на поощрение уважения к правам и основным свободам человека, устойчивому развитию, миру и стабильности.

На основе этих предпосылок и соответствующих руководящих положений ЕС поднимет вопросы прав человека в каждой стране Центральной Азии через соответствующий дискуссионный канал, в частности, через налаживание структурного постоянного диалога по правам человека, нацеленного на получение конкретных результатов. Форма и механизмы такого диалога будут определены индивидуально на будущей стадии.

Цели диалога по правам человека с каждой из центральноазиатских стран должны включать в себя:

- обсуждение вопросов, касающихся взаимных интересов, и расширение сотрудничества по правам человека, в том числе на многосторонних форумах, таких как ООН и ОБСЕ;
- поднятие вопросов, касающихся, по мнению ЕС, ситуации с правами человека в вышеуказанных странах, сбор информации и инициативы по улучшению соответствующей ситуации с правами человека.

Кроме того, диалоги по правам человека содействуют поддержке практических шагов, направленных на достижение целей по правам человека на национальном уровне, в частности, через финансовое и техническое сотрудничество и специальные проекты, которые должны финансироваться в рамках Европейского инструмента демократии и прав человека.

ЕС будет реагировать на предложения стран Центральной Азии и продолжать укреплять сотрудничество по вопросам верховенства права, ответственного государственного управления и борьбы с коррупцией. С этой целью ЕС разработает «Инициативу по верховенству права», направленную на конкретные приоритеты, определенные каждой страной. Государства-члены ЕС и Комиссия ЕС будут тщательно координировать свои проекты. В рамках данной «Инициативы по верховенству права» ЕС будет поддерживать страны Центральной Азии в ключевых правовых реформах, включая реформирование судебной системы, и в создании эффективного законодательства, например, в сфере административного и торгового права.

В рамках содействия консолидации мира и международного права ЕС и его государства-члены готовы поделиться со странами Центральной Азии своим опытом в адаптации необходимых юридических норм, требуемых для присоединения к Римскому статуту международного уголовного суда, и в борьбе с международной преступностью согласно международному праву.

Цели ЕС и его государств-членов заключаются в следующем:

- выделить соответствующие средства на осуществление указанной «Инициативы по верховенству права»;
- направить правовых и административных экспертов в страны Центральной Азии для выполнения краткосрочных и долгосрочных заданий;
- предоставить экспертам стран Центральной Азии возможность прохождения стажировок;
- поддерживать прозрачное внедрение правовых реформ;
- предлагать возможность международных обменов путем организации и финансирования специализированных конференций;
- содействовать сотрудничеству стран Центральной Азии с Венецианской комиссией Совета Европы;
- поощрять внедрение норм и конвенций по достойному труду Международной организации труда (ILO);
- тесно сотрудничать с действующими мероприятиями миссий ОБСЕ, Бюро по демократическим институтам и правам человека (ODIHR),

двухсторонними программами, а также ООН и Верховным комиссаром ООН по правам человека;

- оказывать техническую помощь и налаживать тесное сотрудничество, направленное на внесение юридических и конституционных поправок, требуемых для присоединения к Римскому статуту и его внедрения.

Задача поддержания культуры соблюдения прав человека и условий, при которых демократия работает на своих граждан, требует активного вовлечения гражданского общества. Развитое и активное гражданское общество и независимые СМИ являются жизненно важными элементами развития плюралистического общества. ЕС будет сотрудничать со странами Центральной Азии в этих вопросах и способствовать расширению обменов в гражданском обществе.

ЕС также будет преследовать цели обеспечения поддержки и защиты прав человека во всем мире, а также в странах Центральной Азии, посредством международных структур, таких как Генеральная ассамблея ООН или Совет по правам человека. ЕС изъявляет желание сотрудничать со странами Центральной Азии на этих международных форумах для достижения этой общей цели.

Инвестиции в будущее: молодежь и образование

Будущее Центральной Азии будет определяться ее молодежью. Большинство населения Центральной Азии составляют люди возрастом до 25 лет, что обеспечивает огромный потенциал для развития. Хорошее образование имеет важное значение, поскольку открывает этот потенциал для младшего поколения.

С этой целью ЕС и его государства-члены разработают для Центральной Азии «Европейскую инициативу в области образования» с тем, чтобы содействовать адаптации систем образования стран Центральной Азии к потребностям всемирной глобализации. ЕС желает сотрудничать с основными международными партнерами и донорскими организациями для поддержки образовательных программ и учреждений.

В рамках «Европейской инициативы в области образования» ЕС и его государства-члены, в частности, предложат поддержку в следующих сферах:

- начальное образование;
- среднее образование;
- профессионально-техническое образование и подготовка;
- сотрудничество в области высшего образования, обмен студентами и профессорско-преподавательским составом, например, в рамках новой программы «Erasmus Mundus», TEMPUS и на двухсторонней основе.

ЕС поддержит развитие региональных образовательных центров и будет тесно сотрудничать с Академией ОБСЕ в Бишкеке. ЕС готов открыть в данном регионе Институты европейских студий. ЕС готов предоставлять стипендии студентам из стран Центральной Азии для обучения в европейских университетах.

ЕС также будет продолжать поддерживать мероприятия Европейского фонда образования в сфере профессионально-технического образования в Центральной Азии.

Более того, ЕС готов поддерживать присоединение стран Центральной Азии к электронной сети ЕС через развитие «электронного шелкового пути» и содействовать дистанционному обучению. Нашей целью является присоединение Центральной Азии к всемирным коммуникационным сетям Интернета, а также предоставление возможности студентам, преподавателям и ученым Центральной Азии участвовать в современных формах пожизненного обучения.

Содействие экономическому развитию, торговле и инвестициям

ЕС поддерживает устранение торговых барьеров между странами Центральной Азии и продолжит поддерживать вступление четырех стран Центральной Азии в ВТО, которые на данный момент не являются членами ВТО из-за коммерческих условий и неполного соответствия требованиям ВТО. Вступление в ВТО является ключом к более широким экономическим реформам и диверсификации и лучшей интеграции стран в международную торгово-экономическую систему. ЕС будет поощрять создание регуляторной и институциональной базы для улучшения экономического и инвестиционного климата и в дальнейшем поддерживать экономическую диверсификацию.

ЕС продолжит сотрудничество со странами Центральной Азии с целью упрощения доступа центральноазиатской продукции на рынки стран ЕС. В связи с этим обновленная Общая система преференций ЕС (GSP - 2006/2015) предлагает наилучшую систему преференций, направленную на поощрение экспорта и экономической диверсификации в этих странах. Равным образом эта система будет стимулом для диверсификации их экономик на основе преимуществ доступа к рынкам, предлагаемых ЕС.

В рамках программы INOGATE (Межгосударственного транспорта нефти и газа в Европу - Бакинская инициатива) и TRACECA (Транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия), которая финансируется Инструментом сотрудничества в области развития (DCI) и Европейским инструментом добрососедства и партнерства (ENPI), ЕС будет способствовать развитию и расширению региональной инфраструктуры в сферах транспорта, энергетики и торговли, чтобы лучше использовать экономический потенциал Центральной Азии, не в самую последнюю очередь за счет улучшенного регионального сотрудничества. Будучи важным торговым коридором между Восточной и Южной Азией и Европой, Центральная Азия может извлечь выгоду из увеличения объемов торговли.

ЕС продолжит поддерживать развитие структур рыночной экономики в Центральной Азии. В связи с этим ЕС будет сотрудничать с заинтересованными компаниями из стран ЕС в проектах сотрудничества государственного и частного секторов для содействия рыночной экономике. ЕС предложит партнерам в Центральной Азии программы стажировок и технической помощи.

ЕС будет поддерживать стремления и действия стран Центральной Азии, направленные на создание структур рыночной экономики.

ЕС будет:

- поддерживать более глубокую интеграцию Центральной Азии в мировую торгово-экономическую систему, в частности, через процесс вступления и окончательного членства в ВТО;
- поддерживать экономическую диверсификацию для содействия устойчивому развитию путем улучшения местного практического опыта и потенциала (науки и технологии, инновации, туризма), поощрения малого и среднего бизнеса, развития базовой инфраструктуры (автодорог, железнодорожных сообщений, телекоммуникаций, информационных технологий);
- поддерживать существенные реформы финансовых систем, необходимых в большинстве стран, особенно в банковском и микрокредитном секторах; улучшение банковского регулирования, надзора и применения, приватизация государственных банков, повышение конкуренции между банками и упрощения доступа для иностранных банков - ключевые шаги, которые необходимо сделать странам Центральной Азии;
- изучить дальнейшие варианты расширения возможностей стран Центральной Азии для лучшего использования Общей системы преференций и поощрения региональной торговли;
- развивать необходимые системы, включая приближение законодательства к законодательству ЕС, чтобы улучшить доступ центральноазиатской продукции на рынки ЕС;
- продолжать поддерживать стремление стран Центральной Азии к полной реализации торгово-экономических положений Соглашений о партнерстве и сотрудничестве;
- расширять техническую поддержку в торговых вопросах и политические консультации, чтобы способствовать созданию законодательной и институциональной базы, ведущей к лучшим экономическим условиям и привлечению прямых иностранных инвестиций;
- оказывать помощь странам данного региона в разработке стратегий улучшения индивидуальных кредитных рейтингов для получения права на участие в будущих программах кредитования;
- поддерживать внедрение в этих странах наилучших таможенных правил, установленных Мировой таможенной организацией;
- поддерживать инициативы трансфера ноу-хау и укрепления потенциала.

Укрепление энергетических и транспортных каналов

ЕС и Центральная Азия разделяют основной интерес к укреплению энергетической безопасности как важного аспекта глобальной безопасности. Существует общая заинтересованность в диверсификации маршрутов экспорта, структуры спроса и предложения и энергетических ресурсов.

Кроме нефти, газа и электричества, определяющим аспектом энергетического сотрудничества с Центральной Азией является управление водными ресурсами. Производство и распределение гидроэнергии - ключевой момент в содействии стабильности и процветанию в Центральной Азии и за ее пределами, включая Афганистан и Пакистан. Данный потенциал не оценен в должной мере.

Благодаря развитию нефтяных и газовых ресурсов, значительно усилилась роль стран Центральной Азии как производителей энергии и стран с транзитными газопроводами. Увеличение разработки месторождений нефти и газа будет способствовать улучшению поставок на мировые рынки и приведет к диверсификации. Поставки газа из данного региона имеют особую важность для ЕС.

Следовательно, в течение ближайших лет можно установить ключевые элементы долгосрочного сотрудничества, основанные на общих интересах и взаимодействии: разработка энергоресурсов стран Центральной Азии требует значительных и стабильных инвестиций, а также комплексной политики, направленной на все компоненты энергетических секторов и облегчающей доступ к большинству развитых рынков. Со своей стороны ЕС готов обсудить все варианты разработки и транспортировки этих ресурсов в сотрудничестве с другими заинтересованными партнерами.

Рыночный подход к инвестиционным и торговым, и прозрачным, стабильным и справедливым основам регулирования гарантирует наилучшие цены на все энергоносители и большие возможности для всех заинтересованных сторон.

Опираясь на эти предпосылки, ЕС будет вести регулярный расширенный энергетический диалог со странами Центральной Азии в рамках Бакинской инициативы. Деятельность ЕС будет также основываться на Энергетической хартии и двухсторонних Меморандумах о взаимопонимании по энергетическим вопросам.

ЕС будет поддерживать разработку новых нефтяных, газовых и гидроэнергетических ресурсов, а также усовершенствование существующей энергетической инфраструктуры. С целью усиления безопасности энергоснабжения ЕС будет также поддерживать развитие дополнительных трасс трубопровода и энергетических транспортных сетей. ЕС также внесет вклад в региональную энергетическую безопасность и сотрудничество, а также расширит экспортные рынки для центральноазиатских производителей. ЕС будет оказывать политическую поддержку и содействие странам Центральной Азии в развитии нового энергетического транспортного коридора «Каспийское море - Черное море - ЕС».

ЕС будет поощрять создание интегрированного центральноазиатского энергетического рынка и поддерживать проекты сотрудничества государственного и частного секторов, которые способствуют инвестициям из ЕС.

На основе целей, обозначенных в Бакинской инициативе, ЕС сосредоточится на сотрудничестве со странами Центральной Азии в следующих вопросах:

- объединение энергетических рынков на основе принципов внутреннего энергетического рынка ЕС, принимая во внимание особенности стран-партнеров;
- повышение энергетической безопасности путем решения вопросов экспорта/импорта энергоресурсов, диверсификации поставок, транзита и спроса на энергоносители;
- обеспечение прозрачности и укрепление потенциала в области статистики и управления в энергетическом секторе;
- поддержка и расширение технологического сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии в энергетическом секторе;
- поддержка устойчивого энергетического развития, включая развитие энергетической эффективности, возобновляемых энергоресурсов и управление стороной потребителя;
- привлечение инвестиций к энергетическим проектам общего и регионального интереса;
- поддержка реконструкции существующих и создание новых трубопроводов и сетей транспортировки электричества внутри региона и в Европу;
- поддержка развития комплексных планов действий, направленных на поощрение энергосбережения, энергетической эффективности и возобновляемых энергоресурсов, исключительно в соответствии с принципами Киотского протокола;
- поддержка инициативы «Фонда глобальной энергетической эффективности и возобновляемых энергоресурсов»;
- поощрение данных стран на проявление инициатив, аналогичных предпринимаемым ЕС в рамках «Плана действий по энергетической политике Европы», принятом Европейским Советом в марте 2007 года.

Кроме того, ЕС продолжит поощрять «Инициативу прозрачности в добывающей промышленности» в центральноазиатском регионе как инструмента содействия устойчивому развитию и снижению уровня бедности.

Устойчивость в области окружающей среды и водные ресурсы

Свободный доступ к водным ресурсам будет основной мировой проблемой XXI века. Большая часть основных экологических проблем Центральной Азии связана с распределением, использованием и защитой качества водных ресурсов. В регионе, связанном трансграничными реками, озерами и морями, очень важен региональный подход к защите этих ресурсов. С этим также связана необходимость улучшения лесопользования. Существует необходимость в разработке интегрированной политики использования водных ресурсов (солидарности верховьев и низовьев).

Сотрудничество в сфере водных ресурсов имеет важное значение для ЕС, особенно в связи с достижением в 2015 году «Целей развития тысячелетия»

применительно к чистой питьевой воде и соответствующим санитарно-техническим сооружениям.

Поощрение сотрудничества в сфере использования водных ресурсов может одновременно укрепить региональную безопасность и стабильность и поддержать экономическое развитие.

Диалог между ЕС и Центральной Азией по вопросам окружающей среды, начатый весной 2006 года, создаст базу для совместного сотрудничества.

Экологические проблемы, связанные с добычей и транспортировкой энергоресурсов, а также уязвимость к изменению климата и стихийным бедствиям являются причиной общего беспокойства. Вопросы, касающиеся защиты окружающей среды, необходимо учитывать в процессе регионального диалога на всех уровнях.

В связи с этим ЕС будет:

- поддерживать внедрение компонента ЕЕССА (Восточная Европа, Кавказ, Центральная Азия) в «Водную инициативу ЕС» (EUWI-ЕЕССА) для безопасного водоснабжения, санитарии и интегрированного использования водных ресурсов.
- способствовать трансграничному использованию речного бассейна, а также региональному сотрудничеству в рамках «Экологической конвенции по Каспийскому морю»;
- предоставлять особую поддержку интегрированному использованию трансграничных водных ресурсов на поверхности и под землей, включая внедрение технологий более эффективного использования воды (ирригация и др.);
- расширять сотрудничество в соответствующих рамках для упрощения финансирования инфраструктурных проектов, связанных с водными ресурсами, включая привлечение международных финансовых учреждений и фондов сотрудничества государственного и частного секторов;
- поддерживать укрепление регионального потенциала интегрированного использования водных ресурсов и производства гидроэнергии;
- сотрудничать со странами Центральной Азии в сфере изменения климатических условий, включая поддержку внедрения и последующего использования механизмов Киотского протокола на региональном уровне;
- сотрудничать со странами Центральной Азии в борьбе с опустыниванием и защите биологического разнообразия, включая поддержку применения «Конвенции ООН по биологическому разнообразию и борьбе с опустыниванием»;
- улучшать устойчивое использование лесных и других природных ресурсов Центральной Азии, содействуя региональным показательным мероприятиям в рамках процесса «Правоприменения и управления лесами (FLEG)»;

- поощрять осознание необходимости охраны окружающей среды и развитие экологического гражданского общества, в том числе через сотрудничество с Региональным экологическим центром Центральной Азии (CAREC).

В контексте вышеуказанных приоритетов ЕС будет также уделять внимание следующим вопросам:

- поддержке стран Центральной Азии в разработке политики предотвращения загрязнения окружающей среды и мер по ее охране;
- повышению готовности к стихийным бедствиям и их оценке в Центральной Азии;
- интенсификации сотрудничества с «Инициативой экологической безопасности».

Борьба с общими угрозами и проблемами

Современное управление границами, обеспечивающее открытые и безопасные границы, может упростить торговлю и обмен в данном регионе и способствовать борьбе с региональной преступностью, особенно в сфере международной торговли наркотиками.

Помощь в борьбе с организованной преступностью будет одним из приоритетов ЕС в данном регионе, направленных на снижение необыкновенных угроз безопасности.

Миграция является одной из основных глобальных проблем XXI века. Влияние миграции, как позитивное, так и негативное, ощущается во всех странах, включая Центральную Азию. ЕС стремится интенсифицировать диалог и сотрудничество по вопросам миграции с регионами транзита, происхождения и назначения посредством Глобального подхода ЕС к миграции. Частью Глобального подхода ЕС является предложение начать тесный диалог по вопросам миграции с соседними восточными и юго-восточными регионами.

ЕС будет расширять свою поддержку развитию современной системы управления границами в Центрально-Азиатском регионе, включая границы с Афганистаном. Следует укрепить сотрудничество Афганистана с соседними странами. Посредством «Программы содействия управления границами в Центральной Азии (ВОМСА)» ЕС будет искать многосторонний и региональный подход.

ЕС расширит деятельность в рамках программы ВОМСА и будет стремиться объединить действующие проекты для реформирования таможенной службы. ЕС будет стремиться к улучшению координации и исследовать возможности тесного сотрудничества между программой ВОМСА, ОБСЕ и другими проектами государств-членов ЕС и третьих стран относительно границ.

ЕС будет:

- продолжать внедрять базовые принципы интегрированного управления границами в службах охраны границ и других соответствующих службах;

- работать над созданием специальных пропускных пограничных пунктов;
- предоставлять организационную помощь в поддержку преобразования пограничной службы, начиная с призыва новобранцев и заканчивая профессиональной службой, а также с целью перехода от чисто военной системы к правоприменяющему органу полицейского типа и для поощрения стремлений к усилению механизмов контроля;
- поощрять вовлеченность таможенных служб в процесс упрощения торговли;
- модернизировать юридическую базу в соответствии с международным правом в сфере борьбы с организованной преступностью (напр.: «Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности» и ее Протоколы), концентрируя внимание на нелегальной миграции, торговле людьми, предотвращении и противодействии торговле наркотиками и наркотическим сырьем, улучшении институционального потенциала судебных исполнительных органов, расширении регионального сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью.

В то же время ЕС будет продолжать предлагать свою помощь заинтересованным странам Центральной Азии (как на национальном, так и на региональном уровне) в управлении миграцией более сбалансированным способом, предусматривающим создание хорошо функционирующих систем с соответствующим спросом и предложением трудовых ресурсов для упрощения интеграции легальных мигрантов и обеспечения международной защиты людям, просящим о предоставлении политического убежища, беженцам и другим уязвимым лицам.

ЕС будет предоставлять усиленную поддержку в борьбе против коррупции, торговли наркотиками и людьми, незаконной торговли оружием с Афганистаном и организованной преступности в Центральной Азии. ЕС расширит сотрудничество со странами Центральной Азии в борьбе с международным терроризмом. ЕС усилит борьбу против наркотиков через специальное представительство ЕС в Душанбе. ЕС будет поддерживать быстрое создание регионального центра по борьбе против наркотиков (CARICC) в Алматы и расширять сотрудничество с Управлением ООН по борьбе с наркоманией и преступностью (UNODC), в том числе в отношении отслеживания производства химического сырья для изготовления героина. Будет усилено сотрудничество с Китаем и Шанхайской организацией сотрудничества по борьбе с торговлей наркотиками.

Ферганская долина наилучшим образом отображает проблемы и возможные перспективы Центральной Азии. В связи с этим ЕС готов оказывать содействие странам Центральной Азии, имеющим совместные границы в Ферганской долине, относительно проектов, направленных на стабильность, процветание и устойчивое развитие в данном регионе. ЕС уделит особое внимание программам, которые касаются вопросов управления границами, региональной торговли и свободного перемещения товаров и людей.

Наводить мосты: межкультурный диалог

Разнообразие вероисповеданий и многовековых традиций мира и толерантности является ценным наследием Центральной Азии. Умеренное и толерантное исламское мышление, уважающее светские принципы конституции, является отличительной чертой стран Центральной Азии. ЕС высоко ценит мирное сосуществование многочисленных этносов и культур в Центральной Азии.

На этом основании ЕС будет поощрять диалог в гражданском обществе и уважение свободы вероисповедания.

VI. ЕС и Центральная Азия в будущем

Стратегия ЕС для Центральной Азии служит общей базой для политики ЕС в Центрально-Азиатском регионе. ЕС видит взаимовыгодный интерес к постоянному диалогу и сотрудничеству с пятью государствами Центральной Азии, уважая их отличия и содействуя их взаимному сотрудничеству в региональных вопросах.

ЕС готов вносить существенный вклад в безопасность, стабильность и процветание Центральной Азии. С этой целью ЕС стремится открыть представительства Комиссии во всех пяти странах Центральной Азии. Государства-члены ЕС рассмотрят вопрос расширения сети посольств в Центральной Азии.

ЕС будет обеспечивать связь этой Центрально-Азиатской стратегии с другими региональными инициативами ЕС, включая «Инициативу совместной деятельности в Черноморском регионе». ЕС будет поддерживать торговлю и сотрудничество внутри данного региона. ЕС будет также поддерживать активную интеграцию/участие Центральной Азии в ВТО, чтобы обеспечить интегрирование этих стран в мировую торгово-экономическую систему.

В рамках данной стратегии ЕС предлагает Центральной Азии наладить активный политический диалог, включая регулярные встречи на уровне министров иностранных дел с Тройкой ЕС. ЕС будет проводить ежегодные встречи своих Глав миссий в данном регионе.

На основе принципов данной стратегии ЕС будет работать с каждой страной Центральной Азии, чтобы разработать индивидуальный подход к внедрению стратегии согласно конкретным потребностям и показателям каждой страны, руководствуясь существующими и будущими соглашениями, включая Соглашения о партнерстве и сотрудничестве.

Прогресс, достигнутый в процессе внедрения данной стратегии, будет рассматриваться Советом в июне 2008 года и впоследствии, как минимум, каждые два года.

Добавление к Приложению.

Региональная стратегия поддержки Центральной Азии Европейским Союзом на 2007-2013 годы

Стратегия поддержки Центральной Азии Европейским союзом на 2007-2013 гг. разработана как инструмент для укрепления политического диалога со странами Центральной Азии на региональном и национальном уровне, а также для выполнения вышеуказанных целей. С целью отображения повышенных обязательств ЕС в отношении данного региона бюджет ЕС для поддержки Центральной Азии в рамках новых финансовых перспектив на 2007-2013 гг. будет значительно увеличен до 750 млн евро, со средним ежегодным распределением в регионе от 58 млн евро в 2007 г. до 139 млн евро в 2013 г., в соответствии с Инструментом сотрудничества в области развития.

Основная часть поддержки Центральной Азии от ЕС, а именно 70%, будет направлена на программы двухсторонней помощи, принимая во внимание политику каждой страны Центральной Азии, а также их различные политические и социальные реалии.

Поскольку более 50% сельского населения региона проживает за чертой бедности, снижение уровня бедности путем реформирования социального сектора и схем, включая образование, повышение стандартов жизни, особенно в сельской местности, будет оставаться ключевым приоритетом двухсторонней помощи от ЕС. Базой для таких программ послужит реализация юридической документации по «Стратегии снижения уровня бедности» или аналогичных документов, подписанных правительствами стран Центральной Азии. Вторым аспектом двухсторонней помощи будет поощрение ответственного государственного управления, демократических процессов и укрепления общественных учреждений наряду с осуществлением основных реформ инвестиционной и торговой политики. Содержание программ будет определяться на основе соглашений с властями и в соответствии с потребностями каждой страны.

Учитывая важность устойчивого развития Центральной Азии, 30% помощи будет выделено для содействия более тесному межгосударственному сотрудничеству как в пределах Центральной Азии, так и между Центральной Азией, Южно-Кавказским регионом и ЕС, особенно в энергетическом, транспортном, экологическом и образовательном секторах. Объединение приоритетов и программ регионального сотрудничества для Центральной Азии с региональной стратегией для восточных соседей ЕС положено в основу будущей политики оказания помощи.

Тесная связь цели регионального сотрудничества ЕС–Центральная Азия с региональными программами Европейского инструмента добрососедства и партнерства (ENPI) даст возможность странам Центральной Азии извлечь выгоду из соответствующих межгосударственных энергетических, транспортных, экологических и образовательных инициатив и расширенных

программ в рамках ENPI–Восток, содействуя их привязке к Восточной Европе и доступу к мировым рынкам.